

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**ВЫНУЖДЕННОЕ
СОСЕДСТВО —
ДОБРОВОЛЬНОЕ
ПРИСПОСОБЛЕНИЕ**

В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ XVIII—XXI ВВ.

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2017

УДК 94
ББК 63.3(0)
В 92

Издание подготовлено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках работы над исследовательским проектом № 15-31-01003а1

Рецензенты:

доктор исторических наук *Лариса Михайловна Аржакова*
(Санкт-Петербургский государственный университет)
кандидат исторических наук *Любовь Алексеевна Кирилина*
(Институт славяноведения РАН)

Редактор

Л.А. Авакова

В00 Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. Сборник статей / Редколл.: М. Ю. Дронов, А. А. Леонтьева, О. В. Хаванова (отв. редактор). — М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. — 384 с. (Центрально-европейские исследования. Вып. 9).

ISBN 978-5-4469-1339-8

Сборник подготовлен в рамках проекта РФФИ (РГНФ). В центре внимания — анализ механизмов социального приспособления и аккультурации в случаях, когда отношения между народами отягощены взаимными территориальными претензиями, антитезой угнетатель/угнетенный, стереотипами о более и менее культурно развитых (национальных) сообществах. В статьях нашли отражение такие проблемы, как модели успешного преодоления объективных разногласий и сглаживания или разрешения конфликтов между этническими группами, народами, странами; восприятие соседями друг друга в дипломатии, публицистике, художественной литературе; роль политиков, общественных деятелей, представителей науки и культуры в установлении межнационального и межгосударственного диалога; периодическая печать и эскалация/предотвращение межнациональных и международных конфликтов, тиражирование этнически окрашенных стереотипов.

**УДК 94
ББК 63.3(0)**

На обложке: гравюра Питера ван дер Борхта-Старшего
«Трудности управления различными народами» (1546 г.).

ISBN 978-5-4469-1339-8

9 785446 913398

© Коллектив авторов, 2017
© Институт славяноведения РАН, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

Содержание

От редколлегии.....	5
---------------------	---

СОСЕДСТВО С ИМПЕРИЯМИ И В ИМПЕРИЯХ

<i>Н. К. Миско.</i> Исламская угроза в польских полемических сочинениях второй половины XVI — первой половины XVII в.	9
<i>А. А. Леонтьева.</i> Население Софии в конце XVII—XVIII в. по данным документов кадийского суда	29
<i>Н. М. Филатова.</i> Русская тема в периодических изданиях Царства Польского в 1815–1820-х годах.	45

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И МЕЖДУ-НАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Н. С. Гусев.</i> Болгария и Сербия в 1912–1913 гг.: соперничество за статус «любимца» России на Балканах	67
<i>Е. С. Киреева (Сергеенко).</i> «Западный» взгляд на Албанию и ее жителей в конце XIX — начале XX в. (по материалам британской прессы)	91
<i>Е. А. Колосков.</i> Косовский миф как элемент сербо-албанских противоречий в 1989–2003 гг.	107

НАРОДЫ ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

<i>А. А. Ждановская.</i> Богемские немцы в последней четверти XIX в.: теория и практика существования «немецких островов в славянском море» .	119
<i>В. Л. Шарова.</i> Йосип Юрай Штросмайер и проекты объединения народов монархии Габсбургов: от иллиризма к югославизму.	135
<i>К. А. Попов.</i> Словацкая периодика рубежа XIX–XX вв. о соседстве с венграми.	150
<i>Д. Ю. Ващенко.</i> Этнокультурные стереотипы в метаязыковых рефлексиях жителей словацко-венгерского пограничья	164

СОСЕДСТВО И ПРИСПОСОБЛЕНИЕ В ЭМИГРАЦИИ

- О. В. Хаванова.* Письма о счастье: из истории переселения сербов на юг России в середине XVIII в. 179
- М. Ю. Дронов.* К истории первых контактов духоборцев и галичан в Канаде конца XIX — начала XX в. (по материалам русских авторов)..... 194
- К. Кимура.* Политэмигранты-информбюровцы в Венгрии в 1949–1954 гг.: их взаимоотношения с венгерской властью и роль в антититовской кампании в Венгрии..... 205

НАРОДЫ-СОСЕДИ В НОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦАХ

- А. Р. Лагно.* Образы украинцев на страницах львовской газеты «Słowo Polskie» (1918–1923)..... 225
- А. О. Пеганов.* Политико-экономические отношения Венгрии и Чехословакии в 1931–1932 гг.: неудавшаяся попытка «перезагрузки» на Дунае..... 239
- А. Е. Кузьмичева.* Французский фактор в политике «равноудаленности» Юзефа Бека в 1935–1936 гг..... 254

БОСНИЯ ДО И ПОСЛЕ ЮГОСЛАВИИ

- К. В. Мельчакова.* Осман-паша в погоне за прогрессом: к проблеме конструирования боснийской нации в Османской империи (1861–1869)..... 269
- Л. Ю. Пахомова.* К вопросу об австро-венгерском управлении в Боснии и Герцеговине 285
- И. Е. Иванова.* Иво Андрич о путях взаимопонимания между народами... 305
- Г. Н. Эизельгардт.* Навязываемая интеграция и механизмы ее обхода в политической практике Боснии и Герцеговины..... 314

РУМЫНИЯ И ЕЕ СОСЕДИ

- А. С. Гладышева.* Германский вопрос на заседаниях ПКК и позиция Румынии (1956–1967) 329
- Б. С. Новосельцев.* Позиция Югославии и Румынии по вопросу безопасности и сотрудничества в Европе (в 1966 — начале 1967 г.)... 347
- А. С. Стыкалин.* Кризис в советско-румынских отношениях в августе 1968 г. и попытки его преодоления «на культурном фронте» (по архивным материалам)..... 364
- Список сокращений..... 382
- Сведения об авторах, редакторах, рецензентах 383

От редколлегии

История Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в Новое и новейшее время — это история соседства этносов и наций в рамках села, городского квартала, провинции, страны или обширного географического региона. Полиэтнический и поликонфессиональный характер большинства государств в этой части континента не только предопределил необходимость защиты с оружием в руках своего права на занимаемую территорию, но и оставил возможность приспособления к «неудобным» соседям. Стремление рассмотреть на конкретно-исторических примерах, какое в дипломатических и межнациональных отношениях занимают диалог и поиск компромисса, легло в основу исследовательского проекта, над которым в 2015–2017 гг. работал творческий коллектив на базе Института славяноведения РАН. В центре внимания ученых были различные механизмы социального приспособления и аккультурации в случаях, когда отношения между народами отягощены взаимными территориальными претензиями, антитезой угнетатель/угнетенный, стереотипами о более и менее культурно развитых (национальных) сообществах.

Регион Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, как известно, чрезвычайно сложен по этническому (национальному) и конфессиональному составу. Здесь практически нет мононациональных государств и государств, в которых к тому же наряду с господствующей религией не было бы конфессиональных меньшинств. В Новое время большинство этих стран входили в состав полиэтнических империй — Австрийской, Османской, Российской. Отсутствие у ряда народов полной социальной структуры, как следствие, привело к формированию инонационального господствующего класса. Отношения между народами осложнялись зависимостью угнетатель/угнетаемый, более развитый/менее развитый, захватчик/жертва. Образование молодых национальных государств сопровождалось на обломках империй сопровождалось на заре новейшего времени взаимными территориальными претензиями. Это находило выражение в стереотипах, которые народы формировали друг о друге, публицистических кампаниях, подогревавших или разжигающих неприязненное отношение к соседям, внешнеполитических доктринах, основанных на обосновании своих прав на чужие территории или, наоборот, предполагавших привлечение соседей на свою сторону в международных альянсах.

Весь этот круг проблем рассматривается в конкретно-исторических исследованиях авторов сборника. При разнообразии тематики статьи так или иначе посвящены проблемам международных (дипломатических) отношений и отношений (межнациональных и межэтнических) между народами. Авторы описывают не только случаи явных противостояний вплоть до вооруженных конфликтов, но и положительные примеры сосуществования стран и народов на международной арене и в рамках отдельных государств, указывают на способы успешного преодоления конфликтов, избегания открытой вражды и агрессии.

В основу данного сборника легли материалы одноименной конференции, которая прошла в октябре 2016 г. в Институте славяноведения РАН и объединила историков, литературоведов, лингвистов и политологов. Помимо междисциплинарного

характера, сборник отличает география его авторов: Российская Федерация, Республика Беларусь, Япония. В статьях нашли отражение такие проблемы, как модели успешного преодоления объективных разногласий и сглаживания или разрешения конфликтов между этническими группами, народами, странами; восприятие соседями друг друга в дипломатии, публицистике, художественной литературе; роль политиков, общественных деятелей, представителей науки и культуры в установлении межнационального и межгосударственного диалога; периодическая печать и эскалация/предотвращение межнациональных и международных конфликтов, тиражирование этнически окрашенных стереотипов.

Статьи сгруппированы по проблемно-хронологическому принципу. Сборник открывает раздел «Соседство с империями и в империях», в котором рассматриваются полемические сочинения польских гуманистов (Н. К. Миско), приводятся примеры мирного сосуществования христианской, мусульманской и иудейской общин в Софии XVIII в. (А. А. Леонтьева), осмыслен образ России в польской публицистике первой половины XIX в. (Н. М. Филатова). Второй раздел «Международные и между-народные отношения» знакомит читателя с борьбой Сербии и Болгарии за привилегированные отношения с Российской империей в годы Балканских войн (Н. С. Гусев), конструированием образа албанца в британской прессе рубежа XIX–XX вв. (Е. С. Киреева (Сергеенко)), зарождением и эволюцией косовского мифа на пространстве бывшей Югославии (Е. А. Колосков). В третьем разделе «Народы Габсбургской монархии в прошлом и настоящем» внимание авторов сконцентрировано на историческом опыте многонациональной империи, где немецкое население в Богемии активно использовало такую форму этнической мобилизации, как добровольные союзы (А. А. Ждановская); идеи югославизма в трудах Й. Штросмайера предлагали форму национальной консолидации (В. Л. Шарова); не свободное от взаимных обид и претензий соседство словаков и венгров в рамках политической нации отражалось в статьях словацких газет (К. А. Попов) и даже в XXI в. пространство всемирной паутины стало местом свободного выражения приязни и неприязни словаков к своим венгерским согражданам (Д. Ю. Ващенко). Четвертый раздел «Соседство и приспособление в эмиграции» дает примеры аккультурации, будь это сербские граничары на юге Российской империи в середине XVIII в. (О. В. Хаванова), духоборцы в Канаде начала XX в. (М. Ю. Дронов) или политические оппоненты Тито в Венгрии середины XX в. (К. Кимура). В пятом разделе — на примере взаимоотношений поляков и украинцев в возрожденной Польше (А. Р. Лагно), межгосударственных контактов Чехословакии и Венгрии (А. О. Пеганов) и позиционирования Польши к великим европейским державам (А. Е. Кузьмичева) — рассмотрены изменения во внутренней и внешней политике государств, возникших в Центральной Европе после Первой мировой войны. В шестом разделе «Босния до и после Югославии» дана широкая панорама эволюции боснийского общества в XIX — начале XX в., от времени османского владычества (К. В. Мельчакова), до периода австрийской оккупации (Л. Ю. Пахомова), в зеркале художественного творчества И. Андрича (И. В. Иванова) и в контексте межнациональной ситуации после соглашений в Дейтоне (Г. Н. Энгельгардт). Завершает сборник раздел «Румыния и ее соседи», в котором освещены аспекты взаимоотношений этой страны с ГДР (А. С. Гладышева), СФРЮ (Б. С. Новосельцев) и СССР (А. С. Стыкалин).

СОСЕДСТВО С ИМПЕРИЯМИ И В ИМПЕРИЯХ

Н. К. Миско

Исламская угроза в польских полемических сочинениях второй половины XVI — первой половины XVII в.

Предлагаемая вниманию читателя статья посвящена образу ислама и мусульман в польских нарративных источниках второй половины XVI — первой половины XVII в. Данная проблематика вписывается в более широкий контекст — отношение к исламу в культуре польского и других обществ «латинской» Европы в Средние века и раннее Новое время.

С самого начала необходимо отметить, что в этот период «мусульманская» тематика была очень популярна как в Речи Посполитой, так и в Западной Европе, что было связано с непосредственной угрозой, исходившей от Османской империи, которая с конца XVI в. активизировала попытки продвинуться вглубь континента. Турецкая экспансия превратила Польско-Литовское государство, как и владения Австрийского дома (государство Габсбургов), в оплот христианства против турецкого нашествия. Мир, заключенный между Османской империей и Польским королевством в 1533 г. и практически не нарушавшийся в течение века (исключение составили эпизоды, связанные с военными походами польских магнатов на Молдавию и походами «за зипунами» казаков на Черном море), был прерван битвой под Цецорой (1620), и трагической гибелью гетмана Станислава Жолкевского (1547–1620). В 1683 г. взоры всей Европы были обращены на Вену, где разыгралась одна из важнейших битв XVII в., навсегда остановившая продвижение турок в Европу.

Тем не менее, если традиции европейской антиисламской литературы имеют глубокую историю и восходят к эпохе первых крестовых походов и войн с Турцией, то в Речи Посполитой этот литературный

жанр долгое время ограничивался (за редким исключением) публикацией переводов наиболее ярких произведений западноевропейских авторов, а также творчеством иностранцев, связавших свою жизнь с Польшей.

Хотя данный жанр польской литературы и находился под определенным влиянием западноевропейских аналогов, он обладал набором собственных отличительных черт, обусловленных спецификой восточноевропейского культурного пространства. Ведь, несмотря на географическую близость «Востока», культурное взаимодействие, «моду на все восточное» и сарматскую идеологию¹, которая оказывала всё большее влияние на развитие польско-шляхетской ментальности, полякам практически ничего не было известно ни о жизни на Востоке, ни, тем более, об исламе: взаимоотношения ограничивались исключительно обменом посольствами с Османской империей и Крымским ханством, а также набегами последних на южные границы Речи Посполитой. Взаимодействия христиан и мусульман в едином пространстве, как в Средневековой Испании или в государствах крестоносцев на Ближнем Востоке, в Речи Посполитой не существовало и в помине. Это положение не меняло даже существование на территории Великого княжества Литовского небольшого татарского меньшинства, а также паломничества в Святую землю (широкую известность получили записки Николая Христофора Радзивилла Сиротки (1549–1616) конца XVI в.). Малочисленные татары-мусульмане жили своими обособленными общинами, и подданные Польской короны с ними практически не пересекались. Принимая во внимание антиисламские настроения и весьма вольный характер имевшей хождение переводной литературы, информация о мусульманском Востоке зачастую искажалась до неузнаваемости, впитывая в себя все возможные стереотипы европейцев. Известный польский историк-ориенталист Богдан Барановский писал: «Наша антиисламская литература имела специфически острый и агрессивный характер, а также отличалась отсутствием объективности вследствие незнания тематики»².

Оговоримся, что нами была изучена только небольшая часть текстов полемического и публицистического характера, в то время как для более полного изучения взглядов польского общества на мусульман необходимо привлечь актывый материал, сеймовые речи, церковные проповеди, мемуарную литературу, личную переписку

и позднейший фольклор. Тем не менее, изученные нами тексты отражают нормы восприятия ислама и мусульман, которые были выработаны элитарной культурой (прежде всего духовенством). Главной задачей нашей работы стало выявление *структуры* выраженных в источниках представлений об исламе и мусульманах, то есть иерархия повторяющихся мотивов. Данную задачу мы решали на основе анализа сочинений С. Ожеховского (1513–1566), М. Пашковского (?–1620) и проповедей Ф. Бирковского (1566–1636).

Ислам и мусульмане в произведениях Станислава Ожеховского. «Речи» («*Polonos oratio*») Станислава Ожеховского являются характерными антитурецкими произведениями середины XVI в., получившими большую известность как на родине писателя, так и за ее пределами. Всего было написано две «речи» (также распространено название «Турчики»): первая обращена к рыцарству (1543), вторая — к королю (1544). Рассмотрим их на предмет исламской риторики. Произведения пшемысльского каноника повлияли не только на развитие антитурецкой риторики, но и на складывание идеологии сарматизма и восприятие польско-литовского государства как «бастиона христианства», защищающего западную цивилизацию от турок.

В первой речи «О начале войны против турок» («*De bello adversus Turcas suscipiendo*») автор обращается к польской шляхте («*do wszystkiego rycerstwa*»). Образ мусульманина раскрывается противопоставлением образу христианина, в данном случае — поляка или «сармата». Если католик-сармат наделен всеми достоинствами и добродетелями, то мусульманин всех этих качеств лишен. По мнению Ожеховского, мусульманам чужды такие качества, как «свобода» (*wolność*) и «любовь» (*miłość*). Автору претит сама мысль о том, что мусульмане с их «жестоким сердцем» могут принять то, чем шляхта гордится и дорожит³. Говоря о моральном облике мусульман, Ожеховский подчеркивает их ненависть к христианам⁴. Столь откровенное неприятие такого основополагающего понятия как «свобода» кроется в самой основе мусульманского общества и государственной власти. Станислав Ожеховский пишет, что в мусульманах нет ничего шляхетского, ничего достойного, всего того, что отличает «свободных людей»⁵.

«Азия», со слов автора, всегда была известна своей жестокостью (*okrutnością*), перенаселенностью (*liczbą*) и рабством (*niewolą*). Европейцы, со своей стороны, могут противопоставить им сердце (*serce*),

разум (*rozum*) и достоинство (*cnota*). Таким образом, здесь автор использует классическую античную традицию противопоставления греческого (эллинского) мира бесчисленным варварам, далеким от какой-либо культуры и цивилизации. В Средние века и раннее Новое время эта антитеза стала основой для представлений об осажденной многочисленными варварскими народами христианской Европы.

Главной чертой мусульманина является его слабость. Военная слабость и моральное несовершенство мусульман становятся для Ожеховского весомым аргументом в пользу объявления им войны. Кроме того, у мусульман отсутствует чувство самоуважения, столь присущее полякам-сарматам. В первую очередь, это проявляется в отношениях между султаном и его подданными. Ожеховский не сомневается в том, что «рабский» народ, «правовое положение которого хуже, чем у бестий»⁶, не может на равных противостоять «свободным» христианам. В отличие от христиан, которые ведут войны, руководствуясь истиной (*szuszne*), справедливостью (*sprawiedliwq*) и верой (*z trzymanq wiare*), но не насилием (*niezgwałconem przymierzem*), мусульмане ведут войны предательством (*zdradq*), клятвоотступничеством (*krzywoprzysięstwem*) и разбоем (*rozbójem*). Мусульманам свойственно нарушение данного ими слова. Так, обещая сохранить пленным жизнь, они их истребляют, заключая мир с христианами, сразу же думают, как его нарушить.

По мнению Ожеховского, мусульманам свойственны страсть к «омерзительным излишествам» (*obrzydly zbytek*), нечеловеческая жестокость (*nie człowiecza srogość*), оскорбительное высокомерие (*zelżywa pycha*) и невыносимое раболепие (*niewola nieznośna*). Сами мусульмане являются «злыми, опустившимися людьми» (*zły zapuszony ludzie*) и «псами».

Ожеховский не уделяет особого внимания исламу как таковому, истории исламского вероучения и особенностям религиозной практики мусульман. Ислам выступает в качестве религии турок и, отчасти, как основная причина их отрицательных поступков. Тем не менее, из текстов «Речей» мы можем узнать, что ислам — это «отхожее место» (*stek*) «каких-то перебежчиков из Аравии», которые, избрав себе предводителем Мухаммеда («предателя праведной христианской религии»), присоединились к его злomu и «непристойному обществу» (*nieprzystojne stanowienie*) и безбожной вере (*niezbożna*

wiara), основная цель которой — «разлитие христианской крови». Ожеховский воспроизводит и легенду, также перенятую у западно-христианских средневековых хронистов, о том, что ислам — это секта, основанная на ненависти к истинному христианству, стремлении уничтожить праведную религию. Действия мусульман ассоциируются у Ожеховского с «опустошением овчарни Господа Бога»⁷. Ислам предстает как ложная религия, предназначенная для соблазнения христиан, и созданная, чтобы погубить и уничтожить истинную церковь. Говоря об Аравии, Ожеховский в то же время упоминает, что ислам, так же как и христианство, зародился в Сирии⁸. Это подчеркивает вторичность ислама, искажение им истоков и теперь профанирует истинную веру.

В «Речах» Ожеховского также присутствует мотив, в котором ислам воспринимается как Божье наказание за грехи христиан. Автор опирается на слова из Пятикнижия, что Бог обрушит на грешников клыки жестоких бестий»⁹. Такое восприятие ислама было весьма распространено в западноевропейской литературе. Эразм Роттердамский (1466–1536) писал, что Бог «наслал на нас турок, как раньше он наслал на египтян саранчу и прочую нечисть <...> Своими победами турки обязаны нашим порокам»¹⁰. Помимо этого Ожеховский отмечает, что мусульмане не признают божественной сущности Иисуса Христа, что воспринимается им как «легковесность»¹¹.

Центральное место в «Речах» Ожеховского занимает призыв к защите христианской веры от турецкого нашествия и войне против мусульман. Большое значение также имеет мотив защиты Речи Посполитой, что можно трактовать как очередное проявление сарматской идеологии. В ней поляк-шляхтич непременно должен был исповедовать католичество, а война, основанная на необходимости защиты сарматских ценностей, также вполне может быть интерпретирована как священная.

Ожеховский прямо говорит, что худшего неприятеля, чем турецкие султаны, земля никогда не имела¹². Мотив слабости мусульман соседствует здесь со страхом перед ними, покорением не только физическим, но и моральным. Автор взывает к шляхте: настал момент для защиты собственной жизни, имущества, жен и детей¹³. Ибо турки, по мнению Ожеховского, грозятся «дочерей подвергнуть насилию, не щадить несчастных родителей и уничтожить их родину»¹⁴.

Потеря родины грозит шляхте не только потерей всех привилегий, но и колоссальным унижением. Ведь в этом случае она не выполнит главного своего предназначения — защиты Речи Посполитой и католической веры. В качестве дополнительного стимула Ожеховский приводит пример предков, которые на протяжении долгого времени боролись с мусульманами, и теперь защитить их доброе имя — долг каждого шляхтича. «Светлое прошлое» противопоставляется «постыдному настоящему», что является весьма характерным мотивом в сарматской идеологии. В этом противопоставлении турки приобретают образ извечного врага, постоянно угрожавшего католической Польши.

Настоящее унижение ждет шляхту после завоевания их турками: «неволя тяжелее самой смерти». Автор рисует мрачную картину осквернения христианских храмов «мерзким магометанским образом», алтари будут «унижены всякими мерзостями» (*wszystkiem plugastwem sponiewiera*). Всю шляхту загонят в мечети, а их детей — «вырвут из лона христианской церкви» (*gwałtem wam wydzierać będącie*) и насильно обратят в «безбожную религию» (*nierpobożna wiara*). Апогеем же унижения будет то, что шляхтичей-поляков, униженных, обездоленных, брошенных, обращенных в безбожие, начнут водить по улицам на смех «сирийцам, сарацинам и даже евреям»¹⁵.

В «Речах» мусульмане часто изображаются безбожниками, то есть людьми, лишенными какой-либо веры, так как ни одна религия не может оправдать их жестокость. Турки «не имеют никакого Бога», «Бог их бросил» и лишил благословения. Иными словами будущая война станет войной с безбожием, борьбой веры и безверия. С одной стороны, Ожеховский призывает бороться не столько за Речь Посполитую, сколько за царство небесное, а также не за свою славу, но во имя Святой Троицы¹⁶. С другой, как говорилось выше, ставит мирские интересы выше духовных: призывает к борьбе не во имя Бога, но ради Речи Посполитой как таковой¹⁷. Наконец, Ожеховский изображает турецкую угрозу как борьбу Магомета с верой Иисуса Христа¹⁸. Эта война в защиту христианской веры, и Господь не останется в стороне, когда жестокие мусульмане хотят завоевать его церковь¹⁹.

Ислам и мусульмане в трактате Марчина Пашковского. Говоря об образе ислама и мусульман в польской литературе XVII в.,

следует обратить внимание на сочинение Марчина Пашковского «История Турции и стычки казаков с татарами». Об эпохе, когда оно было написано, польский историк Януш Тазбир сказал: «Не было такого периода в польской истории и в развитии польской культуры от Ренессанса до позитивизма, в котором поляки смогли бы создать такие оригинальные и обособленные цивилизационные тексты, как в XVII веке»²⁰.

Несмотря на то, что в трактате содержатся многочисленные антиисламские и антитурецкие мотивы²¹, это произведение принадлежит к другому жанру, чем «Речи» С. Ожеховского. «История Турции» — это объемное, художественное, написанное в стихах произведение, включающее в себя элементы (псевдо)биографии и претендующее на роль некоего путеводителя, открывающего перед читателем особенности исламо-турецкого мира. Польский историк Михал Куран в работе, посвященной творчеству Пашковского, констатировал: автор не был не только на Востоке, но и на территории польско-крымского пограничья, где происходят основные события трактата²². Об этом говорил и сам Пашковский, указывая, что «между казаками не сиживал»²³. Следовательно, автор при написании своего произведения опирался не на личный опыт, но на рассказы очевидцев или даже распространенные в польском обществе стереотипы о мусульманах и исламе.

Пашковский отмечает, что «татары — народ жестокий, ведущий неправедную жизнь, не имеющий ни достоинства, ни законов»²⁴. Они варвары, в корне отличающиеся от поляков. Тем не менее, стараясь быть более объективным, Пашковский пытается представить перед читателями некую целостную картину исламского мира, которая начинается с описания множества исламских (татарских) племен, или «орд» (*Hordy*). Здесь, безусловно, можно увидеть аллюзию к античной традиции о мире, населенном «бесчисленным множеством язычников». Итак, автор отмечает, что «непристойных орд этих поганых» (*sprosnych Pohańców Hordy*), как «свирепых ядовитых бестий» (*jako bestyje srogie jadowite*), огромное количество. Причем среди перечисляемых Пашковским орд встречаются и совсем немислимые, которые являются либо выдумкой самого автора, либо данью античной традиции.

Описание тюркских народов также связано с определенной традицией, истоки которой, вероятно, следует искать у Геродота в его

знаменитой «Истории», где греческий историк в похожей стилистике описывает известные ему варварские племена²⁵. Эта же традиция находит свое отражение в начальной части «Повести временных лет»²⁶, что может служить доказательством принадлежности произведения Пашковского к определенному литературному жанру. Нам сложно установить, какие Пашковский использовал источники и в какой степени они повлияли на него, как на автора «Истории Турции». Так или иначе, совпадения между сочинением Пашковского и другими сходными с ним по жанру произведениями можно объяснить тем, что автор старался следовать сложившейся традиции.

Информация о быте татар наполнена стереотипами, которые можно свести к общему мотиву дегуманизации мусульман. Некоторые достоверные сведения сочетаются у Пашковского с откровенными вымыслами. Так, татары из употребляемых продуктов предпочитают лошадиное молоко — кумыс, и в то же время, по словам автора, любимым лакомством у них является падаль. Едят они ее, словно собаки, «стряхивая пепел с кишков» (*z popiołu otrząsając flaki*), утверждая, что через них они получают силу от Бога²⁷. Ни соль, ни хлеб, ни вино они (татары), «как псы», практически не употребляют. Первейшим «ядом» для них является свинина, которую они называют «самой омерзительной вещью» (*napługawszą to rzeczą oni nazywają*). Тут нет даже намек на некое восхищение непритязательностью татарских обычаев, которое можно увидеть у Михалона Литвина в его «Записках о нравах татар, литовцев и москвитян».

По словам Марчина Пашковского, татары, играя на гусях, могут управлять ветром, заколдовывать воду, деревья, камни и золу. Более того, у них якобы есть сговор с самим дьяволом, ибо благодаря некоторым «чертовским заклинаниям» они могут вызывать дождь²⁸. Самох татар автор называет «свирепыми чудовищами» (*srogie straszydło*), что еще раз подчеркивает их связь с дьяволом. Убивая христиан, они начинают со стариков и детей, чья «разлитая по полям свежая кровь лежит»²⁹. Поймав христианского ребенка, татары жгут его тело в огненной печи³⁰. Судьбу христиан под властью мусульман автор называет «адовой мукой».

Похожими чертами также наделяются турки. Они владеют приемами магии, которая практикуется, в том числе для возвращения сбежавших христианских пленников. Так, хозяин убежавшего пленника должен написать его имя и повесить табличку на стене дома,

где до побега жил христианин. После этого турок должен произнести шепотом некие «странные заклинания (*«dziwne zaklania»*), которые обрушивают на беглеца страшные напасти: ему на пути встречаются львы, драконы (*«smocy»*), день сменяется темной ночью и само море встает против него. Все это, по словам автора, приводит к тому, что пленник сам возвращается к своему хозяину, чтобы «закончить свою жизнь в унижении»³¹. В христианском мире обвиняемый в колдовстве или магии строго карался. Использование турками магии для возвращения христианских беглецов должно было вызвать у читателя особое возмущение. Это обвинение указывало на связь с дьяволом и использование магии против христиан еще раз подчеркивало демоническую природу приверженцев ислама³².

Создавая негативный образ мусульман, Пашковский приписывает им прирожденные качества морального несовершенства, склонность к бесчестным поступкам и привычкам, физическое уродство. Автор отмечает, что они «крайне склонны к плотскому разврату, а лица их страшны с виду»³³. По его словам, лбы у татар покрыты инеем, а на бороде висят «ледяные сопли»³⁴. Помимо этого, мусульмане склонны к содомии, им ничего не стоит обесчестить девушку, особенно если она христианка. Вообще в половых отношениях, по мнению Пашковского, мусульмане предпочитают то, «чем даже животные брезгуют» (*«nie patrząc różności płci, czym się u zwierzęta brzydzą»*).

Мусульмане не держат своих обещаний, ибо постоянно втайне желают воевать против христиан. Все мирные договоры, которые заключаются с мусульманами и данные им слова не имеют никакой силы, ибо «где сегодня мир, там жди завтра кровавой жертвы»³⁵. Автор старается создать максимально отрицательный образ мусульман. Так же как и Ожеховский, Пашковский прибегает к инверсии: моральное несовершенство мусульман противопоставляется нравственным достоинствам христиан. Именно христиане являются образцом чести и достоинства, уважительно относятся к женщинам. Обвинение в содомии, которая является тягчайшим грехом с христианской точки зрения, свидетельствует о глубоком моральном упадке мусульман. В этом же контексте следует рассматривать их физическое уродство. По мнению Пашковского, находясь в состоянии морального упадка, варвары-мусульмане не могут отличаться физическим совершенством, ибо их внешность должна соответствовать их поступкам.

Важное место в трактате Пашковского занимает идея священной войны. Призыв воевать против мусульман повторяет традиционные мотивы, характерные еще для времени первых крестовых походов. «Святая Земля в руках неверных!» «Где наш Господь Иисус Христос спас нас, где он родился, где чудеса великие творил, где пророк ходил <...> где спасительной вере учил, где кровавой жертвой завет свой утвердил <...> с этих мест святых бесстыдный турок (*«sprošny Turczyn»*) прибыль получает, а с несчастных христиан дань собирает»³⁶. То, что Святая земля находится в руках неверных — серьезный удар по чести христиан, для которых первостепенное значение имеют богоугодные дела, и нет ничего важнее, чем освобождение святых мест: «Как можем мы называться христианами, когда слава дел христианских у нас меркнет?»³⁷. Пашковский призывает вернуть все то, что принадлежит христианам по праву. Палестина имеет исключительную сакральную ценность для христиан, но не имеет таковой для мусульман, ибо религия их несправедлива и неверна. Унижая христиан и оскорбляя их религию, мусульмане лишь подтверждают ложность своей веры. Вместе с тем Пашковский укоряет христиан за то, что они погрязли в собственных неурядицах и грехах и забыли о христианском долге, в то время как Святая земля и огромное количество их единоверцев находятся в руках язычников, которым разлад в лагере христианства только на руку. Мусульмане приобретают образ врагов самого Бога, имя которого они хулят и над приверженцами которого издеваются. Одновременно турки выступают орудием небесной кары, обрушенной на христиан за их грехи. В то же время автор не сомневается, что в случае если христиане объединятся против врага своей веры, Бог им все «простит» и сам поведет христиан к победе над язычниками.

Антимусульманские образы и представления осмысляются Пашковским в библейских терминах. Так мусульмане отождествляются с Вавилоном, а христиане с еврейским народом, который должен спасти судья израильский, новый Гедеон или новая Юдифь³⁸.

Если обратиться к образу ислама в произведении Пашковского, то основной его мотив — это ложность ислама. С другой стороны, претендуя на объективность, автор иногда обнаруживает в исламе и положительные стороны, а также отмечает определенные черты, имеющие сходство с христианством. Так, мусульмане, подобно христианам, чтят ветхозаветных патриархов и пророков, хотя, в то же

время, не признают Троицы и Иисуса Христа в качестве Сына Божьего. И хотя в исламе есть много заимствований из христианства, мусульмане неверно понимают даже собственную веру.

Пашковский часто указывает на связь ислама с язычеством. По словам автора «Истории Турции», «бесстыдные мусульмане», «молятся и складывают свои жертвы» перед порогом «церкви» что есть безумие (*szalenie*) в глазах Господа³⁹. В самой «церкви» висит только «золотой светильник», которому молятся мусульмане⁴⁰.

Помимо обвинения в язычестве, Пашковский также воспроизводит известную на Западе легенду о том, что ислам — это секта, которую создал «лжепророк» Мухаммед для борьбы с христианством, смешав в своем вероучении элементы многих религий. Турки создали религию из четырех вер — арабской (язычество), еврейской, татарской и христианской⁴¹. По его словам, христиане в своей вере опираются на Святую Троицу, ибо на ее стороне правда и все те, кто идут по этой дороге, не заблудятся⁴², в то время как мусульмане верят Мухаммеду, который их «обманывает» (*zwodzi*). Христианская вера основывается на избавлении от грехов и на вере в воскресшего Бога, ислам — это вера в Мухаммеда, «в гробу смердящего» (*w grobie śmierdzącego*), вера, которая ведет к гибели. Рождение Иисуса Христа и совершенные им чудеса были предсказаны ветхозаветным и пророками, о Мухаммеде же никаких пророчеств не было; его «заблуждения» (*bląd*) проявились спустя много лет после пришествия Христа; Мухаммед — это «лжепророк» и основанная им религия несправедлива. Пашковский также приводит известную легенду о том, что с неба были посланы два ангела, «которые научили людей правде» (автор ссылается на Коран, ср. хадис Абу Хурайры), в то время как специально прирученный голубь сел на плечо Мухаммеду и ел горох из его уха, тем самым создавая впечатление получаемого с небес откровения⁴³. Сам пророк объяснял это тем, что таким образом святой дух передает ему божью волю. По мнению Пашковского, так говорить мог только сумасшедший. Мухаммед настолько запутался в своей лжи, что посмел объявить себя «первым после Бога» (*pierwszy po Bogu*), а значит и «равным Богу» (*Bogu równym*)⁴⁴.

Кааба воспринимается Пашковским как еще одно доказательство языческих корней ислама и описывается с нескрываемым презрением, ибо пророк требует поклонения «груде камней, из-под которой

течет ручей» (речь идет, очевидно, об источнике Замзам, по преданию, открытом архангелом Гавриилом). Этот ручей, по словам автора, пророк открыл «ударом» ноги, и вода из этого ручья избавляет от грехов. Однако, Кааба — это не более чем место «фокусов» (*kuglarstwa*) Мухаммеда, которое, однако, после распространения «сплетен» (*plotki*) о новой религии стало почитаться как священное место. Пашковский прибегает к вполне сознательному искажению образа пророка. Он называет его «убийцей», «возничим бога Марса» (*Mars go miał woźnym*), человеком, который «захотел обрести могущество посредством измены» (под изменой подразумевается предательство христианства)⁴⁵. Как и некоторые средневековые авторы, Пашковский также представляет Мухаммеда в качестве слабого человека, оказавшегося под влиянием некого несторианского монаха, который, желая отомстить христианам, внушил ему, будто он пророк и ему нужно создать новое учение⁴⁶. Мусульманский пророк был «хитрым» (*chytry*), «злым» (*zły*), «лицемерным» (*obludny*) и «уклончивым» (*wykrętny*) человеком, из-за которого многие погибли, как и сейчас погибают навеки те, кто ему верят⁴⁷.

Ислам и мусульмане в проповедях Фабиана Бирковского. Последним из рассматриваемых нами авторов является Фабиан Бирковский, известнейший польский проповедник конца XVI — начала XVII в. После смерти Петра Скарги (1536–1612), Фабиан Бирковский становится главным духовником королевича Владислава (1595–1648)⁴⁸ и участвует во всех его военных походах. Бирковский известен своей поэзией и проповедями, в которых обличал жадность, жестокость и высокомерие шляхты, злоупотребления высших должностных лиц. Все его проповеди были полны патриотизма, примерами из истории и цитатами из Священного Писания. Из всех довольно многочисленных произведений Ф. Бирковского мы используем только те, в которых есть высказывания об исламе и мусульманах⁴⁹.

Наш анализ мы начнем с мотива «священной войны», который довольно часто появляется в его проповедях, хотя не занимает такого места как идея «мученичества за веру». Уничтожение поляками татарского войска во главе с Кантемиром-пашой (?–1638/1639), который, если верить Бирковскому, пытался увести в плен христианских детей, автор сравнивает с истреблением египетского войска, когда оно гналось за иудейским народом. Бирковский указывает,

что в борьбе с исламом Бог всегда на стороне христиан, поскольку борьба с язычниками справедлива. Более того, по словам польского проповедника, во время битвы Господь «осеял огненным крестом своим христиан и громил войска татарские, ибо фараоновским они подобны»⁵⁰. Обращает на себя внимание суждение Бирковского о том, что не будь мусульмане врагами истиной веры, то Бог не оказывал бы христианскому войску такую поддержку, которую он указывает. В богородичной проповеди («*Kazanie Obozowe o Bogarodzicy*») сам Иисус (*Galilejczyk*) собственноручно убивает копьем «отступников», среди которых есть и турецкий султан. Бог так делает потому, что он принижает «гордость господ» и возвышает своих верных слуг⁵¹. Бирковский сравнивает турецкого султана Османа II (1618–1622) с древнеримским императором Юлианом Отступником (361–363), которого также покарал Бог за измену истинной вере. Если учесть, что турецкий султан никогда не был и не мог быть христианином, то его оценку как «отступника», возможно, следует понимать несколько шире — султан олицетворяет собой Люцифера, ангела, предавшего Бога. Это предположение также подтверждает следующая цитата: Христос «направил свой огонь на поганьство турецкое, которое было принесено им злыми ангелами, и воспламенил сердца против господина своего, и уничтожил врага своего»⁵² (то есть «злые ангелы» — это слуги Люцифера, новым воплощением которого стал Осман II).

В богородичной проповеди («*Kazanie Obozowe o Bogarodzicy*») также в полной мере раскрывается идея нового крестового похода. Война против мусульман является священной, «имя Богородицы, произнесенное христианами во время битвы, наводит на ее врагов ужас». Проповедник противопоставляет поляков и татар в религиозном контексте: «поганые» и «мужественные христиане». Мусульмане покушаются на «отмеченное Богом место» (речь идет о Мальте, острове, который стал одной из первых римских провинций, принявшей христианство) (ср.: Деян. 28), но, имея даже значительное военное превосходство («*z wielką armatą morską*»), терпят сокрушительное поражение, поскольку являются «врагами креста святого»⁵³. Следует обратить внимание, что проповедник подчеркивает численное превосходство мусульман. Враги христианства полагаются на свое преимущество, но, когда речь идет о борьбе во имя Христа, христиане всегда одерживают победу; «бог всегда заботится о своих детях»⁵⁴.

При этом Бирковский должен объяснять, почему священные для всех христиан места оказались в руках мусульман («храм Бога стал логовом разбойников»), что турки теснят христиан, выгнали «святых рыцарей» из Иерусалима и с Родоса. Причина этого в том, что христиане ничего не сделали, дабы воспрепятствовать экспансии мусульман, и пассивны перед угрозой с Востока.

Поход султана на Польшу воспринимается автором как событие, сопоставимое по значимости с падением Константинополя в 1453 г. Турки наделяются чертами извечного врага всего христианства. Султан Осман мечтает въехать на коне в собор св. Станислава в Кракове так же, как и его предок Мехмед Завоеватель (1444–1446, 1451–1481) въехал в собор св. Софии⁵⁵. Сравнение Кракова с Константинополем указывает на то, что Речь Посполитая, как прежде Византия, становится «оплотом» христианского мира (*antemurale christianitatis*). Эта модель, вместе с образом поляка-католика, становится одной из ключевых в идеологии сарматизма.

Развивая идею священной войны, Фабиан Бирковский обращается к теме осквернения христианских святынь, угнетения христиан и оскорбления их религиозных чувств, осмысляемых в категориях борьбы *fides* и *idolatria*⁵⁶.

Таким образом, тема священной войны в проповедях Бирковского получила последовательное развитие. Мусульмане представляются непримиримыми врагами христианства, а их борьба — как конфликт израильтян и язычников. Стремление турок и татар покорить Речь Посполитую ассоциируется с борьбой мусульман со всем христианством, а возможная угроза захвата Кракова воспринимается как падение важнейшего христианского форпоста, сравнимого с падением Константинополя. Экспансия турок приобретает образ абсолютного зла и борьба с ними не только праведна и богоугодна, но и проходит с личным участием Иисуса Христа. Кроме того Бирковский использует традиционный для антиисламской литературы мотив о том, что Святая Земля находится в руках иноверцев.

Образ ислама в проповедях Фабиана Бирковского можно назвать вполне традиционным как с точки зрения общеевропейской, так и польской литературы конца XVI — начала XVII в. Проповедник не вдается в подробности исламского вероучения и не вступает в религиозную полемику. Ислам ассоциируется с «турецкими блудливостями» (*@szetecznictwa tureckie*) и «магометанскими

преступлениями» (*zbrodnie mahometańskie*). Бирковский не уделяет какого-либо внимания ни основам исламской религии, ни личности пророка Мухаммеда. Тем не менее, касаясь тех или иных вопросов, связанных с мусульманами, автор, так или иначе, высказывается по поводу их религии.

Судя по всему, в сознании Бирковского присутствует вполне определенное представление об исламе. Проповедник практически дословно воспроизводит шахаду — свидетельство о вере в единого Бога (Аллаха) и посланническую миссию пророка: «Есть только один настоящий Бог и кроме него других богов нет»⁵⁷. Несмотря на то, что Бирковский говорит об исламском монотеизме, он продолжает сравнивать ислам с языческими религиями, напоминает о «еретическом» происхождении ислама, обвиняет мусульман в многобожии⁵⁸.

В татарах и турках Бирковский видит абсолютное зло как в политическом и в военном, так и в культурном, религиозном и моральном отношениях. Источник этого зла находится в исламе, в его традициях и нормах, которые приписывают последователям Мухаммеда совершать завоевательные походы и распространять свою религию на покоренных землях. Чрезмерная жестокость, вероломство и лицемерие мусульман восходят к личности коварного Мухаммеда и к Корану. Несмотря на то, что Бирковский не анализирует религиозных предписаний ислама, он ни на секунду не сомневается в их ошибочности, как и в окончательной победе христианства над исламом⁵⁹.

Рассказывая о пленении татарами детей в проповеди «Пораженный Кантемир-паша» («*Kantymir Basza porażony*»), Бирковского ужасает тот факт, что если бы не польское войско, то дети были бы обречены на принятие ислама, практически дьявольского учения. Акт отречения от христианской веры, привел бы к «гибели их душ», что не могло не волновать Бирковского как проповедника⁶⁰. Они стали бы отступниками от праведной веры своих предков и пропитались бы «ядом Корана проклятого Магомета»⁶¹. Гетман Станислав Конецпольский (1591–1646) не просто освободил детей из плена, но спас их души от «вечной смерти»⁶². Проповедник постоянно подчеркивает гибельную для души человека сущность ислама. Так, татарский плен он называет «железными воротами ада», видимо, подразумевая, что, попав в него, христиане будут принуждены отказаться от своей веры, что равносильно попаданию в ад.

Особую горечь вызывает у Фабиана Бирковского то, как мусульмане поступают с христианскими святынями. Он взывает к Богу, говоря, что «поганые» «разрушили алтарь его»⁶³, поубивали священнослужителей, разграбили и опустошили христианские церкви. Автор вопрошает: «Сколько еще враги Христовы будут хулить имя его»? — и призывает Бога покарать своих врагов⁶⁴.

В проповедях Бирковского присутствует традиционное для такой литературы противопоставление Христа и «бесчестного Магомета» (при том, образ пророка часто заменяется образом султана)⁶⁵. Эпитет «бесчестный» имеет важное значение: еще в средневековой христианской традиции Мухаммед предстал как «лжец», «слуга Антихриста» или как сам Антихрист (Бирковский называет его «сыном дьявола»⁶⁶, он обманом похитил человеческие души и препятствует их стремлению обратиться к подлинному Богу. Принятие ислама связывается в проповеди с дьявольским пленом и вечным проклятием. Тех же христиан, которые боятся стать мучениками, боятся умереть за свою веру от рук мусульман (по словам проповедника, они «приняли Магомета как властителя душ своих»⁶⁷) ожидает бесчестная, омерзительная, «смрадная» жизнь и вечный позор. Также важно отметить, что автор в некоторых случаях называет Мухаммеда «отцом»⁶⁸ турецкого народа, хотя, возможно, что это выражение восходит к евангельской антииудейской формуле: «Отец ваш дьявол» (Ин. 8:44). Если это верно, то в данном случае образ Мухаммеда сближается с образом дьявола, а все мусульмане, которые так или иначе связаны с ним — его «дети», то есть демоны.

Соединение этнической и религиозной принадлежности достаточно характерно для польской антиисламской литературы времен борьбы с турками и татарами и не является чем-то новаторским⁶⁹.

Основной канвой проповеди «*Kazanie Obozowe o Bogarodzicy*» является смерть турецкого султана, и особое внимание Бирковский уделяет ложности исламской эсхатологии, его фигуративным или телесным представлениям о посмертном воздаянии. Проявляя некоторую осведомленность в вопросах ислама, проповедник в обращении к султану объявляет: «бесчестный Мухаммед» его обманул, так же как и всех его соплеменников, и «ожидание четырех рек (одна из которых наполнена медом, вторая молоком, третья вином, четвертая водой)», обернется обладанием только одной — той, которая наполнена огнем и серой⁷⁰. Бирковский утверждает, что все блага, обещанные исламом после смерти, являются ложью и есть не что иное,

как происки дьявола. По словам автора, Осман ожидал после смерти «пышных пиров (*bankietów przepysznych*), фазанов и другую аппетитную дичь, фруктов разнообразных, которые он мог бы собирать, лежа под прекрасными деревьями», но получил только «дрянь и птиц каких заслужил (*masz lichotę i masz ptaki jakicheś godzien*), стервятников и адовых гарпий, которые его, как безбожного Прометея, клюют. Фрукты вокруг него пылают огнем и проглотить их очень трудно». Ожидал он, что «будет развлекаться с прекрасными женщинами», но получил «огонь и серу», от которой не будет освобожден вовеки.

Кроме описания адских мучений, читателя должны были изумить низменные представления мусульман о рае, столь отличные от христианского образа: если первые мечтают о телесных удовольствиях, в то для вторых рай — это место, где душа человека находится в единении с Богом.

Ложность и нечестивость ислама традиционно связывается с образом Мухаммеда. Бирковский намекает на то, что все грехи султана Османа связаны исключительно с его приверженностью к ложному вероучению. Проповедник называет пророка «дьяволом», «лжепророком» и бестией». Обещая в своем «бесчестном» (*bezecny*) Коране «золотые дворцы» (*palacy od złota*), он обманывает своих приверженцев, ибо такие обещания может давать только праведный Бог, который заботится только о христианах⁷¹. «Проклятый Мухаммед» подобен «адскому волку», он наполнен «содомскими мерзостями» (*obrzydliwosci sodomskie*), «прелюбодейством», «ложью и предательством», «клятвopреступлениями». Те, кто верит в Мухаммеда, подобны «псам, волшебникам и убийцам» (*psi i czarownicy, i niewstydlivi, i mężobójce*). По отношению к Корану используется термин «*bałwan*», который чаще всего применялся к языческим идолам.

Таким образом, несмотря на то, что исследованные нами тексты относятся к разным жанрам, представленная в них антиисламская тематика отличается известным единообразием. Выяснилось, что наиболее часто используемыми в текстах мотивами были следующие: *мотив священной войны*, под которым мы подразумеваем идею необходимости ведения войны против иноверцев в защиту христианской религии и ради освобождения Святой земли; *мотив демонизации и дегуманизации мусульман* — попытка придать мусульманам связь с некими нечеловеческими, зачастую демоническими силами, наделение их нехарактерными для людей чертами; *мотив морального несовершенства* — попытка

приписать мусульманам определенные врожденные отрицательные моральные черты, которые априори не могут быть характерны для христиан и зачастую связываются с особенностями христианской религии; *мотив ложности ислама* — искажение религиозных основ исламского вероучения, атрибуция ее как ошибочной, враждебной христианству религии, которая и является источником всех отрицательных качеств мусульман. В то же время, можно отметить: хотя польские авторы постоянно подчеркивают ошибочность и враждебность ислама к христианству, они допускают (в первую очередь Станислав Ожеховский), что ислам и христианство вышли из одного источника и ислам является не более, чем искажением истинной веры.

Примечания

¹ См.: *Лескинен М. В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002; *Тананаева Л. И.* Сарматский портрет. Из эпохи польского портрета эпохи Барокко. М., 1979.

² *Baranowski B.* Znajomość wschodu w dawnej Polsce do XVIII wieku. Łódź, 1950. S. 4.

³ *Orzechowski S.* De bello adversus Turcas suscipiendo <...> Kraków, w drukarni Hieronima Wietora, 1543. S. 75.

⁴ Ibid. S. 5.

⁵ Ibid. S. 26.

⁶ Ibid. S. 14.

⁷ Ibidem. S. 17.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

¹⁰ *Делюмо Ж.* Ужасы на Западе / Пер. Н. Епифанцевой. М., 1994. С. 154.

¹¹ *Orzechowski S.* De bello adversus Turcas suscipiendo. S. 17.

¹² *Orzechowski S.* Ad Sigismundum Poloniae regem Turcica secunda <...> Kraków, w drukarni Hieronima Wietora, 1544. S. 60.

¹³ *Orzechowski S.* De bello adversus Turcas suscipiendo. S. 4.

¹⁴ *Orzechowski S.* Ad Sigismundum Poloniae regem Turcica secunda. S. 83.

¹⁵ *Orzechowski S.* De bello adversus Turcas suscipiendo. S. 13.

¹⁶ *Orzechowski S.* Ad Sigismundum Poloniae regem Turcica secunda. S. 58.

¹⁷ *Orzechowski S.* De bello adversus Turcas suscipiendo. S. 12.

¹⁸ Ibid. S. 43.

¹⁹ *Orzechowski S.* Ad Sigismundum Poloniae regem Turcica secunda. S. 65.

²⁰ *Tazbir J.* Szlaki kultury polskiej. Warszawa, 1986. S. 55–56.

²¹ *Nosowski J.* Polska literatura polemiczno antyislamiczna XVI, XVII i XVIII w. Warszawa, 1973. Z. I–II. S. 162.

²² *Kuran M.* Marcin Paszkowski — poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku. Łódź, 2012. S. 22.

²³ *Paszowski M.* Dzieje Tureckie y utarczki kozackie z Tatarami. Kraków, w drukarni Mikołaja Loba, 1615. S. 21.

²⁴ *Ibid.* S. 2.

²⁵ В качестве примера можно привести описание Геродотом обычаев персов: «Воздвигать статуи, храмы и алтари (богам) у персов не принято. Тех же, кто это делает, они считают глупцами, потому, мне думается, что вовсе не считают богов человекоподобными существами, как это делают эллины». См.: *Геродот.* История / Пер. с греч. и комм. Г. А. Стратановского; вступ. статья И. Е. Сурикова. М., 2004. С. 68.

²⁶ «Каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, соблюдают как предание отцов. Из них же первые — сирийцы, живущие на краю света, имеют они законом себе обычаи своих отцов: не заниматься любодезнием и прелюбодезнием, не красть, не клеветать или убивать и, особенно, не делать зло». См.: Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева. СПб., 1996. С. 147.

²⁷ *Paszowski M.* Dzieje Tureckie. S. 3

²⁸ *Ibid.* S. 3.

²⁹ *Ibid.* S. 16.

³⁰ *Ibid.* S. 67.

³¹ *Ibid.* S. 64.

³² *Делюмо Ж.* Ужасы на Западе. С. 249–252.

³³ *Paszowski M.* Dzieje Tureckie. S. 3.

³⁴ *Ibid.* S. 15.

³⁵ *Ibid.* S. 28.

³⁶ *Ibid.* S. 30.

³⁷ *Ibid.* S. 110.

³⁸ *Ibid.* S. 53.

³⁹ *Ibid.* S. 65.

⁴⁰ *Ibid.* S. 75.

⁴¹ *Ibid.* S. 77.

⁴² *Ibidem.*

⁴³ *Ibid.* S. 75.

⁴⁴ *Ibid.* S. 152.

⁴⁵ *Ibid.* S. 78.

⁴⁶ *Луцицкая С.И.* Образ Другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. С. 123.

⁴⁷ *Paszowski M.* Dzieje Tureckie. S. 151.

⁴⁸ Речь идет о будущем польском короле Владиславе IV (1633–1648).

⁴⁹ *Birkowski F.* Kantymir basza porażony. Warszawa, w drukarni Jana Koszowskiego, R. J. K. M. Typographa, R. P. 1624; *Birkowski F.* Kazanie obozowe o Bogarodzicy <...> Kraków, w drukarni Andrzeja Piotrowczyka, J. K. M. Typographa, 1623; *Birkowski F.* O Exorbitancyach, kazanie dwoje <...> Kraków, w drukarni Andrzeja Piotrowczyka, J. K. M. Typographa, 1632.

⁵⁰ *Birkowski F.* Kantymir basza porażony. S. 57.

⁵¹ *Birkowski F.* Kazanie obozowe o Bogarodzicy. S. 6.

⁵² *Birkowski F.* Kantymir basza porażony. S. 37.

⁵³ *Birkowski F.* Kazanie obozowe o Bogarodzicy. S. 6.

⁵⁴ *Ibid.* S. 50.

-
- ⁵⁵ Ibid. S. 45.
- ⁵⁶ Ср.: *Лущицкая С.И.* Образ Дурого. С. 235.
- ⁵⁷ *Birkowski F.* Kantymir basza porażony. S. 42.
- ⁵⁸ *Birkowski F.* O Exorbitancyach, kazanie dwoje... Kraków: w drukarni Andrzeja Piotrowczyka, J. K. M. Typographa, 1632. S. 4.
- ⁵⁹ *Nosowski J.* Polska literatura polemiczno antyislamiczna. S. 337.
- ⁶⁰ *Birkowski F.* Kantymir basza porażony. S. 39.
- ⁶¹ Ibid. S. 39
- ⁶² Ibidem.
- ⁶³ Ibid. S. 40.
- ⁶⁴ Ibid. S. 41.
- ⁶⁵ Ibid. S. 45.
- ⁶⁶ Ibid. S. 46.
- ⁶⁷ Ibid. S. 10.
- ⁶⁸ Ibid. S. 50.
- ⁶⁹ *Nosowski J.* Polska literatura polemiczno antyislamiczna. S. 333.
- ⁷⁰ *Birkowski F.* Kazanie obozowe o Bogarodzicy. S. 36.
- ⁷¹ Ibid. S. 36.

А. А. Леонтьева

Население Софии в конце XVII–XVIII в. по данным документов кадийского суда*

На протяжении всего османского периода болгарской истории София являлась центром румелийского бейлербейства (позже — эялета) и, находясь на пересечении торговых путей, была центром богатого хозяйственного района, где активно развивалась торговая и ремесленная жизнь. По данным европейских путешественников, начиная с XVI в., «софийский базар производил на иностранцев впечатление своим богатством и восточной пышностью»¹. В XVIII в. София оставалась одним из наиболее значительных городов болгарских земель. В этот период в силу процессов, происходивших в Османской империи, в условиях кырджалийской смуты**, охватившей балканские провинции империи, София как столица эялета и место сосредоточения представителей османской администрации в регионе в противовес восстающим на окраинах аянам*** являлась классическим образцом османского города.

---

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках работы над проектом 15-31-01003а1.

** Кырджалийская смута (1789–1813) — период мятежей в Румелии, в основном выраженных в выступлениях безземельных крестьян, состоявших в рядах османской армии во время войны 1787–1791 гг., а затем влившихся в войска деребеев и отряды разбойников.

*** Аяны — местные нотабли, выступавшие как наиболее активная и влиятельная группировка господствующего класса Османской империи в XVIII — начале XIX в. В XVIII в. приобрели значительное влияние в балканских провинциях, что во многом послужило причиной беспорядков и роста сепаратизма в регионе. Аялык — местная административная единица в Османской империи во второй половине XVIII в.

Одним из источников сведений о жизни городского населения являются документы кадийского суда — сиджилы* — протокольные книги, регистры входящих и исходящих документов шариатских судов в XV–XIX вв. Помимо распоряжений, поступавших от вышестоящих властей — ферманов, бератов, получаемых из Константинополя², в них фиксировались и основные акты гражданского судопроизводства. Основным источником для данного исследования стали наследственные описи и документы купли-продажи из сиджилов Софии XVII–XVIII вв., полный корпус которых был переведен и опубликован болгарскими исследователями в 1977 г.³ Эти документы предоставляют широкий круг сведений о населении Софии в рассматриваемый период и, в частности, позволяют проанализировать его этноконфессиональный состав, проследить расселение представителей разных конфессий внутри города, составить представление о внешнем облике Софии.

Исследователи считают, что уже в первые столетия османского господства болгарские города приобрели характерный ориентальный вид, что касалось не только строительства медресе и мечетей, но и рядовой застройки. И. Ф. Макарова приводит сведения из воспоминаний путешественников того времени, которые отмечали, что крупнейшие болгарские города, Пловдив и София, по типу застройки «в магометанском стиле» были сходны с Константинополем, дома были повернуты окнами во двор, жилища православного населения практически не отличались от домов мусульман⁴.

Эти сведения во многом подтверждаются данными кадийских протоколов купли-продажи. Документы этого вида фиксировали совершенную сделку и вручались заинтересованному лицу (обычно покупателю), являясь, таким образом, подтверждением его права собственности над данным объектом, а копия записывалась в сиджилы⁵.

Обязательным пунктом протокола было подробное описание продаваемого имущества с указанием количества этажей и комнат жилого дома, хозяйственных построек, нередко также сада и огорода. В некоторых протоколах о сделках по продаже достаточно дорогих домов христианами, описывается разделение домов на внешнюю

---

* Сиджил (осм. سجل, лат. sigillum, — от греч. στίλλιον — грамота, печать). В османский турецкий язык слово пришло из арабского через персидский. Встречаются также варианты названия sicillat defteri, kadi defter, sicilat-i şer'iyye, и др.

и внутреннюю части, что свойственно восточному типу построек. Внутренняя и внешняя части дома описывались отдельно. К 1618 г.⁶ относится продажа христианкой в христианской махале* Новосел домовладения, внутренняя часть которого включала в себя одну зимнюю и одну летнюю комнаты, чулан, цокольный этаж, и террасу. К внешней части относились две комнаты, чулан и сад с плодовыми и неплодовыми деревьями. Продажа происходила внутри одного христианского семейства — женщина продавала дом своему супругу Даниилу. В числе соседей присутствовали исключительно христиане, то есть можно заключить, что этот дом изначально принадлежал христианам. Стоимость сделки достаточно высока — 8000 акче. Для сравнения можно привести другой протокол 1618 г.: в том же квартале христианка Петкана продала свой дом мусульманину всего за 1500 акче. По составу эту владение было значительно проще и меньше и состояло всего из двух комнат — зимней и летней — и цокольного этажа⁷.

В протоколе, составленном более чем 100 лет спустя (в 1725 г.), зафиксирована продажа дома кожевником Димитром портному Лозану⁸. Домовладение, находившееся в христианской махале Калоян и соседствовавшее исключительно с хозяйствами христиан, также состояло из внешней и внутренней частей. К первой относились погреб, чулан, двор и хлев, ко второй — одна зимняя комната и комната без отопления, чулан, чешма (источник воды) и сад. Стоимость этой сделки также сравнительно высока — 190 курушей. Для сравнения можно привести сделку между двумя мусульманами о продаже в том же году дома всего за 30 с половиной курушей⁹.

Различия в составе домохозяйств отсутствуют, что подтверждает тезис о существовании в XVII–XVIII вв. определенного стандарта городского подворья, а тем самым и об идентичности христианской и мусульманской культуры рядовой городской застройки. Домовладения, состоявшие из внутренней и внешней частей и потому более дорогие, упоминаются в источниках в равной степени нечасто как среди христиан, так и среди мусульман. В большинстве случаев состав жилища представителей разных конфессий примерно одинаков. Так, минимум, который включает в себя городское домовладение — это две комнаты, зимняя и летняя (с отоплением и без). Иногда также

---

* Mahalle — квартал, район города (турецк.).

упоминаются сады и хозяйственные постройки, о которых следует сказать подробно.

Например, к 1618 г. относится сделка по продаже фруктового сада, совершенная между двумя христианами¹⁰. Продаваемый сад находился в квартале Сыгыр дереси и граничил с одной стороны с садом Хусейна бея, с другой — с садом мясника Йована, а также с садом прислужника Кара Хасана бея и с общественной дорогой. Таким образом, мы можем наблюдать чересполосицу в границах садовых владений без ограничений по религиозному признаку их собственников.

То же самое можно сказать о земельных участках, отведенных под огороды и выращивание овощей. Болгарская исследовательница Ст. Пырвева приводит два интересных примера протоколов по продаже огородов в одном квартале Софии, которые разделяет более 100 лет: 1619 и 1725 г., что говорит о постоянстве сложившейся городской структуры¹¹.

Стоимость недвижимости и факторы, на нее влияющие, можно проследить по выборке протоколов 1708–1709 гг. В нашем распоряжении имеется десять протоколов купли-продажи жилых домов, из них четыре сделки, совершенные между христианами, три сделки между мусульманами и три сделки — между христианами и мусульманами. Средняя стоимость домовладения, включавшего от двух до четырех комнат, чулан и двор, составляла 40–60 курушей. Один протокол фиксирует продажу участка земли, предназначенного для строительства дома и оцененного всего в восемь курушей¹².

Самые дешевые домовладения в этот период стоили 25 курушей. Об одном таком говорится в протоколе о продаже в Софии дома умершей христианки Марии¹³ мусульманке Умхани хатун. Дом был покрыт соломенной крышей* и состоял из зимней и летней комнат, сада и двора. Второй дом, оцененный в 25 курушей, находился в пригороде Софии в с. Бояна и был продан мусульманином христианину Радулу¹⁴. Это хозяйство более внушительно: помимо двух комнат, двора и сада в его состав входили также два хлева, один из которых покрыт соломой. Два этих примера демонстрируют разницу в стоимости имущества в городе и пригороде.

---

* Как правило, материалы, из которых сделаны элементы дома, не указываются. Можно предположить, что соломенная крыша отмечена здесь как особый случай, влияющий на стоимость дома.

Дома с наиболее высокой стоимостью (100–120 курушей) в рассматриваемой выборке зафиксированы в сделках, заключенных между христианами. Так, в 100 курушей был оценен дом, продаваемый христианкой Велчо немусульманину Томо¹⁵. Домовладение состояло из шести комнат с гостиной и двора. В 120 курушей было оценено домовладение, находившееся по соседству с хозяйством, речь о продаже которого идет в предыдущем протоколе. Оно оказалось предметом сделки между двумя христианами — торговцем Станчо (ближайшим соседом хозяев дома из предыдущего протокола) и ювелиром Бошко — и состояло из двух отапливаемых комнат, двух летних жилых помещений, двух погребов, сада и двора.

Рассматривая две этих сделки в комплексе, можно попытаться представить себе более широкий круг людей, живших по соседству. Исходя из указанных протоколов, два дома высокой стоимости граничили с владениями мусульманки Миримшах хагун и портного Николь; ранее там жил торговец Станчо, продавший свой дом ювелиру Бошко.

Таким образом, можно констатировать, что средняя стоимость домов мусульман и немусульман не отличается, более того, самые дорогие дома (пусть и в ограниченной выборке) принадлежали христианам. Внешний вид и состав домовладений представителей разных конфессий абсолютно идентичен.

Как и в других городах Османской империи, в Софии существовала традиционная для исламского мира «церковно-квартальная» организация населения¹⁶. Минимальной административно-территориальной единицей в городах являлась махала, которая, как отмечают исследователи, по своему характеру имела много общего с сельской общиной¹⁷. Их сходство заключается в общих функциях — необходимости регламентации и организации отношений людей, живущих вместе в обособленном, но общем для них пространстве, что включает в том числе следование нормам соседских отношений, попытки избежать или решить конфликтные ситуации путем общего схода. Городской квартал выступал также в качестве посредника между населением и османской властью. Как и в сельской общине, эта функция осуществлялась через коллективную ответственность жителей — они отвечали друг за друга перед властью в криминальных делах, но в то же время имели, например, право требовать через судебные инстанции изгнания соседей по кварталу, если их действия

нарушали правила общежития в бытовом и моральном планах. Махала была ответственна за сбор налогов, осуществляла распределение общих налоговых задолженностей между отдельными плательщиками внутри квартала, собирала требуемые суммы, определяла людей, обязанных участвовать в налагаемых властями обязательных (ангарийных) отработках. Также она несла ответственность за лиц, скрывающихся от властей или отказывающихся платить налоги, за соблюдение правил личного и социального поведения своих жителей, заботилась о состоянии мест коллективного пользования — улиц, колодцев, чешме, квартальном кладбище¹⁸.

Центром махалы был храм — мечеть или церковь. В христианских кварталах представительскую роль, как правило, исполняли приходские священники; это объясняет название некоторых кварталов, например, махалы Поп Милош и Поп Калоян¹⁹.

Болгарский историк начала XX в. А. Иширков в труде, посвященном истории Софии в XVII в.²⁰, писал: «В центре города жили торговцы-иностранцы: купцы из Дубровника, греки, армяне, евреи и другие. Болгары и турки жили в отдельных кварталах. Та часть города, где жили болгары, носила имя «варош», и в свою очередь делилась на махалы. Существовал также Новый Варош, где жили болгары-переселенцы»²¹.

Изначально городские кварталы были этнически замкнуты. Детальный анализ регистров кадийского суда — наследственных описей и документов купли-продажи недвижимого имущества показывает, что со временем расселение строго по этническому принципу практически исчезло.

Проследить процесс постепенного превращения моноэтнических кварталов в многонациональные можно, сравнив данные нашего источника относительно состава населения кварталов Софии с данными более раннего регистра джелепкешанов* 1576 г.²²

Регистр представляет собой подробный список людей, относящихся к категории джелепкешанов, с указанием числа предоставляемых ими овец. В регистре Софии джелепкешаны распределены по религиозному признаку и по принципу расселения по кварталам:

---

* Джелепкешаны — категория населения, обязанная предоставлять определенное количество овец на нужды османского государства и армии и освобожденная от чрезвычайных налогов.

вначале следует подробный регистр джелепкешанов-мусульман от каждой махалы, затем, под заголовком «Неверные Софии», — перечисление джелепкешанов из кварталов христиан.

По данным этого источника, в Софии было 11 христианских и 18 мусульманских кварталов, но уже присутствует указание на существование кварталов со смешанным в религиозном отношении населением. Например, махала Куру чешме в регистре 1576 г. фигурирует и как мусульманская, и как христианская: там зафиксированы 16 мусульман и 11 христиан-джелепкешанов²³.

Сравнивая источники XVI и XVIII в., необходимо принять во внимание тот факт, что со временем появлялись новые кварталы, а старые могли быть переименованы. Так, название квартала Саат-и атик, упомянутого в одном из протоколов²⁴ наследственных описей, как подчеркивает болгарский исследователь Стр. Димитров, без сомнения является переименованием одного из более старых кварталов, поскольку в XVI в. в Софии часов* не было и, соответственно не могло быть квартала с таким названием²⁵. Какой из старых кварталов, упомянутых в источниках XVI в., мог принять это название — неизвестно: исследователи до сих пор не смогли локализовать махала Саат-и атик на карте города²⁶.

Во вступительной части протоколов обязательно указывалась махала, к которой принадлежали участники процесса — продавцы и покупатели недвижимости, люди, призванные свидетельствовать, или умерший, чье наследство рассматривалось в документе. Это подтверждает важность критерия принадлежности человека к тому или иному кварталу. Интересные сведения о расселении людей внутри квартала содержатся в обязательном для протоколов купли-продажи описании местоположения продаваемого дома или участка: помимо махалы здесь указываются также имена соседей — владельцев примыкающих к дому (или земельному участку) хозяйств. Необходимо также помнить, что основным критерием для османской администрации являлась не этническая, а религиозная принадлежность человека, и определить этнос, как правило, возможно лишь по имени.

В регистре джелепкешанов при перечислении «неверных Софии» встречается несколько кварталов с определенно славянскими названиями — махала Калоян (Поп Калоян), Поп Милош, Новосел²⁷.

---

* Saat — час, часы (турецк.).

Анализ этнорелигиозного состава населения именно этих, заведомо христианских, кварталов представляется наиболее интересным.

Квартал Новосел упомянут в четырех протоколах купли-продажи. На основании данных этого источника можно говорить о том, что мусульмане проникли в этот квартал уже в начале XVII в. Так, в 1618 г. христианка Петкана продала свой дом в махале Новосел мусульманину Мустафе бею, соседями которого стали христиане Атанас и Стойо, а также «еврей-компаньоны»²⁸.

Наиболее часто упоминаемым христианским кварталом является махала Калоян*, определенная как «один их кварталов Вароша большого города Софии»²⁹. Однако в протоколе 1726 г.³⁰ зафиксирована продажа дома в этом квартале мусульманином Эссеидом Ахмедом Беше евреям Авраму и Давиду. С разных сторон земельный участок купленного дома граничил с имением еврея Халимоглу Соломона, с «церковью стамбульского общества» (не совсем ясно, что имеется в виду) и с церковью неверных³¹. Продавец, Эс-сейид Ахмед Беше, во вступительной части протокола назван жителем махалы Мансур Ходжа. Поэтому нельзя сказать, что эта торговая сделка свидетельствует о серьезном проникновении мусульман в ранее замкнутый христианский квартал: возможно, достаточно большой дом являлся для живущего в другом месте покупателя скорее инвестицией в недвижимость. Кроме того, местонахождение этого здания — между двумя храмами — дает основание предположить, что речь идет о нежилом помещении.

В протоколе 1727 г. зафиксирована обратная ситуация: покупка дома в той же махале Калоян мусульманином Мустафой агой у еврея Йасифко, причем дом «граничил с четырех сторон с землей еврея Самуила»³². Стр. Димитров приводит этот протокол в качестве примера постепенного проникновения мусульман в христианский квартал³³. Представляется, что в данном случае можно говорить также о приобретении собственности, финансовой операции с вложением капитала. Примечательно, что на этот раз в христианском квартале выкупается недвижимость, принадлежащая евреям. Таким образом, источники показывают, что ко времени заключения упомянутых сделок население христианской махалы уже не отличалось

---

* Махала Калоян находилась на месте современных бульвара Витоша, площади Независимости и улиц Алабин и Калоян.

этнорелигиозным единством. Судя по приведенным данным, постепенное размывание этнических границ городского квартала началось с проникновения в них представителей еврейской общины; интересы мусульман в документах выражены менее очевидно. Но при всех происходивших изменениях христианское население продолжало значительно преобладать в махале Калоян, и большинство протоколов с его упоминанием посвящено рассмотрению дел христиан.

Примером проникновения мусульман в христианский квартал может служить махала Алишер, которая фигурирует в источнике более чем в десяти протоколах, почти все из которых посвящены рассмотрению дел христиан. Однако в 1731 г. была заключена сделка по продаже огорода в махале Алишер между мусульманками, жительницами квартала Хаджи Байрам Байрамшах-хатун с сестрой Айше и Селим-агой. Находился проданный участок между еврейским кладбищем и огородом мусульманина Хусейна³⁴. Эта сделка — также скорее лишний пример проникновения в христианский квартал мусульман не путем переселения, а путем покупки недвижимости, вложения капитала.

Более существенное проникновение мусульман в христианский квартал можно наблюдать на примере махалы Сонгурлар, которая в регистре джелепкешанов также была определена как исключительно христианская³⁵. Всего в наследственных описях и протоколах купли-продажи она названа 11 раз, при этом в шести протоколах так или иначе фигурируют мусульмане. Самое раннее упоминание этого квартала относится к 1721 г., когда мастер по производству свечей мусульманин Ибрагим ага, записанный во вступительной части протокола как житель махалы Сунгурлар, продавал «пустующее место», находившееся в другом квартале³⁶. Это же имя встречается в другом протоколе 1721 г. в качестве представителя двух мусульманских женщин, сестер Сафие хатун и Умхани хатун, также жительниц квартала Сунгурлар, продавших православному священнику инструменты из свечной мастерской³⁷. Упоминание одного и того же человека в различных протоколах позволяет сделать вывод о взаимодействии представителей мусульманской общины внутри одного квартала. В данном случае речь также идет о профессиональной помощи: Ибрагим-ага, сам мастер по производству свечей, помогает продать инструменты по их производству. В 1722 г. жительница махалы Сунгурлар христианка Марга продала свой дом мусульманину Мехмеду

Беше³⁸. Среди ее соседей названы два мусульманина и одна христианка. Это показывает, что к 1722 г. мусульмане уже жили в этой махале.

Уже в XVII в. прослеживается и проникновение христиан в некоторые мусульманские кварталы. Так, махала Кара Данишменд, более 30 раз упомянутая в документах купли-продажи, в регистре джелепкешанов определена как мусульманская³⁹. В протоколе 1618 г. некий Петре, продающий виноградник в окрестностях Софии христианам Павлу и Коле, назван жителем квартала Кара Данишменд⁴⁰. Еще один христианин, Стефан, назван в числе соседей дома, проданного мусульманке Ханифе хатун в 1619 г.⁴¹ Таким образом, уже в начале XVII в. христиане являлись жителями этого квартала, оставаясь все же меньшинством — в остальных имеющихся в нашем распоряжении протоколах, относящихся к 1617–1619 гг., махала Кара Данишменд выглядит преимущественно мусульманской.

Следующие упоминания этой махалы относятся уже к XVIII в. и говорят о возрастающем числе христиан среди ее жителей. В 1725 г. зафиксирована продажа жителем махалы Кара Данишменд христианином Костой дома в упомянутой махале христианке Кирче⁴². Любопытен также состав соседей продаваемого дома: в их числе два мусульманина, Осман Челеби и Ибрагим, и два христианина, Велко и Цона. К 1739 г. относится протокол о продаже христианкой Неделей христианину Йовану дома в Кара Даншименд⁴³. В числе соседей — исключительно христиане. И даже среди свидетелей этой сделки, состав которых обязательно перечисляется в конце каждого протокола, присутствует несколько христианских имен — «немусульманин Тричко и немусульманин Постол», что бывает крайне редко: в числе свидетелей обычно фигурируют только мусульмане.

Проникают христиане и в другие мусульманские кварталы. Так, из 25 упоминаний махалы Мансур Ходжа христиане фигурируют в качестве жителей квартала в четырех протоколах, самый ранний из которых относится к 1709 г.⁴⁴

Необходимо отметить упоминания «потомков Абдуллаха»* — мусульман в первом поколении в числе жителей махалы Кара Данишменд. В протоколах XVII в. упоминается лишь один человек с таким

---

* Абдуллах — «раб божий». Имя, принимаемое человеком при переходе в ислам и фигурирующее в официальной документации вместо имени его отца-немусульманина.

именем — в 1618 г. житель квартала Кара Данишменд Мехмед Беше ибн Абдуллах, купил у немусульман братьев Петко и Йово лавку, находящуюся в другом квартале⁴⁵. В XVIII в. упоминаний принявших ислам уже три: в 1725 г. дочь Абдуллаха Фатъма-хатун, жительница Кара-Данишменд, продала еврею Давиду лавку на одном из базаров города⁴⁶; в 1726 г. еще один Мехмед Беше ибн Абдуллах продал христианину Мишо свой виноградник в пригороде Софии⁴⁷; в 1728 г. Айша хатун, дочь Абдуллаха, также продала свой виноградник христианину Цветко⁴⁸. Переход в ислам женщин можно объяснить замужеством за мусульманином, что предполагает и переселение в другой квартал. Что касается Мехмеда Беше — вероятно он сменил религию по каким-то иным соображениям. Таким образом, процесс сглаживания этнической замкнутости кварталов происходил не только за счет переселения людей иной религии, но и в ходе исламизации христиан. В то же время, следует отметить и существование кварталов, сохраняющих моноэтничность: обозначенная в регистре XVI в. как мусульманская махала Кара Шахин⁴⁹ встречается в 12 документах купли-продажи, но ни в одном из них немусульмане не фигурируют.

Евреи являлись одним из самых многочисленных этносов среди городского населения балканских провинций Османской империи. Изначально, особенно после переселения на Балканы евреев с Пиренейского полуострова в XV в., еврейское население Османской империи представляло собой объединенные в формально единую общину разные ветви еврейского народа. В Софии численность еврейской общины составляла в XVII в. примерно 15000 человек. Этот город лидировал по количеству евреев в болгарских землях. Далее следовали Пловдив (300 хозяйств), Никополь (205 хозяйств) и Видин (50 хозяйств)⁵⁰. И. Ф. Макарова отмечает замкнутость и полуавтономное существование иудейских кварталов в балканских городах: они формировались вокруг синагоги, соблюдались принципы конфессионально-юридической автономии. Контакты с мусульманами и христианами сводились до минимума благодаря четко организованной системе товариществ и корпораций, комплектуемых строго по этно-религиозному признаку⁵¹.

В силу замкнутости еврейской общины и возможности решать широкий круг вопросов внутри нее в шариатский суд евреи обращались гораздо реже, чем христиане. В наследственных описях XVIII — начала XIX в. евреи фигурируют в основном в качестве кредиторов

или должников. В источнике встретилось всего два упоминания раздела наследства евреев. Один из них, трактирщик Авраам (1762)⁵², являлся жителем христианского квартала Калоян. Второй, Каракаш Самуил (1813)⁵³, назван во вступлении к протоколу «членом еврейской общины г. Софии». Квартал, где он жил, не упомянут даже при оценке дома, что также необычно для протокола. Оба умерших оставили долги, превышающие общую сумму наследства. В списке кредиторов в протоколах преобладают мусульмане: в случае с трактирщиком Авраамом кредитор только один — кузнец Хусейн Беше, поэтому вся сумма, полученная после описи имущества, переходила ему. В протоколе о наследстве Каракаша Самуила в списке кредиторов упомянуты десять человек, среди которых девять женщин-мусульманок и одна христианка Велика.

Можно предположить, что именно банкротство умерших стало причиной рассмотрения наследственных дел, традиционно находившихся в компетенции раввина, вне еврейской общины, в шариатском суде. Круг заинтересованных лиц не был ограничен членами еврейской общины, и кредиторы-мусульмане, наиболее заинтересованные в распределении наследства, для решения вопроса возврата им долгов обратились в шариатский суд.

В протоколах купли-продажи представители еврейской общины фигурируют значительно чаще. Это объясняется характером документа — он является подтверждением сделки и права собственности покупателя. Нередко евреи участвуют в сделках купли-продажи в качестве покупателей и продавцов, а также упоминаются среди соседей, что позволяет примерно локализовать места их проживания в Софии. Упоминаний замкнутого еврейского квартала в документах купли-продажи не встречается. Как правило, евреи фигурируют как жители кварталов с изначально христианским населением. Так, в протоколе 1618 г. о продаже в квартале Новосел христианкой Петканой дома мусульманину в качестве соседей помимо христиан Атанаса и Пейю фигурируют также «евреи-компаньоны»⁵⁴. В 1722 г. в махале Калоян еврей Майер купил у некоего Стояна дом, находившийся между православной церковью и «еврейским домом» — то есть со зданием с торговыми лавками⁵⁵. В махале Поп Милош в 1751 г. еврей Яко продал некоему Меркаду, этническая принадлежность которого не указана, дом, окруженный с двух сторон домовладениями евреев Хаима и Юды, а также некоего христианина⁵⁶. Из протоколов

купли-продажи нередко следует, что внутри кварталов евреи предпочитали селиться по соседству друг с другом. Так, в протоколе 1727 г. еврей Йасифко продает мусульманину Мустафе аге дом, с трех сторон ограниченный собственностью еврея Самуила⁵⁷.

Таким образом, можно говорить о размывании этнической замкнутости мест проживания евреев в городе. Анализ источника показывает, что евреи активно взаимодействовали с представителями других религий, участвуя в сделках по продаже имущества с мусульманами, при этом, нередко речь шла не столько о продаже жилых домов, сколько о вложении капитала. Кроме того, нередко были сделки по продажам лавок, что свидетельствует об активной деловой жизни членов еврейской общины.

Так же, как и евреи, селиться по соседству друг с другом предпочитали цыгане. Упоминания этой этнической группы в кадийских документах встречаются очень редко, однако они позволяют все же сделать ряд выводов о цыганах Софии. В 1726 г. цыганка Саиме, супруга цыгана Сафера, продала дом в квартале Куру чешме немусульманину Якиму⁵⁸. В числе соседей этого дома оказались двое цыган и один славянин. Сложность определения цыган в данном случае заключается в том, что этническая принадлежность не всегда упоминается в османских документах. Например, в данном протоколе указано, что Саиме — цыганка, но ее религиозная принадлежность не зафиксирована. В то же время, она носит турецкое имя Саиме. Что касается ее соседей, то в протоколе они обозначены как «немусульманин цыган Бошко» — то есть человек с христианским именем, и «цыган Ибрагим», который, судя по имени, мог быть мусульманином. Стоимость продаваемого цыганами дома составила 25,5 курушей, владение включало всего две комнаты — зимнюю и летнюю. Для сравнения можно привести протокол о продаже христианской женщиной в том же 1726 г. аналогичного дома в другом квартале за 18 курушей⁵⁹, что показывает, что хозяйство цыган в данном случае вполне ordinarily и не выделяется бедностью.

В целом сравнение данных двух источников и их анализ показали, что четкое разделение кварталов Софии по этноконфессиональному признаку со временем сглаживалось. Замкнутые в этническом плане кварталы, как, например, Кара Шахин в XVIII в. и в последующий период выглядели скорее редким исключением, нежели нормой. Население большинства кварталов становилось смешанным. Следует

констатировать, что если христиане проникали в изначально мусульманские кварталы, покупая там жилища, то первые появления мусульман в христианских кварталах связаны в основном с вложением капитала. Это показывает высокую степень интегрированности христиан в городскую среду, их готовность и умение приспосабливаться к предлагаемым обстоятельствам.

Смешанный состав соседей указывает на определенную «чересполосицу» при заселении квартала, мирное соседство христиан с мусульманами, т. е. постепенное смешивание представителей различных этнических групп внутри квартала, а не создание внутри одной, большой махалы меньших по размеру замкнутых анклавов представителей иной религии. Рост числа горожан с антропонимом «потомок Абдуллаха» — мусульман в первом поколении позволяет предположить, что сглаживание этнических границ между кварталами и их этноконфессиональной замкнутости происходило не только за счет переселения представителей различных религий внутри города, но и в ходе исламизации населения.

Источники не содержат сведений о существовании и местонахождении замкнутых цыганского и еврейского кварталов. По данным документов представители этих этносов компактно проживали в разных кварталах, изначально преимущественно в христианских. В то же время, представители еврейской общины были вполне интегрированы в городское общество, документы кадийского суда свидетельствуют об их активном участии в торговой жизни города.

Примечания

¹ София древна и млада. София, 1980. С. 76; См. также: *Цветкова Б.* София през XV–XVIII в. // София през вековете. София, 1989. Т. 1. Древност, средновековие, възраждане. С. 86.

² Подробнее о сиджилах см.: *Стоянов В.* Дипломатика на средновековните извори. Владетелски документи. София, 1991. С. 135–143; *Иванова Св.* Историята и съвременното състояние на колекция сиджили в ориенталския отдел на НБКМ // Известия на Държавните архиви. 1994. Т. 74. С. 3–5; *Faroqhi S.* Approaching Ottoman history: An introduction to the Sources. Cambridge, 1999. P. 55.

³ ТИБИ. София, 1977. Т. 6.

⁴ *Макарова И. Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв. М., 2005. С. 62–63.

⁵ Подробнее о документах купли-продажи см.: *Леонтьева А. А.* Имущественные и межконфессиональные отношения в болгарских землях XVII — начала XIX вв. по материалам худжетов // Вестник славянских культур. 2014. №4. С. 22–27.

- ⁶ ТИБИ. Т. 6. С. 245–246.
- ⁷ Там же. С. 251.
- ⁸ Там же. С. 312.
- ⁹ Там же. С. 313.
- ¹⁰ Там же. С. 258.
- ¹¹ *Първева Ст.* Земята и хората през XVII – първите десетилетия на XVIII век: Овладяване и организация на аграрното и социалното пространство в Централните и Южните Балкани под османска власт. София, 2011. С. 414.
- ¹² Там же. С. 282.
- ¹³ Там же. С. 281.
- ¹⁴ ТИБИ. Т. 6. С. 277.
- ¹⁵ Там же. С. 280.
- ¹⁶ *Димитров С.* Занаяти и търговия в София през XVIII век // София през вековете. София, 1989. Т. 1. С. 95.
- ¹⁷ См.: *Иванова Св.* Институтът на колективната отговорност в българските градове през XV–XVIII в. // Исторически преглед. 1983. № 1. С. 33–44; История на България. София. 1999. Т. 2. С. 173–178.
- ¹⁸ История на България. Т. 2. С. 173.
- ¹⁹ *Цветкова Б.* София през XI–XVIII век. С. 86.
- ²⁰ *Иширков А.* Град София през XVII век. София, 1912. К сожалению, в труде А. Иширкова практически отсутствуют ссылки на какие-либо источники, используемые автором.
- ²¹ Там же. С. 15.
- ²² ТИБИ. София, 1972. Т. 3. С. 88–95.
- ²³ Там же. С. 91, С. 92.
- ²⁴ ТИБИ. Т. 6. С. 213.
- ²⁵ *Димитров С.* Занаяти и търговия. С. 95.
- ²⁶ ТИБИ. Т. 6. С. 421 (географический указатель).
- ²⁷ ТИБИ. Т. 3. С. 93–94.
- ²⁸ ТИБИ. Т. 6. С. 251.
- ²⁹ Там же. С. 273.
- ³⁰ Там же. С. 318.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 329–330.
- ³³ *Димитров С.* Занаяти и търговия. С. 96.
- ³⁴ ТИБИ. Т. 6. С. 352.
- ³⁵ ТИБИ. Т. 3. С. 93.
- ³⁶ ТИБИ. Т. 6. С. 286.
- ³⁷ Там же. С. 288.
- ³⁸ Там же. С. 299.
- ³⁹ ТИБИ. Т. 3. С. 90.
- ⁴⁰ ТИБИ. Т. 6. С. 263.
- ⁴¹ Там же. С. 269.
- ⁴² Там же. С. 311.
- ⁴³ Там же. С. 358.
- ⁴⁴ Там же. С. 282.
- ⁴⁵ Там же. С. 250.

⁴⁶ Там же. С. 312.

⁴⁷ Там же. С. 315.

⁴⁸ Там же. С. 331.

⁴⁹ ТИБИ. Т. 3. С. 92.

⁵⁰ *Тодоров Н.* Еврейското население в балканските провинции на Отоманската империя през XV–XIX в. // *Idem.* Проучвания за историята на еврейското население в българските земи. XV–XX век. София, 1980. С. 11.

⁵¹ *Макарова И. Ф.* Болгарский народ. С. 74-75.

⁵² ТИБИ. Т. 6. С. 94, 155.

⁵³ Там же. С. 155.

⁵⁴ Там же. С. 251.

⁵⁵ Там же. С. 298–299.

⁵⁶ Там же. С. 362.

⁵⁷ Там же. С. 329–330.

⁵⁸ Там же. С. 321–322.

⁵⁹ Там же. С. 322.

Н. М. Филатова

Русская тема в периодических изданиях Царства Польского в 1815–1820-х годах

Создание конституционного Царства (Королевства) Польского (1815–1830), связанного с Россией династической унией, открывало новый этап в развитии российско-польских взаимоотношений. Накануне и в первые годы после этого события политика России и находящихся под ее эгидой правящих кругов Царства Польского была направлена на сближение двух народов, преодоление враждебности и национальной розни. Это было связано с общим внешнеполитическим курсом Александра I в те годы и модернизационными проектами 1815–1818 гг. Говоря о «провозглашенной Александром I новой политической эре», М. Майофис утверждает: «Новый этап в истории международных отношений, открывшийся после подписания актов Венского конгресса, и особенно Акта Священного союза, по замыслу Александра I, должен был воплотить его самые заветные мечты о прекращении войн и воссоединении народов Европы, вне зависимости от их национальной принадлежности или вероисповедания, в единое братство, ведущую роль в котором будет играть Россия»¹. Политическая необходимость, осознаваемая польской интеллектуальной элитой, требовала от нее создания непривычного, положительного образа России, что нашло отражение в различных сферах культуры: в науке и образовании, литературе (прежде всего, панегирической поэзии), театре, публицистике (в том числе речах и проповедях по торжественным случаям), церемониалах. Все, что выходило из печати, провозглашалось с кафедры, амвона или сцены и было напрямую связано с этой стратегией власти, мы можем охарактеризовать как проявления официальной культурной политики².

Периодическая печать Царства Польского, публиковавшая статьи, обзоры, рецензии и другие материалы, в которых Россия представляла в положительном свете, безусловно, служила проводником официальной культуры — независимо от степени влияния правительства на те или иные газеты или журналы. Под официальной обычно подразумевается культура, нормы и ценности которой провозглашаются и санкционируются властными структурами того или иного конкретного сообщества. Однако, учитывая то, что речь идет о государстве польском, переход которого под эгиду России стал политической необходимостью, осознаваемой польской элитой, а также сопровождался патриотическим подъемом, следует подчеркнуть неоднозначность понятия «официальная культура» в данном случае. Нельзя не принимать во внимание цензуру — как прямую (в 1819 г. в Царстве Польском постановлением наместника была введена цензура на периодические издания), так и опосредованную, которая, безусловно, препятствовала негативным высказываниям о России и русских. Однако никакая цензура не могла бы заставить частных издателей и редакторов (среди которых мы встречаем имена выдающихся представителей польской интеллектуальной элиты) печатать материалы вопреки своей воле. Поэтому, в первую очередь, издания, не выполнявшие прямой заказ правительства, а проявлявшие самостоятельную инициативу в подборе публикаций, лучше всего иллюстрируют попытки и пути «добровольного приспособления» к сложившейся политической ситуации. Ведь подобные публикации были связаны не только с линией, диктуемой политикой Российской империи, но и с ожиданиями части польского общества, настроенной конструктивно. Положительный образ России и ее монарха создавался совместно двумя заинтересованными сторонами.

В связи с обширностью материала данная статья претендует лишь на беглый обзор заявленной проблематики. В фокусе внимания будут публикации на тему России и русской культуры в большинстве значимых периодических изданиях Царства Польского («*Pamiętnik Warszawski*», «*Rozmaitości Warszawskie*», «*Dziennik Warszawski*», «*Lech*», «*Gazeta Polska*» и др.). Будут рассмотрены материалы, носившие преимущественно научный (в том понимании науки, какое было свойственно началу XIX в.) и научно-популярный характер.

Мы сосредоточимся на преобладающей тематике публикаций, позволяющей судить об уровне знаний о России и русской культуре,

а также на способах подачи материала. Последние отражали не только связанную со славянофильством культурную политику и желание (или нежелание) авторов и редакторов следовать ей, но и их компетентность в этой области, позволяющую предложить читателям тот или иной материал.

Останутся в стороне центральные газеты Царства Польского, такие как «*Gazeta Warszawska*» или «*Gazeta Korespondenta Warszawskiego i Zagranicznego*», функция которых была прежде всего информационной и заведомо официальной. Уже в 1814 г. они отражали празднования на польских землях именин и дней рождения российского императора, а также членов императорской семьи, в том числе главнокомандующего польской армией великого князя Константина Павловича, годовщины восшествия монарха на престол и т.д. Правительственные газеты обязаны были освещать также церемониалы торжественных въездов императоров в пределы Царства Польского, их встреч в польской столице, публиковали панегирики представителям династии Романовых и открыто использовали ритуальную верноподданническую риторику, называя русских побратимами поляков. Этой идее служили и разнообразные заказные материалы, публиковавшиеся на передовицах газет — например, «письма» в редакцию.

Среди рассматриваемой нами периодики — независимые издания литературно-критического и научного направлений, отражавшие позицию интеллектуальных кругов, но порой из-за вмешательства цензуры или недостаточной востребованности существовавшие всего несколько лет. В первую очередь, это важнейший для эпохи литературно-эстетический ежемесячный журнал «*Pamiętnik Warszawski, czyli dziennik nauk i umiejętności*» (1815–1823), тесно связанный с Обществом друзей науки и так же, как оно, задававший тон интеллектуальной атмосфере Варшавы. Основное направление журнала определялось задачами формирования национальной культуры, при этом в нем публиковалось довольно много серьезных материалов, взятых из европейской прессы. Его главным редактором был автор первого обобщающего труда по истории польской литературы Ф. Бентковский, а затем его сменил не менее известный поэт, литературный критик и историк литературы К. Бродзинский.

Своего рода продолжением этого издания стал «*Dziennik Warszawski*», ежемесячник, также посвященный научной и литературной

тематике и выходявший в 1825–1829 г. Одним из его редакторов был М. Мохнацкий, и в целом издание было связано с романтизмом: на его страницах публиковались стихи А. Мицкевича, произведения С. Гоциньского, статьи И. Лелевеля. В 1823 г. в Варшаве выходил «*Lech, dziennik polski, poświęcony literaturze, dziejom ojczystym i współczesnym*» («Лех, польский журнал, посвященный литературе, отечественной и современной истории»). Это было издание для интеллектуалов, в котором затрагивались темы истории Европы и Азии, античной и христианской культуры, а также славянской мифологии. С 1818 г. информационная «*Gazeta Korespondenta Warszawskiego i Zagranicznego*» издавала литературное приложение «*Rozmaitości Warszawskie*». С 1826 г. в Варшаве выходила информационно-политическая «*Gazeta Polska*», которая наряду с сообщениями официального плана (политических новостях Царства Польского и «сообщениях» из России — в частности, в 1827 г. там печатались донесения Следственного комитета по делу о Патриотическом обществе), содержала регулярную рубрику «Новости науки».

В подходе к русской теме издания почти единодушны — их отличает осторожность и достаточно бессистемный выбор политически нейтрального и разрозненного материала. Публикуются отрывочные информационные сообщения — например, о российской таблице о рангах, порядке прохождения службы и изменения, внесенные в него при Александре I³, статистические сведения по истории образования и науки в России⁴ и т. п.

Безусловно, пик интереса к России в Царстве Польском падает на 1818–1820 гг. (период наибольших политических ожиданий поляков от либеральной политики Александра I). Так, в течение 1818 г. «*Rozmaitości Warszawskie*» публикуют ряд статей историко-этнографического содержания, связанных между собой разве что попыткой развлечь читателя экзотикой русской жизни: «Русский карнавал, или Масленица», «Домик Петра Великого», «Русские ледяные горки», «Описание Павловска, летней резиденции императрицы Марии», «Отрывок из письма, присланного из Петербурга одним поляком, там находящимся», «Письмо русского из Петербурга»⁵ (эти материалы подчеркнута занимательны и представляют Россию как нечто любопытное и заслуживающие внимание своими необычными традициями, нравами («Русские — второй после французов народ по своей любви к забавам») и достопримечательностями).

Среди более серьезных публикаций, претендующих на научность, можно выделить статьи (чаще в форме обзоров, рецензий, презентаций переводных материалов, библиографических списков) на тему русского языка, истории литературы в России и российской истории, а также этнографии и географии.

Пожалуй, самой популярной темой среди публикаций о России, была история русской литературы. И это неудивительно: для начала XIX в., когда границы гуманитарных наук еще не были четко обозначены, история литературы воспринималась как синоним истории просвещения, подчас подменяла собой историю как таковую (которая как наука часто сводилась к хронологии и простому изложению фактов прежде всего истории политической).

Первым серьезно занялся истории русской литературы лингвист, автор «Словаря польского языка» С. Б. Линде, уже в августе 1815 г., т. е. практически сразу после официального провозглашения Царства Польского, начав публиковать в издании «*Pamiętnik Warszawski*» комментированный обзор «Опыта российской библиографии» В. С. Сопикова, книги, издававшейся в Петербурге в 1813–1815 гг.⁶ Обзор имел заглавие «О русской литературе» и фактически был посвящен истории рукописного и печатного дела на российских и граничащих с ними на западе землях. Используя официальную риторику и называя русских побратимами, Линде спешит сказать, что изучение русской литературы в новой политической ситуации важно из-за ее взаимосвязи с польской, из-за истории их взаимообогащения и соревнования за первенство. Польский ученый отмечает также, что его российский коллега признает: просвещение в славянских странах развивалось по направлению от юго-запада к северо-востоку, таким образом не отрицая, что роль поляков в развитии книгопечатания на восточнославянских землях была весьма высока. Линде предлагает польскому читателю обратиться к тем фактам русской культуры, которые «больше всего могут заинтересовать поляка», и желает «представить соотечественникам самые необходимые знания о литературе этого славного и могущественного народа, с которым нас связывает давнее братство, а сегодня и политический жребий»⁷. Таким образом, Линде ставит перед собой цель показать, что Россия развивается в европейском русле и провозглашаемое сближение славян в данном случае является сближением во имя просвещения, а с другой стороны — стремится увлечь читателя русской

темой, продемонстрировав ее тесную связь с национальной историей и культурой.

Обращение к истории книгопечатания и библиотечного дела в России постоянно служит тому, чтобы подчеркнуть решающую роль в ней польского влияния. Комментируя Сопикова, Линде указывает на отсутствие упоминания им ряда польских авторов и печатных изданий. Так, говоря о подъеме библиотечного дела в Европе в эпоху Возрождения, автор, по его словам, не упомянул ни библиотеки Залуских, пополнившей в последующем российские книжные собрания, ни ее библиотечарей, в том числе директора Яна Даниила Анджея Яноцкого. Неслучайно польская исследовательница М. Домбровска подчеркивает, что «Линде смотрит на „Опыт российской библиографии“ глазами знатока культуры польской, скрупулезно фиксирующего все случаи умалчивания о достижениях польских издателей, историков или писателей»⁸.

С другой стороны, тема книжных собраний позволяет Линде выставить русскую культуру в выгодном свете, приводя примеры, свидетельствующие о ее богатстве, например: «В России хранятся такие книжные сокровища, которым давно дивились иностранцы <...> и которые не уступают европейским». Выбирая цитаты, подчеркивающие древность русской культуры и ее преемственность со славянской, Линде апеллирует к признанной ценности славянской культуры в целом («славянский язык еще времен Владимира Великого обладал таким богатством и выразительностью, что мог выразить красоту и величие греческого»). Подчеркивая укорененность нынешней русской культуры в древности, Линде — с помощью Сопикова — показывает ее сопоставимость с европейской, ценность которой также лежит в древности письменного наследия. В то же время россиянам предстоит еще только познать свои корни, пути развития своей словесности, возродить науки и искусства и упорядочить книжные реликвии, которые нередко хранятся «в темных углах под толстым слоем пыли или же заперты в шкафу богатого bibliофила»⁹.

Подвергая сомнению написанное русским автором по поводу истории типографского дела, Линде ссылается на авторитетных в то время польских ученых: историка литературы Ф. Бентковского и историка Е. Бандтке, книгу которого он цитирует¹⁰. С помощью своих коллег-ученых он доказывает, что церковнославянская литература не была чужда Польше, а первые издания на церковнославянском

языке печатались в том числе в Кракове, не говоря уже о Киеве, Супрасле, Почаеве, Несвеже, Львове и Вильно. Приводя слова польского географа XVI в. Яна из Стобниц: «Язык Руси славянский, и на этом языке в соответствии с греческим обрядом совершается богослужение, буквы же их отличаются от латинских, греческих и древнееврейских. Ибо славянский язык имеет широкое распространение и поделен на разные вероисповедания», Линде подчеркивает, что Польша являет одну из ипостасей обширной культуры славянства. Он заканчивает эту часть публикации словами Бандтке: «Только когда Польша стала приходить в упадок, мы стали забывать то, что раньше имели сами»¹¹. Следует отметить, что не только Линде, но и другие польские авторы или же комментаторы переводных публикаций на темы русской истории и культуры часто ссылаются на ученых-соотечественников (в том числе на «нашего Раковецкого»), подкрепляя их авторитетом публикуемые сведения, или же, напротив, опровергая их.

Переходя к истории печати «славяно-русской», Линде, опять же, ссылаясь на Бандтке, спорит с Сопиковым о том, послесловия или же предисловия преобладали в книгах, изданных на «московских» землях и там, где преобладало влияние польской культуры. Упоминает о «нашем Стрыйковском», который насчитывает большое количество рукописей, еще до изобретения печатного станка посвященных русской истории. Продолжая ссылаться на польские авторитеты, в частности, на Шимона Старовольского, он пишет о Яне из Глогова, который в России перевел много христианских книг на церковнославянский язык и напечатал их в Кракове «для пользы северных народов». Таким образом, Линде делает акцент на том, что сама культура объединила «северное», т.е. восточнославянское население, находившееся под скипетром польских королей и русских князей, а значит — историю России и Польши. Для него важно главное: «печать в Кракове славянских богослужебных книг означает, что столько приверженцев русской (православной. — *Н. Ф.*) веры жило под скипетром польских королей в Червонной, Белой, Малой, Черной Руси, и знатнейшие дома <...> их опекали»¹². Кроме того, приводимые Линде цитаты из труда русского ученого призваны подчеркнуть, что просвещенные россияне отдают дань роли Польши в культурном развитии их страны, а также ввести совместную историю в русло общеславянской. Подобным использованием текста Сопикова польский ученый сам показывает пример культурного взаимодействия.

Отдельный раздел работы Линде, опубликованный в ноябрьском номере 1815 г.¹³, посвящен деятельности первопечатника Франциска Скорины, которого автор называет «соотечественником» (Скорина родился и работал на территории Великого княжества Литовского, учился в Краковском университете, основал в Вильне первую на территории государства типографию, где в 1522 г. издал «Малую подорожную книжку», а в 1525 г. — «Апостола»).

Линде немного нарочито просит прощения читателей за то, что пишет здесь «о славянских трудах поляка Франчишека Скорины из Полоцка». Это косвенно говорит о том, что автор постоянно пытается преодолеть некоторую дистанцию польской аудитории по отношению к идее славянского единства и задать новый угол зрения на нее, сделав акцент на польском вкладе в культуру восточного славянства. Например, он считает, что Скорина «смягчил использовавшийся до той поры церковный язык восточнославянским (*ruskim*) наречием, очень близким к польскому»¹⁴ (сегодня белорусские лингвисты говорят о белорусском изводе церковнославянского языка — языке, на котором Скорина печатал свои книги).

В продолжении очерка, неслучайно названного «О славяно-русской (в оригинале *rossyskiej*. — Н. Ф.) литературе» Линде подчеркивает польское происхождение и печатное наследие на польском языке Шимона Будного, который интересует Сопикова прежде всего как автор переводов на церковнославянский язык богослужебной литературы; добавляет сведения о «виленских» книгоиздателях братьях Мамоничах, которые оказались вне поля зрения русского автора¹⁵. Перейдя же к рассказу об Иване Федорове, польский автор делает акцент на зависти, наветах и гонениях, которыми были встречены работы московского первопечатника. В выигрышном свете выставляется опять же Польша: «Гонения на нашего мастера дошли до такой степени, что он принужден был оставить свою родину и отправиться в Польшу, где <...> был так хорошо принят королем Сигизмундом Августом <...>, что с еще большими успехами развивал свое искусство»¹⁶. Подчеркивает Линде и то, что в Смутное время, когда поляки заняли Москву, типография не была разрушена, напротив, при Лжедмитрии в московской типографии издавались книги. В 1823 г. Линде в предисловии к своему переводу «Опыта краткой истории русской литературы» Н. И. Греча также с удовлетворением утверждает, что один из периодов русской литературы можно с полным правом назвать польским¹⁷.

Тот же «*Pamiętnik Warszawski*» в 1816 г. публикует статью «Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия с 1801 по 1806 год, с добавлением замечаний о польской библиографии», представляющую собой изложение труда академика А. К. Шторха, который был им написан совместно с Ф. П. Аделунгом (это двухтомное сочинение, вышедшее в 1810–1811 гг., положило начало русской книжной статистике)¹⁸. Содержащая в основном статистические выкладки (например: «в течение упомянутых пяти лет в России вышло из печати 1304 сочинения») статья демонстрирует, что «искусства и науки пользуются в России уважением», а ее культурный опыт может быть востребованным. Успехи книгоиздательского дела, развивающегося как в столичных, так и в провинциальных городах, а также сам прецедент составления подобного обзора могут служить примером и полякам, — подчеркивает ее автор¹⁹. Библиографические подборки, сообщения о российских книжных новинках публиковались также в изданиях «*Dziennik Warszawski*», «*Gazeta Literacka*»²⁰.

Заслуживают внимания два обзора истории русской литературы, помещенные в изданиях «*Gazeta Polska*» и «*Rozmaitości Warszawskie*» в 1827 г. Один из них, напечатанный в «*Gazecie Polskiej*» под рубрикой «Новости науки», назывался «О литературе и истории славянских языков. Исторический обзор русской литературы» (1827)²¹. Другой, озаглавленный «Взгляд на русскую литературу», являлся изложением опубликованного на французском труда А. Бальби (на польском языке оно, что показательно, было напечатано дважды)²². На самом деле это было сочинение русского автора, М. М. Бахтина, представленное А. Бальби как анонимное²³. Для рассматриваемой эпохи характерно знакомство читателя с русской культурой посредством переводных — западных — публикаций. Отчасти это было связано с изначальной задачей таких публикаций: с одной стороны, сохранения видимой нейтральности, а с другой — возможностью представить «чужое» «своим», т. е. европейским, или же наоборот — завуалированно высказать истинное мнение об идее сближения с русскими.

Оба материала не ограничиваются информацией о литературе как таковой. Фактически они посвящены истории просвещения в России, развитию русской культуры в разные эпохи. Уже сама периодизация истории русской литературы в интерпретации авторов равнозначна принятой в те годы периодизации российской истории,

основанной на смене правления монархов. Так, в публикации Бальби сначала речь идет о просвещенной древности, связанной с принятием Русью христианства, затем о веках упадка культуры, когда силы народа были ослаблены раздробленностью, внутренними войнами и «варварским» господством татар. В это время, по словам автора, лучи света, которые уже начали освещать Россию, надолго погасли, «изменились нравы, женщины потеряли свободу, а мужчины нравственно измельчали и одичали»²⁴. Последующий период истории, также характеризуемый как «века темноты», является промежуточным между освобождением России от татарского ига и теми переменами, которые произошли в царствование Петра Великого.

Периодизация в статье «О литературе и истории славянских языков» подобна. История русской литературы делится автором на два главных периода: 1) «От возникновения и распространения кириллической азбуки до начала использования языка в светском обиходе, т. е. до эпохи Петра I» и 2) «От Петра I до нашего времени». В первом периоде выделяются три «эпохи»: «эпоха христианской религии», «татарская эпоха» и «эпоха освобождения государства». Второй делится соответственно на «эпоху Татищева», «эпоху Ломоносова» и «эпоху Карамзина»²⁵.

Путь к цивилизации описывался через сопоставление российских культурных достижений с европейским культурным и литературным наследием. Так, в обоих материалах сказания и песни о временах князя Владимира I Святославича — Крестителя Руси — сравниваются со средневековыми романсами, прославляющими Карла Великого. Бальби указывает на романы о рыцарях Круглого стола как на общий для Европы текст культуры, возможно, проникший и в Россию. По словам автора другой публикации, «Владимир Великий был в России тем, чем король Артур для певцов Запада»²⁶. В обеих публикациях особо подчеркивается ценность греческого влияния на русскую культуру: «В начале XI в., когда вся Европа лишь начала продирается сквозь пелену невежества, под покровом которой она находилась более пятисот лет, Россия уже поддерживала постоянные отношения с Грецией, с этой единственной тогда страной — прибежищем наук и искусств»²⁷. Начало истории, в котором было место для династических браков с европейскими, в том числе польскими монархами, а также тесных контактов с греческими учеными, сулило России большое будущее и преимущество перед народами «юга»

в области просвещения. Даже в «татарскую» эпоху «монастыри превратились в убежища для литературных древностей, новых сочинений и их авторов — отсюда еще более тесной стала связь России с Константинополем»²⁸.

История литературы и прогресс просвещения в России рассматривается в обеих статьях через усвоение западной культуры. В частности, Иван Грозный упоминается как тот, кто «приглашал лекарей и фармацевтов из Англии и Германии, основывал школы и типографии»²⁹. Другой, не менее важной ценностью представляется (также составляющее единый с Европой вектор развития) упрочение национального начала — родного языка и литературы на нем. Именно под этим углом зрения рассмотрена история словесности XVIII—XIX вв., в частности, борьба А. С. Шишкова за чистоту русского языка, или же эпохальная роль «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, получившей европейское признание.

Особо подчеркивается роль в развитии национальной культуры Петра I: усовершенствование им русского алфавита, основание новых типографий и учебных заведений, желание основать в России Академию наук. Как утверждает в публикации А. Бальби, постепенное развитие наук и искусств «казалось слишком медленным гению Петра Великого <...>. Тридцать шесть лет его правления возродили и преобразовали Россию, все ее уголки <...>, ее жители путешествовали по Европе, упражнялись в науках и искусствах, иностранцы находили в России не только прием, но и подобающее уважение»³⁰.

Реформы Петра для авторов публикаций (да и не только для них, поскольку тема Петра I и петровской эпохи в первые годы конституционного Царства Польского была популярна и на польской сцене) — бесспорный рубеж в истории русской культуры. Именно образ царя-реформатора, централизовавшего власть в России и укрепившего государство, лучше всего представлял российскую историю в ее официальной версии. К теме Петра I апеллировали в случаях, когда требовалось показать Россию в выгодном свете и подчеркнуть потенциал, заложенный в ее истории. Репрезентация российского императора как просвещенного монарха должна была акцентировать «европейскость» России. По словам Р. Уортмана, «Стремясь к легитимации своего существования, абсолютизм XVIII — начала XIX в. представлял себя как воплощение европейских идеалов — философских, эстетических и этических. Идеология в это время обслуживала

мифологическую презентацию монарха как трансцендентной фигуры — воплощения российской государственности и российской империи»³¹. Точно так же тема реформ Петра I была наиболее привлекательной для западных авторов, пишущих о российской истории, ибо в приобщении к европейским ценностям они видели квинтэссенцию исторического процесса.

Публикации на тему эпохи Петра I в польской периодической печати рассматриваемого периода встречаются, пожалуй, наиболее часто и этим выделяются из довольно бессистемных и малочисленных материалов по русской истории. Так, «*Lech, dziennik polski, poświęcony literaturze, dziejom ojczystym i współczesnym*» на примере истории создания российского флота демонстрирует цивилизаторскую миссию первого российского императора по отношению к собственному народу³². Как пишет автор статьи, Петр I «полагал, что расширение торговли между русскими людьми и другими просвещенными народами Европы будет способствовать изменению и некоторому смягчению нравов его народа»³³. Работой с топором в руках и собственным примером он хотел развить у русских привычку к труду и привить им вкус к мореплаванию, поступая при этом как персидский царь Кир (популярное в те годы сравнение), запретивший своим подданным ходить пешком, дабы приучить их к езде верхом. Важным представляется преобразование Московского государства в Россию — в статье, как и в целом в официальной публицистике того времени, вместо традиционно имеющих негативные коннотации «Москва», «москали» употребляются наименования «*Rosja*», «*Rosjanie*»³⁴. Перенесение столицы из Москвы в Санкт-Петербург названо «эпохой, навсегда памятной величием своего духа». Правление Петра Великого оценивается и в целом как ключевой период российской истории: «В течение тридцати лет он обуздал свой народ определенными правилами закона, разума и духа, дал армии своего государства новый устав, построил города, порты и крепости, создал многочисленный флот, заслужил любовь подданных, дружественное отношение соседей и заставил весь мир прославлять свои дела»³⁵.

Статьями о Петре I и его эпохе изобилуют также виленские издания. (Пресса еще ранее вошедших в состав Российской империи западных губерний, а в особенности виленских земель — особо стоит отметить «*Tygodnik Wileński*» и «*Dziennik Wileński*», — должна быть рассмотрена отдельно. Однако в исследуемый период, когда

большинство поляков ожидало присоединения польских губерний России к Царству Польскому — просветительские задачи польской интеллектуальной элиты на «отторгнутых» территориях были сходными. Виленские издатели также пытаются представить русскую культуру в выгодном свете, но делают это более прямолинейно: ведь Россия должна была именоваться ими «нашим государством». Рассматриваемые издания вполне закономерно являются более верно-подданическими, публикуют больше материалов о русской литературе и культуре по сравнению с большинством варшавских изданий. Однако избираемая тематика и дискурс остаются общими, что позволяет в некоторых случаях проводить параллели). Так, «*Tygodnik Wileński*» публикует отрывки из учебника русской истории Е. Константинова в переводе П. Островского, посвященные правлению Петра Великого, где «начало его бессмертных дел» представлено как «начало новой истории России»³⁶, а также занимательные истории из жизни царя в публикации под названием «Домик Петра Великого» о «скромном убежище, где победитель Карла XII создавал новые законы для своей страны»³⁷. Знаменательно, что статья под таким заглавием не единожды встречается на страницах польской периодики (см. выше), несмотря на то, что сами тексты и их источники разнятся в варшавском и виленском изданиях.

С репрезентацией императора-преобразователя, заложившего основы современной России, связано описание и дальнейшей ее истории как череды правления просвещенных монархов — наследников великого Петра. Именно поэтому в исторических публикациях на страницах польской периодической печати чаще всего упоминаются «Великий», «Великая» и «Благословенный», т. е. Петр I, Екатерина II и Александр I³⁸.

Например, про «эпоху, охватывающую правление императриц Елизаветы и Екатерины II», «*Gazeta Polska*» пишет, что она «демонстрирует значительный прогресс в формировании русского языка и литературы». Во времена же Александра I сложилось «общее представление о единстве и всех частях русской литературы», тогда как до этого времени накапливались лишь отдельные элементы, ждущие возведения из них единого здания». Но «только при императоре Александре эта идея стала воплощаться, и все жанры литературы приобрели равные права и обогатились многочисленными трудами»³⁹.

Характерно прославление императрицы Елизаветы Петровны, как дочери своего отца, заботящейся о развитии наук и искусств и основавшей Московский университет и Академию художеств в Петербурге. Приметы новой политической ситуации видны в отсутствии негативных высказываний в адрес участвовавшей в разделах Польши Екатерины II. Напротив, вот что пишут о ней «*Rozmaitości Warszawskie*»: «Екатерина, так хорошо известная за пределами России своей политикой и одержанными победами, тем не менее была великой во внутренней политике и мудро управляла всеми принадлежащими ей землями». Ее деятельность в области развития просвещения оценивается очень высоко: «Она основала множество новых институтов для развития различных областей познания. Главные из них — это Академия российская, занимавшаяся русским языком, Горное училище, Медико-хирургическая школа». По словам автора публикации, императрица «для цивилизации России сделала больше, нежели все ее предшественники»⁴⁰.

Однако наибольшая доля дифирамбов в польской прессе относится, конечно, к «воскресителю Польши» Александру I. В контексте российской истории и культуры его правление представлено как эпохальное. Оно отмечено не только успехами литературы, но и реформой системы образования, началом самостоятельного развития отечественной науки («русские до этого времени лишь следовали за развитием науки в других странах, издавая только элементарные работы»), новыми географическими открытиями, а следовательно, расширением пространственного кругозора соотечественников, достижениями в живописи и архитектуре⁴¹. «Благословенным в подлинном значении этого слова» называет монарха С. Б. Линде, обращая внимание на то, что в переведенном им труде Н. И. Греча третья часть посвящена истории литературы при Александре I⁴².

С темой литературы сливалась тема языка, рассматриваемая сквозь призму идеи славянской общности. Фактически то, что принято в историографии характеризовать как «славянофильство» первых лет существования Царства Польского⁴³, означает по сути направление польской общественной и научной мысли, связанное с поддержкой официальной политики русско-польского сближения, поисками историко-культурных основ этого сближения. Именно поэтому сама идея славянской взаимности осталась надолго болезненной для польской интеллектуальной элиты.

С. Б. Линде как лексикограф, занимающийся вопросами этимологии, в комментариях к труду В. Сопикова поясняет значение тех или иных русских слов, указывая на их сходство или различие с польскими синонимами. Демонстрируя читателю богатство русского языка, он, в частности, указывает на то, что русские слова «опыт» и «словесность» не имеют полных аналогов в польском, поясняет значение слов «преемник» и «любопытство» и т. д. Ученый делает это, руководствуясь — в духе официальной риторики — заявлением о том, что «языки наших побратимов не могут быть нам безразличны»⁴⁴.

«*Gazeta Polska*» в очерке «О литературе и истории славянских языков» (1827) подчеркивает связь польского языка с русским через «белорусское, или польско-русское» «наречие русского языка». При этом автор анонимной публикации отдает дань благородству звучания русского и «малороссийского» языков, признавая их среди всех славянских наиболее приспособленным для поэзии.

В 1827 и 1829 гг. издание «*Dziennik Warszawski*» публикует статьи профессора русского языка и литературы Кременецкого лицея Яна (Ивана Трофимовича) Александровского, посвященные славянскому языкознанию⁴⁵. Утверждая в статье под названием «Филологическое сравнение русского и польского языков», что проведение параллели между польским и русским языками является куда более важным и нужным делом, чем сравнение польского с латынью, автор стремится продемонстрировать близость двух культур и опровергнуть «неизвестно откуда взявшееся» представление о русском языке как о подвергнутому сильному азиатскому влиянию.

В духе славянофильской идеологии он указывает на церковнославянский как на «единый источник всех славянских языков». «Церковный» язык, по его словам, был подобен святому источнику, нетронутому и не испорченному никакой иностранщиной. При этом «славяне Киева и Новгорода» были его самыми верными хранителями, теперь же его чистоту блюдет православная церковь. Польский же язык, напротив, «взяв неизвестно откуда некоторые звуки, чуждые всем славянским наречиям <...>, сильно отдалился от своего отца, а лучше сказать, от старшего брата — церковнославянского языка»⁴⁶.

Однако главным достоинством обоих языков является лексическое богатство, сближающее их с древнегреческим и латинским. Близость классическим, античным образцам — эта неоспоримая ценность

в глазах педагога-филолога и вообще просвещенного человека начала XIX в. — повышает статус обоих языков, говорит об их равноценном вкладе в европейскую культуру и потенциальных возможностях.

Характерно, что варшавская редакция намеренно дистанцировалась от позиции русского по происхождению преподавателя учебного заведения, которое, хотя и было по духу польским, находилось все же в пределах Российской империи. Его славянофильские высказывания или же те пассажи, где русский язык восхвалялся в ущерб польскому, сопровождались примечаниями редактора, считавшего своим долгом отметить расхождение своего мнения с мнением автора. Так, заявление Александровского о том, что почти каждый народ, происходящий из славянского рода, считает, что именно его родной язык наиболее сходен с языком древних славян, редактор комментирует следующим образом: «Поляки вовсе не претендуют на то, чтобы их язык считался более других приближенным к славянскому языку»⁴⁷. Подобные примечания — прямой знак того, как трудно так называемые славянофильские идеи воспринимались польским обществом. Будучи частью официальной идеологии, они так и не укоренились и в 1829 г. вызывали лишь протест и раздражение.

Из публикаций на исторические темы следует отметить также «Некоторые замечания по поводу генеалогических таблиц царствовавших в России монархов»⁴⁸, а также «Некоторые подробности о Владимире Великом»⁴⁹, помещенные в издании «*Lech*». Первая из них представляет собой рецензию на труд Л. Митона «Родословные владетельных князей российских» (СПб., 1821). В ходе обзора автор (судя по инициалам, которыми подписана статья, это был Гжегож Бучиньский — переводчик «Истории государства Российского») останавливается на истории Киевской и Московской Руси, негативной роли феодальной раздробленности, сравнивает ее с историческими разделами других стран Европы. Важным представляется то, что автор выбирает примеры, находящиеся на стыке польской и российской истории, например, указывает на особую роль Галицкого княжества в XIII в., а также сравнивает достижения в генеалогических изысканиях Н. М. Карамзина и А. Нарушевича. Указывая на то, что генеалогические таблицы А. Нарушевича включают в себя родословную не только правителей Польши, но и соседних с ней государств, в том числе России, он лишний раз указывает на единство истории двух стран.

В «Некоторых подробностях о Владимире Великом» воспроизводится сюжет летописного рассказа, зафиксированного также Карамзиным, о Владимире и Рогнеде (характерно, что имена в польском тексте искажены: *Rogreda, Jstiosław*). Рассказ призван продемонстрировать благотворную роль, которую принятие христианства оказало на князя: «Слишком образованный, чтобы не понимать всех недостатков отечественной религии, Владимир решил распространить веру, которая могла бы дать чутким сердцам нравственное успокоение»⁵⁰. Можно заключить, что Владимир Великий — даже по частоте упоминания на страницах польской прессы — предстает, так же, как и Петр I, «культурным героем» русской истории.

Что касается России начала XIX в., то программная статья издания «*Lech*» в его первом номере подчеркивает единство просвещенной Европы, являющей собой «образ источника света, расходящиеся лучи которого направлены на несколько главных точек». Среди этих направлений выделяется Россия, «представляющая сегодня собой огромную страну, которая под властью просвещенного монарха добилась прогресса, достойного удивления. Могущественный монарх упрочивает основы своего государства, уже один раз усиленные Петром I. Потомки с гордостью будут вспоминать правление великодушного монарха, который гарантировал их дальнейшее существование»⁵¹. Рисуя либеральный образ Европы, статья акцентирует включенность России в политические процессы благодаря мудрой и прогрессивной политике Александра I.

Таким образом публиковавшиеся в периодической печати Царства Польского материалы демонстрировали пути приобщения России к цивилизации, показывали, что «титульная» нация также обладает достойным прошлым. Главная идея, объединявшая рассмотренные выше разрозненные публикации на исторические, краеведческие, этнографические темы, статьи, связанные с историей русской литературы и языка, а также достаточно случайно подобранные переводные библиографические, статистические и тому подобные сведения, сводилась к тому, чтобы показать, что Россия развивается в европейском русле. Все они, как показывает анализ их содержания, демонстрировали успехи России на ниве просвещения, историческую связь (но обязательно на равноправных началах) русской культуры с польской. Характерно также, что польские авторы публикаций пытаются максимально приблизить экзотический материал

соотечественникам — ссылаясь на мнения авторитетных польских ученых или же проводя параллели с польской историей.

Однако период, когда идея сближения двух народов, взаимного познания и преодоления вековой враждебности всерьез воспринималась польской интеллектуальной элитой, оказался недолгим. И хотя выдержанные в подобном официальном ключе материалы о русской культуре продолжали печататься в периодических изданиях Царства Польского и в 1828–1829 гг., вплоть до восстания 1830 г., эти публикации не вызывали более положительного отклика у польской аудитории.

Примечания

¹ *Майофус М.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 35, 26.

² Подробнее см.: *Филатова Н. М.* Создание Царства Польского в 1815 г. в отражении официальной польской культуры // *Славяноведение*. 2015. № 5. С. 28–42.

³ *O stopniowaniu w służbie Rossyjskiej cywilnej* // *Pamiętnik Warszawski*. 1817. Т. 8. S. 355–360.

⁴ *Instytutu naukowe w Cesarstwie Rosyjskim i Królestwie Polskim z obrazem stanu duchowieństwa, w roku 1820* // *Pamiętnik Warszawski*. 1821. Т. 20. S. 456–468.

⁵ *Karnawał Rosyjski czy Maślenica* // *Rozmaitości Warszawskie*. 1818. Т. 1. N 4. S. 13–15; *Domek Piotra Wielkiego (Wyjątek z dzieła P. Swinin)* // *Ibid.* N 13. S. 59–60, N 15. S. 71–72; *Góry Rosyjskie* // *Ibid.* N 21. S. 96; *Opisanie Pawłowska, letniego mieszkania cesarzowej Marii* // *Ibid.* N 24. S. 109–111; *Wyjątek listu pisanego z Petersburga przez pewnego Polaka tamże zostającego* // *Ibid.* N 48. S. 213–216; *List Rosjanina pisany z Petersburga* // *Ibid.* N 52. S. 138–139.

⁶ *Linde S. B.* O literaturze Rossyjskiej przez S. B. Lindego // *Pamiętnik Warszawski*. 1815. Т. 2. S. 411–428; Т. 3. S. 14–34, 133–150, 277–298; 1816: Т. 4. S. 3–21, 285–296; Т. 5. S. 3–21, 125–144.

⁷ *Ibid.* Т. 2. S. 412.

⁸ *Dąbrowska M.* Samuel Bogumił Linde a kultura i nauka rosyjska (na materiale czasopism początku XIX wieku) // *Acta Polono-Ruthenica XIX*. 2014. S. 200.

⁹ *Linde S. B.* O literaturze Rossyjskiej. Т. 2. S. 412–425.

¹⁰ *Bandtke J. S.* Historia drukarni Krakowskich, od zaprowadzenia druków do tego miasta, aż do czasów naszych, wiadomością o wynalezieniu sztuki drukarskiej poprzedzona. Kraków, 1815.

¹¹ *Linde S. B.* O literaturze Rossyjskiej. Т. 3. S. 34.

¹² *Ibid.* S. 145–147.

¹³ *Ibid.* S. 277–298.

¹⁴ *Ibid.* S. 292, 297.

¹⁵ *Ibid.* 1816. Т. 4. S. 17, 292.

¹⁶ *Ibid.* S. 290–291.

¹⁷ *Linde S. B.* Mikołaja Grecza rys historyczny literatury rossyjskiej z rossyjskiego przez S. B. Linde. Warszawa, 1823. S. 3.

¹⁸ *Obraz systematyczny literatury w Rosyji w przeciągu lat 5, od 1801 do 1805, z dołączeniem uwag nad Bibliografią polską // Pamiętnik Warszawski, 1816. T. 6. S. 53–64.*

¹⁹ *Ibid. S. 54, 59.*

²⁰ См., например: *Daniłowicz I. Wiadomość o dziele K. Kałajdowicza o rękopismach słowiańskich i ruskich // Dziennik Warszawski. 1825. T. 2. S. 367–391; 1826. T. 6. S. 136–151.* Библиографическая информация о публикациях на тему русской науки в польской периодической печати первой трети XIX в. частично содержится в книге: *Wołoszyński R. W. Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830. Warszawa, 1974.* Тем не менее автор отмечает «отсутствие до настоящего времени анализа или хотя бы детального сопоставления сведений о России в польской прессе» (*Ibid. S. 97*). Это замечание Волошинского актуально до сих пор. Стремясь отчасти восполнить данный пробел, мы видим свою главную задачу в репрезентации научного и публицистического дискурса 1815–1820-х годов.

²¹ *O literaturze i historii języków Słowiańskich. Rys historyczny literatury rosyjskiej // Gazeta Polska. 1827. T. 2. N. 121–122.*

²² *Rzut oka na literaturę Rossyjską. Wyciąg ze wstępu objaśniającego Atlas etnograficzny kuli ziemskiej, przez Adryana Balbi (Paryż, 1826) // Rozmaitości Warszawskie. 1827. T. 10. N 21. S. 265–268; N 22. S. 269–273; N 23. S. 282–284; N 24. S. 290–292; N 25. S. 295–299; N 26. S. 304–306; N 27. S. 309–311; Gazeta Polska. 1828. N 18–19.*

²³ См.: *Wołoszyński R. Op. cit. S. 135.*

²⁴ *Rzut oka na literaturę Rossyjską. N 21. S. 266.*

²⁵ *O literaturze i historii języków Słowiańskich // Gazeta Polska. 1827. T. 2. N 121. S. 474.*

²⁶ *Ibid.*

²⁷ *Rzut oka na literaturę Rossyjską. S. 265.*

²⁸ *O literaturze i historii języków Słowiańskich // Gazeta Polska, 1827. T. 2. N 121. S. 474.*

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Rzut oka na literaturę Rossyjską. S. 268.*

³¹ *Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. I. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton; NY, 1995. P. 233.*

³² *Marynarka Rossyjska pod panowaniem Piotra Wielkiego // Lech. 1823. T. 1. S. 229–334.*

³³ *Ibid. S. 229.*

³⁴ См. об этом: *Dąbrowicz E. Moskale i Rosjanie w literaturze pierwszej dekady Królestwa Kongresowego // Obraz Rosji w literaturze polskiej / Red. J. Fiećko, K. Trybuś. Poznań, 2012.*

³⁵ *Marynarka Rossyjska. S. 231, 234.*

³⁶ *Panowanie Piotra Wielkiego // Tygodnik Wileński. 1822. T. 3. N 7. S. 145–152; N. 8. S. 183–187.*

³⁷ *Domek Piotra Wielkiego. Wyjątek z dzieła pod napisem: Description des objets les plus remarquables de St. Petersbourg. T. 3. S. 45. // Tygodnik Wileński. 1820. T. 10. N 174. S. 265–269.*

³⁸ См., например: *Panowanie Piotra Wielkiego. S. 145.*

³⁹ *O literaturze i historii języków Słowiańskich. Rys historyczny literatury rosyjskiej // Gazeta Polska, 1827. T. 2. N 122. S. 478.*

⁴⁰ *Rzut oka na literaturę Rossyjską. N 22. S. 272–273.*

- ⁴¹ Ibid. N 25. S. 297–299.
- ⁴² *Linde S.B.* Mikołaja Grecza rys historyczny literatury rosyjskiej. S. VI.
- ⁴³ *Францев В.А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX столетий. Прага, 1906; *Klarnerówna Z.* Słowianofilstwo w literaturze polskiej lat 1800 do 1848. Warszawa, 1926; *Zieliński A.* Naród i narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815–1831. Wrocław etc., Ossolineum, 1969.
- ⁴⁴ *Linde S.B.* O literaturze Rosyjskiej // Pamiętnik Warszawski. 1815. T. 2. S. 411.
- ⁴⁵ *Aleksandrowski J.* Wiadomość o pierwiastkowej uprawie cerkiewnego i ruskiego języka // Dziennik Warszawski. 1827. T. 10. S. 19–59; *Idem.* Porównanie filologiczne języków Rosyjskiego i Polskiego // Ibid. 1829. T. 16. N 47. S. 1–49.
- ⁴⁶ *Aleksandrowski J.* Porównanie filologiczne. S. 3–6.
- ⁴⁷ Ibid. S. 1.
- ⁴⁸ Niektóre uwagi nad tablicami Genealogicznymi panujących Monarchów Rosyjskich; a mianowicie nad tablicą ułożoną przez Ludwika Mitona // Lech. 1823. T. 2. S. 16–32.
- ⁴⁹ Niektóre szczegóły o Włodzimierzu Wielkim // Lech. 1823. T. 1. N 1. S. 117–123.
- ⁵⁰ Ibid. S. 119.
- ⁵¹ Obraz polityczny Europy // Lech. 1823. T. 1. N 1. S. 29.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
И МЕЖДУ-НАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ

Болгария и Сербия в 1912–1913 гг.: соперничество за статус «любимца» России на Балканах*

Поздним летом 1912 г. по Балканам витал призрак войны — после терактов и последовавшей резни в Штипе и Кочани общественное мнение Болгарии, Сербии, Греции и Черногории, которых затем стали условно объединять под наименованием Балканского союза, требовало немедленного объявления войны Османской империи. Европейский концерт был не готов к таким затруднениям — началу мировой войны требовалась отсрочка, — и на Софию, Белград, Афины и Цетинье он начал оказывать давление. Последней попыткой дипломатического нажима стало совместное заявление от имени шести великих держав российскими и австро-венгерскими представителями властям в столицах готовящихся к вооруженному выступлению государств. Бурлящим странам в очередной раз обещали реализацию 23-й статьи Берлинского договора 1878 г. о проведении реформ в Македонии и предупреждали, что изменение территориального *status quo* Европейской Турции не будет допущено. Направляя в Константинополь ноту с требованием скорейших реформ в Македонии под их контролем, страны-участницы Балканского союза не ожидали иного ответа, кроме отказа, и уже проводили мобилизацию войск. 5 октября** Болгария и Сербия, на следующий день и Греция присоединились к Черногории, с 25 сентября уже воюющей с Османской империей. Началась Первая балканская война.

---

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках работы над проектом 15-31-01003а1.

** Здесь и далее даты приводятся по юлианскому календарю (старому стилю).

Союзники прекрасно понимали, что великие державы могут сдержать свое обещание и не допустить изменения границ на полуострове. Но ключ к их сговорчивости можно было попытаться найти в общественном мнении европейских стран, вынудить правительства подчиниться требованиям общества. Для Болгарии и Сербии наибольшую значимость представляла позиция российского руководства, которое, по мнению балканских славян, было более всего заинтересовано в их успехах и одновременно — в их лояльности. Никто из этого не делал секрета, и политики как в Софии, так и в Белграде говорили об этом корреспондентам¹. Прекрасно это осознавали и русские публицисты². В то же время болгары и сербы преследовали различные цели — первых интересовал, прежде всего, вопрос, насколько Россия позволит им приблизить границы к черноморским проливам, вторых же — получить ли они выход к Адриатическому морю вопреки противодействию Австро-Венгрии.

В итоге, хотя цели и различались, но задача была одна — доказать собственную лояльность. В первую очередь это оказалось связано с самым началом войны. В Петербурге не для соблюдения формальностей настаивали на мирном урегулировании отношений Османской империи с балканскими союзниками — вероятность общеевропейской войны представлялась высокой, а Россия не была к ней готова, в силу чего в здании МИД на Певческом мосту негативно отнеслись к своеволию Софии и Белграда.

Правительства Болгарии и Сербии нашли выход из ситуации — они стали позиционировать войну как народное требование. Сербский премьер Никола Пашич (1845–1926) говорил корреспонденту Вас. И. Немировичу-Данченко: «Попробуй правительство вернуть армию, — она смоет его, как пену, выброшенную на берег. Мы этого ждали. Мы истощили все»³. Белградский профессор Радован Кошутич (1866–1949) 22 октября 1912 г. заявил в Петербурге в Обществе славянской взаимности: «И если бы правительства и престолы не пошли вместе с народами, и они были бы сметены, и другие вожди повели бы нас туда»⁴. Почти дословно 4 ноября повторил эту мысль в Обществе славянского научного единения русский общественный деятель сербского происхождения Душан Иванович Семиз (1884–1956): «И, если бы правительство и престолы не пошли вместе с народами, были бы сметены и они, и иные вожди повели бы югославян к их славной цели»⁵.

Вторила им русская печать. Еще до начала боевых действий, в августе 1912 г., газета «Утро России» сообщала, что открылся болгарский народный конгресс, который заявил, что «не намерен останавливаться даже перед низложением царя, если Македония не будет освобождена»⁶. А уже во время Первой балканской войны «Вестник Европы» приводил слова болгарского царя: «Если бы я противился войне, я, наверное, лежал бы головой на тротуаре»⁷.

Российский посланник в Софии Анатолий Васильевич Неклюдов (1865–1943) 23 августа писал министру иностранных дел Сергею Дмитриевичу Сазонову (1860–1927): «Для Фердинанда и для нынешнего кабинета противиться войне значило бы, при известных условиях, отказаться от власти»⁸. И уже спустя годы он с уверенностью писал в воспоминаниях: «Если бы болгарское или сербское правительство пожелало бы выполнить требования держав, <...> это неминуемо спровоцировало бы революцию, и вооруженные отряды пересекли бы границу по собственной инициативе»⁹. Иначе понимал ситуацию военный агент в Турции генерал-майор Иван Алексеевич Хольмсен (1865–1941). В рапорте начальнику Генерального штаба Якову Григорьевичу Жилинскому (1853–1918) от 30 августа 1912 г. он назвал антитурецкие настроения в Софии «якобы народным движением». «Корректное поведение» болгарского правительства по отношению к митингами и манифестациями против турок и в защиту македонцев он считал доказательством нестихийности настроений¹⁰. Находясь вне болгарского общества, он мог оценивать ситуацию более объективно, нежели окруженный воздействием государственных деятелей и болгарской прессы А. В. Неклюдов.

Посланник в Белграде Николай Генрихович Гартвиг (1857–1914) также сообщал о народном требовании войны, но добавлял, что Сербия, в случае объявления Болгарией войны Турции, будет вынуждена присоединиться, таким образом, перекладывая вину за столь неудобную России турбулентность на Балканах на плечи болгар. 28 августа 1912 г. он писал, что Н. Пашич находится в трудном положении «ввиду получаемых из Софии вызовов, сильно поднимающих воинственный дух не только в самом Белграде, но и в провинциях», что лидер правящей старорадикальной партии борется всеми силами против таковых настроений, а «узел положения» находится в Софии¹¹. 31 августа в Петербург посланник передавал слова сербского премьера о его готовности «употребить всю силу своего авторитета»

для успокоения общества и даже намерении отсрочить созыв парламента, чтобы предотвратить утверждение военных кредитов. При этом, добавлял глава правительства, Сербию нельзя будет удержать в случае активных действий Болгарии, «ибо нас всех сметет народная волна»¹². Еще через несколько дней Н. Г. Гартвиг сообщил, что Н. Пашича, «конечно, не приходится убеждать» в нежелательности войны, однако его «особенно пугает мысль, что правительство не устоит против все расширяющейся воинственной волны в среде некоторых общественных и политических кругов, откуда уже раздаются по адресу преданной России старорадикальной партии возгласы „изменники“»¹³. Позже посланник передал слова Н. Пашича о том, что тот будет «до последней крайности» бороться с воинственными настроениями, но не надеется на собственные силы, поскольку чувствует себя в одиночестве¹⁴, а также о том, что в личном разговоре с главой болгарского парламента Стояном Даневым (1858–1949) сербский премьер всячески старался умирить пыл и оптимизм собеседника¹⁵.

Однако параллельно из Белграда поступала и иная информация. 11 сентября 1912 г. русский военный агент Виктор Алексеевич Артамонов (1873–1942) в секретном рапорте генерал-квартирмейстеру Генштаба Юрию Никифоровичу Данилову (1866–1937) развернуто изложил свое понимание ситуации. По его мнению, руководство Сербии сознательно вводило в заблуждение свой народ, обещая поддержку России, а правительство Н. Пашича было неискренним: «Успокаивая нас миролюбивыми заявлениями и уверяя, что сербы не тронутся первыми, сербское правительство совместно с болгарским бесповоротно решили воевать, имея в виду, что добиться разрешения на войну от держав Тройственного согласия все равно не удастся», но в итоге страны Антанты будут вынуждены их поддержать на дипломатическом уровне, рассчитывая привлечь на свою сторону в будущей войне. Сомневался он и в ссылках союзных правительств на «общественную волну», способную их смести в случае отказа от войны. «Полагаю, что как в Сербии, так и в Болгарии общественное мнение руководится правительством, которое могло бы остановить движение», — писал он¹⁶.

Того же мнения придерживался первый секретарь миссии в Белграде Василий Николаевич Штрандтман (1873–1963). В воспоминаниях он указывает, что общественное мнение не могло влиять на политиков, а газеты в Сербии являлись «орудием для производства

желаемого ими впечатления — будь-то внутри страны, *будь-то за границей* (курсив наш. — Н.Г.)», после чего правительство ссылалось на волю народа, якобы отраженную в печати¹⁷.

Когда боевые действия начались, русское общество было восхищено победами балканских славян, газеты пестрели дифирамбами в их честь¹⁸, при этом в войне выделялся вынужденный, но прогрессивный шаг. Правительству это приходилось учитывать и идти на некоторые уступки болгарам и сербам, сохранившим, по крайней мере на словах, полную лояльность своему покровителю. Однако итог оказался различным.

Еще до объявления войны глава болгарского парламента С. Данев отправился на зондирование почвы в Россию: допустит ли Россия переход города Адрианополь (ныне Эдирне в Турции) под скипетр болгарского царя? С. Д. Сазонов ему говорил, что не может дать никакого ответа без согласия Генерального штаба¹⁹. Однако в тот момент начальник Генштаба Я. Г. Жилинский серьезно болел, и С. Даневу пришлось отказаться от идеи прямого разговора с ним²⁰. В конце октября, когда все уже позабыли об угрозе держав не признавать приобретения балканских стран, глава МИД напомнил о них посланнику в Софии. 18 октября 1912 г. Сазонов сообщил, что линия болгарских приобретений должна пройти по р. Марице, разделяя Адрианополь, и «двух толкований в этом вопросе быть не может»²¹. А. В. Неклюдов ответил, что это крайне опасный шаг, поскольку все болгарское общество требует присоединения Адрианополя, а выполнение предписаний официального Петербурга приведет к очень опасным последствиям для русского влияния в этой стране. Сазонов прислушался к мнению подчиненного²² и уже 22 октября сообщил послу в Париже Александру Петровичу Извольскому (1856–1919) для его «личного осведомления», что военное ведомство «считает возможным видоизменить свой взгляд» на сохранение линии через Адрианополь, поэтому уступка его возможна²³. А 24-го телеграфировал посланнику в Софии: «С нашей стороны не встречается препятствий к возможному присоединению к Болгарии Адрианополя»²⁴. Цель болгар была достигнута.

Сложнее пришлось сербам. Их желания вошли в противоречие с планами Австро-Венгрии. В Вене настаивали на создании албанского княжества в границах, лишивших Белград выхода к Адриатическому побережью. Когда 15 октября 1912 г. Н. Пашич через печать

выразил просьбу к великим державам передать его стране «хотя бы небольшой порт» на Адриатике, в тот же день министр иностранных дел Австро-Венгерской монархии Леопольд Бертольд (1863–1942) на объединенном заседании австрийской и венгерской делегаций заявил, что монархия имеет «на Балканах жизненно важные интересы и будет отстаивать их при всяких обстоятельствах»²⁵. Тогда сербы решили явочным путем обеспечить себе искомые территории. Посредством невероятных усилий солдатам короля Петра удалось выйти к побережью в кратчайшие сроки. В Вене на это отреагировали крайне жестко. Военные суда курсировали по Дунаю, освещая прожекторами Белград, в Сараево отпечатали прокламацию об объявлении войны, в империи объявили частичную мобилизацию²⁶.

Российское правительство оказалось в сложной ситуации. И соображения престижа, и давление периодической печати подталкивали к безоговорочной поддержке сербских требований, но это грозило войной с Австро-Венгрией, а, соответственно, и с Германией. Опасность конфликта была крайне велика, российское правительство даже стало выяснять отношение населения «по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос»²⁷, было задержано увольнение в запас нижних чинов, прошедших срочную службу, но в руководстве страны возобладали сторонники мира. Давление Сербии оказалось безрезультатным²⁸, впрочем, как и последующая активность Черногории в том же направлении²⁹.

В конце концов перспектива получения Сербией искомых территорий на Адриатике исчезла, и соседние балканские народы были вынуждены заняться дележом общего имущества — Македонии. Как выразился российский историк В. И. Косик, «кратко говоря — их испортил „квартирный вопрос“»³⁰.

Согласно болгаро-сербскому союзному договору и его тайным приложениям, подписанным в феврале 1912 г., земли делились на три зоны: две бесспорные (каждая безусловно отходила Болгарии и Сербии) и одну спорную, участь которой должен решить оговоренный арбитр — российский император. Но в связи с тем, что ход событий внес свои коррективы (Сербия оказалась лишена предполагавшегося выхода к Адриатике, в то же время болгарская армия не приняла условленного участия в боях в Македонии, а сербы помогали в осаде Адрианополя) в Белграде подняли вопрос о пересмотре союзного договора в части, касавшейся раздела завоеванной Македонии.

В Софии на это отреагировали очень болезненно, обе стороны обратили свои взоры на Петербург. И российское руководство оказалось загнано своими клиентами в цугцванг: выбор одного автоматически переводил второго в стан Тройственного союза, в скорой войне с которым никто не сомневался. России следовало определиться, кто ее любимец на Балканах, кого она будет рассматривать в качестве своего главного союзника на полуострове.

Болгарам и сербам предстояло бороться за этот статус, и в том числе на ниве общественного мнения. При этом задача последних была несколько проще. Зигзаги внешней политики царя Фердинанда (1908–1918) не были забыты, и министр иностранных дел, и глава правительства, по признанию последнего, изначально были на стороне Сербии³¹. Павел Николаевич Милоков (1859–1943) аналогично оценивал взгляды С. Д. Сазонова, считая, что тот предпочитал сербов, «старых клиентов России перед новыми — болгарами»³².

Тем не менее до весны 1913 г., по словам болгарского историка И. Илчева, болгарское правительство в плане пропаганды стремилось обороняться, поскольку «не хотело раздражать своих союзников вопреки многочисленным свидетельствам, что они не намереваются придерживаться ранее принятых договоренностей». Однако болгарские посланники в разных странах сообщали, что значительная часть европейского общественного мнения, в особенности русского, была настроена против Болгарии³³. В феврале 1913 г. посланник в России Стефан Бобчев (1853–1940) отправил главе Совета министров Ивану Гешову (1849–1924) депешу, где сообщал, что «необходимо серьезно подготовиться» к борьбе, обозначив два поля ее ведения. «Возложите на частные лица (профессоров и др.) делать что-то, писать брошюры, докладные записки, защитительные речи и пр.». Таким образом, было предложено сформировать группу давления для манипулирования русским общественным мнением. Бобчев указал и другое поле противоборства — прессу: «Есть много редакций, которые усвоят наш взгляд, есть много корреспондентов, которые примут наше дело — но потребуется им разъяснить правильно и обстоятельно»³⁴.

Тогда же в «Вестнике Европы» появилась статья Михаила Андреевича Осоргина (1878–1942), бывшего до этого в Болгарии корреспондентом «Русских ведомостей», «О балканских зверствах» с информацией о конфликтах между союзниками. Однако если о зверствах болгар говорилось лишь по отношению к туркам, то греки

и сербы представляли злейшими врагами болгар. Так, к примеру, упоминаются случаи мародерства и грабежа греками Салоник, потому что большая часть населения из экономических соображений симпатизировала болгарам и ждала их прихода в город³⁵. Сельская администрация в Битоле, который не был признан по сербско-болгарскому договору «бесспорной» сербской территорией, насильно заставляла местных жителей менять фамилии на сербские, так Ивановы становились Иваничами. На собрании в одном из населенных пунктов Македонии, где стояли сербские войска, местный житель произнес тост за царя Фердинанда, а на утро уже был найден убитым. Бродит «призрак раздоров междуособных», как констатировал автор³⁶.

В том же месяце в журнале «Заветы» вышла статья Ст. Вольского (настоящее имя – Андрей Владимирович Соколов, 1880–1943), где он писал: «Миновал медовый месяц балканских симпатий, и уже завял, поблек союзнический энтузиазм»: идет спор о Скопье и Битоле, сербы закрыли несколько болгарских школ, и был убит болгарский учитель, поднявший бокал за царя Фердинанда. Но, по мнению корреспондента, все это – мелочи по сравнению с действиями греков³⁷.

Когда П. Н. Милоков в январе 1913 г. посетил Балканы, ему передали тетрадь с записями, негативно характеризующими поведение сербских войск и администрации в Македонии. В Салониках лидер кадетов показал часть информации, касавшейся Битоли, сербскому посланнику в Греции Живоину Балугджичу (1868–1941). Тот не замедлил об этом сообщить Н. Пашичу, добавив, что, несомненно, тетрадка была получена из официальных болгарских источников³⁸. И далее лидеру кадетов поступали сведения о притеснениях, чинимых сербскими властями в Македонии, о чем свидетельствует обширное количество таких донесений в архивном фонде политика³⁹.

От обвинений сербы попросту отмахивались. Белградский профессор Александр Белич (1876–1960) заявил, что указанные факты были выдуманы сторонниками Болгарии, а «большинство народонаселения, не поддавшееся непосредственному влиянию учителей и священников болгарской пропаганды, очень дружелюбно встретило сербские войска и выразило полную готовность делиться с ними совместной судьбой»⁴⁰. Когда в «Речи» появились обвинения сербов в насилии над населением Македонии, в «Новом времени» 1 апреля в ответ указали, что приведенным данным не стоит придавать особого значения, «как ни старается болгарская печать раздуть тот или

другой факт. Ибо все это — неудовольствие кучки македонских политиканов»⁴¹. Большого скандала и воздействия на настроения русского общества эти данные не произвели.

Однако у болгар имелся свой козырь в переговорах с Россией. В марте 1913 г. Петербург посетил прославленный болгарский генерал Радко Димитриев (1859–1918). По свидетельству его соотечественника, публициста и дипломата Николы Милева (1881–1925), приезд «на отдых» преследовал и политические цели⁴². Сербский посланник в Софии узнал от английского дипломатического представителя, что генерал отправится с целью повлиять на русское общество в вопросах болгаро-русских и болгаро-сербских взаимоотношений⁴³. В России ходили слухи, что он приехал, чтобы предложить Николаю II «ключи от Царьграда». По свидетельству председателя Госдумы Михаила Владимировича Родзянко (1859–1924), на торжественном приеме в честь делегации генерал отозвал его в сторону и спросил совета: «Я приехал с секретной миссией повергнуть к стопам его величества Константинополь. Как мне быть, как говорить с государем?». Собеседник рекомендовал быть откровенным⁴⁴. Аудиенция состоялась⁴⁵. После Р. Димитриев имел разговор с С. Д. Сазоновым.

Глава МИД этот момент не отразил в своих воспоминаниях. Но его подчиненный Владимир Борисович Лопухин (1871 — после 1940) утверждал, что болгарский генерал о предложении Константинополя «официально заявлял». Однако министр альтруизму царя Фердинанда не верил, и, понимая, что России в тот момент проливов не получить, не желал появления «эвентуального византийца Фердинанда»⁴⁶.

В марте же в Софию прибыл уполномоченный министерства финансов Солдатенков. По поручению царя Фердинанда болгарский министр финансов Теодор Теодоров (1869–1924) предложил заключение двустороннего соглашения, по которому Болгария брала на себя обязательство «навсегда отказаться» от черноморских проливов и оказать помощь в овладении ими Россией, которая в ответ должна будет содействовать Болгарии в приобретении территорий, занятых Сербией в ходе войны с Турцией. Предложение в Петербурге отвергли⁴⁷. Фердинанду попросту не доверяли, опасаясь, что войдя в Константинополь, он его уже не покинет, а сильное молодое государство, контролирующее проливы, казалось большей угрозой, нежели слабеющая Турция. Не прибавляли веры словам Фердинанда

и слухи о том, что он приготовил мантию, коня для въезда в столицу Османской империи и последующей коронации под именем Симеона*. Да и в реальность предложения Софии было трудно поверить — атака «с наскоку» на чаталджинские укрепления, прикрывавшие Константинополь, осенью 1912 г. провалилась, с тех пор турки привели свои войска в порядок, и вероятность успешного штурма оборонительной линии была практически нулевой. Главный болгарский аргумент оказался несостоятелен.

Активность Софии вызывала опасения у ее соперника. 21 марта посланник Сербии в России Димитрие Попович (1866–1940) написал Н. Пашичу, что симпатии к болгарам кажутся сильнее, и если правительство планирует противостоять им, то «хорошо, чтобы в Петербург был отправлен со специальной миссией государственный человек с именем»⁴⁸. Мы точно не знаем, в ответ на эту телеграмму или нет, но в российскую столицу прибыл Джордже Генчич (1861–1938), бывший министр и политический руководитель переворота 1903 г., вернувшего к власти династию Карагеоргиевичей. Русский журналист болгарского происхождения Крсте Мисирков (1874–1926) писал, что именно «интригами проф. Кошутича и бывшего министра Генчича в Петербурге удалось склонить русскую печать и русских славянофилов на сторону Сербии»⁴⁹. О том, что он не воспринимался частным лицом говорят несколько его встреч с мая по июль 1913 г. с председателем Совета министров и министром финансов Владимиром Николаевичем Коковцовым (1853–1943) и С. Д. Сазоновым, о которых он отчитывался сербскому премьеру⁵⁰. Но, как сам он сообщал, по мнению придворных кругов, в мае 1913 г. на Николая II в вопросах внешней политики никто не мог повлиять⁵¹.

Весной 1913 г. в печати началась активная, иногда выходящая за рамки академического диспута, полемика между сторонниками Софии и Белграда. Не всем издателям это приходилось по нраву, в особенности учитывая, что не было понятно, кто прав. В «Русском слове» решили: «Не печатаем сербов, дабы не печатать болгар и не учинять на страницах „Русского слова“ „братоубийственной войны“»⁵². Однако не все органы периодической печати заняли такую осторожную позицию.

---

* Имеется в виду средневековый болгарский князь, затем царь Симеон I (893–927), осаждавший Константинополь и объявивший себя василевсом ромеев и болгар.

В Белграде делали ставку на прессу как на свое основное оружие в борьбе за симпатии русского общества. В русских газетах работал ряд сотрудников-сербов по происхождению. Во время войны корреспондентом «Русского слова» в Белграде являлся Милан Михайлович Бойович (1869–1917), ежедневно общавшийся с Н. Пашичем⁵³, в Лондоне «Новое время» представлял Гавриил Сергеевич Веселитский-Божидарович (1841–1930), родившийся в Герцеговине⁵⁴, в этом же издании работал и личный друг Н. Пашича уроженец Боки Которской Иероним Павлович Табурно (1862–1913)⁵⁵. Последний еще в 1908 г., после аннексии Боснии и Герцеговины, «трудился, боролся, писал статьи» в защиту Сербии⁵⁶. Публично выступал в защиту сербов и другой уроженец Герцеговины — Д. И. Семиз, в юности покинувший родину и воспитанный в семье своего земляка Йована Христофоровича Пичеты (1844–1920). В Петербурге он занимался правоведением, писал популярные брошюры о южнославянских народах, был избран членом Матицы Сербской⁵⁷. Эту группу усилил и приехавший в 1912 г. в российскую столицу профессор Белградского университета Р. Кошутич. Присутствие последнего на Певческом мосту не вызывало большого удовольствия, и глава МИД С. Д. Сазонов говорил сербскому посланнику Д. Поповичу, что не стоит в России иметь сразу двух посланников — одного при правительстве, другого — при газетах и общественном мнении⁵⁸. Весной 1913 г. конфликт стал очевидным, и сербы усилили свою группу давления: «Россию наводнили постоянные и непостоянные эмиссары (генерал Липовац, Цемович, Генчич, Белич, проф. Родован Кошутич, проф. Вукичевич и др.), чьей задачей поначалу была популяризовать в среде русского общества замышленную в Белграде измену союзному сербско-болгарскому договору, а затем — из каждой соломинки выстругать копьё против Болгарии», — описывал весну 1913 г. современник-болгарин⁵⁹.

Болгары же столь серьезного представительства соплеменников в российской печати не имели. Единственным исключением был К. Мисирков, чья позиция оказалась почти незамеченной. В «Русских ведомостях» вышел ряд статей профессора Ивана Шишманова (1862–1928), но в них не шло речи о разделе Македонии⁶⁰. Посланник С. Бобчев имел тесные связи с миром журналистики⁶¹, тем не менее в противостоянии с сербами это не сыграло никакой роли. Симпатии к Болгарии испытывал лидер кадетов П. Н. Милюков, но делал это

с оглядкой на собственные убеждения, вдобавок его позиция не подерживалась однопартийцами⁶².

Помимо статей публиковались и более обширные доказательства истинности своей точки зрения. В издательстве «Нового времени» под псевдонимом «*Balkanicus*» вышла книга сербского министра внутренних дел Стояна Протича (1857–1923) «Сербь и болгарь в Балканской войне», там же был выпущен труд выпускника Московского университета, уже упомянутого А. Белича «Сербь и болгарь в Балканском союзе», для этого издательства Д. И. Семизом была переведена брошюра сербского консула в Приштине Милана Милоевича (1874–1969) «Равновесие на Балканах»*, а также опубликован доклад И. П. Табурно «Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией». 22 июня он встречался с В. Н. Коковцовым, сказавшим, что доклад прочел и считает доводы справедливым. Об этом И. П. Табурно сообщил Н. Пашичу через Д. Поповича⁶³. Отметим, что и предыдущий его доклад «О ходе и результатах Балканской войны» заинтересовал руководство страны: по просьбе товарища министра двора Александра Александровича Мосолова (1854–1939) в ноябре 1912 г. был отправлен императору, а затем публично прочитан в Собрании армии и флота в присутствии военного министра, после чего великий князь Николай Николаевич (1856–1929) попросил прислать и ему экземпляр доклада⁶⁴.

Так в чем же заключались доводы сербской стороны в пользу пересмотра союзного договора?

Одним из них являлись затраченные усилия. В противостоянии с болгарам сербам требовалось доказать, что и им победы дались не даром. К тому моменту царила всеобщая уверенность в непобедимости и мощи болгарской армии, их победы были на слуху, героизм ее солдат всячески воспевался. Этот аспект был важен для тех представителей русского общества, которые оценивали ситуацию с прицелом на перспективу — чья помощь в будущих войнах окажется существеннее. С. Протич сложившуюся в информационном поле картину объяснял тем, что за сознательным возвеличиванием и даже

---

* В сентябрьском выпуске 1913 г. журнала «Исторический вестник» на книгу М. Г. Милоевича вышла рецензия, авторы которой, не анализируя или критикуя, довольно пространно, на пяти страницах, пересказали аргументы консула в Приштине.

сочинением болгарских побед при одновременном замалчивании и приуменьшении сербских стояла Вена⁶⁵. В связи с этим сербская цензура запретила корреспонденту Петербургского телеграфного агентства Редкозубову отправлять телеграмму о действиях русских консулов в Скопье, Митровице, Призрене, обеспечивших бескровное взятие городов. Корреспондент газеты «Раннее утро» Николай Исидорович Гасфельд (псевдоним — «Шевалье») отметил этот факт: «Таких телеграмм мы не будем пропускать, — заявил представителю официального русского агентства, в моем присутствии, один из цензоров, — а то еще в России вообразят, что Старую Сербию завоевали русские консулы, а не мы»⁶⁶.

Российский славист Петр Алексеевич Лавров (1856–1929) и И. П. Табурно утверждали, что войска короля Петра к войне были лучше готовы⁶⁷. «Болгария — эта так называемая Пруссия Балканского полуострова — оказалась далеко от положения, которое ей приписывали и о котором она трубила. Сербия не кричала и без шума готовилась и приготовилась так, что могла обойтись без посторонней материальной помощи в борьбе», — писал сотрудник «Нового времени»⁶⁸.

Авторы много внимания уделяли масштабам сербской мобилизации, зачастую явно завышая количество поставленных «под ружье»⁶⁹. М. Г. Милоевич считал, что Болгария «своей военной акцией ни в коем случае не играла бóльшую роль, чем Сербия и Греция»⁷⁰, и его родина «без сомнения, сыграла решающую роль в этой войне»⁷¹. А. Белич и П. А. Лавров утверждали, что и сербские военные успехи были не меньшими, чем болгарские⁷². Первый из них писал: «Сербия оказалась, по крайней мере, столько же на высоте положения, сколько и Болгария»⁷³; а последний указывал, что «нельзя же отрицать, что падение Адрианополя совершилось только при сербской помощи, благодаря сербским пушкам, а взять Чаталджу болгарам оказалось не под силу»⁷⁴.

Вокруг взятия турецкой крепости Адрианополя в марте 1913 г. и значимости роли сербов в этом также велись споры. Если верить воспоминаниям генерала Н. Иванова, командовавшего армией, взявшей город, то картина следующая. Комендант крепости Шукри-паша сдался болгарским солдатам, когда сербские части еще проводили рекогносцировку. Затем они в качестве союзников попросили право охранять его. После чего «объявили его своим пленником, сказали, что

они взяли и Адрианополь, и пашу, телеграфировали об этом в Белград и Париж»⁷⁵. Странники Белграда активно обосновывали в русской прессе решающую роль сербских частей в падении крепости. В ответ на это на страницах «Нового времени» появилось пространное, с данными статистики официальное разъяснение генерала Н. Иванова, доказывающее несостоятельность сербских утверждений⁷⁶.

Однако большее присутствие в прессе болгарских побед с самого начала объяснялось их значимостью для хода военных действий, все понимали, что именно фракийский театр военных действий будет главным, потому и количество корреспондентов здесь было бóльшим, и освещались виктории войск царя Фердинанда более ярко и часто. Доказать преобладание собственного вклада в победу над Османской империей сербам не удавалось.

Аргументы сербской стороны можно свести к следующему. В основу раздела Македонии не должен ложиться этнический и исторический принцип. Но и здесь, как утверждал автор статьи в «Новом времени» под псевдонимом «Серб», его соотечественники считают «доводы в пользу своего овладения этой частью Македонии так же сильными, как и болгарские»⁷⁷, и, как писал А. Белич, они обладают «исконными историческими и этнографическими правами» на эту землю⁷⁸. При этом, со ссылкой на ученых, часто подчеркивалось, что *далеко не все* жители спорного региона — болгары⁷⁹, и «даже лучшие знатоки и авторитеты науки среди этнографов и историков» не в силах точно установить этнические границы⁸⁰. Несмотря на признание неразрешимости проблемы, споры между учеными продолжались на публичном уровне, в том числе и в Петербурге⁸¹.

Главным принципом, определяющим будущее Македонии, должны были являться «жизненные интересы» (Табурно), «жизненная необходимость» (Белич), «жизненные условия» (Милоевич), «насущные нужды» (Лавров). Что интересно, в телеграмме Н. Пашича посланнику Д. Поповичу в начале лета 1913 г. правый берег Вардара фигурирует, как «жизненный интерес Сербии»⁸². Весной того же года сербский премьер отправил С. Д. Сазонову частное письмо, в котором изложил свое видение решения конфликта. Говоря о территориальных требованиях, он ссылаясь на необходимость получения Сербией выхода к Эгейскому морю и установления непосредственной границы между Сербией и Грецией⁸³.

В военно-политической сфере жизненным интересом было наличие общей границы с Грецией⁸⁴, что «абсолютно не обозначает собою желания гегемонии», но «может послужить залогом сохранения *status quo*, созданного нынешней войной»⁸⁵, т. е. на случай вооруженного конфликта с Болгарией⁸⁶, с чем связывалось и недопущение соприкосновения ее границ и Албании, поскольку в Софии «теперь направили свои взоры уже на Адриатическое море»⁸⁷.

Тем самым указывалось на стремление Софии к гегемонии⁸⁸ на полуострове, лишь прикрываемое этническим принципом⁸⁹, что, несомненно, в будущем приведет к новым войнам, на этот раз с бывшими союзниками. При этом сербские авторы упирали на то, что воцеления царя Фердинанда распространяются и на Константинополь⁹⁰, его взоры «обращены на мечеть Ай-София и Византийскую порфиру»⁹¹. А это, как указывал И. П. Табурно, — русская мечта, и вопрошал: «Способны ли действия этого австрийского принца склонить русский народ на такую жертву?»⁹².

Не только собственные интересы сербы ставили во главу угла собственной значимости. Антиавстрийские настроения и предчувствие грядущей войны использовались сербами для обоснования необходимости усиления их страны как «предстражи» славянства на полуострове*. «Потому она должна быть крепка духом и телом, и обязанность всякого славянина и их друга дать возможность Сербии стать таковой», — писал И. П. Табурно⁹³. Этим аргументом он пользовался и обосновывая необходимость получения выхода к Адриатике в своей предыдущей книге, вышедшей в ноябре 1912 г.⁹⁴ России, по его мнению, необходимо было принять меры, чтобы обеспечить защиту Сербии, не оставляя ее на «произвол врагам, стремящимся выбить ее из занятых ею позиций», тогда крупнейшая славянская держава сможет «спокойно предаться работе по упрочении нашего экономического благосостояния»⁹⁵. А граф Владимир Алексеевич Бобринский (1868–1927) уже в октябре 1912 г. говорил, что по этой причине отношение к требованиям Белграда должно быть особым⁹⁶. Таким

---

* Эту тему пытались использовать и болгары. 2 декабря 1912 г. болгарский военный агент просил В. Н. Коконцова передать его стране два броненосца и два линейных крейсера или миноносца, 28 тяжелых полевых мортир, добавив, что София готова «обратить ее армию, вместе с армиями ее союзников, против Австрии и ее союзников с целью облегчения положения России». (См.: *Семенов В.* Эпизод из истории балканской войны // Красный архив. М.: Л., 1927. Т. 6 (25)).

образом, до русского общественного мнения доносилась мысль, что, помогая Сербии, Россия помогает себе.

Иногда даже сквозила некоторая обида: «Сербия вплоть до нынешней войны была в положении забытого, приносимого в жертву члена славянской взаимности», — утверждал М. Г. Милоевич, при этом признавая, что отчасти так происходило и из-за «неосмотрительности своих государственных людей»⁹⁷. Далее он продолжал свою мысль: «Что касается жертв, то Сербия и сербский народ принесли их неизмеримо много на алтарь общего счастья славянства», поэтому заслужили, чтобы наконец их жизненные интересы были признаны⁹⁸. Чувство обиды усугублялось тем, что, по мнению сторонников Белграда, болгары при своем освобождении не принесли ни материальных, ни человеческих жертв⁹⁹. В то же время к сербам, в отличие от их соперников, удача не была благосклонна¹⁰⁰. После 1878 г. Сербия была занята внутренними неурядицами и не имела возможности действовать в Македонии, где болгары в это время развили бурную активность по привлечению населения на свою сторону¹⁰¹. Везение сыграло свою роль и в Первой балканской войне: Белград не смог получить вожденного побережья Адриатического моря, в то время как к Софии отходил Адрианополь¹⁰².

Эта зависть и обида усиливались еще и тем, что, как выразился М. Г. Милоевич, «с полным правом можно сказать, что Болгария создана и при помощи великих сербских жертв»¹⁰³. В мае 1913 г. Дж. Генчич в Обществе славянского научного единения характеризовал болгар так: «Избалованные судьбою, более Россиею, чем судьбою, братья болгары, которым так легко все досталось, и их свобода, и их государство»¹⁰⁴. Этому вопросу была посвящена книга Д. И. Семица и сербского историка Миленко Вукичевича (1867–1930) «Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г.», вышедшая уже после Второй балканской войны. В ней рассказывалось, как героически сербы сражались за свободу, в то время как «болгары розданное им Сербией оружие или бросали, или сдавали турецким властям»¹⁰⁵, как за Карагеоргием поднялся на борьбу весь народ, а болгары не поддержали свое Апрельское восстание¹⁰⁶. «Между тем, надо упомянуть, что сербский народ в своей борьбе за освобождение потерял 250 000 человеческих жизней», — приводили сомнительную статистику авторы, не уточняя, за какой период¹⁰⁷. При этом после Прутского похода 1711 г. «ничего не было

выговорено в пользу сербов-черногорцев»¹⁰⁸, и в 1878 г. Россия поддержала Болгарию, свою «любимицу», ничего не сделавшую для собственной свободы¹⁰⁹. Тем самым указывалось, что крупнейшая славянская держава неверно избрала себе любимца на Балканах, несправедливо забыв более достойного кандидата на эту роль. Заканчивалась же книга цитатами из сочинений И. П. Табурно и Е. И. Мартынова (1864–1937), обосновывающими необходимость усиления Сербии как славянского форпоста в виду «неизбежной борьбы славянства с германизмом»¹¹⁰.

Подготовкой широкого и развернутого ответа на сербские брошюры занялся российский историк Николай Севастьянович Державин (1877–1953). Они, по его мнению, были «искусно рассчитаны на то, чтобы оказать известное давление на общее настроение мало осведомленной в специальных вопросах читающей массы»¹¹¹. Важность Македонии для Болгарии русский ученый обосновывал не только историческими мотивами, он считал ее и «залогом дальнейшего нормального развития и национального благосостояния»¹¹² (аргумент, весьма схожий с сербскими «жизненными интересами!»). Однако его книга вышла в свет лишь в 1914 г., а после драки, как известно, кулаками не машут. Как видим, в пропагандистском использовании «частных лиц» Болгария не преуспела, поскольку свою деятельность на этом поприще Сербия начала и раньше, и активнее.

Специально посланные МИД в Петербург В. Велчев и П. Тодоров встретили там уже прочные антиболгарские настроения¹¹³. Приговором болгарским усилиям в этой борьбе с сербами служат слова из письма профессора Любомира Милетича (1863–1937). Осознав неизбежность войны, «и уверившись, что все в Петербурге настроены против нас», он отправился в российскую столицу с целью исправить это. Но «к сожалению, было слишком поздно!»¹¹⁴. В итоге, видимо, не отдавая себе полного отчета о сложности ситуации, посчитав доводы сербской стороны разумными, российское руководство приказало А. В. Неклюдову уговорить болгар уступить часть владений сербам. Но как заметил посланник, это было легко писать из Петербурга, но «трудно сделать на месте [событий]»¹¹⁵. Настроения в стране не позволяли и заикнуться об этом...

Параллельно, в апреле 1913 г., заместитель министра иностранных дел Анатолий Анатольевич Нератов (1863–1938) отправил

Н. Г. Гартвигу письмо, в котором признавал, что «Сербия воочию доказала свою жизнеспособность и дисциплину», а для России представляет «несомненный интерес» способствование достижению ее национального объединения, которое она только начала¹¹⁶. Тем самым взоры Белграда хотели перевести с Македонии на югославянские территории Австро-Венгрии. Посланника просили «убедить сербов в необходимости считаться с, быть может, неприятным для них фактом» существования договорных обязательств, надавить на Н. Пашича, чтобы Сербия уступила Македонию ради будущих приобретений к северу от Дуная¹¹⁷. Однако сербский премьер, ожидая журавля, не желал выпускать и синицу из руки.

Летом 1913 г. начались боевые действия — военные стали решать проблему более понятным им способом. Спорящие стороны решили не прибегать к помощи ни Петербурга, ни Гааги.

Итог Второй балканской войны оказался для Сербии крайне удачным, и там решили вознаградить своих сторонников. Н. Г. Гартвиг сразу после заключения Бухарестского мира, получил из румынской столицы телеграмму Н. Пашича и Мирослава Спалайковича (1869–1951), где они его благодарили «за энергичное содействие к возвышению Сербии»¹¹⁸. Затем его наградили Звездой Карагеоргия 2-й степени, высшей наградой, на которую посланник мог претендовать. Однако он был обижен, поскольку рассчитывал на 1-ю степень, жаловавшуюся членам королевского дома и иностранным монархам за исключительные заслуги перед Сербией¹¹⁹.

По мнению американского историка Э. Тадена, именно посланник повлиял на позицию С. Д. Сазонова, решившего сделать ставку на Белград¹²⁰. Сведения о деятельности Н. Г. Гартвига в этом направлении попадали и в русскую печать, и он был вынужден дать разъяснение и сообщить, «что слухи о данных им, будто, сербскому правительству обещаниях компенсации в Македонии за отказ от Адриатического побережья — злостный вымысел»¹²¹. В Болгарии же были уверены в том, что именно он подстрекал сербов отказаться от соблюдения условий союзного договора, и горячие головы из Внутренней Македонско-Одринской организации готовили на него покушение¹²².

Когда летом 1914 г. Н. Г. Гартвиг скончался, его похороны явились свидетельством тех чувств, которые питал к нему народ и правительство. На отпевании в Соборной церкви присутствовали сербский

король, наследник, его старший брат. Выступали митрополит, глава правительства и городской голова¹²³.

Во время Балканских войн 1912–1913 гг. борьба сторон не ограничилась исключительно полуостровом — фронты пролегли и через русское общество, где добавлялись и новые противники, и новые нюансы. Болгары и сербы вели наступление на русское общественное мнение сначала в параллельном направлении, доказывая собственную лояльность, а затем и во встречных, стараясь добиться расположения Российской империи и стать ее фаворитом на Балканах.

При этом сторонники Сербии оказались в лучшем положении, их деятельность выглядит довольно скоординированной и реагирующей на вызовы момента. Узловыми фигурами представляются Р. Кошутич, И. П. Табурно и Дж. Генчич, а Д. И. Семиз, А. Белич и даже Д. Попович — лишь исполнителями.

«Славянофильские настроения г. Гешова оказались совершенно несостоятельными в сравнении с ясно продуманным планом Пашича по увеличению пределов Сербии», — записал 6 июля 1913 г. в дневнике К. Мисирков¹²⁴. Болгарская уверенность, что за них должны говорить их военные триумфы, не оправдала себя. Выделенные на пропаганду 50 тыс. левов¹²⁵ не могли изменить положения, болгары действовали безынициативно, с опозданием и не имели продуманного плана. Не было у них и преданных сторонников в печати. Болгарский посланник в воспоминаниях писал, что сотрудники «Нового времени» А. А. Столыпин, А. А. Пиленко, Е. А. Егоров получали «правильное и обстоятельное разъяснение» в димиссии, издателя «Биржевых ведомостей» С. М. Пропера называл своим другом¹²⁶. Однако позже представитель Белграда в Петербурге предлагал их наградить за помощь сербам в воздействии на российское руководство, направленное против Болгарии¹²⁷.

Но все же на начальном этапе обе стороны добились определенного успеха: болгарам был передан Адрианополь, на который имела виды Россия, а для Сербии сохранена часть Старой Сербии, которая, по мнению Австро-Венгрии, полагалась Албании. Когда же началось их взаимное противостояние, то победа сербов была безоговорочной. Четкое, направленное воздействие на русское общество дало свой результат, и то, что болгары атаковали в ночь на 17 июня 1913 г. первыми, стало лишь последним гвоздем, вколоченным в гроб русского болгарофильства, выструганный сторонниками Белграда.

Начавшийся XX век стал веком информационных войн, и на заре его Белград одержал в ней победу, проиграв на закате. Борьба за место единственного любимца России на Балканах стала лишь попыткой двух соседей решить спор не силовым методом. Однако это осуществить не удалось, что ухудшило отношения балканских славянских государств друг к другу на многие десятилетия и похоронило идею славянской взаимности.

Примечания

¹ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 120, 213.

² *Кострикова Е. Г.* Первая Балканская война и российское общество. Корреспонденты русских газет на театре военных действий // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Ниш, 2013. Књ. I. С. 476.

³ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. XIV. С. 27.

⁴ Война на Балканах. СПб., 1912. С. 8.

⁵ *Семиз Д. И.* Сербский народ накануне войны // Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913. С. 67.

⁶ Утро России. 1912.12.VIII.

⁷ Вестник Европы. 1913. № 1. С. 324.

⁸ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Сер. вторая. 1900–1913. Л., 1940. Т. 20. Ч. II. 14 августа — 17 октября 1912 г. (далее — МОЭИ). С. 126.

⁹ *Neklyudoff A.* Diplomatic reminiscences before and during the World War, 1911–1917. London, 1920. P. 110.

¹⁰ МОЭИ. С. 202.

¹¹ Там же. С. 183.

¹² Там же. С. 206.

¹³ Там же. С. 235.

¹⁴ Там же. С. 264.

¹⁵ Там же. С. 265–266.

¹⁶ Там же. С. 267.

¹⁷ *Штрайтман В. Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 94.

¹⁸ Подробнее об этом см.: *Кострикова Е. Г.* Первая Балканская война и российское общество // Вестник Университета дружбы народов. Серия «История России». 2009. № 4; *Гусев Н. С.* Первая Балканская война и русское общество // Славяноведение. 2015. № 5. С. 43–50.

¹⁹ *Данев Ст.* Мемоари. София, 1992. С. 135.

²⁰ Там же. С. 141.

²¹ Первая Балканская война // Красный архив. № 3 (16). 1926. С. 20.

²² *Neklyudoff A.* Diplomatic reminiscences. P. 125.

²³ Первая Балканская война // Красный архив. № 3 (16). 1926. С. 22.

²⁴ Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском Полуострове. (Август 1912 г. — Июль 1913 г.) // Русская старина. 1915. № 5. С. 255.

²⁵ Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой Мировой войны. М., 1985. С. 116.

²⁶ Искендеров П. А. Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. / Отв. ред. В. Н. Виноградов, В. И. Косик. М., 2003. С. 486.

²⁷ См.: Гусев Н. С. «...Какие вообще высказываются соображения по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос»: доклад Департамента полиции об отношении населения России к возможности общеевропейской войны в 1912 г. // Славянский альманах. 2017. № 1–2. С. 426–439.

²⁸ Об этом см.: Гусев Н. С. Сербия в борьбе за Адриатику на поле русского общественного мнения в 1912 г. // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сб. материалов III-й Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А. Н. Сквозников. Самара, 2016. С. 69–77.

²⁹ Хлебникова В. Б. К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX–XX вв. // Императорский дом Романовых и Балканы / Отв. ред. В. Б. Каширин. М., 2014. С. 281–302; Она же. Роль династических связей России и Черногории в выстраивании политического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков // Славяноведение. 2015. № 1. С. 32–41.

³⁰ Косик В. И. «Крыло бабочки» // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / Отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин. М., 2012. С. 60.

³¹ Кокоцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991. С. 181.

³² Милоков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Нью-Йорк, 1955. С. 111.

³³ Илчев И. Родината ми — права или не! Вышнеполитическа пропаганда на балканските страни 1821–1923. София, 1995. С. 143.

³⁴ Бобчев С. Страницы из моего дипломатического мисия в Петроград 1912–1913. София, 1940. С. 94–95.

³⁵ Вестник Европы. 1913. № 2. С. 320.

³⁶ Там же. С. 325.

³⁷ Вольский Ст. Письмо с Балкан. Письмо второе // Заветы. 1913. № 2. С. 175.

³⁸ Сръбските интриги и коварства срещу България (1804–1914). София, 2009. С. 406.

³⁹ ГА РФ. Ф. 579: Милоков П. Н. Оп. 1. Ед. хр. 1659, 1670, 1671, 1674, 1675, 1681, 1681а, 1682 и др.

⁴⁰ Белли А. Сербия и болгары в Балканском союзе. СПб., 1913. С. 46.

⁴¹ Новое время. 1913. 1 IV.

⁴² Милев Н. Дневники, спомени, пътеписи, писма. София, 2008. С. 165.

⁴³ Сръбските интриги и коварства. С. 432.

⁴⁴ Родзянко М. В. Крушение империи. Л., 1929. С. 74.

⁴⁵ Дневники Николая II. М., 1991. С. 387

⁴⁶ Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 209.

⁴⁷ Писарев Ю. А. Великие державы. С. 162–163. Ю. А. Писарев ошибочно называет болгарского министра финансов Б. Тодоровым. Его звали Теодор Теодоров. Подробнее см.: Теодоров И. Т. Балканские войны. Теодор Теодоров — парламентарният лъв. София, 2007.

- ⁴⁸ Сръбските интриги и коварства. С. 439.
- ⁴⁹ *Мисирков К. П.* Дневник. София–Скопје, 2008. С. 10. Текст доступен по адресу: http://www.promacedonia.org/km_dn/index.html (дата последнего обращения 22 IX 2015).
- ⁵⁰ Сръбските интриги и коварства. С. 477, 541, 549; Москва — Сербия, Белград — Россия. Сборник документов и материалов. М.; Београд, 2012. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917. С. 428, 430, 432.
- ⁵¹ Сръбските интриги и коварства. С. 478.
- ⁵² *Кострикова Е. Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914. М., 2007. С. 252.
- ⁵³ Москва — Сербия. С. 308–309.
- ⁵⁴ *Кострикова Е. Г.* Первая Балканская война и российское общество. С. 476. Интересно отметить, что константинопольский корреспондент «Русского слова» носил фамилию Черногорчевич (Там же. С. 479).
- ⁵⁵ *Шемякин А. Л.* Никола Пашич // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 73.
- ⁵⁶ *Semiz D.* Pred zogu velikih dana (Pre dvadeset godina, iz ličnih uspomena) // Нова Европа. Загреб, 1929. Књ. 13. Бр. 3. С. 74.
- ⁵⁷ *Рождественская М. В.* Душан Иванович Семиз: «Сербская Голгофа» // Опочинские чтения. Мышкин, 1998. Вып. 6. С. 27–30; *Горяинов А. Н.* В. И. Пичета как поборник единства славян и сторонник идей социализма // Славянский альманах. 2001. М., 2002. С. 286–287.
- ⁵⁸ Сръбските интриги и коварства. С. 438.
- ⁵⁹ *Сияннов Х.* Сръбско-българският спор и Русия. София, 1915. С. 20.
- ⁶⁰ Подробнее о его деятельности на этом поприще см.: *Гусев Н. С.* Профессор И. Д. Шишманов в болгаро-сербской борьбе за русские симпатии в 1912–1913 гг. // Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII — XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева / Отв. ред. С. И. Данченко. [М., 2017].
- ⁶¹ *Бобчев С.* Страницы из моята дипломатическа мисия. С. 38–40.
- ⁶² *Воронкова И. Е.* Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах балканской политики Российской империи начала XX века // Славяноведение. 2009. № 5. С. 25.
- ⁶³ Москва — Сербия. С. 429.
- ⁶⁴ *Шемякин А. Л.* Л. Д. Троицкий о Сербии и сербах (военные впечатления 1912–1913 гг.) // Историки-слависты МГУ. М., 2013. Кн. 9: В. А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В. А. Тесемникова / Отв. ред. Г. Ф. Матвеев, В. С. Путьгин. С. 56.
- ⁶⁵ *Balkanicus.* Сербы и болгары в Балканской войне. СПб., 1913. С. 40–43.
- ⁶⁶ *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913. С. 63.
- ⁶⁷ *Лавров П. А.* Балканский союз и переживаемый им кризис. Петрозаводск, 1914. С. 27; *Табурно И. П.* Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913. С. 25.
- ⁶⁸ *Табурно И. П.* Вопрос о распределении. С. 37.
- ⁶⁹ *Милоевич М. Г.* Равновесие на Балканах. СПб., 1913. С. 34; *Табурно И. П.* Вопрос о распределении. С. 22, 25.
- ⁷⁰ *Милоевич М. Г.* Равновесие на Балканах. С. 21.
- ⁷¹ Там же. С. 8.
- ⁷² *Белич А.* Сербия и болгары в Балканском союзе. СПб., 1913. С. 17.

- ⁷³ Там же. С. 33.
- ⁷⁴ *Лавров П. А.* Балканский союз и переживаемый им кризис. С. 26–27.
- ⁷⁵ *Иванов Н.* Спомени. Кн. 2. София, 1997. С. 114.
- ⁷⁶ Новое время. 1913. 21 IV.
- ⁷⁷ Новое время. 1913. 11 IV.
- ⁷⁸ *Белич А.* Сербь и болгары в Балканском союзе. С. 17–18.
- ⁷⁹ *Balkanicus.* Сербь и болгары в Балканской войне. С. 30; *Белич А.* Сербь и болгары в Балканском союзе. С. 39.
- ⁸⁰ *Белич А.* Сербь и болгары в Балканском союзе. С. 7; *Милоевич М. Г.* Равновесие на Балканах. С. 13.
- ⁸¹ Подробнее об этом см: *Гусев Н. С.* Русский «фронт» борьбы за Македонию // Родина. 2014. № 6. С. 85; *Он же.* Руски «фронт» борбе за Македонију: срби и бугари у Петербургу 1912–1913. године // Војноисторијски гласник. 2015. № 2. С. 91–93.
- ⁸² Москва — Сербия. С. 429.
- ⁸³ *Писарев Ю. А.* Великие державы. С. 169.
- ⁸⁴ *Овсяный Н. Р.* Ближний Восток и славянство (сборник статей). СПб., 1913. С. 252.
- ⁸⁵ *Милоевич М. Г.* Равновесие на Балканах... С. 19.
- ⁸⁶ *Белич А.* Сербь и болгары в Балканском союзе. С. 29; *Табурно И. П.* Вопрос о распределении. С. 17.
- ⁸⁷ *Белич А.* Сербь и болгары в Балканском союзе. С. 31; *Табурно И. П.* Вопрос о распределении. С. 33–34.
- ⁸⁸ *Лавров П. А.* Балканский союз и переживаемый им кризис. С. 30.
- ⁸⁹ *Милоевич М. Г.* Равновесие на Балканах. С. 33.
- ⁹⁰ *Табурно И. П.* Вопрос о распределении. С. 24.
- ⁹¹ Там же. С. 38.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ *Табурно И. П.* Вопрос о распределении. С. 39.
- ⁹⁴ *Табурно И. П.* О сербских битвах. С. 138–144.
- ⁹⁵ Там же. С. 9–10.
- ⁹⁶ Война на Балканах. СПб., 1912. С. 33.
- ⁹⁷ *Милоевич М. Г.* Равновесие на Балканах. С. 41.
- ⁹⁸ Там же. С. 42; Сербо-болгарский спор за обладание Македонией. Оценка событий, предшествовавших сербо-болгарской войне 1913 года, в изложении заинтересованных сторон и членов общества. Пг., 1915. С. 102.
- ⁹⁹ *Милоевич М. Г.* Равновесие на Балканах. С. 4–5.
- ¹⁰⁰ *Лавров П. А.* Балканский союз и переживаемый им кризис. С. 10.
- ¹⁰¹ *Милоевич М. Г.* Равновесие на Балканах. С. 6; *Табурно И. П.* Вопрос о распределении. С. 10.
- ¹⁰² *Лавров П. А.* Балканский союз и переживаемый им кризис... С. 28; *Табурно И. П.* Вопрос о распределении. С. 25.
- ¹⁰³ *Милоевич М. Г.* Равновесие на Балканах. С. 41.
- ¹⁰⁴ Сербо-болгарский спор. С. 102.
- ¹⁰⁵ *Вукичевич М. М., Семиз Д. И.* Сербь и болгары в борьбе за свободу и культуру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г. СПб., 1913. С. 210.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 215.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 251.

- ¹⁰⁸ Там же. С. 241.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 239.
- ¹¹⁰ Там же. С. 257–259.
- ¹¹¹ *Державин Н. С.* Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. СПб., 1914. С. 21–22.
- ¹¹² Там же. С. 12.
- ¹¹³ *Илчев И.* Външнополитическа пропаганда на българската национална кауза през Балканските войни (1912–1913 г.) // Военноисторически сборник. 1982. № 4. С. 95; *Он же.* България и Антантата през Първата световна война. София, 1990. С. 24.
- ¹¹⁴ Любомир Милетич до Ватрослав Ягич. Писма 1896–1913. София, 1996. С. 364–365.
- ¹¹⁵ *Nekludoff A.* Diplomatic reminiscences. P. 165.
- ¹¹⁶ *Степанова Е. А.* Ни мира, ни войны: МИД России и сербо-българский спор (1913) // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2007. Т. IV. С. 166.
- ¹¹⁷ Там же. С. 169.
- ¹¹⁸ *Шtrandтман В. Н.* Балканские воспоминания... С. 200.
- ¹¹⁹ Там же. С. 204.
- ¹²⁰ *Thaden E.* Public opinion and Russian foreign policy toward Serbia, 1908–1914 // Велике силе и Србија пред први светски рат. Зборник радова приказаних на меѓународном научном скупу српске академије наука и уметности, одржаном од 13–15. септембра 1974. године у Београду. Београд, 1975. С. 228.
- ¹²¹ Городской вестник. Самара. 1913. 12 VI.
- ¹²² *Гусев Н. С.* Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование // Славянский альманах. 2014. №. 1–2. С. 126–128.
- ¹²³ *Шtrandтман В. Н.* Балканские воспоминания. С. 254.
- ¹²⁴ *Мисирков К. П.* Дневник. С. 7.
- ¹²⁵ *Илчев И.* Външнополитическа пропаганда на българската национална кауза. С. 92.
- ¹²⁶ *Бобчев С.* Страници из моята дипломатическа мисия. С. 38–39.
- ¹²⁷ Сръбските интриги и коварства. С. 604–605.

Е. С. Киреева (Сергеенко)

«Западный» взгляд на Албанию и ее жителей в конце XIX — начале XX в. (по материалам британской прессы)*

Берлинский конгресс 1878 г. сыграл особую роль в судьбе многих балканских народов. Не стали исключением и албанцы. Заявление Отто фон Бисмарка (1815–1898) о том, что «албанской народности не существует», было абсолютно безосновательным, так как в Европе знали о существовании албанцев еще до того, как они сообщили участникам конгресса о своем желании автономно развиваться в составе Османской империи. И все же, как отмечала жена британского консула в Скопье Фанни Блант: «Албанцы, как и большая часть народов невеликого значения, населяющих Европейскую Турцию, малоизвестны цивилизованному миру»¹.

Особый интерес к албанскому народу появился именно после 1878 г.² Начиная с этого периода в европейской публицистической печати регулярно стали появляться статьи и путевые заметки, которые не только детально описывали быт и национальные особенности албанцев, но и позволили сформировать определенные представления о малоизвестном народе. Наряду с публицистическими материалами появились и более серьезные этнографические труды, авторы которых ссылались на современные им документы и собственные наблюдения, а также на более ранние источники.

В отсутствие развитых средств массовой информации, а также при сравнительно невысокой мобильности населения, наиболее доступным способом знакомства с другими культурами было чтение

---

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках работы над проектом 15-31-01003а1.

путевых заметок и книг этнографического содержания, написанных исследователями, отважившимися на путешествия в удаленные и малодоступные части земного шара. Европейские путешественники и дипломаты, совершавшие поездки по османскому государству, так или иначе, сталкивались с представителями албанского народа и отмечали его самобытность и отличия от других народов империи. Начать следует с краткого обзора подобных путевых заметок.

Зачастую этнографы и путешественники заранее составляли представление о том, с чем, а главное с кем им придется столкнуться во время их странствий. Из исторических хроник и по уже существующим данным об албанском народе исследователи получали сведения о жестокости жителей Албанских гор, об их воинственности и своенравности³. Неудивительно, что путешественники, наслышанные об албанском народе, заранее готовились к худшему сценарию встречи с ними. Так, например, французский путешественник Франсуа Пуквилль (1770–1838), совершивший путешествие на Балканы в начале XIX в., с удивлением для себя открыл, что на самом деле албанцы могут быть верными и послушными сопровождающими (на протяжении всего пути группу Пуквиля сопровождали 50 албанских охранников)⁴.

Долгое время европейские исследователи, описывали албанский народ в общем контексте описания народов Османской империи. Ранее упомянутая жена британского консула Фанни Блант, к примеру, написала в 1878 г. книгу о народах Османской империи и отдельную главу в ней посвятила нравам и обычаям албанцев. Госпожа Блант не давала каких-либо резких оценок и даже пыталась описать положительные качества албанцев, например, тот факт, что «албанец никогда не нападет на женщину в своей стране». Несмотря на то, что Блант открыто не порицала традиции албанцев, она все же отмечает наличие у них таких черт, как воинственность («албанские женщины в основном вооружены»), жестокость по отношению к врагам (через обычай вендетты или кровной мести), а также отсутствие веротерпимости. Жена британского консула сделала вывод, что «характер албанцев — это смешанный неотесанный характер варварского народа» и что албанцы «имеют грубые пороки, а также немислимые добродетели полудиких народов»⁵.

Британский археолог сэр Артур Эванс (1851–1941), который в 1903 г. путешествовал по землям «Дардании, или турецкой Сербии», был менее склонен к поиску у албанцев положительных черт.

Он, в частности, писал, что албанцы в Косовском вилайете и округах Старой Дардании «более грубые и фанатичные, чем албанцы с Адриатического побережья». Сэр Эванс уделил большое внимание несправедливому отношению албанцев-мусульман к христианам и отмечал, что «жестокость, с которой к ним (христианам. — *Е.К.*) относятся албанцы устрашает; их бьют и убивают абсолютно безнаказанно». Доставалось и священнослужителям монастыря Высокие Дечаны, на который постоянно нападали вооруженные албанские банды, пользовавшиеся беззащитностью монахов⁶.

Наряду с британскими дипломатами и путешественниками, вклад в этнографию албанского народа внесли немецкие и австрийские исследователи. Австрийский ученый и дипломат Теодор Иппен в своей книге о Косово уделил особое внимание такой черте албанского характера, как непокорность. Он привел пример косовского региона Дреница, населенного преимущественно мусульманами и в этой связи не исследованного европейцами, где албанцам удавалось ограждать себя от вмешательства османского правительства и жить в реальной независимости. Тем не менее, летом 1890 г. албанцы Дреницы «продемонстрировали необычайную жестокость по отношению к христианскому населению», чем вызвали реакцию властей, которые лишили этот регион привычной автономии. Албанцы не могли смириться с потерей свободы и пытались изменить ситуацию⁷.

На немецкого географа Курта Хассерта (1868–1947), который посетил Албанию в рамках исследовательской поездки по Балканам в 1897 г., албанцы и их земли произвели самое неблагоприятное впечатление. После путешествия по соседней спокойной Черногории, Хассерт сразу же отметил, что путешествовать по землям Албании далеко не так безопасно. Населению провинции немецкий географ дал следующую оценку: «Албанские горцы являются диким стадом, необузданным народом, который отвергает любой государственный порядок или более высокую цивилизацию. Из-за своей кровной мести, постоянной войны между собой и с черногорцами и из-за своих многочисленных восстаний против турецкого псевдоправительства, они привыкли к грабегам, убийствам и боевым действиям как к излюбленным хобби». Далее автор описывал свои страхи перед путешествием через дикие места, где он и его группа могли подвергнуться нападению. Единственными «островками цивилизации в море тотального варварства» были дома уважаемых священников. Однако

Хассерт отметил, что во время путешествия им удалось избежать неприятностей, так как их сопровождали вооруженные местные жители, а в гостиницах, где останавливались иностранцы, постоянно дежурили жандармы. При этом автор написал, что вдоль дороги тут и там встречались «горы камней, обозначающие места захоронений погибших путешественников». В ином свете, нежели Фанни Блант, видел немец и положение женщин, которые, по его словам, «получали мало благодарности и любви», а для своих семей были «выючными мулами»⁸.

Особое внимание положению женщины в Албании уделил в своей книге австрийский журналист Пауль Зиберц (1857–1954). По его мнению, «низкий уровень культурного развития албанского народа можно увидеть в положении женского населения». Женщину в Албании никто не обидит, констатировал автор, но это скорее знак неуважения к ней. Зиберц писал, что албанские мужчины ждут, что женщины будут «приносить дрова, готовить еду, печь хлеб и шить одежду. Они используют женщин, чтобы носить товары, когда их лошади и мулы больны или не дееспособны». Еще одной особенностью, которую полметил журналист, является то, что в случае смерти жены, муж будет скучать не по компаньону, а по «домохозяйке-служанке». Случаи краж девушек, что не было редкостью, а также ранние и обязательные браки вызывали удивление у Зиберца, который, в целом, давал довольно низкую оценку развитию албанцев⁹.

Суровое и несправедливое отношение к женщинам в селах Албании отметил в заметках австрийский путешественник и исследователь Карл Штайнметц. Упомянул он и такую черту характера, как расчетливость. По его словам, албанцы «обладают большим естественным умственными способностями и умением быстро учиться тому, как извлечь выгоду из любой ситуации». В пример он привел своего проводника, который запросил «порядочную сумму» за свои услуги¹⁰, ведь одному было опасно путешествовать по тем местам.

Анализируя все вышеизложенное, следует отметить, что в основном авторы статей и заметок были склонны обращать внимание на отрицательные особенности албанского характера. К ним относились жестокость, необузданность, отсутствие цивилизованности, хитрость и приверженность к диким для европейцев того времени обычаям.

В этой связи необходимо подчеркнуть следующее внешне довольно парадоксальное обстоятельство: большой вклад в создание

негативного образа албанцев в Европе внесли именно австрийские путешественники и журналисты. Не секрет, что в конце XIX — начале XX в. Вена считала Балканы, а в особенности албанские земли, сферой своих интересов. Именно активная балканская политика Австрии и послужила основным стимулом к приращению знаний об албанском народе. Вместе с тем, и вклад немецких, британских и других исследователей не остался незамеченным. Написанием этнографических трудов и впечатлений от путешествий эти люди не только обогатили знания жителей Европы об албанцах и их обычаях, но и создали этому народу вполне определенный имидж.

Однако специализированная литература этнографического содержания не всегда была доступна широким слоям населения, в связи с чем возникают сомнения, что вышеперечисленные и другие обширные и серьезные труды сыграли ключевую роль в формировании образа типичного албанца у рядового гражданина. В то же время газеты были доступным источником, и, следовательно, именно заметки и статьи в стали ключевыми источниками, знакомившими население с малоизвестными регионами.

На материалах британской прессы стоит остановиться подробнее. Конец XIX — начало XX в. был весьма насыщенным для стран Балканского полуострова. События все чаще приковывали внимание британской прессы и не оставляли равнодушным образованного европейского читателя. Корреспонденты ведущих британских печатных изданий начали регулярно сообщать о значимых событиях, происходивших в Албании. Зачастую эти сообщения не носили сугубо информативного характера, и в попытках объяснить те или иные мотивы, движущие местным населением, и его поведение, авторы статей обращались к нравам и обычаям албанцев, тем самым знакомя британского читателя с малоизвестным регионом. Кроме того, растущий интерес британцев к «экзотическому» туризму, в том числе в неизведанную Албанию, привел к тому, что журналы, посвященные туризму и охоте, начали печатать статьи, призванные помочь неподготовленному британскому путешественнику и охотнику приспособиться к новым условиям в малознакомой стране. Для Европы, как писала «*The Times*» в октябре 1878 г., албанский народ «был известен меньше, чем любой другой индоевропейский народ», к которому, однако, проявляли неоправданно мало интереса и который имел весьма богатую и древнюю историю. Статья ссылается на данные

исследователей-этнографов и заключает, что албанцы принадлежат к расе древних пеласгов (народ, населявший нынешнюю Грецию. — Е.К.) или иллиров¹¹. Любопытную статью в 1899 г. опубликовал «Шотландский географический журнал», в которой также приводилась небольшая историко-этнографическая справка. Автор, преподаватель Хью Кэллан, совершивший поездку по Албании, ссылаясь на «некоторых образованных албанцев», относит албанцев к потомкам пеласгов, подкрепляя свою позицию тем, что некоторые традиции (какие именно — не уточняется), внешность (длинные ресницы, прямой нос, широко посаженные брови), а также уникальный язык указывают на данную принадлежность¹².

Однако историческая справка приводилась далеко не во всех статьях, и в основном авторы, которым не было много известно об истории албанского народа, предпочитали сосредотачивать свое внимание на текущих событиях. Официальные британские печатные СМИ освещали происходившее на Балканах также и в начале 80-х годов XIX в. Так, в этот период в фокусе корреспондентов газет «*The Times*» и «*The Telegraph*» оказались события вокруг передачи двух городов, Плав и Гусинье, Черногории, что предусматривалось Берлинским трактатом 1878 г. Лидеры албанского национального движения, создавшие в это же время Призренскую лигу (1878–1881), выступили против данного решения, так как оно шло вразрез с планами Лиги по объединению албанских земель. Они организовали массовые акции протеста, которые и привлекли внимание западных журналистов. По мнению автора одной из заметок в «*The Daily Telegraph*», албанцы, «страстно любившие свои родные холмы», не могли спокойно отдать эти земли своим «давним врагам, черногорцам»¹³. В период с 1879 по 1881 г. в британских газетах появился ряд заметок и статей, которые описывали мятежи албанцев, не желавших уступать черногорцам, а также содержали небольшие этнографические справки.

После разгрома властями Османской империи Призренской лиги британская пресса продолжила освещать наиболее заметные события, происходившие в Албании. Из статей и заметок читатель, прежде всего, узнавал об Албании как о беспокойном регионе, где «акции банд, вендетта, восстания и грабежи были обычным делом, и где преступники едва ли получают наказание»¹⁴. Так, в «*The Daily Telegraph*» в апреле 1881 г. появилась заметка о нападении албанцев на деревню, в ходе которого было угнано 400 овец и ранено трое местных жителей¹⁵.

В целом, сообщения о том, что Албания «находится в состоянии анархии», появлялись в британских газетах довольно часто. В период деятельности Призренской лиги в 1881 г. газета «*The Daily Telegraph*» писала о том, что «в Призрене царит полная анархия, а местное руководство было устранено»¹⁶. Однако таким положение вещей оставалось и после формального подавления Лиги османскими властями, и в 1890 г. «*The Times*» вновь декларировала, что фактически Северная Албания остается «в состоянии абсолютного беззакония»¹⁷. О новом недовольстве албанцев сообщалось и пятью годами позднее, когда вновь эта же газета написала об анархии в Центральной Албании, где албанские банды мешали строительству дороги из Эльбасана к побережью¹⁸.

В последней четверти XIX в. в прессе было достаточно много сообщений, касающихся безопасности в албанских землях. В большинстве случаев путешествие по этому региону считались довольно опасным предприятием, и отважным туристам нужно было выполнить ряд условий. В подтверждение приведем слова ранее упомянутого преподобного Хью Кэллана, писавшего, что из-за «опасностей, банд, и распущенных, но небезоружных голодных солдат, готовых к мародерству», «путешествовать по Албании ужасно и опасно»¹⁹. В июне 1884 г. редактор «*The Times*» опубликовал письмо некоего Герберта С. Хэвена, который сообщал о своей поездке в Албанию в начале того же года. По его словам, мутесариф (управляющий санджаком. — *Е. К.*) в Скутари (совр. Шкодер) проинформировал их о том, что без специального разрешения из Константинополя они не могут отправиться в пункт назначения (в данном случае округ Мирдита. — *Е. К.*) и что в случае попыток проехать без разрешения они будут арестованы. В итоге разрешение шло в Скутари больше месяца, и г-н Хэвен с другими туристами на свой «страх и риск» отправились в албанские леса без разрешения²⁰.

О возможных сложностях при получении разрешения на путешествие по албанским землям, а также о связанных с ним рисках предупреждал и автор статьи о возможностях охоты в этом регионе, опубликованной в журнале «*The Country Life Illustrated*» в 1899 г. В связи с растущим спросом британских охотников на путешествия в страны с дикими лесами и большим количеством животных, нежели в Британии, данная статья привела справку, какая дичь водится в албанских лесах, а также, что не менее важно, рассказала о процедуре получения

нужных сопроводительных документов, предупредив о возможных опасностях, исходящих от местных жителей. Одним из условий получения нужного фирмана в турецком консульстве на острове Корфу, а также безопасного пребывания в Албании, автор заметки назвал наличие местного сопровождающего²¹.

Время от времени публиковались заметки о задержаниях и похищениях европейских туристов, рискнувших поехать в Албанию. В заметке «*The Times*» от 9 февраля 1889 г. говорилось о том, что даже при наличии у туристов всех необходимых документов, их часто арестовывали и передавали в консульства²². А в сентябре того же года газета опубликовала сообщение о взятом «в плен» албанской бандой британском подданном, который направлялся из Скутари в Салоники. К счастью, усилиями префекта в Пече Али паши Махмудовича, он был освобожден и переправлен в Митровицу (совр. Косовска-Митровица) под «серьезной охраной». Случаи же нападений банд грабителей не были редкостью в Албании, как далее сообщил автор заметки²³. В этой связи не будет лишним привести пример сообщения, посвященного деятельности банд. Нередко албанские банды грабителей переходили границу и нападали на приграничные села. Так, в 1891 г. одна из таких банд численностью в 250 человек совершила набег на сербскую деревню. Жители, которых предупредили о грядущем набеге, смогли уйти и увести скот, однако их дома подверглись разорению, а затем сожжению²⁴.

Небезопасно в Албании было находиться даже официальным представителям западноевропейских держав. Так, к примеру, 18 октября 1880 г. газета «*The Times*» сообщила об убийстве драгомана австрийского консульства и его жены в Призрене 12 октября того же года. Причиной убийства автор заметки считает принадлежность драгомана к христианской вере, а также личную неприязнь²⁵. Еще одним примером незащищенности дипломатов в албанских землях может служить заметка, опубликованная «*The Daily Telegraph*» 3 октября 1883 г., в которой сообщалось о покушении на британского консула Грина в Скутари во время охоты. Преступники найдены не были²⁶. В 1889 г. в той же газете появилась заметка об оскорблении, нанесенном французскому генеральному консулу ле Рэ в Скутари, а также его малолетним дочерям и их гувернантке, которых во время прогулки албанские «солдаты» отказались пропустить и заставили идти по грязи. Вместе с тем, местные сопровождающие консула были

задержаны и помещены под стражу, и были выпущены лишь благодаря личной просьбе консула, адресованной местному «генерал-губернатору»²⁷.

Таким образом, у британского читателя могло сформироваться мнение об Албании как о небезопасном для цивилизованного европейца месте, населенном преступниками.

Отмечая небезопасное положение в регионе, авторы статей часто обращали внимание читателей на нежелание албанцев повиноваться османским властям и следовать существующим законам. Так, 23 апреля 1881 г. газета «*The Times*» сообщала, что жители северной Албании «лишь номинально подчиняются Порте», и только некоторые племена из горных районов платят ей налоги²⁸. Формально признавая суверенитет султана, албанцы однако отказывались поставлять рекрутов в армию, а также подчиняться закону, запрещавшему ношение оружия²⁹, тем самым подчеркивая свой особый статус. Автор одной из заметок в «*The Times*», опубликованной в 1895 г. вообще считал, что «албанские главы отрицают авторитет государства»³⁰.

Однако сообщения британской прессы не всегда содержали только информацию о нападениях на иностранцев и неудовлетворительном положении дел в албанских землях. Помимо этого, были статьи, касающиеся взаимоотношений внутри албанского народа, а именно об обычае кровной мести или вендетте, которая не была редкостью среди албанцев. В Албании, где убийство считалось нормой (так, по крайней мере, думали европейцы), путешественник часто «вздрагивал» от звуков выстрелов, а сами албанцы хладнокровно называли подобные выстрелы «этой проклятой кровной мстью»³¹.

Интересную заметку под заголовком «Албанская вендетта. Семеро убитых, 23 раненых» опубликовала газета «*The Daily Telegraph*» в 1901 г. Из нее читатель узнавал о кровной мести между двумя албанскими семьями, которая началась с того, что один из глав семейств убил другого двадцать лет назад, и с тех пор члены обеих семей преследуют друг друга с целью отмщения. В итоге в одной из семей остался лишь один представитель мужского пола, убитый в последствие в церкви, что послужило поводом для новой ожесточенной схватки, в ходе которой было убито семь человек. Автор заметки сравнил подобную вендетту, практикуемую в Албании даже в начале XX в., с той, которая существовала «когда-то на Корсике»³². Для цивилизованного британского читателя кровная месть была пережитком

прошлого и указывала на низкий, «средневековый» уровень развития албанского общества.

В продолжение хотелось бы отдельно рассказать о межрелигиозных и межэтнических отношениях в албанских землях, которые также время от времени становились важной темой статей в британских газетах. Религиозные распри в этом регионе были довольно частым явлением, так как албанцы, коих преподобный Хью Кэллан насчитал 1,5 млн, в основном (то есть около миллиона) были мусульманами, христиане же составляли лишь 500 тыс., и проживали они либо на севере Албании (католики), либо на юге, в граничащих с Грецией регионах (православные)³³. Центральные и северные районы в основном населяли албанцы-мусульмане, которые, как часто сообщали британские газеты, всячески притесняли немногочисленное христианское население. В 1888 г. в албанском городе Алессии (совр. Лежа) между христианами и мусульманами произошел инцидент, вызванный осквернением с одной стороны церкви, а с другой мечети, в которой, как сообщала газета «*The Times*» «была убита свинья, а ее кровь размазана по стенам». Все это привело к серьезным выступлениям и новым актам вендетты³⁴.

Отрицательное отношение к христианам в Албании описывали в 1886 г. и «*The Times*» и «*The Daily Telegraph*», приводившие текст письма Элизабет Герберт, которая, ссылаясь на информацию, полученную от жены британского генерального консула в Скутари Кёрби Грин, писала о том, что «христианское население в Северной Албании находится в ужасном положении»³⁵. Интересно, что в «*The Times*» письмо г-жи Герберт о замерзающих и голодных христианах приводилось без комментариев от редактора газеты, и, следовательно, читатель получает лишь неутешительные сведения, а также призыв послать любую посильную помощь (одежду, одеяла) этим несчастным прямо от г-жи Герберт, в то время как в «*The Daily Telegraph*» есть комментарий редактора, в котором он пишет о том, что, возможно, все изложенное г-жой Герберт не является правдой, и британским подданным не стоит думать о «страдающей Албании», а напротив следует задуматься о помощи своим бездомным³⁶. В данном случае читатель получил весьма противоречивые сведения, однако, вероятнее всего, письмо Элизабет Герберт и ссылка на свидетельство жены консула было для читателей более убедительным, нежели комментарий редактора.

Некоторый цинизм британского общества по отношению к албанцам, в том числе к албанцам-католикам, прослеживается и в других статьях. Так, статья журнала Общества библейского знания для молодежи (*The Bible Society Gleaning for the Young*) рассказывала английским детям о том, как «мальчики и девочки покупают Библию в Албании». Статья была подготовлена католическим миссионером, агентом Общества в Константинополе, совершившим поездку по албанским землям. Основной задачей г-на Ходжсона было распространение Библии в Албании. Несмотря на то, что он писал о весьма тяжелом материальном положении местного католического населения, а также привел пример того, как мальчик, желавший купить у него книгу, сначала должен был продать корзину яиц и отказаться от покупки масла, британские миссионеры не распространяли религиозную литературу бесплатно³⁷.

Возвращаясь к теме межконфессиональных отношений в регионе и религиозной нетерпимости, следует отметить и то, что албанцы-мусульмане не пощадили даже иезуитского священнослужителя, прибывшего в албанские земли с миссионерскими целями, о чем британскому читателю стало известно благодаря журналу «*The Illustrated Catholic Mission*» («Иллюстрированная католическая миссия»). В статье от 1 июня 1888 г. говорится о молодом члене иезуитского общества, который был убит албанским мусульманским фанатиком недалеко от Скутари просто по причине того, что он не был мусульманином³⁸.

В случае межэтнических конфликтов следует отметить тот факт, что страдали от рук албанцев в основном сербы, о чем британская пресса также регулярно сообщала. Так, в 1901 г. даже после требования властей прекратить преследование сербов в Косово, случаи нападений на безоружных сербов в Приштине были довольно частыми, о чем сообщала газета «*The Times*»³⁹.

В целом, описывая особенности албанского народа, авторы статей и заметок обращали внимание читателей на следующие черты, присущие албанцам: с одной стороны, мстительность, дикость, нежелание подчиняться порядкам, религиозную нетерпимость, а также религиозный фанатизм; с другой стороны, храбрость и воинственность (которые, к слову, были присущи и албанским женщинам, всегда готовым прийти на помощь мужчинам)⁴⁰, а также благородство и приверженность традициям. Албанца часто описывали как

«злого, дерзкого, мстительного» и в то же время «честного, верного, добродетельного и гостеприимного»⁴¹.

Но даже несмотря на положительные качества, которые европейские, а в данном случае британские корреспонденты встречали у албанцев и в последствие сообщали о них в своих статьях, они все равно остались для цивилизованной Европы людьми «чуть лучше дикарей», которым следовало быть под управлением какой-нибудь более развитой европейской державы⁴². А благодаря заметкам и статьям, посвященным жизни в Албании, подобное представление об албанцах получал и британский читатель.

Говоря же о личных качествах албанца-воина, также следует отметить двойственность, на которую неизменно указывали британские журналисты. С одной стороны, он обладает большим энтузиазмом, быстротой ума, и даже, находясь под влиянием определенных обстоятельств, может проявить невероятные безрассудство и героизм, но с другой стороны, при отсутствии должной мотивации (каковой в большинстве случаев являлась возможность получения добычи) албанцы весьма неохотно шли на военную службу, и, как пишет газета «*The Times*», нередко мальчиков записывали как детей женского пола, чтобы избежать рекрутского набора⁴³.

Существует мнение, что зачастую в Европе под категорию «дикого, необразованного и архаичного» народа попадали не только албанцы, но и их другие балканские соседи. Однако автор статьи в газете «*The Times*» еще в 1878 г. провел грань между ними и выявил характерные отличия. В первую очередь выделялись особенности внешности, присущие только албанцам: широкий лоб, коронообразная овальная форма черепа, с более узкой, чем у черногорцев, челюстью и конусообразным подбородком, а также более светлый оттенок волос⁴⁴. Если же сравнивать природные способности сербов и албанцев, то, по словам автора статьи, албанец окажется более способным к торговле и ремеслам, особенно преуспев в обработке драгоценных металлов, «среди примитивных народов»⁴⁵.

Официальная британская пресса часто приписывала европейским журналистам и исследователям данного региона сугубо научный интерес по отношению к албанцам. Так, в одном из октябрьских номеров «*The Times*» 1878 г. автор статьи об Албании писал, что в связи с растущей популярностью этнологии ученые все больше начали проявлять интерес к «древним народам, которые определенным

образом сохранили свою индивидуальность по сей день»⁴⁶. Тем не менее не трудно заметить, что в основном интерес британской прессы к Албании и ее населению был продиктован событиями и происшествиями, происходящими в регионе, в связи с чем, наблюдается определенная цикличность публикаций в крупных изданиях.

Первые крупные статьи относятся к периоду Великого Восточного кризиса 1875–1878 г., в период которого была создана вышеупомянутая албанская Призренская лига, а также прозвучали первые заявления, касающиеся права на самоопределение албанцев. Для албанцев Лига стала «организатором борьбы за освобождение и объединение албанских земель, за отстаивание национального суверенитета албанцев и противостояния попыткам великих держав и соседних балканских стран оккупировать албанские земли»⁴⁷. По словам газеты «*The Times*», под руководством Лиги албанский народ мог бы добиться признания, а Европа смогла бы увидеть превращение старейшего народа континента в нацию⁴⁸. Однако британская пресса видела в Лиге не только консолидирующую силу, но и символ усиления влияния албанского элемента на политические процессы в регионе.

Далее британская пресса обратила внимание на события в Албании уже в 1880 г., когда в албанских землях происходили протесты против передачи городов Плав и Гусинье Черногории согласно решениям Берлинского конгресса. Албано-черногорские отношения, а также выступления и конфликты в приграничной зоне активно освещались британскими газетами того времени; попутно статьи информировали читателей об особенностях албанского народа и его быта.

Великие державы отказались от идеи передать эти города Черногории, в итоге ей отошел порт Ульцинь (совр. Дульциньо) и прилегающая к нему территория, что в конечном счете вызвало еще большее недовольство у Албанской лиги, которая не считала возможным потерять важный порт на Адриатике с преимущественно албанским населением⁴⁹. В том числе в статье газеты «*The Times*» от 25 сентября 1880 г. приводилось письмо защитников города Ульцинь, в котором те просили консулов Англии, Франции, Италии, Германии, Австро-Венгрии и России не передавать «их любимый город Черногории», так как для них «станет невозможным приспособиться к привычкам, обычаям, языку и религии» этой страны⁵⁰. Однако, как известно, просьба не была принята во внимание.

Период с 1881 по 1903 г. в основном небогат с точки зрения описания политической ситуации в албанских землях, однако пресса регулярно сообщала о нападениях на европейцев в регионе, а также о незавидном положении тамошних христиан.

Поводом снова обратить внимание на Албанию стали реформы 1903 г. в «европейской Турции», поддержанные великими державами и вызвавшие всплеск негодований в албанском обществе.

В целом же можно отметить, что, несмотря на тот факт, что статьи и заметки об Албании не печатались на первой полосе и в основном появлялись в кризисные периоды, сообщения о событиях в данном регионе прочно обосновались на страницах британских печатных изданий, что лишний раз подчеркивает растущий интерес Британии к этому народу и его растущей роли в политических процессах на Балканском полуострове.

Оценка объективности того или иного источника и тем более прессы является непростой задачей, так как авторы в основном высказывают свое субъективное мнение относительно тех или иных событий и поведения людей. Однако при анализе нескольких источников, принадлежащих к одному промежутку времени, выявляются определенные тенденции. Вышеизложенный случай с описанием национальных особенностей албанцев является примером того, как статьи газет и журналов, посвященные Албании и ее жителям, повлияли на формирование образа типичного, по мнению европейского автора и читателя, представителя албанского народа в конце XIX — начале XX в.

Примечания

¹ *Blunt F.J.* The people of Turkey, twenty years' residence among Bulgarians, Greeks, Albanians, Turks and Armenians, by a consul's daughter and wife / Ed. by S. Lane Poole. London, 1878. Vol. 1. P. 62.

² Подробнее см.: История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2012.

³ Об истории формирования ментальных конструкций Восточной Европы см.: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

⁴ *Pouqueville F.C. H.L.* Travels through the Morea, Albania and several other parts of the Ottoman Empire to Constantinople. During the years 1798, 1799, 1800, and 1801. London, 1806. P. 14.

⁵ *Blunt F.J.* The people of Turkey. P. 75.

⁶ *Evans A.* Some Observations and the present state of Dardania, or Turkish Serbia (including the Vilayet of Kossova und part of the Vilayet of Monastir) // *Albania & Kosovo: Political and ethnic boundaries, 1867–1946. Documents and Maps.* Slough, 1999. P. 260.

⁷ *Ippen T.* Novibazar und Kossovo: das alte Rascien, eine Studie. Wien, 1892. P. 145.

⁸ *Hassert K.* Streifzüge in Ober-Albanien // *Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde.* Berlin, 1897. Bd. 24. S. 530.

⁹ *Siebertz P.* Albanien und die Albanesen. Wien, 1910. S. 146.

¹⁰ *Steinmetz K.* Ein Vorstoß in die nordalbanischen Alpen. Wien, Leipzig, 1905. S. 11, 20.

¹¹ *The Times.* 1878. 16 X. N 29387. Pg. 4.

¹² *Callan H., Rev.* Albania and the Albanians in 1898 // *The Scottish Geographical Magazine.* Edinburgh, 1899. P. 338.

¹³ *The Daily Telegraph.* 1879. 11 XII. N 7652. P. 6.

¹⁴ *The Times.* 1889. 9 II. N 32618. P. 7.

¹⁵ *The Daily Telegraph.* 1881. 11 IV. N 8069. P. 5.

¹⁶ *Ibid.* 1881. 16 III. N 8047. Pg. 3.

¹⁷ *The Times.* 1890. 27 XII. N 33206. Pg. 3.

¹⁸ *Ibid.* 1895. 23 XI. N 34742. Pg. 7.

¹⁹ *Callan H., Rev.* Albania and the Albanians in 1898. P. 341.

²⁰ *The Times.* 1884. 16 I. N 31161. Pg. 6.

²¹ *Country Life Illustrated.* London, 1899. 29 IV. P. 535.

²² *The Times.* 1889. 9 II. N 32618. P. 7.

²³ *Ibid.* 1889. 4 IX. N 32795. P. 5.

²⁴ *Ibid.* 1891. 3 I. N 33212. P. 5.

²⁵ *Ibid.* 1880. 18 X. N 30015. P. 5.

²⁶ *The Daily Telegraph.* 1883. 3 X. N 8845. P. 5.

²⁷ *Ibid.* 1889. 26 XI. N 10770. P. 5.

²⁸ *The Times.* 1881. 23 IV. N 30176. P. 11.

²⁹ *Ibid.* 1881. 5 X. N 30317. P. 5.

³⁰ *Ibid.* 1895. 23 XI. N 34742. Pg. 7.

³¹ *Callan H., Rev.* Albania and the Albanians in 1898. P. 339.

³² *The Daily Telegraph.* 1901. 13 VIII. N 14437. P. 7.

³³ *Callan H., Rev.* Albania and the Albanians in 1898. P. 340.

³⁴ *The Times.* 1888. 14 I. N 32282. P. 7.

³⁵ *Ibid.* 1886. 19 X. N 31894. P. 6.

³⁶ *The Daily Telegraph.* 1886. 20 X. N 9799. P. 5.

³⁷ *The Bible Society Gleaning for the Young.* London, 1898. 1 V. P. 68.

³⁸ *The Illustrated Catholic Missions: An Illustrated Monthly Record, In Connection with the Society of the Propagation of the Faith.* London, 1888. 1 VI. N 26. P. 22.

³⁹ *The Times.* 1901. 8 X. N 36580. P. 3.

⁴⁰ *The Times.* 1883. 8 VI. N 30841. P. 9.

⁴¹ *Callan H., Rev.* Albania and the Albanians in 1898. P. 341.

⁴² *The Times.* 1881. 31 III. N 30156. P. 10.

⁴³ *Ibid.* 1878. 16 X. N 29387. P. 4.

⁴⁴ *Ibidem.*

⁴⁵ *Ibidem.*

⁴⁶ *Ibidem.*

⁴⁷ *Искендеров П. А.* Албанская лига Призрена 1878–1881 гг. и Россия. // Независимость Албании в общебалканском контексте: к 100-летию образования Албанского государства. М., 2014. С. 123.

⁴⁸ The Times. 1878. 16 X. N 29387. P. 4.

⁴⁹ *Ари Г. Л., Иванова Ю. В., Колтакова О. А., Смирнова Н. Д.* Краткая история Албании: с древнейших времен до наших дней. М., 1992. С. 190–191.

⁵⁰ The Times. 1880. 25 IX. N 29996. P. 5.

Е. А. Колосков

Косовский миф как элемент сербо-албанских противоречий в 1989–2003 гг.*

Косовский миф, его трактовка и восприятие являются на сегодняшний день, пожалуй, самым известным примером «мобилизации Средневековья» на Балканском полуострове. Не в последнюю очередь актуальность данной темы постоянно подпитывается проблемой не определенного международного статуса этого печально известного осколка югославской федерации. Вопросы суверенитета, демографического состава и культурной значимости данного региона для двух главных контрагентов: албанского и сербского, имеют огромное значение для всего постъюгославского региона. Как в академической науке или политической публицистике, так и в публичных выступлениях политиков широко используются средневековые сюжеты истории Косовской битвы (1389) для доказательства именно своей исконности в вышеуказанном регионе.

Являясь ключевым для процесса формирования как сербской, так и албанской идентичности в современной исторической мифологии, Косово чаще всего упоминается в связи с легендарным сражением 28 июня 1389 г., с не менее легендарным празднованием 600-летней годовщины данного события в 1989 г. и далеко идущими политическими последствиями этой акции для Югославии вообще и Косово в частности и, разумеется, печально известным вооруженным конфликтом, ставшим судьбоносным для всего постъюгославского

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10080 «Мобилизованное Средневековье»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в Новое и новейшее время».

пространства и, как считают многие, для всей системы международных отношений¹.

В рамках нашего исследования мы предприняли попытку сопоставить представления о Косовской легенде главных контрагентов развернувшейся «войны памяти»: сербских, албанских и косовских историков. Безусловно, главной задачей ученых двух противоборствующих лагерей было оправдать свои претензии на данный регион с исторической, демографической и моральной точек зрения. Иными словами, доказать и удревнить свою историческую связь с регионом, показать преобладание своего этноса и, наконец, убедить, почему оппонент, в ходе совершения неких «злодеяний», свои права на Косово потерял. Наше исследование в первую очередь опиралось на работы, носящие обобщающий характер, т.е. посвященные истории Косова в целом. Наибольшее внимание вызвали работы, опубликованные на английском языке, по понятным причинам ориентированные в первую очередь на зарубежного читателя. Нами рассмотрены такие аспекты, как определение, популяризация, именование мифа, его основные герои, значение мифа и проявления на него современной рефлексии.

Косовский миф или Косовская легенда — это набор устойчивых ненаучных, как правило, базирующихся на фольклоре или пропаганде, представлений о роли и месте Косово и Косовской битвы в истории сербского народа и его соседей. Важная особенность восприятия данного исторического события именно как мифа, на наш взгляд, заключается в отказе от попыток собственно научного подхода к изучению самого сражения и замещению исторического исследования исторической памятью.

Под сербским Косовским мифом мы понимаем концепцию, согласно которой 28 июня 1389 г. воины сербской армии под предводительством (впоследствии канонизированного) князя Лазаря (1370–1389), сознательно пожертвовали жизнями и государством — «царством земным» — ради обретения «царства небесного» («Небесной Сербии») и последующего национального и культурного возрождения². Таким образом, проиграв решающее сражение, сербские воины не просто одержали моральную победу над более сильными и многочисленными противниками, но и заложили основы дальнейшего духовного и морального превосходства сербской нации. Немаловажным элементом современного Косовского мифа является также

мотив жертвенности во имя спасения Европы от османской угрозы и отказ от подчинения захватчикам во имя идеала свободы. Именно в таком виде овеянная легендами битва предстает перед нами в большинстве школьных учебников по истории, в произведениях искусства и выступлениях политических деятелей Сербии и Черногории в интересующий нас временной период³.

Под албанским Косовским мифом, который по отношению к сербскому во многом является контрмифом, понимается набор представлений о «неправильности», «фальсификации» и «сознательных искажениях» Косовской легенды 1389 г., т. е. памяти о сражении, используемой национальной сербской пропагандой для обоснования своих претензий на «исконно» албанский край Косово/Дардания⁴.

Традиционно начало широкого обращения исследователей к тематике Косовской битвы 1389 г. связывают с четырьмя событиями в общественно-политической жизни пост-титовской Югославии. Первое из них — студенческие волнения в Приштине 1981 г., их жестокое подавление и квалификация событий официальным Белградом как контрреволюционного выступления, что привело к всплеску албанского национализма и ирредентизма⁵. Следующим событием стала публикация 24–25 сентября 1986 г. знаменитого Меморандума Сербской академии наук и искусств. И хотя значение первой публикации этого документа (второй раз опубликован в июне 1989 г.) часто преувеличивают, учитывая, что от него поспешно откестилось большинство академиков, тем не менее сам факт подготовки данного документа подтверждает обеспокоенность сербской научной элиты ситуацией в Косово и местом сербов в Югославии. Апрель 1987 г. большинство исследователей начального этапа Югославского кризиса связывают с резким ростом авторитета С. Милошевича (1941–2006) и началом его триумфального восхождения к вершине политической власти в Сербии, после посещения Косово и популяризации его легендарной фразы: «Никто не смеет вас бить».

Конечно, самым важным событием, связанным с продвижением Косовского мифа в широкие массы сербской общественности, стала подготовка к знаменитому празднованию 600-летней годовщины Косовской битвы в 1989 г. Историческое сообщество активно включилось в программу мероприятия, ставшего кульминацией возвышения С. Милошевича. В рамках празднования годовщины легендарного сражения была проведена серия научных конференций,

опубликовано множество источников и выпущено огромное количество научной и публицистической литературы по Косовской проблематике.

Речь С. Милошевича на Косовском поле 28 июня 1989 г. многие считают важнейшей вехой в истории распада Югославии, развития и популяризации национализма во всех частях югославской федерации⁶. Косовская легенда стала важнейшим катализатором сербоалбанских противоречий и важным элементом развернувшейся в академической среде «войны памяти».

Ее основу составляют следующие важнейшие положения: наименование сражения, состав и этническое определение участников, значение сражения для судьбы сербского и албанского народов, Балканского региона и всего христианского мира в целом, ход сражения, посещение места сражения и празднование годовщины сражения. Также отдельно рассмотрен вопрос использования символов сражения в виде продаваемого бренда.

Название сражения традиционно является важным оценочным маркером данного вида исторического события. В качестве сравнения можно привести хрестоматийное Ледовое побоище/битва на Чудском озере или же Куликовская битва/Мамаево побоище. И даже географическая маркировка придает важную смысловую нагрузку той или иной битве: здесь нам кажется вполне уместным примером названия «Бородинское сражение» в отечественной и «Московское сражение» во французской историографии.

Наименование Косовской битвы напрямую связано с периодически возникающей в албанском политическом и научном дискурсе идеей отказаться от «чуждого» наименования региона. В рамках данной концепции предлагается называть регион «Дардания», а Косовскую битву, соответственно, «Дарданской». Отметим, что при этом сражение 1448 г. упоминается, как «Второе дарданское сражение»⁷.

Для сербов, соответственно, Косовская битва 1389 г. в массовом сознании воспринимается как единственное сражение с таким названием или, значительно реже, упоминается как «Видовданская битва», в случае акцентирования внимания на религиозном значении датировки сражения и выстраивания концепции 28 июня (дня св. Вита), как ключевой даты для всей истории сербского народа.

Сербский миф не упоминает или мало упоминает другие народы, выставившие свои воинские контингенты на Косовом поле 28 июня

1389 г. Согласно данной концепции все или практически все участники сражения с христианской стороны: сербы или, в крайнем случае, славяне (фигурируют хорваты и боснийцы). Абсолютно все главные герои косовского цикла — сербы. Более того, даже все антигерои/предатели — сербы. Другим этносам, в частности, боснийцам, отводится роль трусов, которые никак не оказали влияния на развитие сражения в целом и судьбу Сербии и Балкан. Милош Обилич (1350–1389) — главный герой битвы, зачастую вытесняющий князя Лазаря, серб, от которого ведут свой род многие сербские семейства в современной Боснии, Хорватии и Черногории.

Албанский миф, наоборот, акцентирует внимание именно на многообразии и разнородности участников сражения, максимально расширяя их список, в первую очередь за счет албанцев⁸. Косовские историки настаивают на участии косовских же албанцев. Отказ от их упоминания сербами трактуется, как отказ признания присутствия албанского элемента в Косово того периода. Албанские части наиболее дисциплинированные, князь Лазарь компромиссная фигура, упоминается широкий список албанских военачальников, участвующих в битве. Обили/Кобилич, главный герой битвы — этнический албанец и персонаж албанского эпоса⁹. Представляется интересным факт, что с албанской стороны нет никаких попыток его присоединения к национальному пантеону. Для сербов он — один из ключевых персонажей пантеона¹⁰.

В большинстве случаев Косовская битва 1389 г. трактуется сербами как поворотный момент в истории сербской государственности и всего сербского народа. Косовскую битву характеризуют как «наиболее важное событие сербской истории», память о котором составило «метафизическое ядро» народа, позволив ему выжить в «наиболее тяжкие дни». Сербы, благодаря сражению, — «особый народ», воспитанный «на самых высоких моральных ценностях». Проиграв сражение 1389 г., «сербы навеки сделали выбор в пользу своих национальных идеалов», а косовский завет стал «духовной вертикалью» всей сербской истории и залогом возрождения «царства земного» в XIX в.¹¹

С албанской точки зрения сам факт преувеличения значения Косовской битвы 1389 г. — попытка фальсификация истории. Она не имела особого значения, так как совершенно не изменила ситуацию на Балканах. Гораздо большую роль сыграли последующие

столкновения, в которых сербские войска сражались на стороне турок, в то время как (защитники европейско-христианских ценностей) албанцы сражались — против. Особенно часто в рамках развития этой концепции упоминается битва 1448 г. Видимо, не в последнюю очередь используется память этой битвы в связи с ее хронологическим совпадением с эпохой главного албанского национального героя Скандербег (1405–1468).

Интересной представляется сама возможность сопоставления восприятия в рамках национального мифа аналогичных по масштабу и значению исторических событий — глобальных катастроф, повлекших гибель войска, правителя и всего государства — в средневековой истории различных народов. Анализ оценок ключевых военных поражений как в рамках Балкан (здесь мы можем вспомнить более раннюю Беласицкую битву 1014 г.), так и в сопредельных регионах (назовем, для примера, более позднюю битву при Мохаче 1526 г.) могут продемонстрировать наличие многочисленных сюжетных параллелей, используемых для формирования мифа о национальном возрождении.

Важное значение имеет паломничество к местам, связанным с Косовским мифом. Во-первых, отметим, что данное действие мы рассматриваем отдельно от собственно празднования годовщины сражения, о чем речь пойдет ниже. Для сербов посещение Косово — услуга, предлагаемая на протяжении круглого года. Во-вторых, практически везде в Сербии можно встретить плакат, предлагающий посетить утраченный край. Путешествия для сербов в Косово, первоначально в виде туристических маршрутов, практикуются уже с 1989 г. и носят вполне регулярный характер: группы формируются примерно раз в две-три недели. В-третьих, учитывая места отправления (как правило, сбор групп происходит напротив храма св. Саввы) и обязательное посещение сербских православных монастырей, данный вид экспедиции носит подчеркнуто религиозный характер.

Для албанской стороны регулярное паломничество, связанное с Косовским полем — это явление малохарактерное. Единственным объектом, напрямую связанным с Косовским сюжетом, можно считать гробницу (тюрге) османского султана Мурада I (1359–1389), который является почитаемым в исламском мире мучеником за веру. Данное сооружение упоминается как первый пример османского зодчества в Косово и находится под патронатом Турции. В основном

посещение связывается также с сакральным характером сооружения — религиозными празднествами ислама — или с приездом официальных представителей Турции. На самом видном месте экспозиции музея-гробницы — благодарственное письмо и фотография турецкого президента Р. Т. Эрдогана.

Низкая привлекательность данного объекта для албанцев связана с достаточно дискуссионным вопросом о роли ислама и османского завоевания в истории албанского народа и традиционной ориентации национальной мифологии на политические, а не религиозные символы. Бóльшим интересом пользуются музей Призренской лиги (национальной организации, созданной в 1878 г. в Албании), монументы войны 1998–1999 гг. и так далее.

Празднование годовщины сражения сербами вызывает очевидную неприязнь со стороны значительной части албанского общества. В последнее время это выражается в попытках организации рядом общественных деятелей альтернативных празднований победы османского воинства, что в целом не находит положительного отклика ни в среде научной элиты, ни у большинства политиков, особенно в последнее время, учитывая не простые отношения между Турцией и Европейским Союзом.

В целом же сам процесс празднования, участие в торжествах высших представителей сербской исполнительной власти от С. Милошевича до нынешнего премьер-министра Александра Вучича, и регулярное паломничество сербов в Косово на протяжении всего календарного года вызывает массовое недовольство у местного албанского населения. Не в последнюю очередь подобные настроения объясняются тем, что «наступление» на автономные права косовских албанцев также начиналось с сербской риторики относительно места и роли Косово в истории сербского народа и формирования его идентичности. Неудивительно, что пассажи о том, что «Косово — это сердце Сербии и душа нашего народа», или что «наиболее важен тот факт, что Скупщина, правительство и президент республики имеют общую и одну единственную точку зрения со всем народом, а именно то, что Косово всегда было и навсегда останется в Сербии» вызывают вполне определенную обеспокоенность даже сейчас, в условиях фактического признания официальным Белградом так называемой Республики Косово в рамках проводимой евроинтеграционной политики Сербии¹².

Использование Косовского сюжета в качестве торгового бренда носит во многом односторонний характер и практически не встречается у албанцев. В Сербии бренд широко используется для алкогольной продукции начиная с официальной популяризации мифа (первый известный нам по рекламе в газете «*Политика*» пример — «Юбилейный виньяк* 600» от производителя «Рубин», продаваемый под брендом 1389 в 1989 г.)¹³. Учитывая факт производства данного напитка в г. Крушевац (столица государства Лазаря Хребеляновича) и артикуляцию 600-летия Косовской битвы 1389 г. в названии виньяка, помещения на этикетку цифр 1389, упоминание князя Лазаря и места производства напитка, очевидно явное желание продемонстрировать сопричастность с событиями, происходящими в стране. Впоследствии бренд стал использоваться более открыто, и наряду с пищевой продукцией оказалась задействована сувенирная атрибутика и многое другое¹⁴.

Таким образом, можно согласиться с популярным в англоязычной литературе утверждением, что албанский миф относительно Косовской битвы 1389 г. является по сути контрмифом сербского. Действительно, исходя из приведенных нами сюжетов, сложно представить албанский миф иначе как рефлексию на сербскую легенду. Во-вторых, очевидно, что албанский вариант Косовского мифа не носит характер присвоения истории, так характерный для традиционного для Балкан дискурса об «украденном наследии/украденной истории» (греко-македонский спор о наименовании, сербо-македono-болгарский спор о царе Самуиле и т. д.). Албанцев устраивает общехристианская составляющая мифа при признании наличия албанского элемента. Сербы акцентируют внимание именно на сербскости мифа. В-третьих, учитывая популяризацию процессов демифологизации мифа в Сербии, представляется возможным, что со временем Косовский миф не просто трансформируется из мифа о 1389 году в миф о 1999 году, а произойдет замещение мифа о героическом поражении в миф об изгнании.

В целом в ближайшее время представляется маловероятным факт консенсуса по вопросу Косовского мифа в современных условиях, когда одна из сторон, участвующих в полемике, фактически не признает компетентность другой, и слышны взаимные обвинения

---

* Виньяк — один из видов балканского бренди.

в геноциде. Пока сербская сторона использует Косовский миф для оправданий своих претензий на бывший автономный край, косовская сторона будет критиковать этот миф максимально жестко, не заботясь о какой-либо научной составляющей, ставя на первый план эмоциональные сюжеты.

Не маловажным фактом углубления противоречий относительно Косовского мифа, на наш взгляд, является, достаточно низкая активность сербских, албанских и косовских исследователей в установлении научных связей. Помимо международного проекта «*Figuring out the Enemy: Re-imagining Serbian-Albanian Relations*», в котором участвует Институт философии и социальной теории в Белграде¹⁵, проектов, объединяющих сербских и албанских исследователей, практически нет.

Остается надеяться, что попытки демифологизации Косовской битвы, активно предпринимаемые научным обществом Сербии и других стран, в будущем снизят эмоциональный накал полемики и позволят выстроить концепцию конструктивных взаимоотношений Белграда с Приштиной.

Примечания

¹ Волков В. К. «Новый мировой» порядок и Балканский кризис 90-х гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 11–50. Текст доступен по адресу: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/VOLKOV.HTM> (здесь и далее дата последнего посещения 5 IV 2017).

² См. подробнее: Малешевич М. Насилье идентитета // Культурне паралеле: Свакодневна култура у постсоцијалистичком периоду / Ур. З. Дивац. Београд, 2008. С. 11–32 (Зборник радова Етнографског института САНУ. Кн. 24). Текст доступен по адресу: http://www.etno-institut.co.yu/Zbornik/zbornik25/Malesevic_25.pdf.

³ *Segesten A. D.* Myth, Identity and Conflict: A Comparative Analysis of Romanian and Serbian Textbooks. 2009. P. 305–311. Текст доступен по адресу: <http://drum.lib.umd.edu/handle/1903/9168>.

⁴ *Historia e popullit sqiptar.* Tirana, 2002. F. 375–376.

⁵ *Mertus J.* Kosovo: How Myths and Truths Started a War. Berkeley (Calif.), 1999. P. 42–46.

⁶ Югославия в XX веке: очерки политической истории / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011. С. 750. Гуськова Е. Ю. История Югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 9.

⁷ *Buxhovi J.* Kosovo: (The Ottoman Empire). Houston, 2013. P. 29–30.

⁸ См. например: *Pulaha S.* Shqiptaret dhe Beteja e Fushe-Kosoves e vitit 1389 // Studime historike. 1990. N 4. P. 163–181; *Xhufi P.* Shqiptaret e Jugut ne Betejen e Fushe-Kosoves // Studime historike. 1989. N 4. P. 149–153; *Malltezi L.* Beteja e Fushe-Kosoves

(1389) dhe kontributi i shqiptareve // Studime historike. 1989. N 4. P. 139–148; Beteja e Kosovës: permledhje studimesh / Redaktimi Shkencor dhe pergatitja per botim Luan Malltezi. Tiranë, 1998. P. 58.

⁹ *Buxhovi J.* Kosovo. P. 29–30.

¹⁰ *Delvina S.* Kosova një mit Serb apo një realitet historik shqiptar. Tiranë, 2000. P. 148.

¹¹ *Samardžić R.* Za carstvo nebesko // Kosovska bitka. Beograd, 1989. S. 9–14.

¹² Serbian Prime Minister said that Serbian EU accession negotiations will be opened on December 14. // Sputnik international. Текст доступен по адресу: <https://sputniknews.com/europe/201512031031175646-serbia-eu-negotiations>. Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.; СПб., 2015. С. 254.

¹³ Политика. 1989. 28 VI. Број 27200. С. 9.

¹⁴ См. например: Car Lazar / Rubin AD. Текст доступен по адресу: <http://www.rubin.rs/rs/index.php/ru/proizvodi/vina/stona-vina/car-lazar>.

¹⁵ Figuring out the Enemy: Re-imagining Serbian-Albanian Relations / Institut za Filozofija i Društvenu Teoriju / Univerzitet u Beogradu. Текст доступен по адресу: <http://www.institfdt.bg.ac.rs/figuring-out-the-enemy-re-imagining-serbian-albanian-relations/?lang=en>.

НАРОДЫ
ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

А.А. Ждановская

Богемские немцы в последней четверти XIX в.: теория и практика существования «немецких островов в славянском море»*

Для сообщества богемских немцев конец XIX в. стал эпохой радикальных перемен во всех сферах национальной жизни. В стране — как на поприще большой политики, так и в повседневности — произошло заметное увеличение веса славянского элемента. Во-первых, чешские и польские политики стали опорой консервативного кабинета под руководством Эдуарда Тааффе (1833–1895), находившегося у власти без малого 14 лет (1879–1893) — дольше, чем любой другой председатель цислейтанского правительства. Сотрудничество с венской властью означало определенные уступки ее союзникам — действительно, в начале 1880-х годов чешский язык в Богемии обретает статус, почти равный немецкому¹, а чешскоязычные чиновники — негласные привилегии при устройстве на службу в государственных органах, делопроизводство в которых становилось двуязычным. Наряду со свойственной индустриальной эпохе горизонтальной мобильностью, обеспечившей приток чешских рабочих в испокон веков немецкие промышленные области Богемии, такая перестановка сил не могла не вызвать беспокойства активистов из числа немецкоязычного населения провинции. Наконец, в 1883 г. чешская фракция впервые получила большинство мандатов на выборах в богемский земский сейм. Уход немецкобогемской политической элиты на второй план стал одним из симптомов превращения богемских немцев в меньшинство в общем контексте национальной жизни провинции.

---

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках работы над проектом 15-31-01003а1.

Такая перемена в жизни сообщества, до того не имевшего серьезных поводов сомневаться в прочности своих позиций, имела ряд последствий. С одной стороны, ускорилась эскалация национального конфликта в Богемии, теперь подогреваемого еще и паническим страхом и агрессией в адрес оппонентов. С другой стороны, вызов изменившейся реальности спровоцировал необычайную продуктивность национальной политики богемских немцев как в плане теоретических разработок, так и в отношении практики «национальной борьбы».

Концепция замкнутых языковых областей. Последние десятилетия XIX в. стали тем периодом, когда была разработана и активно распространена национальная программа богемских немцев. Ее отправной точкой была идея «замкнутых областей» — объединения немецкоязычных областей Богемии (некоторые из которых состояли из немцев почти на 100 %) в моноэтничные округа, на которые не распространялись бы требования о билингвальности чиновничества, судов и школьной системы.

Такая идея не была новостью в среде национальных активистов Цислейтании, однако лишь в середине 1884 г. на волне обсуждения чешско-немецкого компромисса немецкие депутаты впервые открыто заявили о том, что в административном разделении на замкнутые этнические округа немецкоязычная общественность Богемии видит единственный способ снять напряженность в межнациональных отношениях. Этот тезис был подхвачен местной прессой. Звучали призывы разной степени радикальности, вплоть до создания отдельного субъекта «Немецкая Богемия» со столицей в Райхенберге (чеш. Либерец).

Развеять спекуляции и открыто сформулировать общую позицию по вопросу о будущем Богемии попытался немецкобогемский либерал Эдуард Хербст (1820–1892), чья статья «К языковому и национальному вопросу в Богемии» была опубликована в венском ежедневнике «*Neue Freie Presse*», а также вышла отдельной брошюрой². В ней на основе данных переписи населения 1883 г. конкретизировались доводы в пользу административного разделения провинции по языковому принципу. Данные, расчеты и построенная на их основе аргументация на несколько лет вперед стали для богемских немцев отправной точкой в дискуссиях об урегулировании богемского вопроса.

Очерк открывается риторическим замечанием о том, что вследствие всеобщего незнания географических и этнографических реалий Богемии все чаще звучит утверждение о том, что в ней вообще

не существует замкнутой немецкой языковой области. Подробное опровержение этого тезиса и стало задачей автора. Объекты его исследования — территории, находившиеся в ведении окружных судов Эгера (чеш. Хеб) и Лейпы (чеш. Чешская Липа). Общая численность населения в них составляла более 661 тыс. человек — больше, чем во многих других коронных землях, например, Зальцбурге, Каринтии, Далмации, Крайне, Силезии, Буковине³.

Доля немецкоязычного населения в Эгере и Лейпе составляла 99,65% и 99,63% соответственно. Это была примерно треть всех богемских немцев. В абсолютном значении (немногим меньше 659 тыс. человек) этот показатель превосходила численность немецкоязычного населения во всех других коронных землях, за исключением Верхней и Нижней Австрии и Штирии, а в относительном уступала лишь Зальцбургу⁴.

Переходя к детальному рассмотрению ситуации, Хербст разделил административные районы на чисто немецкие (те, в которых не было ни одной чешской общины), чисто чешские и смешанные. Из общего числа в 216 районов 77 было немецких, 102 чешских и 37 смешанных⁵.

Из числа немецких районов (в четырех из которых не было ни единого чешского жителя) 55 составляли компактную территорию на северо-западе королевства, на которой проживало всего 2% чехов (меньше, чем в Нижней Австрии)⁶. Еще 22 района были разделены Хербстом на четыре группы в зависимости от их географического положения: север Богемии, ее восточная граница, Богемский лес⁷, внутренние территории. В последних численность чешскоязычных жителей была наиболее высокой, что трактовалось автором исследования как свидетельство «прогрессирующей чехизации»⁸. Тем не менее, общее соотношение чехов и немцев составляло 2,63% против 97,37%, что с точки зрения немецкого превосходства было выигрышнее, чем, например, в Вене с ее 95,23% немцев.

Наконец, Хербст подробно проанализировал соотношение чешско- и немецкоязычного населения в 37 смешанных районах. Среди них было, во-первых, 13 округов с незначительным числом (одна или две) общин «другой» национальности (три почти исключительно немецких и десять почти исключительно чешских района), и, во-вторых, 24 округа, которые нельзя было причислить ни к преимущественно чешским, ни к немецким⁹.

В качестве разрешения конфликта Хербст предлагал административное преобразование Богемии с целью сделать судебные округа и районы максимально моноэтническими. В случае смешанных районов речь шла о прикреплении тех или иных общин к соседним этнически однородным районам. Для новообразованных моноэтнических немецких округов подразумевалась отмена языковых законов, уравнивавших статусы чешского и немецкого языков в делопроизводстве.

В качестве дополнительного довода автор называл проект закона о национальностях, предложенного чехами как составную часть Фундаментальных статей¹⁰. В нем также указывалось, что административные и судебные округа следует устраивать таким образом, чтобы сделать их максимально моноэтническими¹¹. Таким образом, предложенная схема могла быть близка не только богемским немцам, но и их оппонентам и правительственным кругам. Кроме того, сценарии такого переустройства не требовали бы больших трат ни в плане бюджета, ни в плане человеческих ресурсов. Стоит также подчеркнуть, что в статье Хербста не говорилось о выделении Немецкой Богемии как отдельной провинции Цислейтании: он настаивал лишь на административном переустройстве в рамках существующей территориальной единицы.

На волне актуализации вопроса о разделении Богемии он прозвучал и в австрийском парламенте в рамках зимней сессии 1883–1884 гг. Однако инициатива немецкобогемских депутатов вынести на обсуждение проект Хербста была отклонена коалиционным большинством¹².

После неудачи в рейхсрате эпицентром обсуждения богемского вопроса оказался земельный ландтаг. В сентябре 1884 г. на рассмотрение сейма был предложен проект, в котором на основании наработок Хербста в очередной раз выдвигалась идея разграничения смешанных округов по национальному принципу (путем разделения существующих или создания новых). Для этого было необходимо, чтобы такая просьба исходила от населения округа и не противоречила географическим, экономическим и иного рода обстоятельствам¹³.

Доклад был рассмотрен комиссией ландтага и передан правительству, вердикт которого был отрицательным. Тем не менее, инициатива стала «исходной точкой в парламенте и первым шагом для большого движения за национальное разграничение»¹⁴. С этого момента можно говорить о том, что у немецкобогемской политики

появились система координат и конкретный курс, оформление и воплощение в жизнь которого стало ее содержанием по меньшей мере до конца 1880-х годов. Эти ориентиры были закреплены на состоявшемся вскоре съезде лидеров богемских либералов. Они единогласно высказались за курс на национальное разграничение.

В конце ноября 1885 г. немецкие депутаты вновь представили на рассмотрение ландтага ходатайство, основанное на данных исследования Эдуарда Хербста. Был сформулирован ряд требований немцев Богемии: упразднение языковых распоряжений 1880 г. на территории замкнутых языковых районов, создание новых окружных судов помимо пяти уже существующих немецких, учреждение двух палат в Верховном суде Праги, а также полноценное национальное разграничение на уровне окружной администрации¹⁵. На практике это означало признание пяти судебных округов исключительно немецкими (Эгер, Лейпа, Райхенберг — без оговорок, Лейтмериц (чеш. Литомержице) и Брюкс (чеш. Мост) — при условии исключения из их состава единичных чешскоязычных общин). Также речь шла о создании трех новых округов из немецкоязычных областей северо-запада (с центром в Траутенау (чеш. Трутнов)), юга (Крумау (чеш. Чески-Крумлов)) и юго-запада (Мис (чеш. Стршибро)) Богемии.

Лидер немецкого крыла Эрнст фон Пленер (1841–1923), выдвинувший проект от своего имени, подготовил пространную речь. В своей аргументации, помимо данных переписей населения и фактического распределения немецкоязычного населения по территории Богемии, он указывал также на то, что подобные инициативы отнюдь не революционны. Уже в 1848 г. проект Франтишека Палацкого (1798–1876) подразумевал разделение Богемии. Ходатайства министра графа Рихарда Белькреди (1823–1902) в 1865 г. о «политическом дроблении провинции» также базировались на национальном принципе. Более того, этот принцип успешно проявил себя в формировании школьных округов, то есть уже не был строго умозрительной концепцией.

Итогом стала нейтральная формулировка заключительного решения ландтага о том, что существующее законодательство по языковому вопросу обеспечивает равноправие языков. В свою очередь, правительство призывалось лишь к тому, чтобы по мере необходимости дополнять корпус законов в том случае, если какие-то обстоятельства

мешают проведению в жизнь уже имеющихся. Проект немецких депутатов был признан ущемляющим интересы меньшинств¹⁶.

Дебаты прошли еще несколько кругов вплоть до завершения сессии ландтага 20 января 1886 г. В стенах парламента звучали упреки в адрес агрессивных чешских оппонентов, стремящихся не к примирению, а к господству. Правительство, напротив, обвиняли в нерешительности: «Наличие масштабного движения, которое зародилось среди немецкого населения как протест против языковых распоряжений, полностью игнорируется и замалчивается; путем мелких обещаний и уловок, неоднозначных заявлений [правительство] пытается выиграть время, чтобы внезапно предложить новое направление, которое, вероятно, отвечает требованиям действующего парламентского большинства»¹⁷. Сама идея разделения округов возникла как реакция на этот курс и единственно возможный путь разрешить разрастающийся конфликт, призванный лишь защитить остатки «немецкости», а не насадить ее¹⁸.

Проблема двуязычности чиновничества рассматривалась в двух аспектах. Во-первых, указы о двуязычности земских структур ограничивали мобильность государственных служащих, поскольку немецкоязычные чиновники оказывались непригодными к службе в учреждениях Богемии. Это не только не соответствовало духу равноправия, но и ставило под угрозу интересы государства: квалифицированным работникам из числа немецкоязычных подданных мог быть закрыт путь к государственной службе. Во-вторых, языковые указы подразумевали, что и в немецких областях будут иметь преимущество чешские чиновники, т.е. полную смену кадров на этих территориях. Немецкие политики признавали, что для их соотечественников чешский служащий — чужак. Доверять ему было сложно и с точки зрения сложившейся привычки, и потому, что эти люди получали образование в чешских учреждениях и вращались в чешских кругах, что, вероятнее всего, «заразило» их чешским национализмом, агрессивным по отношению к немцам¹⁹.

Проект 1885 г. и дебаты в ходе сессии 1885–1886 гг., раскрывшие и дополнившие его содержание, стали на тот момент наиболее полным и масштабным выражением национальных устремлений богемских немцев. Более того, воспринимая сложившуюся в провинции ситуацию как критическую, немецкие политики вооружились этой концепцией как ультиматумом. Его исполнение было необходимым

условием для их сотрудничества с правительством и проправительственными силами. По воспоминаниям Пленера, перед ним и его соратниками стояла насущная задача не только не снимать проект с повестки дня богемского сейма, но и занимать этой идеей умы общестственности»²⁰.

«Союзы защиты» как инструмент национальной политики. Действительно, владение помыслами немецкоязычной общественности было насущной задачей национальных активистов — задачей, в сущности, не новой для любого общественно-политического течения, рано или поздно сталкивающегося с необходимостью наращивать базу своих сторонников. В силу того, что и земский, и имперский политический спектр во многом складывался вокруг национально окрашенных программ, сугубым интересом немецких (как, впрочем, и чешских) политиков стало укрепление в среде своих потенциальных сторонников идеи о том, что между ними и их иноязычными соседями существуют принципиальные различия, которые непременно должны быть учтены и на уровне государственного управления. Хорошо масштабируемым, понятным и включенным в повседневную жизнь инструментом для поддержания этой идеи на слуху стали национальные союзы.

На протяжении второй половины XIX в. это явление претерпело внутреннюю трансформацию, которая, впрочем, вполне отвечала эпохе. Если еще в 1860–1870-е годы добровольные союзы были скорее «клубами по интересам» и площадкой для проведения досуга или общения с единомышленниками, то к концу века большинство из них сфокусировали внимание на актуальных проблемах общественной жизни и инициативах «снизу» по их решению. Подобно политическому движению, спектр клубов в Богемии довольно быстро оказался представлен дублирующими друг друга чешскими и немецкими союзами. Трансформировалось не только содержание, но и форма — резонансные организации никак не были ориентированы на элитарность членства в них, и счет участников шел на тысячи человек.

В последнем двадцатилетии XIX в. в Богемии существовало несколько тысяч союзов, объединявших людей по всевозможным признакам: профессия, место проживания, хобби и прочее. Некоторые из них были строго локальными, другие могли действовать на территории всей Австрии, имея в каждой коронной земле местные организации.

Типичным примером общеавстрийской организации был Немецкий школьный союз (*Deutscher Schulverein*), основанный 13 мая 1880 г. В этот день оргкомитет будущего союза опубликовал воззвание к соотечественникам, в котором говорилось, что текущее положение «тысяч и тысяч» немецкоязычных детей в этнически смешанных областях оказалось таково, что у них нет возможности посещать немецкие школы. Вырастая, эти дети становятся «потеряны для немецкого народа». Положение отдельных немецких общин в смешанных (или преимущественно чешских областях) усугублялось почти полным отсутствием коммуникации между соотечественниками и поддержки (не в последнюю очередь — финансовой) воспитания на национальном языке детей, которые иначе рисковали «забыть язык матери и превратиться в славян или валахов [sic!]»²¹. Именно налаживание горизонтальных связей в немецкоязычном сообществе было объявлено основной целью союза. В частности, имелось в виду оказание взаимопомощи в случаях, когда создание немецкоязычной школы было возможно лишь при частной инициативе и финансировании спонсорами.

Принципиальным моментом стала аполитичность союза. Его активность, как утверждалось, не предполагала деятельности в угоду интересам конкретных политических образований, ведь развитие образования на родном языке — безусловная ценность для всего австрийского германства безотносительно политических симпатий. Так декларировалась позиция клуба.

Среди задач новой организации назывались следующие: 1) создание школ лишь в тех местах, где уже существует насущная необходимость этого; 2) создание немецкоязычных классов в уже существующих школах; 3) там, где создание полноценной школы по каким-то причинам невозможно, организация деятельности «странствующих» учителей (*Wanderlehrer*), работающих в нескольких селениях одновременно; 4) создание школьных библиотек; 5) денежная поддержка школьных учителей. Приоритетными регионами, где все это должно было осуществляться в первую очередь, назывались территории языкового пограничья²².

Кроме того, особо подчеркивался новый подход к «малым делам» на поприще национальной политики. Согласно выступлениям ораторов учредительного съезда, многие образованные австрийские немцы находились во власти стереотипа о том, что немецкий язык сам

по себе, в силу своей распространенности в Цислейтании, может послужить средством сохранения идентичности. События последнего времени и новый политический контекст эпохи, однако, недвусмысленно демонстрировали, что это убеждение стремительно теряло силу. Теперь одного только употребления языка было недостаточно — требовалась продуманная стратегия защиты национальных интересов²³. Ее частью была и деятельность в сфере начального и среднего образования.

Тогда же были заложены основы организационной структуры союза. Отделения союза создавались там, где насчитывалось как минимум 20 его членов (первое было создано в апреле 1881 г. в Пилзене (чеш. Пльзень)). «Головная» организация разрабатывала схемы регулирования административных вопросов (оформление местного отделения, сбор членских взносов и т. п.). В остальном же локальным собраниям предоставлялась свобода действий и выбора конкретных мероприятий по решению проблем школьного образования.

Масштабы роста организации оказались весьма впечатляющими: уже к концу 1880 г. союз насчитывал 22 тыс. человек, а через десять лет после основания, в конце 1889 г., Школьный союз насчитывал 98 тыс. членов. В сравнимой прогрессии шел и рост числа местных организаций союза. Так, в 1881 г. в Богемии насчитывалось 108 таких групп, а в 1890 г. — 416. Любопытно, что с 1884 г. в рамках союза начали основываться и отдельные женские региональные группы (первая появилась в австрийском Граце), которые впоследствии составили около 10% от общего числа отделений.

В таком виде организация просуществовала до 1893 г. В это время стала очевидной потребность в создании промежуточного звена между региональными отделениями и правлением союза, «штаб-квартира» которого находилась в Вене. Эта проблема была решена созданием округов (*Gau*), которые действовали согласно собственным уставам и поддерживали более прочные связи внутри того или иного региона. Первый такой округ возник вокруг Ауссига (чеш. Усти-над-Лабем), второй — в Заце (чеш. Жатец), третий — в Либерце. К концу века в Цислейтании существовало восемь окружных союзов. Показательно, что первые три округа были созданы именно в Богемии — это обстоятельство в очередной раз указывает на то, что этот регион воспринимался немецкой общественностью как наиболее проблемный.

Что касается конкретных дел союза, то, во-первых, силами и при его финансовой поддержке в проблемных регионах создавались немецкоязычные школы. Образованные на деньги союза и успешно функционирующие школы, как правило, через несколько лет переходили в управление общины, на территории которой они были построены. Кроме того, члены союза оказывали административно-консультативную поддержку в случаях, когда в той или иной местности уже звучала инициатива по созданию школы, но были затруднения с организационной стороной процесса. Все это относилось к народным школам; однако, по необходимости союз оказывал поддержку также средним, городским школам и профессиональным училищам, «когда речь шла о том, что в национально напряженных точках высшая ступень образования повысила бы сопротивление населения в национальной борьбе»²⁴.

Во-вторых, под эгидой Школьного союза начали создаваться также и детские сады для немецких детей, как необходимая ступень подготовки к обучению в школе. Важную роль это начинание играло в промышленных районах, где обретало не только национальную, но и социальную подоплеку. Для семей рабочих, в течение дня занятых на производстве, возможность оставить детей с воспитателем оказалась особенно ценна.

Кроме собственно создания сети учебных заведений — что, разумеется, было первоочередной задачей союза — его члены занимались также и разного рода окошкольными мероприятиями. Например, в холодное время года в народных школах, особенно в сельской местности, на средства союза организовывались столовые для детей. Таким образом поддерживалась посещаемость школ даже в неблагоприятную погоду. Из бюджета также выделялись средства на покупку учебных пособий, спортивных снарядов, музыкальных инструментов, на поддержание школьных садов.

Наконец, финансовые выплаты могли быть и «адресными» — так, союз брал на себя школьные взносы бедных семей, которые иначе не могли бы позволить себе отправить ребенка в немецкоязычную школу. Выплачивались и дополнительные суммы тем учителям, которые брали на себя работу в школах в удаленных деревнях.

Проиллюстрировать масштаб и характер работы союза позволяет отчет о его деятельности за 1884–1885 годы²⁵. К этому времени союз функционировал уже четыре года. За этот период его силами было

открыто в общей сложности 32 школы, из них 20 — в Богемии, семь — в Моравии, две — в Силезии и по одной в Галиции, Штирии и Крайне. 15 из них были не просто сформированы при помощи отделений союза: школьные здания были построены на его деньги. Еще 47 учебным заведениям Цислейтании была оказана разного рода финансовая и организационная поддержка. Под эгидой союза было открыто 35 детских садов (23 — в Богемии), 20 библиотек.

В свете этого логичным образом возникает вопрос о том, какие источники финансирования позволяли Школьному союзу развернуть столь активную деятельность. Во-первых, речь идет о ежегодных членских взносах. Во-вторых, значимую часть доходов союза составляли разовые личные пожертвования. Наконец, часть мероприятий союза спонсировалась сторонними структурами — например, в промышленных районах в роли таковых могли выступать отдельные предприятия, для детей работников которых силами регионального отделения союза создавались немецкоязычные школы.

Если Школьный союз был ярким примером надтерриториальной организации с общей для австрийского германства программой, то образцом для многочисленных региональных немецких объединений стал Немецкий союз Богемского леса (*Deutsches Böhmerwaldbund*). Эта организация, поставившая целью взять под эгиду немецкие интересы в регионе Богемского леса, возникла в 1884 г. по инициативе группы жителей Будвайса (чеш. Ческе-Будеёвице) — по данным переписи 1880 г., на 50 % немецкого города²⁶. Многие из них были активистами местного отделения Школьного союза.

Задача союза была очерчена как «создание и поддержка экономических и национальных начинаний немецкого населения юга Богемии, и особенно немцев Богемского леса»²⁷. Для ее достижения был сформулирован ряд целей: исследование и характеристика трудовых отношений и возникающих в их рамках потребностей; создание обществ взаимного кредита; инициативы по созданию профессиональных училищ и выделение стипендий для их воспитанников; внедрение доходных промыслов, отраслей производства; распространение печатных изданий собственного и дружественных издательств; создание народных библиотек; организация лекториев и профессиональных выставок; поддержка туризма в регионе. Таким образом, основным полем деятельности Союза Богемского леса стала поддержка соотечественников, в первую очередь,

в сфере трудовых отношений. Это было неудивительно, учитывая, что пограничные горные территории были центром промышленного производства, традиционно находившегося в немецких руках, но именно в разгар индустриальной эпохи с подвергнувшегося миграции чешского населения²⁸.

«Создание и поддержка», разумеется, подразумевали под собой, в первую очередь, участие в финансировании различных начинаний. Изыскивать средства предполагалось из нескольких ресурсов — членские взносы, добровольные пожертвования, сборы денег на конкретные инициативы, организация открытых для посещения мероприятий (музыкальных и театральных вечеров, балов, лекций и т. п.).

Члены союза объединялись в местные отделения по примеру Школьного союза, тогда как центр находился в Будвайсе. Такие отделения могли быть созданы в любом месте не только на территории Богемского леса, но и провинции вообще, по единому образцу, закрепленному в шаблонном статуте для местных организаций²⁹. Главным условием было наличие не менее 20 активных членов союза.

Таковы были задачи и структура союза. Любопытно, что, несмотря на недвусмысленное указание «немецкий» в названии, его риторика не была исключительно национальной. Много выпадов приходилось на долю крупных землевладельцев региона и, в частности, семейства князей Шварценбергов, чья монополия на производство, и, следовательно, бóльшая прибыль никак не подвигала их на обеспечение сносных условий труда для населения региона.

Эта позиция нашла отклик не только на территории Богемского леса, но в некоторых случаях даже за пределами Богемии. В 1889 г. в союзе насчитывалась 21 тысяча членов, 116 отделений в регионе и 57 (!) вне его (в Моравии, Нижней и Верхней Австрии, Тироле, Зальцбурге и Лайбахе (Любляна в Словении))³⁰.

Значительное место в деятельности Союза Богемского леса занимали социально-экономические инициативы. Среди них, в первую очередь, были самые прикладные: организация сельскохозяйственного и ремесленного производства — например, создание скотоводческих ферм, закупка и распространение саженцев фруктовых растений, разведение пасек. Уже существовавшие хозяйства могли получать помощь в виде сырья, топлива, инструментов, проведения электрической сети или водопровода и, наконец, просто денежных ссуд³¹. По инициативе союза создавались страховые общества,

в которые могли вступать региональные группы — а их члены, в свою очередь, рассчитывать на помощь при несчастных случаях.

Кроме регулярных начинаний, союз оказывал поддержку местному населению в отдельных форс-мажорных ситуациях. Так, в 1889 г. хозяйство юга Богемии сильно пострадало от неурожая после долгой зимы — сначала бесснежной, затем, напротив, с сильными снегопадами. В этих условиях активисты союза организовали сбор средств, который был поддержан сторонниками немецкого движения Цислейтании вплоть до отдельных депутатов парламента³².

Также стоит отметить, что многие инициативы союза были своего рода долгосрочной инвестицией в будущее региона. Речь идет о деятельности на поприще развития образования разных уровней — в первую очередь, конечно, среднего специального, но также и школьного (в сотрудничестве со Школьным союзом). Она заключалась, главным образом, в финансовой поддержке тех детей, кто хотел продолжить образование в профессиональных училищах. Им выплачивались постоянные или разовые стипендии. Отдельные семьи, не имевшие возможности отправить ребенка в немецкоязычную начальную школу, также могли рассчитывать на помощь со стороны союза³³.

Отдельным направлением работы союза было повышение привлекательности региона для внутреннего туризма в империи³⁴. В издательстве союза выходили путеводители по области, а силами его волонтеров организовывались сезонные праздники и фестивали, также призванные привлечь гостей из других регионов³⁵. Идея об особой склонности к туризму, путешествиям и вообще познанию окружающего мира была одним из позитивных стереотипов немцев о самих себе, так что деятельное воплощение этой особенности играло важную роль в «национальной работе» богемских немцев³⁶.

Деятельность Союза Богемского леса не имела столь очевидного национального подтекста, как это было в случае со Школьным союзом. Тем не менее, в документах союза очень заметна традиционная для того времени агрессивная риторика в адрес чехов. Их воспринимали как «национальных противников», постоянный приток которых в южную Богемию порождал призывы к «борьбе за народ», отражению «вражеского наступления». Подоплека деятельности союза, таким образом, заключалась в том, чтобы сделать регион Богемского леса более привлекательным для немецких ремесленников и рабочих, обеспечить их приток в эти области, который мог бы стать противовесом внутренней

миграции чехов на исконно немецкие территории. В этом аспекте работа союза (и других региональных объединений) играла важную роль в формировании образа «языковой границы» (*Sprachgrenze*) как линии фронта в национальной борьбе³⁷. Это было тем более актуально, что некогда более чем наполовину немецкая Прага стремительно становилась все более славянским городом, и эпицентр немецкобогемской идеи сдвигался именно в пограничные области³⁸.

Описанные сюжеты, разворачиваясь на разных уровнях общественной жизни региона, иллюстрируют единый многослойный процесс национальной эмансипации немецкоязычного населения Богемии. Безусловно, она во многом была продуктом деятельности национальных активистов из немецкой среды, заинтересованных в том, чтобы донести до своих потенциальных сторонников идею о непреодолимой дистанции между ними и их славянскими соседями. Красочным примером реализации этого устремления стала история массовых союзов, постоянно поддерживавших национальную тему на повестке дня среди участников, что было особенно актуально в свете невозможности проводить соответствующую программу парламентскими методами.

Нельзя, впрочем, сводить поддержание национальной дискуссии исключительно к усилиям немецкой общественности — в значительной мере она форсировалась и внешними обстоятельствами. Среди них, во-первых, была законотворческая деятельность правительства, за последнюю четверть века издавшего цикл языковых указов. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и взаимную провокацию немецкого и чешского национальных движений — пусть даже запущенные словом и делом активистов, идеи о соседе — «другом», соседе-сопернике неминуемо отзывались друг в друге и, постоянно воспроизводясь, придавали смысл сами себе.

Примечания

¹ В 1880 г. вступили в силу так называемые «языковые указы Штремайра», подразумевавшие двуязычие внешней коммуникации богемских и моравских учреждений (так, поданный на чешском языке запрос необходимо было сопровождать ответами и прочей документацией на том же языке, а все официальные документы публиковать на двух языках). В 1882 г. были опубликованы аналогичные распоряжения для Каринтии и Силезии. В 1886 г. языковой указ для Богемии и Моравии предписывал судам вести и внутреннюю документацию на том же языке, на котором был подан запрос.

² Zur Sprachen- und Nationalitäten-Frage in Böhmen. Von einem deutsch-böhmischen Abgeordneten. Wien, 1883.

³ Ibid. S. 3.

⁴ Ibid. S. 4–5.

⁵ Ibid. S. 10.

⁶ Ibid. S. 7.

⁷ Богемский лес (*Böhmerwald*, чеш. *Šumava*) — часть расположенного на чешско-австрийско-немецком пограничье региона, обозначенного одноименным горным хребтом. Включает в себя сегодняшние Пльзеньский и Южнобогемский регионы.

⁸ Ibid. S. 8.

⁹ Ibid. S. 11–13.

¹⁰ Фундаментальные статьи — проект чешских политиков, фактически подразумевавший предоставление Чешским землям автономии внутри монархии. Речь шла о том, что все внутренние дела будут переданы в ведение земского сейма, в то время как на уровне центра будут решаться лишь вопросы внешней политики, финансов и армии. В 1871 г. статьи были предложены правительству Карла Гогенварта (который поддержал проект), однако вызвали бурный протест немецких либералов и венгерских правительственных кругов, после чего были отклонены императором.

¹¹ Ibid. S. 14–15.

¹² Stenographisches Protokoll. Haus des Abgeordneten. IX. Session. 328. Sitzung vom, am 1 II 1884 // Stenographische Protokolle über die Sitzungen des Hauses des Abgeordneten des österreichischen Reichsrates. IX. Session. Wien, 1884. S. 11366–11379.

¹³ ÖStA. HHStA. Nachlass Plener. Kt. 31. Bericht der Kommission für Bezirks- und Gemeinde-Angelegenheiten über den Antrag der Abgeordneten Dr. Herbst und 60 Genossen in Betreff der Abgränzung sprachlich gemischter Bezirke nach der Nationalität der Bevölkerung. Nr. 275 Landt. 1884. Druck XCVIII.

¹⁴ *Plener E., von.* Erinnerungen. Stuttgart; Leipzig, 1921. Bd. 2. Parlamentarische Tätigkeit 1873–1891. S. 270.

¹⁵ ÖStA. HHStA. Nachlass Plener. Kt. 30. Bericht der Landtagskommission über die Anträge der Abgeordneten Edlen von Plener und Genossen, und Dr. Trojan und Genossen in Betreff der nationalen Gleichberechtigung im Königreiche Böhmen. Nr. 358. Landt. 1885/1886. Druck CXXXIV.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Sitzung vom 18 I 1886 // *Plener E. von,* Drei Reden gehalten im böhmischen Landtag in der Session 1885/6 über die Aufhebung der Sprachverordnung und die nationale Abgrenzung der Bezirke von Dr. Ernst von Plener (далее — Drei Reden). Prag, 1886. S. 55.

¹⁸ Sitzung vom 1886. 19 I // Drei Reden. S. 76.

¹⁹ Ibid. S. 69–70.

²⁰ *Plener E. von.* Erinnerungen. S. 323.

²¹ Цит. по: *Wotawa A.* Der Deutsche Schulverein. 1880–1905. Wien, 1905. S. 9.

²² Neue Freie Presse. Nr. 5692. 1880. 3 VI. S. 3.

²³ *Wotawa A.* Der Deutsche Schulverein. S. 11.

²⁴ Ibid. S. 31.

²⁵ Národní Archiv, Praha. PM 1881–1890. Ka. 1690. Sign. 8/5/23/1. Übersicht über die Tätigkeit des Deutschen Schulvereins im Vereinsjahre 1884, ergänzt bis Ende Juni 1885.

²⁶ *King J.* Budweisers into Czechs and Germans. A Local history of Bohemian politics, 1848–1948. Princeton, 2002. P. 72.

²⁷ Národní Archiv. PM 1881–1890. Kt. 1668. Sign. 8/5/2/8. Satzungen des Deutschen Böhmerwalsbundes.

²⁸ В целом по Богемии статистика внутренней миграции показывает, что из потока переселенцев в немецкие области 36% были чехами, в смешанные с преобладанием немецкого населения — 61%. В то же время в общем потоке переселенцев в чешские или смешанные с преобладанием чехов области доля немецкоязычного населения не превышала 8%. См. Česká politika. Díl I. S. 315.

²⁹ Národní Archiv. PM 1881–1890. Ka. 1668. Sign. 8/5/2/8. Satzungen der Bundesgruppe Budweis des Deutschen Böhmerwaldbundes.

³⁰ Ibid. Ka. 1673. Sign. 8/5/15/1. V. Jahresbericht des Deutschen Böhmerwaldbundes (далее — V. Jahresbericht). S. 1.

³¹ Ibid. Ka. 2497. Sign. 8/5/4/7. XI. Jahresbericht des Deutschen Böhmerwaldbundes (далее — XI. Jahresbericht). S. 4–5.

³² V. Jahresbericht. S. 3.

³³ Ibid. S. 8–9.

³⁴ Judson P. The Bohemian Oberammergau: Nationalist Tourism in the Austrian Empire // Constructing nationalities in Central Europe / Ed. by P. Judson, M. L. Rozenblit. New York; Oxford, 2005. P. 89–106.

³⁵ XI. Jahresbericht. S. 9.

³⁶ Pelc M. Umění putovat. Dějiny německých turistických spolků v českých zemích. Brno, 2010. S. 209.

³⁷ Schmid J. Deutschböhmen als Konstrukt deutschen Nationalisten in Österreich und dem Deutschen Reich // Bohemia. 2008. Bd. 48. S. 468.

³⁸ Cohen G. B. The Politics of Ethnic Survival: Germans in Prague, 1861–1914. Princeton, 1981. S. 148.

В. Л. Шарова

Йосип Юрай Штросмайер и проекты объединения народов монархии Габсбургов: от иллиризма к югославизму

Балканы — перекресток культур, политических процессов, религиозных традиций. Внутреннее разнообразие этого региона выражалось, да и сейчас выражается, в том числе в этнополитических и национальных категориях. В XIX в., в эпоху масштабных политических и социокультурных сдвигов в мире в целом и в Европе в частности Балканы были стратегически важным регионом на пересечении империй — частично входя в них (Австрийская, Османская) или же являясь объектом геополитических интересов и амбиций (Российская), сохраняя при этом самобытность своего облика. Эта диалектичность положения балканских территорий на политической карте своего времени, своеобразные взаимоотношения общих и особенных черт этого региона, позволили именно здесь возникнуть и развиваться ряду политических и культурных явлений самым выразительным образом. В частности, мы имеем в виду процессы становления наций.

XIX век не случайно называют «веком великих идеологий», подразумевая под этим, прежде всего, «большую тройку»: либерализм, консерватизм и социализм, которые осмысливались и развивались в теоретическом поле идей и постепенно ложились в основу конкретных политических программ и проектов. При этом в контексте эпохи стоит учитывать и еще один «изм» — более спорный в плане принадлежности к «истинным» идеологиям, но для понимания специфики политического развития — по крайней мере, в Европе — чрезвычайно важный. Речь о национализме, становление и понимание которого выглядело весьма по-разному не только в аспекте различных государств, но даже и отдельных регионов и территорий. Особенно

показательными и красноречивыми эти процессы были в империях Европы — формально объединявших народы, но одновременно и севших то и дело семена разногласий и раздора — как между центром и, условно говоря, окраинами империи, так и внутри самих этих окраин — там, где пересекались интересы и ценности групп больших или меньших, с идентичностью, оформившейся в той или иной степени.

Вопрос о роли традиции в понимании того, что есть собственно *народ* — один из самых насущных в европейской общественно-политической и философской мысли начала XIX в., и на то было немало объективных причин. Наследие эпохи Просвещения и Великой Французской революции, основательно поколебавшей привычные устои не только собственно во Франции, но и во всей Европе, настоятельно требовало осмысления. Державы, формально придерживавшиеся гармонии «европейского концерта», продолжали с известной степенью подозрительности оглядываться друг на друга; механизмы тайной дипломатии становились все более востребованными в международной политике (такая ситуация сохранится вплоть до Первой мировой войны); консервативные монархические режимы всеми силами старались не допустить новых революций. В последнем весьма преуспела Россия, недаром получившая нелестное прозвище «жандарм Европы»; отчасти походившая на нее монархия Габсбургов — полиэтничная, поликультурная, не самая передовая в плане промышленного развития — пережила в XIX в. не менее основательные испытания на прочность.

Мы склонны согласиться с позицией российского философа и историка А. А. Кара-Мурзы, полагающего, что всякая империя суть «социальное сосуществование индивидов», «базирующееся на универсальном, надэтническом принципе „подданства“», а «все жители <...> независимо от этноса — являются ее подданными и в этом смысле равны»¹. В Австрийской империи вопрос о представительстве во власти выходцев из различных частей империи был крайне актуальным не только в плане организации «политического класса», непосредственно управленческой элиты государства, но и в смысле формирования общей гражданской и политической идентичности ее подданных. Размышления на эту тему — *как подданные возможны как граждане* — во многом определяли интеллектуальный ландшафт Европы XIX ст. Поиск оснований нации — понятия, маркирующего современность, Модерн, как в хронологическом, так и в сущностном

смысле — велся в пространстве языка, культуры и истории, и здесь многонациональная монархия Габсбургов попадает преимущественно в русло немецкой романтической традиции.

«Всякая нация обладает своим запасом таких ставших знаками мыслей, это и есть ее национальный язык: запас, в который они вносятся на протяжении столетий, и который испытал время прибыли и ущерба, наподобие света луны, который пережил больше революций и изменений, чем королевское сокровище при неравноценных наследниках: запас, обогащавшийся зачастую грабежом и подбором соседей, но по своей сути все же собственно принадлежащий той нации, которая им владеет и единственно способна его использовать — духовное сокровище всего народа»² — теория, стоящая за этим утверждением И. Г. Гердера (1744–1803), оказала серьезное влияние не только на развитие эстетической и философской мысли европейского XIX столетия, но и читается в общественно-политических проектах той эпохи. В частности, речь идет о проекте иллиризма в югославянских провинциях монархии Габсбургов и его дальнейшей эволюции.

Иллиризм — по выражению русского географа, историка и чиновника Российской империи Л. В. Березина, «измышленная хорватскими патриотами теория <...> которая представила собой первую попытку литературного объединения славян»³. Естественно, Березин, путешествовавший по Балканам в 1860-х годах, не употреблял слово «измышленная» в том смысле, в каком сто и более лет спустя его могли бы использовать сторонники конструктивистской линии в национализмоведении, говоря о роли интеллектуалов-романтиков в создании сначала культурно-исторических, а потом и политических проектов наций (как у Эрнеста Геллнера (1925–1995)) или о «воображаемых сообществах» (у Бенедикта Андерсона (1936–2015)) и так далее. И все же роль именно интеллигенции в национальном движении Хорватии и Славонии была особенно заметна: как среди иллиров 1830–1850-х годов, так и позднее, среди сторонников югославизма, было немало писателей, историков, журналистов, филологов и т. д.; поначалу объединительный пафос действительно носил вполне «литературный» характер, воплощенный в деятельности таких фигур, как Людевит Гай (1809–1872), Вук Караджич (1787–1864), Сима Милутинович (1791–1847), Иван (1814–1890) и Антон Мажураничи (1805–1888) и многих других. Между тем, хорватские

аристократы также были достаточно широко представлены в патристических кругах, на что были, в том числе, исторические основания. Тактический союз хорватских и славонских дворян с венгерской знатью в конце XVIII в., когда официальная Вена попыталась ликвидировать систему самоуправления в Венгрии и изменить систему налогообложения, быстро обернулся против югославянской аристократии: Венгрия, в состав которой входили хорватские и славонские земли, попыталась пойти дальше и совершенно лишить последние автономии. Характерно, что не в последнюю очередь это наступление началось по линии культуры, языка: в 1790 г. венгерские власти попытались повсеместно ввести в качестве официального языка венгерский⁴. То, что он должен был заменить не какой бы то ни было автотонный язык, а сохранившуюся со времен средневековья латынь, не сделало восприятие этой инициативы менее болезненным. В этих условиях, а также с учетом вообще присущего европейскому Просвещению внимания к истории и культуре народа, постепенно развернулось новое интеллектуальное явление, вначале получившее название иллиризма, поддержанного, в том числе, видными аристократами: Иваном Кукулевицем-Сакцинским (1818–1889), Янко Драшковичем (1770–1856), Йосипом Кушевицем (1775–1846) и др.

Обобщенный социальный портрет «хорватских патриотов» был бы очевидно неполным без духовенства. Францисканский монах родом из Далмации Филипп Грабовац (1698–1749) еще в 1747 г. написал книгу с характерно неуверенным названием: «Цвет беседы народа и языка иллирского или же хорватского», а менее чем через десять лет появилось сочинение его коллеги, также францисканца Андрия Качича-Миошича (1704–1760) — «Приятная беседа народа словинского»⁵. Справедливости ради надо заметить, что терминологические проблемы сохранялись в югославянском национальном движении на протяжении многих последующих десятилетий. Югославянское возрождение невозможно представить без таких деятелей, как митрополит Георгий (Джордже Николаевич, 1806–1897), лютеранский священник Ян Коллар (1793–1852, этнический словак, в значительной степени повлиявший на Людевита Гая), аббат Иван Кризманич (1766–1852), каноник Франьо Рачки (1828–1894) и, конечно, соратник и друг последнего — епископ Йосип Юрай Штросмайер (1815–1905), о котором подробнее пойдет речь ниже. Несмотря на различие во взглядах и позициях, всех вышеперечисленных объединял живой

и деятельный интерес к истории югославянства и стремление найти и обозначить его идентичность в пестром и подчас противоречивом пространстве Габсбургской империи. Тем более серьезную задачу предстояло решить в этом процессе духовенству, с учетом того, сколь важное значение в идентификации подобного рода на тот момент по-прежнему придавалось религиозной принадлежности; в этом смысле Австрийская империя — не исключение, то же мы можем сказать и об Османской империи, включавшей в себя ряд балканских территорий — как исламизированных, так и христианских — и о Российской империи, во внутренней и внешней политике которой религиозный фактор в XIX в. играл далеко не последнюю роль.

Вышеупомянутые различия во взглядах были вызваны отнюдь не только личными пристрастиями и амбициями идеологов объединительных проектов империи, но и тем весьма сложным социокультурным контекстом, с которым им приходилось иметь дело. Можно сформулировать это следующим образом: прежде чем хорватское (или же иллирское, или югославянское) национальное сознание сформировалось, ему необходимо было «нащупать» нечто, что оно могло бы осознавать. Предположим следующее: идеология иллиризма, как и другие подобные проекты, испытывающие определенный дефицит прочных оснований национальной идентичности, обратилась к фундаменту довольно эфемерному с объективной точки зрения, но в политическом смысле — довольно эффективному: к историческому мифу.

Логика исторического мифа может быть описана классической социологической «теоремой Томаса»: «Если человек определяет ситуацию как реальную, она — реальна по своим последствиям». Идея якобы существовавшей некогда Великой Иллирии, населенной пра-родителями югославянских народов, должна была сообщить объединительный пафос всем этим народам, на тот момент разрозненным. Эти идеи воплощались как в литературных, так и в политических текстах, порой и тех, и других одновременно (в этом смысле Березин не погрешил против истины, назвав иллиризм «литературным» явлением *par excellence*).

Сам термин «иллирийский», правда, имел вполне официальное хождение в политическом языке монархии Габсбургов: с его помощью в Австрии обозначали население югославянских территорий, говоривших на одном из диалектов (штокавском), и собственно его

носителей⁶. При этом параллельно развивалась литература на кайкавском наречии (интересно, что еще в конце XVIII в. просветительские тенденции наиболее ярко проявили себя именно в кайкавской литературе с центром в Загребе); на побережье же был в ходу чакавский диалект. Несмотря на то, что собственно Хорватия была ареалом распространения «кайкавщины», идеологи национального возрождения в качестве основы единого литературного языка выбрали «штокавщину», поскольку таким образом можно было бы включить в объединительный проект и Славонию, Боснию, Герцеговину и другие территории; важным моментом являлось и то, что этим же вариантом языка пользовались и сербы (хотя универсальным штокавский диалект, конечно, не был, а в Далмации и вовсе был достаточно распространенный не славянский язык, а итальянский). Так, в своем стихотворении «*Horvatov sloga i zjedinjenje*» («Согласие и единение хорватов») Людевит Гай прямо перечислял территории, которые, по его мнению, должны были объединиться: Лика, Крбава, Крайна, Штирия, Истрия, Далмация, Словения, Каринтия, Босния⁷. Характерно, что Гай сначала дал своей газете пространное название «*Novine horvatsko-slavonsko-dalmatinske*», но вскоре переименовал ее в более универсальные «*Hirske narodne novine*» (эта газета издавалась на штокавском диалекте). Его соратник, граф Янко Драшкович, предлагал в качестве названия будущего государства «Иллирийское королевство». Таким образом, «королевство» уже должно было бы стать существенно бóльшим, чем, например, реально существовавшие на протяжении нескольких лет Иллирийские провинции империи Наполеона Бонапарта — небезынересная страница в истории Балкан.

Созданные согласно условиям Шёнбруннского мирного договора, Иллирийские провинции включали такие территории, как «круг Виллахский, Крайна, прежняя австрийская Истрия, Фиуме и Триест, земли, известные под названием Litorale, часть Кроации и все, что нам уступлено на правом берегу Савы, Далмация с островами», то есть Крайну, западную Каринтию, Горицию, Истрию, Далмацию и Рагузу, с административным центром в Лайбахе (нынешняя Любляна). Несмотря на то, что создание провинций носило, скорее, прагматический, экономический характер⁸, этот эпизод эпохи наполеоновских войн имел и политические последствия для югославянства. Ряд проведенных в провинциях реформ касался сферы управления, прав и образования. Введенный французский кодекс устанавливал

равенство граждан перед законом, школы были секуляризованы, а их количество в целом увеличено. Важный момент заключался и в том, что школьное образование переводилось на местные, то есть хорватский и словенский, языки⁹. Неудивительно, что эти меры вызвали поддержку и сочувствие у части югославянского дворянства и интеллектуалов; даже когда подавляющее большинство этих реформ было отменено при «меттерниховском» режиме, сменившем власть французов, зародившееся национальное чувство продолжало питаться и этими нововведениями в общественно-политической жизни. Можно предположить, что таким образом национальный проект, возникший на рубеже XVIII–XIX в. и развивавшийся в духе «немецкой», т.е. культуроцентричной, теории нации, явным или неявным образом воспринял некоторые черты и альтернативной, «французской», модели, предполагающей складывание нации на основе общности гражданства и политической лояльности; в данном случае, она имела, с одной стороны, центробежный характер в границах империи, с другой — более локальный антимадьярский (что стало актуально позже, когда иллиризм исчерпал свой потенциал). Стремление к тому, чтобы придать «подлинный», исконный характер югославянскому политико-культурному пространству, проявлялось у сторонников иллиризма даже в таких деталях, как смена имен и фамилий на славянизированные: Вукотинович вместо Фаркаш, Лисинский вместо Фукс и так далее¹⁰. Но эти отдельные инициативы не решали основную задачу: как объединиться и как потом именовать объединившуюся общность?

Ответ на этот вопрос виделся идеологам национального возрождения в ключе, если можно так выразиться, апофатическом: это были не немцы (не австрийцы) и не мадьяры, что, в условиях достаточно напористой мадьяризации первых десятилетий XIX в. было чрезвычайно актуально. Но самоназвание оставалось проблематичным; зачастую идеологи национального объединения не утруждали себя выбором из многих этнонимов (а в ареал югославянства ведь попадали не только хорваты, словенцы, сербы, далматинцы, но и болгары, а формально должны были бы попасть и черногорцы, при том, что Черногория была единственным независимым на тот момент островком на Балканах) и ограничивались достаточно туманным обозначением «наш народ», «наш славный народ» и т.п. Впрочем, югославянские области империи Габсбургов в этих процессах национальной или

этнонациональной идентификации были, очевидно, не уникальны, процесс становления национальной идентичности шел похожим образом и в других областях Центрально-Восточной Европы: так, чешский историк и исследователь феномена нации Мирослав Грох ссылается на результаты переписи населения на территории Полесья даже несколько десятилетий спустя, когда на вопрос о национальной принадлежности жители полесских деревень отвечали: «Тутошние мы»¹¹.

Таким образом, деятельность иллиров первых десятилетий XIX в. вполне укладывалась в схему, предложенную тем же Мирославом Грохом применительно ко многим, если не большинству, национальных движений той эпохи в Центрально-Восточной Европе. По Гроху, вначале «энергия активистов национального движения <...> направлена на тщательное исследование языковых, культурных, социальных и иногда исторических черт недоминирующей группы и на закрепление этих фактов в сознании соотечественников», при том, что подобная деятельность не только не носит целенаправленно политического характера, но и лишена уверенности в том, что построение нации в принципе возможно. Затем, развиваясь стадиально, процесс нациестроительства востребует некое «новое поколение активистов», которые стремятся привлечь в свои ряды сторонников при помощи патриотической агитации, «призванной «разбудить» в них национальное самосознание». Если же этот прозелитизм достигает своей цели, то становится возможна фаза, когда представление о культурно-исторической общности становится достоянием массового движения¹². И, несмотря на то, что иллиризму далеко не удалось дойти до этой стадии — на протяжении всего времени существования он оставался весьма ограниченным и с социальной, да и с идейной точки зрения — первая фаза («фаза А», как обозначил ее Грох) ему определенно удалась: сам вопрос о возможности политической организации югославян был поставлен в пространстве публичной дискуссии.

Утопический характер иллиризма становился все более очевидным по мере того, как разногласия усиливались сразу по нескольким направлениям, в том числе по вопросам политической лояльности и религиозной принадлежности. На рубеже 1830–1840-х годов в среде хорватского дворянства наметилось размежевание на два лагеря, вылившееся в образование двух партий: Хорвато-венгерской, сторонников которой называли мадьяронами, и Иллирийской. Противоречия между ними были настолько острыми, что периодически

доходили до прямых столкновений (одно из самых драматических произошло в июле 1845 г.; «июльские жертвы» стали нарицательным обозначением в политической риторике иллиров). Языковая, культурная и историческая общность в этих условиях уже не могла играть исчерпывающую роль; к тому же то и дело она наталкивалась на препятствие в виде различных представлений о том, как соотносятся принадлежность к тому или иному народу и религиозная идентичность. Эта проблема была пересмотрена на следующем этапе процесса нацистроительства в Хорватии в рамках проекта югославизма.

Идентификация, равно как и самоидентификация, по принципу принадлежности к одной из двух главных церквей — католической и православной — складывалась на протяжении нескольких веков (фактически, с момента раскола в 1054 г.) и во второй половине XIX в. для народов Балкан оставалась не только культурно, но и политически значимой. Хорватам же, которые в среде сторонников «славянской солидарности» почти непременно воспринимались как приверженцы римско-католической церкви, регулярно доставалась изрядная критика ввиду предполагаемой «нелояльности» славянству (геополитическим оплотом которого зачастую полагалась и Россия). «Так называемые Илиры или Католики-Хорваты, после Австрийских приманок и Чешских разработок, также иногда выступали против Русских в не раз подкупленном журнале Гая, но и это карканье теперь замолкло. Вялые, но слабо выдержанные (дрессированные) Австрийские Хорваты воодушевлятся Славянскою идеею, лишь только придут в самосознание»¹³: этот резкий пассаж из сочинения словацкого поэта и общественного деятеля Людовита Штура (1815–1856) содержит в себе, кажется, чуть ли не все стереотипы, существовавшие на тот момент по поводу роли хорватов в общем славянском движении, в котором они противопоставлялись прежде всего своим ближайшим соседям — сербам.

«Действуя сообща и вполне дружно против внешних врагов, австрийские южные славяне к сожалению перессорились между собою: возник раздор между хорватами и сербами», отмечал вышеупомянутый Березин в своем обстоятельнейшем труде «Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница», имея в виду длительное противостояние югославянских народов туркам. Царский чиновник сетовал, что образование «во владениях хорватского королевства» еще в XVI в. в значительной степени было отдано на откуп иезуитам, которые, по его заключению, «обратили особое внимание <...> на подавление

в славянском населении народных нравов и обычаев» и были поддержаны австрийскими властями, в результате чего «католическое население Хорватии и Славонии стало пользоваться большими правами, чем православное»¹⁴. Березин, впрочем, несколько противоречил сам себе, довольно курьезным образом комментируя объединительные проекты иллиризма и югославизма, где, как мы уже упоминали, духовенство, в том числе, конечно, и католическое, сыграло существенную роль; проекты эти были, по мнению историка, ни много ни мало проявлением «козней римско-католической пропаганды». Один из главных инициаторов этих «козней», впрочем, заслуживает особого внимания: епископ боснийско-дьяковский и сремский Йосип Юрай Штросмайер.

Штросмайер — фигура столь же своеобразная, сколь и показательная для многонациональной габсбургской империи. Этот католический священник, немец по происхождению, на протяжении десятков лет преданный идее славянского единения, до сих пор в Хорватии почитается как «отец родины», внесший значительный вклад как в дело югославизма — идейного наследника иллиризма, так и в собственно процесс развития хорватского национального чувства. В период после Весны народов 1848–1849 гг. стало очевидно, что игнорировать различия между сербами, хорватами, словенцами и другими народами империи уже невозможно; стремление отождествлять себя с «иллирами» практически сошло на нет. Между тем, вопросы о положении югославын по отношению к славянству, германству, мадьярам оставались по-прежнему чрезвычайно актуальными. Решать их предстояло как в административно-политическом аспекте, так и в смысле этнокультурной и национальной идентичности.

Деятельность югославистов в 1860–1880-е годы во многом определялась двумя факторами: с одной стороны, заметным ростом национального чувства у ближайших соседей — сербов, с другой — образованием дуалистической австро-венгерской монархии, вызвавшим значительное возмущение у идеологов славянских объединительных проектов империи (не только на юге: схожую реакцию *Ausgleich* вызвал, например, в Богемии, где так называемый австрославизм также был достаточно влиятелен). В этих условиях, предполагавших сложное маневрирование, энергичный и осторожный Штросмайер действовал в различных направлениях.

В сфере культурных проектов, неизбежно заряженных политическими смыслами, ему принадлежит ряд значительных инициатив

«во благо церкви и на пользу государству»¹⁵ — тут стоит упомянуть хотя бы основание Югославянской академии наук и искусств, чего Штросмайер добивался с 1860 г., и в 1867 г. его усилия увенчались успехом. Академия должна была бы способствовать дальнейшему укреплению сближения югославян с возможным будущим их объединением, полагали сторонники либеральной хорватской партии, и, хотя этого не произошло, все же Загреб, благодаря Академии, упрочил свое положение в качестве политического и культурного центра югославянских областей Австро-Венгерской империи (символично, что основание Академии и подписание австро-венгерского соглашения состоялись в один и тот же год). В 1874 г. хорватским парламентом было принято законодательное постановление об университете — тоже при непосредственном участии Штросмайера и его соратника, видного югослави́ста Франьо Рачкого.

Самое же пристальное внимание как в Хорватии, так и в официальной Вене, и за рубежом вызывали те инициативы епископа, которые касались сближения народов в религиозной сфере; тут мнения относительно позиции Штросмайера различались подчас диаметрально: в нем видели как последовательного адепта римской курии, стремящегося склонить православных славян к католичеству, так и агента Российской империи, чуть ли не шпиона Петербурга.

Деятельность Штросмайера была, конечно, не такой прямолинейной в каком бы то ни было отношении. Он искал возможные точки соприкосновения, шансы объединения православной и католической церквей, что, по его мнению, пошло бы на пользу как хорватам, так и сербам, и словенцам. В 1863 г., например, такой «точкой» стала важная для славянского мира дата: празднование тысячелетия прибытия основателей письменности Кирилла и Мефодия. В прессе широко освещалось это событие; так, словенский журнал «*Naprej*» опубликовал предложение использовать его как импульс для создания единого литературного языка, в котором словенский слился бы с хорватским и сербским языками. По сути, подобные призывы были присущи и югослави́стам; переговоры Штросмайера с Римом по этому поводу увенчались определенным успехом: по крайней мере, позиция Ватикана по отношению к униатству через несколько лет смягчилась, и в 1880 г. в энциклике «*Grande Munus*» папа Лев XIII (1878–1903) обратился к католическому миру с указанием отмечать праздник в честь Кирилла и Мефодия ежегодно, 5 июля. Славяне-католики

были воодушевлены этим решением, и с надеждой цитировали слова, которые приписывали Папе римскому в беседе с епископом Штросмайером: «волей божьей» выпадают на долю славян в настоящее время «особенно важные задачи»¹⁶.

Но сообщения с одним лишь Римом для достижения поставленных целей епископу явно было недостаточно (тем более после его выступления против инфалибилитета — принципа непогрешимости папы римского — на Ватиканском соборе 1869–1870 гг.). После неудачных переговоров с сербским правительством Михаила Обреновича Штросмайер с конца 1860-х годов пытался заключить союз с Россией для защиты и поддержки славян Австро-Венгерской империи.

В 1868 г. состоялась встреча епископа с генеральным консулом России в Белграде Николаем Павловичем Шишкиным (1830–1902); в письме канцлеру Александру Михайловичу Горчакову (1798–1883) Шишкин цитирует слова Штросмайера, которые даже в пересказе выглядят весьма эмоциональными и убеждающими: «от Австрии и от Венгрии нам нечего ожидать <...> долго боролись мы собственными средствами, но средства наши истощились, скудные мои достатки давно уже не в состоянии пополнить ту бездну нищеты, которая с каждым днем открывается перед нами. Давно взоры наши с любовью и надеждой обращались к России, единственной и бескорыстной защитнице христианства и славянства; но она от нас так далека, так мало нас знала до сих пор, что мы даже не пытались взывать к ея братским чувствам...»¹⁷. Российская империя, впрочем, вовсе не была намерена обострять отношения с Австрией, тем более — и Шишкин, и Горчаков это, естественно, понимали — любое поощрительное движение в сторону югославян вызвало бы живейший и едва ли одобрительный интерес со стороны Польши: «славянский вопрос» с этой стороны перед самой Россией стоял самым очевидным образом. У Штросмайера, кстати, были соображения и по данному поводу, но в разговоре с Шишкиным, а через два года, в 1870 г., в беседе с русским послом в Вене Евгением Петровичем Новиковым (1826–1903) он благоразумно не акцентировал на нём внимание, хотя относительно австро-венгерского дуализма высказывался уже весьма жестко. «Пусть она не заблуждается: страдания, причиняемые славянам, являются в то же время ранами, наносимыми России, которые когда-нибудь начнут кровоточить», так передавал слова хорватского епископа Новиков¹⁸.

В 1876 г. Штросмайер в секретном послании русскому правительству расширил и конкретизировал предложения по сближению католической и православной позиций, совместной деятельности России и Ватикана, что, по его мнению, привело бы к ряду положительных результатов для славян Европы (включая поляков и чехов, а не только балканские народы), улучшило бы отношения между Россией, Австрией и Францией и так далее. В качестве переговорщика от России Штросмайер видел некоего «русского католика»¹⁹. Такого предоставить русские власти, конечно, не спешили. Но фигура, которой предстояло сыграть свою роль в этом сюжете, оказалась куда более интересной: ею стал один из самых ярких и оригинальных мыслителей своего времени в частности и русской философии вообще — Владимир Сергеевич Соловьев (1849–1900).

Штросмайер, будучи проницательным человеком и талантливым дипломатом, явно не случайно остановил свой выбор на кандидатуре Соловьева. По замечанию русского философа и историка философии Николая Онуфриевича Лосского (1870–1965), как раз в 1880-х годах Соловьев особенно интересовался проблемой воссоединения церквей, и с энтузиазмом воспринял приглашение хорватского прелата в Загреб²⁰. «О себе сообщу кратко, что я здоров, работаю, печатаю книгу и живу у загребского каноника самым каноническим образом. Встаю в 8 часов, хожу каждый день к обедне в прекрасный готический собор XI века, знакомство вожу только с ученым и духовным сословием. Чувствую себя не совсем за границей, ибо говорю большей частью по-русски, да и народ здесь (простой) совсем наши хохлы, только еще гораздо религиозней (чего, к сожалению, нельзя сказать о православных славянах). Церкви здесь и в будни полны народом, а в воскресенье не протолкаешься. Вместе с тем здесь есть Академия наук и университет, картинная галерея и музей древностей — все это основано главным образом епископом Штросмайером и каноником Рачки. У этого последнего я теперь живу, а к первому еду через две недели», — писал Соловьев своему постоянному корреспонденту Афанасию Фету в июле 1886 г.²¹

Визит Соловьева в Хорватию, действительно, прошел не даром: там он опубликовал свою книгу «История и будущее теократии». Одним визитом философ не ограничился: в 1889 г. он снова посетил Штросмайера и вскоре издал в Париже книгу «*La Russie et l'Eglise Universelle*» («Россия и Вселенская Церковь»). Содержащиеся в ней похвальные отзывы о римско-католической церкви

(которая, по мнению Соловьева, в отличие от прочих церквей сумела создать всемирную надгосударственную организацию), навлекли на автора многочисленные подозрения в том, что он вовсе порвал с православием и перешел в католицизм (что, разумеется, было неправдой). В очередной раз навлек на себя критику и епископ: «Штроссмайер, — главный агент по делу окатоличения славянского мира; ведь это он выдумал новую стратегию, заслонив свою истинную цель модной „национальной идеей“ и во имя ее приглашая всех славян к „объединению“ в лоне „единой истинной Церкви“. Конечно, такой, хотя сравнительно и незначительный, факт, как появление вышеназванной книги В.С. Соловьева, прямо относился, так сказать, к департаменту Дьяковарского епископа, — и Штроссмайер, внимательно следящий за всем, не пропустил и этого незначительного факта» — это замечание православного публициста Юрия Николаевича Говорухи-Отрока (1850–1896), в целом, отражает позицию консервативных православных идеологов²². Сам же Штроссмайер в письме от 1886 г., обращенном к Венскому нунцию Ванутелли (1834–1915), писал о своем госте: «*Soloviev anima candida, pia ac vere sancta est*» («Поистине, Соловьев — это чистая, благочестивая и святая душа»)²³.

Проект конвенции с Ватиканом, таким образом, успехом не увенчался. Слишком много сил было против этого союза: опасность растущего национализма для себя в нем усматривали российское и австрийское правительство, усиление славянства было не на руку Венгрии, а идейный смысл этого предложения не устраивал как консервативно настроенных католиков, так и православных. Тем не менее, нельзя сказать, что деятельность югославистов была напрасной. Их наследие так или иначе прослеживается в последующем: в период сербско-хорватского сближения конца XIX — начала XX в., приведшего к коалиции, и далее — вплоть до распада монархии Габсбургов и образования на Балканах новых государств, новых конфигураций политических и этнокультурных пространств.

Примечания

¹ Кара-Мурза А. Россия в треугольнике «Этнократия — империя — нация». Текст доступен по адресу: http://globalteka.ru/articles/doc_view/3958---q--q.gaw?tmpl=component (здесь и далее дата последнего посещения 05 II 2017).

² Herder J.G. *Sämtliche Werke* / Hrsg. von B. Suphan, Berlin, 1877–1884. Цит. по: Радченко О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М., 2005. С. 22.

³ Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. СПб., 1879. Т. 1. С. 159.

⁴ На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX века / Отв. ред. И. В. Чуркина. М., 1997. С. 23.

⁵ На путях к Югославии: за и против. С. 24.

⁶ Фрейдзон В.И. Далмация в хорватском национальном возрождении. К истории югославизма и его неудачи. М., 1997. С. 16.

⁷ Gaj L. Horvatom sloga i zjedinjenje. Текст доступен по адресу: <http://dzs.ffzg.unizg.hr/html/Gaj.htm>.

⁸ Olivier J.M. La politique économique de Napoléon dans les Provinces illyriennes (1809–1813). Napolonova ekonomska politisa u Ilirskim pokrajinama 1809–1813 // Hrvati i Ilirske Pokrajine. Les Croates et les Provinces illyriennes. Zagreb, 2010. P. 24–31.

⁹ История Югославии / Под ред. Ю. В. Бромлея, И. С. Достян и др. М., 1963. Т. 1. С. 272.

¹⁰ Фрейдзон В.И. Далмация в хорватском национальном возрождении. С. 18.

¹¹ Tomaszewski J. Z dziejow Polesia 1921–1939. Warsaw, 1963. P. 25, 32. Цит. по: Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе (текст статьи) // Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. Нации и национализм. М., 2002. С. 131.

¹² Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации. С. 125.

¹³ Штур Л. Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная. Издание Императорского общества истории и древностей российских, при Московском университете. М., 1867. Текст доступен по адресу: http://kirsoft.com.ru/skb13/KSNews_238.htm.

¹⁴ Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т. 1. С. 300.

¹⁵ Musa A., fra. J.J. Strossmayer — lik i djelo. Текст доступен по адресу: <http://fra3.net/zrnca-povijesti/j-j-strossmayer-lik-i-djelo-881>.

¹⁶ Колейка Й. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX–XX веках. Praha, 1964. S. 77.

¹⁷ Фрейдзон В.И. Две беседы Й. Ю. Штросмайера с российскими дипломатами // Славяноведение. 2004. № 1. С. 134.

¹⁸ Фрейдзон В.И. Две беседы Й. Ю. Штросмайера. С. 139.

¹⁹ На путях к Югославии: за и против. С. 217.

²⁰ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 95.

²¹ Петрова Г. В. Переписка Фета с Вл. С. Соловьевым (1881–1892). Текст доступен по адресу: <http://www.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=m6g4wZAwOhE%3D&tabid=11255>.

²² Говоруха-Отрок Ю.Н. Владимир Соловьев и папа. Текст доступен по адресу: http://ruskline.ru/analitika/2015/08/13/vladimir_solovev_i_papa/#_edn1.

²³ Лосский Н. О. История русской философии. С. 100.

К. А. Попов

Словацкая периодика рубежа XIX–XX вв. о соседстве с венграми*

Прежде, чем перейти к рассмотрению взглядов общественных деятелей, публиковавшихся в словацкой прессе, на соседство с венграми, попробуем дать определение самому явлению «соседства». Во-первых, оно подразумевает территориальную близость, а в случае с национальными сообществами, даже пересечение ареалов расселения двух и более народов. Во-вторых, соседство предполагает контакты и взаимодействия, анализ которых позволяет понять, каким образом проживание друг подле друга повлияло на данные общности. При этом условно позитивный или негативный характер взаимодействия не имеет решающего значения. Теоретически, общности могут даже нарочито избегать контактов. Подобное уклонение от взаимодействия, требуя постоянных усилий и обоснования, все равно оставит след на обеих сторонах такого специфического контакта.

Соседство словаков и венгров предоставляет широкие возможности для исследователей¹, поскольку к рубежу XIX–XX вв. оно было давно сложившимся и чрезвычайно разноплановым. Прежде всего, оба народа с конца IX в. соседствовали географически, и в пограничных областях ареалы их расселения накладывались один на другой**.

---

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках работы над проектом 15-31-01003а1.

** В современной словацкой историографии области Венгерского королевства, населенные словаками, все чаще называют Верхней Венгрией (Felső Magyarország). В этой связи необходимо пояснить: топоним появился в XVI в. и обозначал военно-административный округ на севере и северо-востоке страны — в Затисье

При этом в крупных городах с их преимущественно немецким и еврейским населением, а также в восточных комитатах Венгрии, где значительную долю составляли русины, словаки нередко оказывались меньшинством. Картину дополняла трудовая миграция словаков в экономически более развитую центральную Венгрию и их концентрация в Будапеште — не только столице, но и промышленном центре королевства.

И словаки, и венгры входили в состав одного государства, имевшего многовековую историю, эти два народа давно являлись составными частями единого социально-политического организма. Поэтому в дальнейшем на протяжении статьи вместо слова «венгр» будет использоваться слово «мадьяр» по примеру деятелей словацкого национального движения и словацких историков². В терминологии рубежа веков под венграми подразумевались все жители королевства вне зависимости от происхождения и языка, что вызывает потребность в дополнительном слове для передачи национальной специфики.

Наконец, и словаки, и мадьяры на рубеже XIX–XX вв. были вовлечены в процесс формирования и развития собственных политических наций, однако находились на разных стадиях этого процесса. У мадьяр уже сложилось представление о себе как о политической нации³, которая теперь обустроивалась внешне — через оформление национального государства в виде Венгерского королевства с его широкой автономией, и внутренне — через вовлечение в нее уже не этнически, а только культурно близких элементов, которыми, за счет долгого сосуществования, могли считаться все подданные короны св. Стефана (Транслейтании*). Словаки же только-только входили

и Прикарпатье. В XVIII в., с изгнанием турок из Среднего Подунавья, название перешло на расположенные там 13 комитатов (Шарош, Земплен, Боршод, Унг, Берег и др.). Данная историческая область (не тождественная территории современной Словакии!) в описываемый период административно никак не обособлялась. Деятели словацкого национального движения определяли ее очертания, ввиду отсутствия иных признаков, по этническим границам компактного проживания словаков. Для современников, равнодушных к проблемам национальной самоорганизации, словосочетание «Верхняя Венгрия» относилось к северной гористой части королевства и не имело четких границ. В качестве аналогии можно привести употребление в русском языке выражения «Центральная Россия».

* Напомним, что Транслейтанию (как именовалась Венгрия в двуединой монархии) связывали с Цислейтанией (Австрией) общий монарх, министерства иностранных дел, военное и финансов, Центральный банк, а также собиравшиеся раз в год делегации из депутатов парламентов обоих государственных образований (по 60 человек

в фазу складывания политического самосознания⁴. Причем общественные деятели, являвшиеся его носителями, уже пытались заложить основу, из которой в будущем без их участия и в известной степени помимо их воли могла вырасти национальная государственность. Речь идет о закреплении за словаками национальных прав и, как максимум, административной автономии. Эта ситуация была главной причиной противоречий между двумя народами, что находило отражение на страницах газет.

Специфика формирования двух наций определялась не только стадийными различиями в развитии, но и теми особенностями словаков и мадьяр, которые можно назвать этносоциальными. Словаки обладали неполной социальной структурой, автономии не имели и существовали только во взаимосвязи с государственным образованием, в которое входили вместе с другими народами, в том числе более многочисленными и структурно развитыми⁵. Хотя здесь следует ввести поправку на то, что, например, словацкое мелкое дворянство (историческое название — земаны) существовало⁶, однако практически не поддерживало словацкое национальное движение, по крайней мере, если считать таковым только Словацкую национальную партию, основанную в 1871 г. Это дало повод сторонникам партии объявить собственное дворянство мадьяронами, то есть ассимилированными мадьярами, и «вычеркнуть» их из состава собственного народа. Мадьяры в то же самое время представляли собой формирующуюся на основе уже сложившейся как этносоциальный организм народности нацию буржуазной эпохи⁷. Соответственно, национальные идеи двух народов выполняли разные задачи. Словакам, согласно Меморандуму 1861 г.⁸, предстояло поднять на новый уровень консолидации свою этническую общность, а также, для полноценного функционирования нации как социального организма, восполнить нехватку высших слоев в обществе. Мадьярам же следовало сплотить вокруг себя максимально возможное количество этнически инородных элементов для усиления своей нации в окружении, которое воспринималось как неблагоприятное. Это относилось как к Австро-Венгерской монархии, где венгерская половина непрерывно

от каждого). Во внутренней политике Пешт (с 1871 г. — Будапешт) был практически полностью независим от Вены.

состязалась с немецкой за право получить еще большую независимость, так и к Центральной Европе, на этнической карте которой мадьяры выглядели как «островок», «омываемый» немецким и славянским «морями».

Важно отметить, впрочем, что этническая принадлежность не играла в формировании рассматриваемых наций первостепенную роль. В обоих случаях этническое и национальное начала не совпадали, что позволяет лишней раз убедиться в несоответствии истинно примордиалистских представлений о нации как о закономерной и предзаданной стадии развития этноса⁹.

В свете того, что национальная идея постоянно конструируется ее носителями, соседство словаков и мадьяр не могло не находить отражения и в концепциях собственных наций, тем более что обе они только формировались и обладали набором как общих типических, так и ярко индивидуальных признаков, которые вместе придавали отношениям национальных идей сложный конкурирующий характер. Прекрасным источником, позволяющим составить представление о взаимодействии и взаимном восприятии словаков и мадьяр, является пресса, хотя получаемая в результате ее изучения картина обладает своей спецификой. Во-первых, в газетах и журналах реальность отражалась одномерно, нередко предвзято, и под пером журналиста отношения между двумя народами обычно выглядели не так, как в действительности, а как они представлялись редакции. Во-вторых, взаимодействия, находившие то или иное отражение на страницах печати, составляли часть повседневной жизни лишь узкой прослойки населения, прежде всего — кругов, социально близких создателям газет. Это были предприниматели, юристы, врачи, священники — образованный и респектабельный слой, в реалиях Верхней Венгрии составлявший элиту общества. Для них выходили такие газеты, как ориентированная на оппозицию «*Národné noviny*» («Народная газета») и проправительственная «*Slovenské noviny*» («Словацкая газета»). В конце концов на молодое поколение этого же слоя был ориентирован и журнал младшего поколения национального движения «*Hlas*» («Голос»). Разумеется, крестьяне и сельские ремесленники из регионов с этнически смешанным населением, а тем более рабочие, выехавшие на заработки в центральные области королевства, имели свой собственный опыт общения с мадьярами. Однако их голос в печати рубежа веков был практически

неслышен. Массового читателя из этих слоев словацкая пресса захватила позднее¹⁰.

О каких мадьярах писала и как их видела старейшая газета словацкого национального движения «*Národné noviny*»? Прежде всего, это были политики и представители администрации королевства, порой члены редакционных коллегий мадьярских газет. Причем политики всегда были первого порядка — министры и депутаты Государственного собрания¹¹. Речь о них заходила в связи с национальным вопросом, обсуждение и пропаганда которого представляли собой смысл существования всей газеты. Политики и администрация критиковались за поддержку и развитие той концепции национальной политики, которая не удовлетворяла представителей словацкого национального движения¹², редакции газет — за ее распространение, а также за негативные отзывы о словацком движении и его идеалах¹³. Из венгриязычной прессы, впрочем, авторы «*Národné noviny*» вычитывали порой и трезвые, в их понимании, идеи¹⁴. Если же они пытались рассуждать о более общих вопросах, то заводили речь о мадьярах в целом, сопоставляя их с румынами, словаками, сербами, русинами или немцами¹⁵.

Из этих особенностей можно сделать два вывода. Во-первых, авторы и редакторы «*Národné noviny*» считали себя частью большой политики государственного масштаба. Хотя они не имели прямого доступа в высшие эшелоны власти, их внимание было приковано к происходящим там событиям и дискуссиям. Образно говоря, и спустя годы после переезда редакции в Турчанский святой Мартин, ее сотрудники продолжали жить Будапештом, именно там находились их «ментальные соседи». Во-вторых, создатели газеты уже обладали сформировавшимся национальным сознанием, которое позволяло не только заявлять о собственной «словацкости», но и воспринимать все население королевства как совокупность нескольких национальных общностей, члены каждой из которых объединены культурными традициями, языком, исторической памятью, общественным самосознанием и пр. Однако это сознание играло со своими носителями злую шутку — они, судя по их публикациям, плохо представляли себе, что далеко не все, кого в этих текстах называли словаками, были вполне осведомлены о том, что это значит и как с этим жить.

Результат можно проиллюстрировать письмом¹⁶ Яна Герометта, приходского священника из населенного пункта Ловча,

посвященным инициативе редакции «*Národné noviny*» отправить депутацию к императору-королю Францу Иосифу (1848–1916) с жалобой на притеснения словаков. Герометт отказывался поддержать данную акцию в связи с тем, что «рабски преданный» «мадьяронской» администрации народ подпишет петицию, осуждающую подобную депутацию, и таким образом нивелирует ее значение как средства выражения позиции всех словаков. Если отложить в сторону риторические приемы, окажется, что «*Národné noviny*», пропагандировавшие инициативу, были не в состоянии убедить большинство населения в важности собственной акции. Даже разделяющий риторику газеты приходской священник в конце концов остался, фактически, на стороне «рабски преданного» официальным властям большинства. Причем тот факт, что представителей местной администрации Я. Герометт назвал мадьяронами, свидетельствует: в данной потенциально конфликтной ситуации этнические мадьяры в принципе не принимали участия. Все, о ком шла речь в письме, были словаками, отнюдь не обладавшими тем единым сознанием, которого от них ожидало собственное национальное движение.

Принципиальный оппонент газеты «*Národné noviny*», ежемесячный журнал «*Hlas*», также описывал мадьяр обобщенно. При этом самые сложные отношения с соседями складывались, по мнению редакции, в первую очередь по линии языка и, шире, культуры. Авторы журнала беспокоил тот факт, что в поисках образования и работы словаки должны были покидать семьи и родные села, погружаться в иное окружение, что, как им думалось, вело к упадку морали и отчуждению от родной среды, распространению пьянства¹⁷. Внимание издания привлекали также факты исчезновения народных словацких названий мест и объектов¹⁸, отсутствие у кандидатов в депутаты Государственного собрания от словацких округов малейшего представления о местном языке¹⁹ и т. п.

Не были исключением, разумеется, обращения к образам крупных политиков королевства. Однако выглядели они иначе, нежели на страницах «*Národné noviny*». Например, в статье «Национальный вопрос при Банфи* и после него», подписанной Г. Августини, автор

---

* Речь идет о бароне Дежё Банфи (1843–1911), в 1895–1899 гг. занимавшем пост премьер-министра Венгрии.

ссылается не на прямую речь бывшего премьер-министра (вряд ли он слышал ее вживую), а на статью его апологетов, которую, очевидно, прочитал. Таким образом, между автором и политиком сохраняется психологическая дистанция. Кроме того, на протяжении большей части статьи автор рассматривает не угнетенное положение своих соплеменников, чего можно было бы ожидать от аналогичной статьи в «*Národné noviny*», а мнимое и реальное влияние Дежё Банфи (1843–1911) на политику Румынского королевства по отношению к национальному движению румын Венгрии²⁰.

Существенны также свидетельства, позволяющие утверждать, что издававшие «*Hlas*» круги молодежи чувствовали возможные негативные последствия постоянного обобщения и противопоставления мадьяр и словаков друг другу. На собраниях словацких учащихся, а следом за ними и на страницах «*Hlas*» декларировалось, что отношение к мадьярам должно быть христианским и терпимым²¹. На практике это могло выражаться в публикации материалов на словацком и венгерском языках, разъясняющих «титულной нации» потребности «национального меньшинства».

В целом, судя по журналу «*Hlas*», для его редакции и авторов было важно разобраться в практических аспектах соседства словаков и мадьяр, на которые не обращали внимания их старшие товарищи. На страницах издания диагностировались социальные проблемы, вызванные сосуществованием народов, находилось место и для констатации потребности в диалоге. Между тем, это еще не означало способности найти решения проблем, в том числе выстроить тот самый пресловутый диалог. С этим, как свидетельствует обилие полемики с другими словацкими изданиями на страницах «*Hlas*», у журнала были трудности и среди «своих».

Проправительственная газета «*Slovenské noviny*» ретранслировала полностью альтернативные вышеперечисленным газетам взгляды на все ключевые вопросы общественно-политической повестки дня, и отношение к мадьярам не было исключением. Прежде всего, ее авторы проводили параллели между двумя народами²², апеллировали к длительной традиции сосуществования словаков и мадьяр²³, называли последних братьями²⁴.

Важной темой был и языковой вопрос. На страницах газеты неоднократно говорилось о значимости государственного венгерского языка для единства страны, взаимопонимания между

населяющими ее народами²⁵. Публиковалась критика сторонников национального движения за то, что их программные выступления, произносимые на словацком, не в состоянии понять сограждане-мадьяры²⁶. Это, впрочем, не делало редакцию газеты враждебной словацкому языку — в конце концов, именно на нем она выходила. Кроме того, авторы издания в условиях выборов могли специально уделять внимание умению отдельных словацких политиков с мадьярскими фамилиями обращаться к избирателям на родном для них языке²⁷.

Политическая сторона соседства двух народов отражалась на страницах «*Slovenské noviny*» в рамках полемики с национальным словацким движением. Последовательной критике подверглась тезис об отсутствии представительства словаков в Государственном собрании королевства. Авторы «*Slovenské noviny*» резонно замечали, что все регионы страны разделены на избирательные округа и участвуют в выборах, ни один народ в пределах страны не лишен права голоса, следовательно, депутаты, прошедшие в парламент от верхне-венгерских округов, представляют и его словацкое население²⁸. Более того, высказывалась мысль, что представители крупных партий общегосударственного масштаба лучше способны комплексно защитить как интересы региона, так и всей страны, чем политики, делегированные и выбранные строго по национальному признаку²⁹.

Созданная таким образом картина благополучия в межнациональных отношениях требовала дополнительных пояснений, разобратся в ней как читателям, так и авторам статей было непросто. Именно в этом причина появления альтернативных взглядов в той же «*Národné noviny*». Пояснения черпались из выступлений ведущих политиков, например, из интервью премьер-министра барона Д. Банфи: некоторые слои словацкой интеллигенции, по его мнению, были склонны испытывать ненависть по отношению к Венгрии в целом и мадьярам в частности, которую пытались передать лояльным крестьянским массам³⁰. Таким образом, протестные высказывания по национальному вопросу оценивались не как «глас народа», но как сугубо частная точка зрения, свойственная меньшинству.

По совокупности признаков подходы редакции «*Slovenské noviny*» к проблеме соседства с мадьярами были созвучны официальной

позиции правительства и рисовали картину гармонии, общности интересов и задач на всех уровнях от Будапешта до словацких деревень. Как и печатные органы национального движения, «*Slovenské noviny*» создавали эффект речи от лица если не всех словаков, то их большинства. Однако осознание общности своего народа у авторов и редакторов газеты не носило характер национального. Об этом свидетельствует использование терминологии: слово «*národ*» использовалось только по отношению к венгерской политической нации, а также для обозначения мадьярской общности. Самих себя, словаков, авторы называли либо «*ľud*», либо «*národnost*». Такое словоупотребление, вкупе с настроением публикаций, маркировало сотрудников газеты как сторонников официального венгерского патриотизма, исходившего из существования в Венгерском королевстве многих национальностей, входящих в состав единой политической нации. Отклонением от этой концепции выглядит лишь использование слова, переводимого и как «нация», в сочетании с прилагательным «мадьярский». При том, что авторы издания в остальном употребляли слово «мадьяр» как этноним, а не эквивалент применимому ко всему населению страны слову «венгр», объяснить его можно только процессом размывания вышеописанной концепции и превращения мадьяр в речевой практике в государствообразующий народ, первых среди равных, причем с акцентом на первенство, нежели на равенство. Именно против таких тенденций и боролись национальные движения.

За пределами данной статьи приходится оставить ряд важных сюжетов. Список «соседей» словаков можно значительно расширить, включив туда румын, сербов, евреев и немцев. Причем последние являлись соседом «многоликим», поскольку были представлены как немцами Транслейтании, так и большинством Цислейтанского населения, а также подданными Германской империи. Разная государственно-политическая принадлежность этих групп одного народа не позволяла осмысливать их в одном и том же контексте. Наконец, существовал еще и такой важный сосед, как русские. Повседневные контакты с ними были, мягко говоря, опосредованы, однако символическое положение самого многочисленного и обладающего самой мощной собственной государственно-стью славянского народа на ментальной карте мира словаков было существенно.

Наконец, углубить и разнообразить образы соседства с мадьярами могут выдержки из не столь политически и национально ангажированной словацкой прессы, такой как литературные, образовательные издания, календари. Ценные свидетельства повседневных межнациональных контактов содержит в себе частная переписка. Нельзя сбрасывать со счетов и художественную литературу, в образах которой воплощались самые абстрактные и общие представления о той или иной национальности, свойственные конкретному автору. Поскольку писатели часто активно действовали и на ниве политической публицистики (достаточно упомянуть яркий пример Светозара Гурбана Ваянского (1847–1916)), их творчество в обеих сферах в равной степени, пусть и разными способами, выражало их мировоззрение. Формат статьи не позволяет рассмотреть тему со всех возможных сторон и с привлечением разнообразных по характеру источников.

Тем не менее, приведенные свидетельства позволили показать противоположные полюса восприятия мадьяр словаками, большую степень обобщения образов «мы» и «они» обеими сторонами, а также их составной характер — наличие ключевых элементов, повторяющихся и там, и там. Следует заметить, что ряд общих мест в описании мадьяр, сформулированных прессой того времени, продолжает ретранслироваться некоторыми словацкими авторами, преимущественно маргинальными публицистами. В современной Словакии, при полном изменении общественно-политической ситуации по сравнению с рубежом XIX–XX вв. и наличии взвешенных аналитических исследований прошлого опыта, продолжает появляться обвинительная литература в адрес венгров-мадьяр³¹, выходят ангажированные переиздания старых книг³². Таким образом, не только собственная национальная идея, но и отношение к соседним нациям постоянно находятся в центре борьбы разных концепций, которые либо путем прямого переосмысления, либо через попытки распространить прежний образ мышления на кардинально новые условия не дают этим явлениям общественной жизни законсервироваться в неизменном виде.

Примечания

¹ В последние десятилетия историки Словакии и Венгрии активно изучают общее прошлое, что находит выражение в конференциях и публикациях. См.,

например: *Krajčovič M.* Maďari a problémy národnej identity Slovákov v 19. storočí // Historické štúdie. 37. Bratislava, 1996. S. 49–68; Slovensko na začiatku 20. storočia (Spoločnosť, štát a národ v súradniciach doby) / Vyd. M. Podrimavský, D. Kovač. Bratislava, 1999; *Szabó V.* Slovenská otázka v národnostnej politike uhorských vlád v rokoch 1867–1918 // Zrkadlo histórie II / Red. J. Modis. Prešov, 2005. S. 135–165; Regionálna a národná identita v maďarskej a slovenskej histórii 18.–20. storočia / Vyd. Š. Šutaj, L. Szarka. Prešov, 2007; Pástor Z. Slováci a Maďari. Martin, 2011; *Halász I.* Uhorsko a podoby slovenskej identity v dlhom 19. storočí. Bratislava, 2011; Rozštiepená minulosť. Kapitoly z histórie Slovákov a Maďarov / Zost. I. Kollai. Budapest, 2013; Отдельно стоит упомянуть историософскую публицистику: *Letz R.* Náčrt dejín Uhorska a Maďarska s osobitným zreteľom na maďarsko-slovenské vzťahy. Bratislava, 1996; Tolerancia v slovensko-maďarských vzťahoch. Texty na vzdelávanie a praktická príručka. Bratislava, 1996; *Hajko J.* Odsúdení na dohodu. Spoločné tisícročie Slovákov a Maďarov. Bratislava, 2011. Историками тема разрабатывалась и ранее, в том числе за пределами региона: *Goglák L.* Zum Problem der Assimilation in Ungarn in der Zeit vom 1790–1918. München, 1966 (Südostdeutsches Archiv. IX); *Idem.* Die Slowaken // Die Habsburgermonarchie 1848–1919 / Hrsg. von A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Wien, 1980. Bd. 3. Die Völker des Reiches. Tbd. 3/2. S. 775–800; *David W.P.* Slovak nationalism and the Hungarian state 1870–1910 // Ethnic Groups and the State. New Jersey, 1985. P. 115–159; *Nurmi I.* Slovakia – a playground for nationalism and national identity. Manifestations of the national identity of the Slovaks 1918–1920. Helsinki, 1999 (Bibliotheca historica. 42); *Крючков И.В.* Венгрия и славянский мир в последней трети 19 – начале 20 в. Ставрополь, 2001; *Хаванова О.В.* Образ «другого» в историческом опыте народов Австро-Венгрии в контексте творчества К. Миксаты // Художественная культура Австро-Венгрии, 1867–1918 / Отв. ред. Н.М. Варанова, Е.В. Виноградова. СПб., 2005. С. 176–185 и мн. др.

² Ситуативное употребление политонима «венгр» и этнонима «мадьяр» характерно для немецко- и англоязычной историографии. См.: *Тевес Л.* Концепция национальной политики Йозефа Этьёша и конституционно-национальная традиция «партии» Ференца Деака, 1860–1868 гг. // Славяноведение. 2014. № 6. С. 4.

³ *Halász I.* Uhorsko a podoby slovenskej identity. S. 70.

⁴ В сознании населения в этот период сосуществовал ряд идентичностей разных уровней: венгерский земельный патриотизм, осознание абстрактной славянской общности (порождавшее русофильство с одной стороны и чехофильство – с другой), словацкое этническое самосознание и региональные идентичности. См. *Halász I.* Uhorsko a podoby slovenskej identity.

⁵ Ю. В. Бромлей называл это состояние «народностью капиталистического этапа развития». См.: *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 296. О роли социальной структуры того или иного народа, а также ее связи с регионом писал В. И. Фрейдзон. См.: Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. / Отв. ред. В. И. Фрейдзон. М., 1980. С. 281–284; *В.И. Фрейдзон.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна, 1999. С. 17–23. О периодизации социообразовательных процессов см., например: *Мыльников А.С.* Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания, XVIII–XIX вв. СПб., 1997; *Hroch M.* Obrození malých evropských národů. Praha, 1971; *Idem.* Na prahu národní existence. Touha a skutečnost. Praha, 1999; введение М. Гроха к сборнику:

Pohledy na národ a nacionalismus. Čítanka textů / Vyd. M. Hroch. Praha, 2003. S. 9–23 и многие другие.

⁶ Например, роды Реван, Смречани, Бенички, Змешкал. Наличие мелкого дворянства как особенность словаков отмечает и В. И. Фрейдзон, см.: *Фрейдзон В. И.* Нация до национального государства. С. 17.

⁷ *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. С. 302. Автор использует слово «венгры», но в данном случае мы можем поставить между ними и «мадьярами» знак равенства.

⁸ Меморандум словацкой нации венгерскому парламенту, принятый 7 июня 1861 г. в Турчанском святом Мартине (до 1918 г. официально именовался по-венгерски Туроцентмартон), содержал в том числе и требования по административному переустройству страны ради обособления населенных словаками территорий, а также формальному регламентированию сфер использования своего языка (см. *Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti* / M. Barnovský, J. Beňko. Bratislava, 1998. Sv. II. S. 336–343). Этот документ заложил основы словацкой политической программы и, таким образом, сделал словаков чем-то большим, чем просто народностью, поскольку синтез этнического (территория расселения) и культурного (язык) в обертке из политического (требование к парламенту) дает на выходе современную нацию. Следовательно, налицо было движение этого народа вдогонку за мадьярами.

⁹ *Тышков В. А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 19–27.

¹⁰ К сельскому населению обращались и от его лица говорили газеты католической «людацкой» партии (Словацкая народная партия) и аграристов. Ту же роль для рабочих выполняла социалистическая пресса. Однако действительно серьезное распространение и влияние эти издания, а именно «*Katolícké noviny*» («Католическая газета»), «*Slovenský týždenník*» («Словацкий еженедельник»), «*Slovenské robotnícké noviny*» («Словацкая рабочая газета») приобрели только ко второй половине десятилетия годов XX в. Это было связано как с развитием прессы на словацком языке, так и с дифференциацией в рамках словацкого национального движения. Подробнее см., например: *Die Habsburgermonarchie 1848–1918* / Hrsg. von H. Rumpler, P. Urbanitsch. Wien, 2006. Bd. 8: Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft. Tbd. 2: Die Presse als Faktor der politischen Mobilisierung; *Ruttkay F.* Dejiny slovenského novinárstva do roku 1918. Bratislava, 1999.

¹¹ Например, депутат Варгич, министр внутренних дел Карой Хиерониими (1836–1911), бывший премьер-министр Кальман Тиса (1830–1902) — *Národné noviny*. 1894. 27 XI. S. 1. Депутаты М. Шербану, Б. Хорват, Д. Пазманди, Фр. Бешшение, А. Аппони, А. Кубини — *Ibid.* 1894. 4 XII. S. 1; 1894. 6 XII. S. 1–2. Министр внутренних дел Кальман Селл (1843–1915) — *Ibid.* 1901. 24 IX. S. 1. Правящая Либеральная партия в целом — *Ibid.* 1905. 7 I. S. 2. Премьер-министр И. Тиса — *Ibid.* 1905. 17 I. S. 3.

¹² Согласно официальной точке зрения, закрепленной в законе XLIV/1868, в Венгрии существовала единая политическая венгерская нация и ряд народов, принадлежность к которым признавалась правом индивидуума, но не предполагала прав или привилегий для народа как коллективного субъекта. Для такого подхода было естественным использование многих языков в повседневной жизни, начальном образовании или, например, периодических изданиях, однако, скажем, представительство народа в парламенте пропорционально их численности было уже делом неммыслимым.

¹³ См., например: *Národné noviny*. 1895. 3 VIII. S. 1; 1896. 5 V. S. 1; 1898. 18 II. S. 1; 1901. 24 IX. S. 1.

¹⁴ Так, Милош Штефанович в первой части статьи «Национальный вопрос» положительно оценил факт, что на страницах газеты «*Hazánk*» («Наша родина») предлагалось договариваться по национальному вопросу с румынами как с равными, как народ с народом. Впрочем, он тут же не без ехидства упомянул, что кроме румын в королевстве существуют еще словаки, сербы, русины и немцы, которые тоже ждут от мадьяр разговора на равных. См.: *Národné noviny*. 1894. 27 XI. S. 1. Статья подписана именем Владимир, авторство М. Штефановича указывается в соответствии с: *Dokumenty k slovenskému národnému hnutiu v rokoch 1848–1914*. Bratislava, 1972. Zv. III. 1885–1901. S. 238.

¹⁵ Яркий пример такого обобщения — статья «Торжественно и твердо», посвященная отношению национальных меньшинств Венгерского королевства к празднованию тысячелетия обретения родины мадьярами (так называемого Миллениума) в 1896 г. *Národné noviny*. 1896. 4 V. S. 1.

¹⁶ *Dokumenty k slovenskému národnému*. S. 157. Письмо датировано 11 июля 1892 г., хронологически раньше, чем прочие анализируемые в данной статье материалы. Однако динамика политических успехов национального движения вообще и развития газеты «*Národné noviny*» в частности дают возможность полагать, что ситуация с восприятием национальной идеологии на местах оставалась столь же неоднозначной и все последующие полтора десятилетия, если не дольше.

¹⁷ Статью В. Шробара «Мадьяризация» см.: *Hlas. Ročník I (1898–1899)*. Skalica, 1900. S. 65–73; *Ročník II (1900)*. Skalica, 1900. S. 45–46.

¹⁸ *Ibid.* S. 95–96.

¹⁹ *Ibid.* *Ročník V (1903)*. Ružomberok, 1903. S. 28–29.

²⁰ По данному вопросу на русском языке см.: *Шереш А.* Национально-политические устремления венгерского общества и проблема подготовки католических священников в румынской Молдове на рубеже XIX–XX вв. // *Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918* / Отв. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб., 2016. С. 276–291.

²¹ *Hlas. Ročník II (1900)*. Skalica, 1900. S. 70.

²² Особенно благодатную почву для таких сопоставлений представляло собой празднование тысячелетия прихода мадьярских племен на Паннонскую равнину. В частности, анонимный католический священник отмечал равную богобоязненность и христианское рвение обоих народов еще до их крещения. *Slovenské noviny*. 1896. 4 I. S. 1.

²³ Тот же анонимный священник принципиально позитивно оценивал факт тысячелетнего сосуществования словаков со свободолюбивым мадьярским народом. См.: *Ibid.* S. 2.

²⁴ *Ibid.* 1896. 25 IV. S. 1.

²⁵ *Ibid.* 1898. 13 I. S. 2; 1905. 18 I. S. 1.

²⁶ *Ibid.* 1901. 23 IX. S. 2.

²⁷ *Ibid.* 1901. 21 IX. S. 2. Автор заметки о ходе избирательной кампании похвально отзывается о навыках барона Дюлы/Юлиуса Реван (1853–1911), кандидата в депутаты Государственного собрания от либеральной партии.

²⁸ *Slovenské noviny*. 1898. 15 I. S. 1–2.

²⁹ *Ibid.* 1905. 13 I. S. 1.

³⁰ *Ibid.* 1895. 19 VIII. S. 2. Интервью при этом было дано вовсе не «*Slovenské noviny*», а «*Neues Wiener Tagblatt*» («Новый венский ежедневный листок»).

³¹ *Selecký J.* Občania proti maďarizácii. Bratislava, 2010; *Demko M.* Problém rozdielného významu a prekladu pojmov «uhorský» a «maďarský». Zdroj maďarskej nenávisti voči Slovákom. Centrálny kultúrny, historický a jazykový problém Slovenska. Bratislava, 2012.

³² *Káral K.* Maďarizácia. Obraz slovenského utrpenia. Bratislava, 2006; *Ivanka M.* Slováci a Maďari. Čo nám Maďari ukradli. Bratislava, 2006.

Д. Ю. Ващенко

Этнокультурные стереотипы в метаязыковых рефлексиях жителей словацко-венгерского пограничья

Метаязыковые рефлексии жителей Южной Словакии, посвященные билингвизму в регионе и специфике употребления словацкого/венгерского языков в различных коммуникативных сферах, представляют собой чрезвычайно интересный материал в плане изучения языковой ситуации в крае. Обращение к метаязыковым нарративам тем самым можно считать важнейшей, даже неотъемлемой частью комплексного исследования Южной Словакии как региона со смешанным населением. Соответствующие тексты могут быть записаны в ходе полевых исследований¹ о метаязыковых нарративах жителей сербской Воеводины и вместе с тем, поскольку в настоящее время всемирная сеть является полноценной коммуникативной средой, где пользователи открыто высказывают свои взгляды, анализу также могут и должны быть подвержены тексты с метаязыковой семантикой, опубликованные в пространстве Интернета². Как показывают предварительные наблюдения, тексты и контексты метаязыкового содержания весьма широко представлены во Всемирной сети³.

В статье предпринимается анализ словацких метаязыковых рефлексивов, которые по большей части представляют собой реплики, размещенные на различных сетевых форумах. Вслед за рядом исследователей⁴ мы различаем термины «метаязыковые рефлексии»⁵ как ментальный процесс, который приводит в том числе к порождению текста соответствующей тематики, и «метаязыковые рефлексивы» как конкретные тексты/контексты, где основным содержанием является метаязыковое суждение. В данном случае все метаязыковые

рефлексивы объединяет дополнительная смысловая составляющая, поскольку они посвящены восприятию идиома, на котором осуществляют коммуникацию словацкие венгры. Нас интересуют как рефлексивы, созданные словаками, так и написанные самими венграми. Тексты были получены в результате сплошной выборки материала по результатам поисковых запросов в системе *Google*.

При анализе материала мы будем рассматривать в первую очередь семантическую структуру рефлексива, куда входят: 1) объект рефлексии, 2) ее субъект, индивидуальный либо генерализованный, 3) приписываемая объекту характеристика⁶. Метаязыковые квалификаторы, представленные в ее схеме, будут рассмотрены по ходу изложения в тех случаях, когда они эксплицированы. Мы постараемся показать, каким образом тематика текста определяет семантическую структуру соответствующего рефлексива, какие особенности речи словацких венгров служат предметом оценки в первую очередь, и как может происходить трансформация субъекта в структуре конкретного рефлексива (генерализация/экземплификация), в зависимости от направленности рефлексии извне либо изнутри. Примеры мы будем приводить в том виде, в каком они представлены в оригинале.

Теперь рассмотрим имеющийся у нас корпус материала последовательно по указанным параметрам.

1. Объект рефлексии в большинстве случаев составляет не венгерский язык как таковой, но:

1.1. Языковая ситуация на юге Словакии, а именно обязательность/необязательность знания словацкими венграми государственного языка. Ср. примеры, в первом говорящий подчеркивает обязательность изучения венграми словацкого языка как государственного, во втором он ограничивает круг потенциального употребления венгерского языка обиходно-бытовой сферой:

«Nech sa ucia svoj materský jazyk, to im nikto neberie, ale ked vam na Slovensku povie madarsky SPOLUOBČAN, ze nerozumie, tak ma ide rozhodit od jedu. MALI BY SA POVINNE UČIT SLOVENČINU, lebo tu žijú. Ak sa im to nepáči, prosím. Možu ist aj do Maďarska»*.

«Пусть учат свой родной язык, никто им не запрещает, но когда вам в Словакии говорит венгерский СООТЕЧЕСТВЕННИК,

---

* Здесь и далее в цитатах сохранено правописание и пунктуация оригинала.

что он не понимает, так меня распирает от желчи, ОНИ ОБЯЗАНЫ УЧИТЬ СЛОВАЦКИЙ ЯЗЫК, поскольку живут здесь. Не нравятся, пожалуйста. Могут отправляться в Венгрию»⁷.

«No hanba nech sa pre mna za mna doma rozpravaju po madarsky ale v skolach alebo na uradoch alebo v nemocnicach by mali hovorit po slovensky».

«Стыдоба, по мне пускай у себя дома говорят по-венгерски, но в присутственных местах или в больницах они должны говорить по-словацки»⁸.

Также пользователи могут высказываться несколько более директивно и заявлять о прямой обязанности словацких венгров изучать словацкий язык, апеллируя при этом к истории. В следующем примере говорится о том, что венгры в течение тысячи лет «осуществляли тиранию» над словаками, будучи доминирующей нацией, и теперь не хотят смириться с тем, что в нынешнем государстве доминирует другая нация:

«Hahaha, trapna otazka, trapna odpoved <...> nie nemusia nič <...> oni len môžu, popripade musia <...> ale musia len to, na čom zarobia <...> proste rovnako 98% madarov, takisto ako 98% ciganov <...> ma len svoje prava, a nedaj Boh aby mali povinnosti, ci dokonca aby museli respektovat nejake zakony ako vsetci ostatní obacia Slovenska <...> ktoreho narod bol mimochodom „len“ 1000 rokov pod nadvladou hunov <...> a generacie tyranie, a ukrutnych masakrov <...> komu sa niečo nepaci, kludne mi napiste tu na azete <...> rada popisem <...> zatiaľ sa mavajte :-))»

«Ха-ха-ха, сложный вопрос, сложный ответ <...> нет ничего они не обязаны <...> они только могут, редко когда хотят <...> а хотят они только того, что им выгодно <...> практически 98% венгров, точно так же, как 98% процентов цыган <...> у них одни права, и не дай Бог им иметь обязанности, или хотя бы уважать какие-то законы как все остальные жители Словакии <...> народ которой, между прочим, находился „каких-нибудь“ 1000 лет под властью гуннов <...> короче, всем пока :-))»⁹.

Ср. также контекст, где пользователь рассуждает не об «угнетении» как таковом, но об обязательности изучения всеми гражданами государственного языка, применяя свой тезис как к Австро-Венгрии, так и к современной Словакии:

«Z historie, za rakusko uhorska bol vyucovaci jazyk madarcina, a bolo jedno aka narodnost zila v uhorsku, ked si chcel nieco znamenat musel si ovladat uradny jazyk, tak neviem o com sa tu bavime, sme na slovensku, a uradny jazyk je slovensky jazyk, neviem cim si madari zasluzili tolko vyhod ako maju».

«Из истории, в Австро-Венгрии в школах учили на венгерском языке, и было все равно, какой народ жил в Венгрии, когда люди хотели чего-то добиться, это значило что они обязаны были выучить венгерский, так что я не знаю, о чем мы тут спорим, мы в Словакии и государственный язык тут словацкий, не знаю, чем венгры заслужили столько поблажек, сколько у них сейчас»¹⁰.

В следующих примерах исторические события используются в качестве контраргумента:

«Madari su rovnako ludia, ako my <...> nechapem, aky je medzi nimi rozdiel <...> ved uz sa zmierte s tym, ze madarsko je blizko <...> nepatrilo nikdy aj slovensko miestami ku madarsku? ak su slovaci v inych krajinach, tak to nikto neriesi».

«Венгры такие же люди, как мы <...> не понимаю, какая между ними разница <...> смиритесь уже с тем, что Венгрия близко <...> а Словакия никогда не относилась к Венгрии? когда словаки живут в других странах, тоже никто не решает»¹¹.

«Preco by si oni mali za 1000 rokov nieco adaptovat? ved to oni mali imperium».

«Почему это они должны были за 1000 лет как-то адаптироваться? У них же тут была империя»¹².

1.2. Коммуникативные неудачи, возникающие между словаками и венграми. Как правило, здесь имеет место типовая ситуация вида: пользователь-словак во время краткосрочной поездки на юг страны пытался осуществлять коммуникацию в общественных местах по-словацки, однако собеседники его не поняли/сделали вид, что не поняли, в результате чего он не добился желаемой цели либо качество его жизни было существенным образом нарушено. Рассмотрим пример, где незнание венграми словацкого языка способствовало созданию определенно-го дискомфорта во время диалога «покупатель-словак/продавец-венгр»:

«No, mne osobne sa to s tou predavackou stalo v senci, a nie preto ze by nevedela po slovensky, ale preto ze nechcela, pretoze ked som sa na nu

osopila, ze predavacka by mala vediet po slovensky, lebo nie kazdy slovak vie po madarsky (pretoze je na slovensku alebo v madarsku) tak vtedy uz po slovensky vedela.

«Ну у меня был личный инцидент с продавщицей в городе Сенец, и не потому, что она не знала, как сказать по-словацки, а потому, что не хотела, так как когда я на нее нажала, дескать продавец обязан говорить по-словацки, поскольку не каждый словак говорит по-венгерски (потому что он в Словакии, а не в Венгрии) так она сразу заговорила по-словацки»¹³.

В следующем рефлексиве, также демонстрирующем акт коммуникативной неудачи во время покупок в магазине, вводится «чужая речь», причем в словацкой огласовке (венг. *tessék* = *tešík*):

«Vysvetli mi, prečo ja prídem do obchodu v Štúrove a pýtam si voľačo <...> a prvé, čo sa mi dostane je tešík <...> a prečo, keď prídem do maďarska, a pôjdem do obchodu, tak sa mi prvé dostane tešík a nie prosím <...> toto ma serie».

«Объясни мне, почему я прихожу в магазин в Штурово и спрашиваю что-нибудь <...> и первое, что я слышу, это *tešík* <...> и отчего же, когда я приезжаю в Венгрию и иду там в магазин, я слышу сперва *tešík*, а не *prosím* <...> бесит»¹⁴.

Суждения могут касаться не просто единичных случаев, но описывать типовую ситуацию, когда отсутствие регулярной коммуникации именно на словацком языке осложняет жизнь пользователя:

«Som Slovenka a žijem v dedine, kde sú až na pár Slovákov samí Maďari a Rómovia. Kde sa pohnem, počujem rómštinu a maďarčinu, takže mám stále pocit, že som na zahraničnej dovolenke :-). Kto mi prispeje na dopravu za slovenskou kultúrou? Kto sa stará, že slovenské deti musia cestovať o 3 dediny ďalej do slovenskej školy (u nás je len maďarská a rómska)? Za prácou jazdím do lokality, kde sa prevažne hovorí po slovensky (tu by som sa v mojej profesii bez maďarčiny neúčivila) a pod».

«Я словачка, а живу в деревне, где пара словаков, а остальные венгры и цыгане. Куда я ни пойду, везде слышу венгерский и цыганский, и у меня вечно ощущение, что я где-то за границей на экскурсии. :-). Кто мне обеспечит поездку за словацкой культурой? Чья вина, что словацкие дети вынуждены ездить за 3 деревни в словацкую школу (у нас только венгерская и цыганская)? Работать я езжу в населенный пункт, где говорят в основном по-словацки (здесь

я бы с моей профессией без венгерского не обошлась) и тому подобное»¹⁵.

1.3. Компетенция словацких венгров в словацком языке. При этом по степени владения языком венгры могут сравниваться с восточными словаками:

«Osobne poznám veľmi veľa slovenských maďarov, ktorí hovoria lepšie slovensky ako mnohí Slováci».

«Я лично знаю кучу словацких венгров, которые лучше говорят по-словацки, чем многие словаки»¹⁶.

«Nahodou keď počujem taký ten dobrý dolniacky prízvuk tak mi to vyhovuje OVELA viac ako východniarcina».

«Кстати говоря, когда я слышу этот славный южный акцент, мне он нравится ГОРАЗДО больше, чем восточнословацкий»¹⁷.

Также пользователь может констатировать, что язык словацких венгров сильно отличается от языка венгерских венгров, в первую очередь за счет словацких заимствований и калек:

«A nato si ako prísieľ? rozumejú a perfektne. problém je presne na opacnej strane ako ty tvrdíš. slovenski maďari používajú v reči slova prebrate zo slovenčiny, alebo z iných svetových jazykov a patricne sa ich snažia sklonovať etc.»

«И как ты это понял? понимают и отлично. проблема ровно в противоположном как ты говоришь словацкие венгры используют в своей речи слова, заимствованные из словацкого или из других языков и стараются их склонять по регулярной модели и т. п.»¹⁸.

1.4. Гораздо реже объектом рефлексии служит венгерский язык как таковой, который в данном случае является предметом эмоциональной, но не рациональной оценки: квалифицируется не сложность/простота венгерского языка для усвоения в среде носителей словацкого, но именно экспрессивные коннотации, которые вызывает венгерская речь в сознании пользователя, и связанное с этим ассоциативно-функциональное предназначение венгерского языка (ср. ниже, венгерский язык пригоден/непригоден для объяснения в любви, для ругательств):

«*Tú ich reč (blakotanie a kvikanie) nemožem ani vystát! brrrr fuj fuj*».

«Эту их речь (кваканье и чириканье) я слышать не могу! брррр, фу, фу»¹⁹.

«*Cass, suhlasim. velmi rad by som vedel madarsky hovorit a madarcina sa mi ako jazyk paci, a v madarcine sa urcie da povedat najlepsia nadačka na svete nechapem co proti nej vsetci maju*».

«Приветтики! согласен, я бы хотел научиться по-венгерски и венгерский язык мне нравится, по-венгерски можно лучше всего выругаться, не понимаю, что все так против него ополчились»²⁰.

«*V podstate je dobre ked clovek ovlada akykolvek cudzi jazyk, to je jasna vec <...> len moj osobny problem s madarcinou je, ze aj to najkrajšie vyuznanie lasky v nej znie ako keby bolo cloveku na zvracanie*».

«На самом деле хорошо же когда человек учится говорить на каком-нибудь иностранном языке, ясное дело <...> только вот моя личная проблема с венгерским языком в том, что даже самое прекрасное признание в любви по-венгерски звучит как будто человека сейчас вырвет»²¹.

При этом, поскольку мы имеем дело с описанием ситуации непосредственного контакта носителя одного языка с носителем другого языка, причем принципиально не-родственного и потому непонятного, представляется необходимым ввести в рассмотрение также образ носителя иного (венгерского) языка, в том виде, в котором он предстает в интересующих нас метаязыковых рефлексиях. Носителям венгерского языка, в зависимости от степени генерализации, может быть приписан:

А) обобщенный статус — как правило, в метаязыковом рефлексиве приводится историческая мотивация сложившейся языковой ситуации, где подчеркивается ее оправданный, справедливый характер. Рассуждение строится по принципу: венгры (все венгры как таковые) не считались с нашими правами, когда они были доминирующей нацией в государстве, поэтому теперь мы в Словакии как доминирующая нация точно так же не будем считаться с правами венгров, которые проживают на территории нашего государства — ср. примеры выше.

В) экзистенциальный статус — общий массив носителей венгерского языка делится на две группы, обладающие принципиально различными поведенческими характеристиками и потому подлежащие

принципиально разной оценке. Языковая ситуация в Южной Словакии в таких контекстах выглядит следующим образом: среди словацких венгров выделяются те, кто хочет приспособливаться и изучать словацкий язык (позитивная оценка), и те, кто словацкий язык изучать не желает (негативная оценка). Например:

«Proti Madarom, ci „madarskym“ Slovakom vo vseobecnosti nemam nic. Ale som sklamana z tych, ktorí nerespektuju Slovensko».

«Против венгров или „венгерских“ словаков я в целом ничего не имею. Но меня расстраивают те, кто не уважает Словакию»²².

«Tiez nemam nic proti madarskym detom, deti vacsinou situaciu zhodnotit nevedia. No mrzi ma, ze dospeli okolo nich, ktorí by tomu mali rozumiet lepsie, deti k zlepšeniu ich Slovinciny nevedu».

«Я тоже ничего не имею против венгерских детей, дети чаще всего ситуацию оценить не могут. Но меня раздражает, что взрослые, которые находятся рядом с ними и должны бы адекватно оценивать ситуацию, ничего не делают, чтобы у их детей улучшился словацкий»²³.

Ср. также пример выше, где пользователи постулируют разницу между идиомом словацких венгров и венгерским литературным языком, а также следующий текст:

«Slovensky madar povie satelitny prijmac, ale pravý madar to pozna pod pomenovanim: tanierova televizia, dokonca ked som bol pred par rokmi v gyori a pytal som si po „nasom“ klasicky jeden hot-dog tak predavacka na mna pozerala ako bacil /do lekarne».

«Словацкий венгр скажет satelitny prijmac, но настоящий венгр этот аппарат знает под названием tanierova televizia, к тому же когда я пару лет назад был в Дёре и попросил на классическом „нашем“ языке себе хот-дог, так продавщица на меня посмотрела как кролик на удава»²⁴.

С) Конкретно-экземплификативный статус — в том случае, если метаязыковой рефлексив подается не как некоторое общее рассуждение, а как свидетельство очевидца, который имел непосредственную коммуникацию с конкретными носителями венгерского языка. Если пользователь непосредственно, по его словам, проживает в Южной Словакии, то эта коммуникация носит успешный характер

(«я на собственном опыте регулярного общения с моими соседями-венграми могу сказать, что...»), если же нет, мы имеем дело с уже упомянутой выше ситуацией коммуникативной неудачи. Сравним:

«Nie kazdy Madar nevie ani muk po slovensky, a vobec, poznam ich kvantum, ktorí robia svoju povinnosť lepšie ako niektorí Slováci a vedia DOBRE PO SLOVENSKY».

«Не каждый венгр не знает ни бельмеса по-словацки и вообще, я знаю много венгров, которые знают свое дело лучше, чем некоторые словаки и ХОРОШО ГОВОРЯТ ПО-СЛОВАЦКИ»²⁵.

«Celych 18 rokov zijem na južnom slovensku a este ani raz som nezazila, že by tu boli nejake nepokoje alebo nieco pokojne <...> i napriek tomu, že tu zijem fakt od narodenia, nehovorim po maďarsky a poznám v tom jazyku len veľmi málo slov. a aj tak mám strasne vela kamarátov, čo zase nevedia po slovensky, pretože chodia na maďarské gymnázium, ale v živote medzi nami nedoslo k nezhodám».

«Я уже 18 лет живу в Южной Словакии и еще ни разу не помню, чтобы здесь были какие-то проблемы или что-то в этом роде <...> и несмотря на то, что я тут живу практически с рождения, я не говорю по-венгерски и на этом языке знаю очень мало слов, и при этом у меня страшно много друзей, которые, наоборот, не говорят по-словацки, поскольку ходят в венгерскую гимназию, но у нас еще ни разу не дошло до конфликта»²⁶.

2. Субъект рефлексии, ввиду специфики коммуникации в Интернете, носящей принципиально опосредованный характер, может быть выявлен только на основании его самопрезентации. Ситуацию осложняет тот факт, что общение на форумах, как правило, ведется на словацком языке, и в языковом отношении отсутствует сколь-нибудь заметная разница между словаками и этническими венграми, что может быть использовано последними в ситуации «неожиданного выхода из тени». Сопоставим:

«Ja patrim ku tým šťastlivcom ktorí byvajú tu v KE <...> táže sa neustále pohibujem medzi slovakmi <...> tak mi slovenčina nerobi problém <...> a vlastne málo kto si na mne vsimne maďarský prízvuk».

«Я принадлежу к тем счастливым, которые живут здесь, в Кошице <...> тут я все время окружен словаками <...> со словацким у меня нет проблем <...> и вообще мало кто замечает у меня венгерский акцент»²⁷.

Среди словаков градация происходит по эвиденциальному параметру: выделяются субъекты, не имеющие прямых контактов с венграми и субъекты, имеющие с ними прямые контакты, которые могут быть регулярными либо нерегулярными.

3. Характеристика венгерского языка как такового и двуязычия в Южной Словакии чаще бывает негативной, однако здесь имеют место две прямо противоположные тенденции. В первом случае пользователи разделяют социальную ситуацию и личностные качества самих носителей венгерского языка, т. е. негативные суждения об экспансивном характере венгерского языка на юге страны сосуществуют наряду с позитивными суждениями о конкретных венграх — носителях этого самого языка.

«Ani mne Maďari nevadia nejak extra, ale vždy sa zamyslím nad tými tabuľami slovensko/maďarskými, školami atď».

«И мне венгры особо не мешают, но я всегда зависаю над этими словацко-венгерскими указателями, школами и т. п.»²⁸.

«Madari ako taky ma netrapia nemam proti nimi nic. Ale! proti Slovensku ako takom ano, neviem preco na Slovensku hlavne pri hraniciach madarska nachadzam aj madarske nazvy ulic alebo znaciek. Kdezto ked clovek pride do madarska horko tazko najde Slovensky nadpis, jedinemu comu som tam porozumel v madarsku bola zmenaren».

«Венгры как таковые меня не напрягают, ничего против них не имею. Но! против их поведения в Словакии как такового да, не знаю, отчего в Словакии главным образом возле венгерской границы я постоянно встречаю венгерские названия улиц или венгерские указатели. А когда ты приезжаешь в Венгрию, черта с два ты найдешь надпись по-словацки, единственное, что я там в Венгрии понял, была надпись „Обменник“»²⁹.

Во втором случае наблюдения за характером так же конкретных людей предполагает перенос этностереотипов на язык, тем самым восприятие венгерского языка происходит сквозь призму суждений о его носителях — в данном случае речь идет обо всем языке как идиоме, но не о языковой ситуации. Так, мы имеем дело со следующими наблюдениями пользователей Интернет-форумов: 1) венгры энергичные и активные, поэтому венгерский язык грубый и энергетически утомительный (см. выше); 2) венгры могут долго рассуждать

об одном и том же и тем самым запутывать собеседника, поэтому в их языке представлено много долгих гласных, а также распространены сложные синтаксические конструкции:

«Dnes mi jeden madar volal kvoli inzeratu na predaj mikrofonu <...> ale on bol fakt ako madar :-D Sa so mnou 10 minut vykecaval a stale o tom istom dookola :-D».

«Сегодня мне один венгр звонил по объявлению о продаже микрофона <...> это был настоящий венгр :-D Трепался со мной 10 минут и все об одном и том же по кругу :-D»³⁰.

В случае позитивной оценки венгерского языка, как правило, представлена ситуация «выделения субъекта из множества» с ожиданием негативной оценки со стороны этого множества. Говорящий, оценивая позитивно и сам венгерский язык, и его носителей, всегда использует фразы вида «теперь вы будете ко мне плохо относиться, т. к. мне нравятся венгры»/«я не такой, как здешнее большинство (т. е. большинство посетителей форума), поскольку я словак и мне нравятся венгры».

«Mne sa maďarčina páči celkom. ☺ Len ma tu neudupte. Vyrastala som na tom jazyku».

«Мне венгерский вообще нравится. ☺ Не бейте меня только. Я росла вместе с этим языком»³¹.

«Cass, suhlasim. velmi rad by som vedel madarsky hovorit a madarcina sa mi ako jazyk paci, a v madarcine sa urcie da povedat najlepsia nadavka na svete nechapem co proti nej vsetci maju».

«Приветтики согласен я бы хотел научиться по-венгерски и венгерский язык мне нравится по-венгерски можно лучше всего выругаться не понимаю что все так против него ополчились»³².

Аналогичная ситуация наблюдается и в контекстах, созданных венграми, ср. высказывания вида «я не такой, как все венгры, поскольку хорошо говорю по-словацки»:

«Ja som madar žijuci na slovensku; a som sa naučil Štátny jazyk si myslim celkom slušne tak aj moji sukmeňovci by mohli mať tolko v sebe aby aspoň základy osvojili. Ne som žiadny superman ale život ma donutil al som aj chcel».

«Я венгр, живущий в Словакии; и выучил государственный язык как мне кажется весьма прилично, так и остальные венгры могли сделать усилие и освоить хотя бы азы. Я не какой-нибудь супермен, но меня жизнь заставила, да я и сам хотел»³³.

Метаязыковые рефлексивы, представленные в интернете, имеют свою специфику по сравнению с вне-сетевыми: ввиду того, что авторские характеристики здесь становятся сложно верифицируемыми, а сами тексты к тому же являются общедоступными, отношение к чужому языку и к языковой ситуации в стране превращаются в пространстве сети в мощный маркер самопрезентации пользователя. Характерно, что бóльшая часть словацких метаязыковых рефлексий по поводу венгерского языка связана не с восприятием идиома как такового, но с возможностью полноценной коммуникации на родном языке в пределах собственной страны. Не-родственный характер венгерского языка способствует иррациональному характеру восприятия венгерской речи, что, с одной стороны, порождает дискомфорт и связанный с ним страх от полного непонимания, с другой — делает восприятие экспрессивно, коннотативно нагруженным. При положительной либо отрицательной оценке языковой ситуации / языка решающую роль играет личное знакомство субъекта высказывания с носителями венгерского языка и вовлеченность последних в его личную сферу.

Примечания

¹ Пилипенко Г.П. Языковая ситуация воеводинских венгров: взгляд «извне» и «изнутри». [М., 2017] (в печати).

² О специфике метаязыкового сознания пользователей интернета см., напр. Мечковская Н.Б. Метаязыковая рефлексия и естественный язык в век Интернета // Русский язык в научном освещении. 2006, № 2 (12) С. 165.

³ Ващенко Д.Ю. Локальная идентичность пользователей Интернета сквозь призму метаязыковых рефлексии // Жизнь провинции: история и современность. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. Нижний Новгород, 2015. С. 138–145.

⁴ Шумарина М.Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте. Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2011. С. 4–5.

⁵ Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005, также см. Чмейркова С. Речь и конструирование идентичности носителей языка // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. М. 2006. Кн. 1. С. 82–98. О метаязыковой рефлексии в ситуации опосредованного языкового контакта см.,

напр.: Ривлина А. А. Языковой контакт в «наивном» метаязыковом отражении (на материале взаимодействия современного русского языка с английским) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 4 (32). С. 85–90.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Текст доступен по адресу: <https://www.aktuality.sk/diskusia/71120/komentar-maju-madari-vediet-po-slovensky/> (здесь и далее дата последнего посещения 11 V 2017).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Текст доступен по адресу: <http://cooldjka.blogy.atlas.sk/?reply=1&idtext=53727&idmessage=240419>.

¹² Текст доступен по адресу: <http://www.dailymale.sk/discussion/1199/>.

¹³ Текст доступен по адресу: <http://cooldjka.blogy.atlas.sk/?reply=1&idtext=53727&idmessage=240419>.

¹⁴ Текст доступен по адресу: <https://www.hojko.com/madari-nas-zachrania-t44898-435.html>.

¹⁵ Текст доступен по адресу: <http://www.dailymale.sk/discussion/1199/>.

¹⁶ Текст доступен по адресу: <http://cooldjka.blogy.atlas.sk/?reply=1&idtext=53727&idmessage=240419>.

¹⁷ Текст доступен по адресу: <http://birdz.sk/forum/kto-ma-rad-madarov-alebo-naopak/17934-tema.html/>.

¹⁸ Текст доступен по адресу: <http://sclabonia.sk/2011/01/nasi-bratia-madari/>.

¹⁹ Текст доступен по адресу: <http://birdz.sk/forum/kto-ma-rad-madarov-alebo-naopak-/17934-tema.html/>.

²⁰ Текст доступен по адресу: <http://www.dailymale.sk/discussion/1199>.

²¹ Там же.

²² Текст доступен по адресу: http://debata.pravda.sk/debata/cz-A120515_094049_sk_domace_p09/.

²³ Там же.

²⁴ Текст доступен по адресу: <https://www.hojko.com/madari-nas-zachrania-t44898-440.html/>.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Текст доступен по адресу: <https://www.aktuality.sk/diskusia/71120/komentar-maju-madari-vediet-po-slovensky/>.

²⁸ Текст доступен по адресу: <http://birdz.sk/forum/kto-ma-rad-madarov-alebo-naopak/17934-tema.html/>.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Текст доступен по адресу: <https://diva.aktuality.sk/forum/zivotny-styl/47217/aky-jazyk-sa-wam-raci/>.

³² Текст доступен по адресу: <http://www.dailymale.sk/discussion/1199>.

³³ Текст доступен по адресу: <https://www.aktuality.sk/diskusia/71120/komentar-maju-madari-vediet-po-slovensky/>.

СОСЕДСТВО
И ПРИСПОСОБЛЕНИЕ
В ЭМИГРАЦИИ

О. В. Хаванова

Письма о счастье: из истории переселения сербов на юг России в середине XVIII в. *

История переселения сербов в 50-е годы XVIII в. из Австрийской монархии на юг Российской империи, историкам известна давно. Во второй половине XIX в. об этом писали Нил Александрович Попов (1833–1891)¹ и венгерские историки Миклош Киш² и Иоганн Генрих Швикер (1839–1902)³. В сербской исторической науке переселением сербов в Россию занимался Владимир Чорович (1885–1941)⁴; из работ последних десятилетий внимания заслуживает книга Миты Костича⁵. В СССР усилиями российских и югославских историков и архивистов был издан сборник документов, где нашла отражение политико-дипломатическая канва событий⁶. Австрийским сербам в XVIII в. посвятил монографию Ю. В. Костяшов⁷. В разное время эту проблематику разрабатывали В. М. Кабузан⁸, А. П. Бажова⁹ и В. Н. Виноградов (1925–2017)¹⁰. В наши дни к этим сюжетам обращаются Е. В. Белова¹¹, М. Ю. Анисимов¹² и др.

Для реконструкции событий середины XVIII ст. историки используют законодательные акты, документооборот правительственных ведомств, дипломатическую корреспонденцию и мемуарную литературу¹³. В данной статье читателю предлагается взглянуть на события глазами непосредственных участников — сербских переселенцев из Австрии, писавших на родину письма о своей жизни на новом месте.

Наиболее ранние свидетельства о переходе сербов из владений Австрийского дома в русское подданство и поступлении на русскую

---

* Статья написана в рамках работы над проектом РФФИ (РГНФ) №15-31-01003a1.

военную службу, как известно, относятся к правлению Петра I. Наличие в русской армии начала XVIII в. «национальных» полков — сербского, молдавского, венгерского, грузинского — не должно вводить в заблуждение относительно численности представителей того или иного народа. Как писал Н. А. Попов, хотя в каждом из них было по несколько человек той нации, по имени которой он назывался, но большая часть рядовых состояла из людей разного племени¹⁴. Тогда, в начале века, массового исхода в Россию не случилось. Как пишет Ю. В. Костяшов, австрийские власти арестовывали русских вербовщиков, сотням и даже тысячам граничар не давали покинуть страну для вступления в русскую армию¹⁵. Принципиальное отличие исхода сербов в Россию в 1750-е годы следует искать во внутривнутриполитических причинах, побудивших десятки семей сняться с места и отправиться осваивать плодородный и малонаселенный русский юг. Желание их выйти из австрийского подданства было столь сильно, что венский двор поначалу не решался на запретительные и репрессивные меры.

Сербы начали селиться в Венгрии еще в XIV в., спасаясь от османской экспансии, покончившей со средневековым Сербским государством. После 1526 г., когда Венгерское королевство под ударами армии султана утерало самостоятельность и территориальную целостность, Среднее Подунавье на полтора века перешло под власть Османской Порты, и доля сербского населения там существенно возросла. На 1690 г., после того как войска «Священной лиги» в 1683 г. отразили нападение турок на Вену и в ходе победоносного наступления изгнали их с территории Венгрии, пришлось следующая волна массового (ученые называют цифры 30, 40 и даже 70 тыс. человек¹⁶) переселения сербов во владения Австрийского дома. Спасаясь от жестоких расправ, чинимых турецкими властями, сербы искали убежища у австрийского императора, и Леопольд I (1658–1705) принял их в подданство, даровал сербской православной церкви привилегированный статус¹⁷ (каким не обладала православная церковь румын или русинов), расселил на приграничных территориях, подчиненных напрямую Вене, сформировал полки и доверил охрану рубежей государства.

Венгерские власти никогда не забывали о том, что сербы пришли на «исконно венгерские» территории, которые, как только перестанет грозить опасность новой разорительной войны, должны были быть

демилитаризованы и инкорпорированы обратно в королевство. Это требование выдвигалось на Государственном собрании 1741 г., когда молодая императрица Мария Терезия (1740–1780) в начале войны за Австрийское наследство (1740–1748) появилась в Пресбурге (Братислава, Словакия), чтобы просить у сословий субсидии и рекрутов. Тогда же был достигнут консенсус между Габсбургами и венгерскими сословиями, нашедший отражение в статьях законов 18/1741 и 50/1741. В них высказывалось требование, «чтобы так называемые военные места, расположенные в комитатах Бач, Бодрог, Чонград, Арад, Чанад и Заранд, перешли и попали под власть страны и комитатов, а Темешский, Серемский, Нижеславонский округа, когда дела примут мирный оборот, также вернулись в страну и оказались в ее юрисдикции»¹⁸. Не успела еще закончиться война за Австрийское наследство, как венгерские власти в 1747 г. напомнили об обещании вернуть в состав королевства земли вдоль рек Тиса и Марош, распустить тамошние сербские полки, а их личному составу предложить в течение трех лет определиться, хотят ли они служить в других полках (в Сереме или Банате), оставаясь и далее под прямым началом Вены, или желают перейти к мирному труду и принять подданство Венгерской короны¹⁹.

В среде сербов, чьи воинские подразделения подлежали расформированию (в российской историографии их называют Потисским и Поморишским), новости были встречены враждебно. В ходе изнурительных переговоров габсбургских эмиссаров с граничарами стало ясно, что те не хотят сниматься с обжитых мест, чтобы продолжать воинскую службу на новом месте, но и не желают «войти в подданство к венграм», а вместо этого просят оставить их «на сих местах военными так, как они всегда были»²⁰. Именно в такой накаленной атмосфере социального недовольства родилась идея переселиться в Россию. Организатором и вдохновителем выступил капитан австрийской армии, быстро получивший в России звание генерал-майора — Иван Хорват (1713–1780). В императорском указе от 24 декабря 1751 г. говорилось, что тот явился к графу Михаилу Петровичу Бестужеву-Рюмину (1688–1760), русскому послу в Вене, и «как о себе, так и о других той же нации штаб- и обер-офицерах в такой силе предложение учинил, что они, по получении от ее величества императрицы-королевы увольнения, крайнее желание по единоверию имеют, не токмо в нашей службе быть, но и вечно в подданстве у нас остаться, и потому

просят <...> на Украине отвести им выгодные места, куда б они еще нынешним годом через Токай фамилиями выходить и селиться могли»²¹.

Ободренный приемом у посла, Хорват поспешил в Москву, где был принят при дворе, а оттуда — в Киев, готовить зимние квартиры для переселенцев. В его распоряжение были отданы пустые земли на Украине, смежные с тогдашней польской границей. «На западе эти земли начинались от устья р. Синюхи, впадающей в Буг, и шли вверх по ней до р. Висла, а оттуда на восток до речки Тясмина и по ней спускались вниз к Днепру и правым берегом его к поселениям запорожских казаков, так что вся длина участка, отданного поселенцам превышала тридцать миль». Это и была Новая Сербия²².

Французский историк Франсина Доминик Лиштенан пишет, что Елизавета Петровна гордилась тем, как ей удалось урегулировать пограничные проблемы и избежать открытых конфликтов как с ближайшими соседями (поляками и турками), так и с подвластными ей народами (татарами и казаками). В замыслах царицы сербская колония должна была послужить примером освоения и хозяйственного использования степи. Только за первый год существования на ее развитие из казны было выделено около четверти миллиона рублей. Переселенцам разрешалось закупать утварь и скот только в России, что способствовало возврату части ассигнований в казну. Предприимчивые сербы выращивали зерновые культуры, изготавливали вино и даже ткали лен. Российские власти открыли там школы, в которых обучали чтению, письму, математике и военной тактике, сиротский приют (по достижении 15 лет воспитанники приписывались к полкам) и богословский институт для подготовки священников²³.

Историки сходятся во мнении, что первую волну граничар, вместе с их семьями (около 3 тыс. чел.), венский двор отпустил к месту новой службы официально, снабдив паспортами и не выказав возражений по поводу смены подданства²⁴. Однако вскоре процесс стал выходить из-под контроля австрийских властей, и 21 августа 1752 г. особым указом (*Pönal-Patent*) любая деятельность вербовщиков, агитировавших сербов пренебречь клятвой верности Австрийскому дому и перебраться в Россию, была под страхом наказания запрещена²⁵. В ноябре того же года Коллегия иностранных дел докладывала Елизавете Петровне: «Венский двор на отпуск многих людей из своих областей склонности не имеет»²⁶.

Однако несмотря на все запреты через границу в разных направлениях по-прежнему сновали эмиссары с просроченными (или выписанными лично генералом Хорватом) паспортами и «подметными письмами». В январе 1754 г., во время следствия по делу трех нарушителей границы, в руки местных властей попали письма на сербском языке, написанные переселенцами своим родным, близким или односельчанам. Целую неделю два толмача земельной администрации в Темешваре (Тимишоара, Румыния) переводили их на немецкий язык, чтобы в венской Государственной канцелярии могли оценить степень опасности содержащейся в них информации. Письма эти, как и многие другие им подобные, дошли до наших дней в разрозненных копиях, хранящихся в бумагах ведомственных архивов в Вене. В то же время, поскольку венский посол в Санкт-Петербурге граф Миклош (Николас) Эстерхази (1711–1764) сохранял копии входящих наставлений и исходящих реляций в личном архиве, именно письма, перехваченные в январе 1754 г., можно изучать в аккуратных копиях, сделанных секретарем посла в специальной книге²⁷.

Всего у русских офицеров, которых австрийские власти рассматривали как нелегальных вербовщиков, было изъято 15 писем, три из которых содержали вложения в виде писем другим адресатам. К инструкции прилагались пронумерованные копии 15 писем и двух вложений (вероятно, или переписчик в Вене, или секретарь в Петербурге забыл скопировать одно из писем). Таким образом, далее в статье речь пойдет о содержании 17 писем. Все они были написаны в разное время и в разных местах. Два самых ранних датированы осенью 1752 г., то есть они целый год странствовали по России, прежде чем нашлась okazия для передачи их адресатам. Остальные написаны в октябре-ноябре 1753 г., перед самой отправкой «лазутчиков» в Австрийскую монархию. География писем весьма обширна: они помечены не только новосербскими крепостями Миргород или Несетров, два письма были написаны в далекой Москве. Адресаты проживали по всей Венгрии: Арад и Надьварад (Орадя Маре, Румыния) с близлежащими городками, Сегед, Дорог, Буда. На одном из писем, адресованных офицеру действующей армии, стояло: «Туда, где он отыщется в армии Баната», Почти все адресаты были близкими родственниками и свойственниками: родители, родители жены, братья, свояки, а также в каждом письме передавались многочисленные приеты родным и близким, соседям, знакомым.

Следует сразу оговориться, что неизвестно ничего о том, кем и как были написаны эти письма. Вероятно, часть авторов обладали достаточной грамотностью, чтобы самостоятельно справиться с заданием. Другие, не исключено, обращались к соседям или, что еще более вероятно, к приходским священникам. Насколько адекватно те излагали на бумаге мысли своих соседей или прихожан, не добавляли ли то, к чему их активно призывала официальная русская пропаганда среди переселенцев — вопрос открытый.

В содержании писем можно выделить шесть основных тем, каждая из которых так или иначе описывала состояние счастья на новом месте. Во-первых, сообщение о своем добром здравии и вопросы о благополучии членов семьи. Во-вторых, в десяти из 17 писем звучит призыв последовать примеру переселенцев. В-третьих, в посланиях к родным живописуется изобилие, плодородие, неограниченные возможности ведения хозяйства. В-четвертых, родичам и свойственникам приводятся примеры особого уважения и почета, оказываемого сербам в Российской империи. В-пятых, православные сербы были удивлены тем, что можно свободно исповедовать свою веру среди таких же, как они православных. Наконец, в-шестых, несмотря на все перечисленное выше, некоторым чего-то не хватало, и они сообщали об этом своим родным в надежде, что те помогут сделать счастье полным.

Практически все письма начинаются и заканчиваются перечислением имен дорогих родителей, братьев и сестер, свояков и своячениц, которым кланялись, о здоровье и благополучии молились вдали от дома. В двух письмах из 17 этот мотив вообще является единственным. Никола Чорба* писал: «Возлюбленный мой сударь свояк, я не стал упускать возможности послать пару строк моему возлюбленному сударю свояку, я уже не раз писал моему возлюбленному сударю свояку и ни разу не получил ответа; может статься, вы что-то получили, но я, с тех пор как уехал, от вас не получил ни весточки, и всем сердцем жажду услышать от вас, что вы и вся ваша семья [пребываете] в добром здравии»²⁸. Пронзительны строки, в которых сыновья спрашивались о здоровье матерей. Иштван Кохари писал брату Яношу: «Хочу попросить тебя, дорогой брат, позаботься о матери, если она еще жива»²⁹.

---

* Здесь и далее имена корреспондентов и адресатов даны в транскрипции немецких писарей-переводчиков, как в бумагах М. Эстерхази.

В десяти из 17 писем, как уже указывалось выше, звучит призыв к родным и вообще всем знакомым как можно скорее приехать к ним в Новую Сербию. Марци Варади писал отцу: «Если возможно и представляется случай, приезжайте сударь батюшка в эту землю и привозите с собой сестру»³⁰. Капитан Ласло Серезли в письме к торговцу Иштвану (Степану) Станковичу жаловался на свояка: «Он пообещал мне приехать сюда, но не сдержал слова, если бы он сюда приехал, то не нуждался бы в куске хлеба»³¹. Мария Станкович сообщила отцу: «Если кто хочет стать офицером, пусть приводит с собой людей, его тут же произведут в офицеры, капитана дадут за 50, лейтенанта за 30, а корнета за 20 человек»³².

Вопрос о размахе переселенческого движения остается открытым. Венгерский статистик Карл Цёрнинг (1804–1889) вел речь о 24 тыс. сербов³³, М. Киш — о 30 тыс.³⁴ Те же данные встречаются в современной сербской историографии. Российские ученые традиционно призывают к осторожности в оценках. Н. А. Попов, ссылаясь на С. Пищевича писал, что переселенцы не составляли комплекта тех полков, которые следовало устроить на основании дарованных Хорвату и другим командирам привилегий³⁵. Ю. В. Костяшов приводит косвенное свидетельство, что в 1760-е годы, когда расформированная Новая Сербия вошла в состав Новороссийской губернии, по данным переписи, не более 4 % населения называли себя сербами³⁶. В цитированных выше письмах настойчивые призывы переселенцев к родным и близким в Венгрии последовать их примеру косвенно свидетельствуют о том, что поток мигрантов, в том числе и из-за препон, которые начали чинить австрийские власти, был скуднее желаемого.

Главной причиной, по которой следовало приехать в Россию, называлось тамошнее изобилие (в немецком переводе неоднократно встречается слово «*Abundanz*» от латинского «*abundantia*»). Капитан Серезли так описывал угожья: «Мы все в добром здравии, и не знаем забот, нам платят хорошее жалование и земли у нас в достатке. Наша рота получила надел три мили в длину, две — в ширину, где есть леса, луга и озеро»³⁷. Священник Петар Булич писал священнику, остававшемуся в Банате: «Дела мои идут хорошо, лучше и не придумаешь, я сижу дома, сам себе хозяин, и имею в год 200 флоринов, не считая иных доходов»³⁸. Информация из писем подтверждается рассказами С. Пищевича: И. Хорват и другие командиры расселили своих соплеменников ротами и построили для них шанцы (фортификации),

в них поселенцам отвели довольное количество земли для дворов, а в округе — даже с излишеством; офицерам земля раздавалась в вечное владение «в количестве соответственно их рангам», и они строили хутора и деревни и заселяли их людьми, выходящими из «польской Украины»³⁹.

В сербских переселенцах поддерживалось чувство избранности, и они крайне гордились тем, с каким уважением — и об этом говорилось в письмах — относились к ним русские власти. Иван Хорват был для простых сербов героем и кумиром. Тем более что именно ему предстояло сформировать сербский отряд, который отправится в Москву, где пребывал русский двор, а затем сопровождать Елизавету Петровну в поездке по Малороссии. О том, что священники всячески подпитывали лояльность новой государыне, говорят следующие строки в письме Николы Чорбы о смерти дочери: «Мы потеряли нашу маленькую Елисавету, но Господь дал мне новую Елисавету, за что я благодарю Всемогущего, который меня любит»⁴⁰. Трудно сказать, сами ли безутешные родители сочли обретение новой государыни Елизаветы Петровны достойным утешением в своем горе, или это подсказали им священники.

Остается лишь догадываться, что бы мог рассказать об увиденном Габор Бадин, принятый в русскую армию фурыером, бывавший в Москве и Петербурге, который он назвал «местом, где ночь длится только один час», допущенный к целованию руки императрицы Елизаветы Петровны и щедро одаренный ею 100 талерами⁴¹.

В пяти из 17 писем поднимается вопрос православия. В современной российской историографии считается, что слезные жалобы австрийских сербов русским властям на притеснения и чинимые препятствия в вопросах веры часто были преувеличены. За этим стояла надежда на помощь — будь то финансовая поддержка или политическое давление на Вену — с целью добиться преференций⁴². И все-таки — хотя православные сербы (в отличие от, например, румын или русинов) обладали коллективными привилегиями, дарованными их церкви — население и власти Австрийской монархии, где католичество было единственной официальной верой, смотрели на сербов как на схизматиков, которых терпят, но не считают равными. Новая ситуация рождала в душах сербских переселенцев восторг, которым они делились в письмах. Капитан Гинка, свояк священника Иоанна Альбиха писал: «Не лучше ли служить непобедимому и правоверному

русскому трону, и никакому другому, а тому, который нашей веры. Знай я раньше, что на свете есть православная держава и государь-император нашей веры, я бы пришел сюда еще тогда, 15 лет назад. Сейчас у меня открылись глаза, что я служу моему императору, а тогда я был слеп»⁴³.

Письмо Марии Станкович — едва ли не единственное, в котором содержатся сведения о степени интеграции в новую культурно-языковую среду. В нем, в частности, говорится: «Простите, хотела писать вам по-русски, но вы это не поймете, ибо он сильно отличен от нашего языка, Ката и Йоза уже не знают по-рацски (по-сербски. — О.Х.), а только по-русски и по-валашки. Московитское наречие опять-таки иное, и красивее русского»⁴⁴. Здесь, по всей видимости, под русским языком понимается малорусское наречие, на котором говорили крестьяне в округе, под московитским же — тот язык, который сербы слышали от русских офицеров и, возможно, чиновников.

И все-таки, несмотря на окружавшие сербов почет и изобилие, в нескольких письмах речь идет о том, чего им на новом месте не хватало. На новом месте все было непривычно. Наверняка, языковые, культурные или социальные барьеры преодолевались не без труда. Упомянутый выше капитан Серезли сетовал на дороговизну местного вина⁴⁵. Василе Попович в письме к соседу просил: если кто из села решится на переезд, пусть захватит с собой лишнюю мотыгу, потому что здешние неудобны в работе⁴⁶. Однако самое пронзительное письмо Василе написал брату Алексе: «Если с Божьей помощью ты сюда с миром доберешься, привези мне жену, не важно, есть у нее что-то за душой или нет, пусть это будет просто женщина, с которой можно вести хозяйство и обрабатывать угодья, не беда, если у нее на теле будет только одна рубашка, лишь бы не была уродиной; и я тебя уверяю, она не пожалеет, ведь Господь дал мне кусок хлеба, которым я могу поделиться с женой, и обещаю тебе, она начнет молить Господа о продлении дней ее жизни». Далее следовали конкретные рекомендации: «Привези Илону, если та захочет <...> или сестру Гафьи или саму Гафью, если она овдовела <...>. Я мог бы взять русскую, и с приданным, но мне не нужно богатства <...> Я подожду год, потом женюсь, и не удивляйся, что возьму бедную, потому что Господь дал мне всего вдоволь»⁴⁷. Впрочем, Ф. Д. Лиштенан рисует иную картину нравов, царивших в среде переселенцев. «Чтобы приумножить численность колонистов, Петербург поощрял переезд в Новую Сербию женщин

не слишком добродетельных. Среди переселенцев было много таких, кто, оставив свои семьи на родине, был не прочь обзавестись новыми; иногда они умыкали полек или татарок, которых силком обращали в православие, чтобы затем жениться на них»⁴⁸.

В цитированных выше письмах все призывы к переселению были тщательно подчеркнуты переводчиками. В письме Василе Поповича к односельчанину чиновники обратили внимание на следующие строки: «Собери всех своих сыновей и пойди к Симеону, и должны вы со своими людьми сюда приехать, чтобы жить в достатке, поскольку вы еще не знаете, что это значит, так придите и узнайте»⁴⁹. В письме Ласло Серезли подозрительными показались такие слова о шурине: «Он пообещал приехать, но не сдержал слова, а если бы приехал, то наверняка имел бы кусок хлеба»⁵⁰. В письме Петера Поповича к Петеру Ковачи цензоров насторожило перечисление родственников, которых он записал в офицеры формируемого сербского полка, и теперь торопил их с переездом⁵¹.

Вместе с копиями рассмотренных выше писем граф Эстерхази получил императорско-королевский рескрипт, в котором пересказывалась история переселения сербов в Россию и излагалась позиция венского двора. Текст не содержал секретной информации и не был зашифрован. Напротив, предполагалось, что посол по заведенной практике ознакомит с ним и с содержанием писем канцлера Бестужева. Мария Терезия не скупилась на эпитеты для организаторов незаконного переселения: «интриги», «махинации», «наветы». Ее возмущали «лжесвидетельства» о том, что сербы в ее владениях притесняются за веру. «Обычно мы не обращаем внимания на мелочи, — писала государыня послу, — но на этот раз могут возникнуть пагубные последствия <...>. В венгерской истории немало примеров, когда большие волнения вырастали из робкого недовольства»⁵². В подтверждение справедливости своих требований к российской стороне императрица напоминала о 14-й статье двустороннего договора от 1746 г.: «Подданным и вассалам бунтовщикам ни которая Высочайшая сторона не имеет ни убежища, ни вспоможения, или какой протекции давать; и если б некоторые тайные умыслы и машинации, которые бы ко вреду другого сочинились, кому из них до известия дошли, то оные другому тотчас надлежащим образом и порядком открыты и общим вспоможением и старанием успокоены и уняты будут»⁵³.

В начале апреля 1754 г. граф Эстерхази довел до сведения канцлера Бестужева содержание рескрипта и передал копии тех самых писем. Бестужев всячески затягивал ответ под предлогом пасхальных торжеств, и только в конце месяца вице-канцлер М. И. Воронцов (1714–1767) в неформальном разговоре с представителями австрийской миссии дал понять, что инцидент можно считать исчерпанным, никаких способных спровоцировать недовольство Вены действий русский двор более предпринимать не будет⁵⁴. Окончательный запрет на эмиграцию в Россию со стороны венского двора последовал только в 1757 г., о чем российский посол в Вене граф Герман Кейзерлинг (1697–1764) и был официально уведомлен. Право покинуть Австрийские владения и перейти в российское подданство сохранялось только за женами уже переехавших и их общими, не состоящими в законном браке детьми⁵⁵.

Российский историк М. Ю. Анисимов, исходя из того, что блестящий знаток русско-австрийских отношений Евгений Николаевич Щепкин (1860–1920), работавший в венских архивах, уделил сербскому вопросу всего лишь одну сноску в фундаментальном труде⁵⁶, сделал вывод о малой роли данного инцидента во взаимоотношениях двух дворов⁵⁷. Представляется, что это не совсем так. Несомненно, предстоящая большая война с Фридрихом II (1740–1786) и крайняя необходимость привлечения на свою сторону России заставляли Вену на многое закрывать глаза и смягчать тон протестов. Однако действия русских в непосредственной близости от границ с Османской империей вызывали живую озабоченность: новая война с турками была крайне нежелательна. В октябре 1754 г. посол Эстерхази даже раздобыл три карты, на которых был обозначен район Новой Сербии и отмечено место, где годом ранее началось возведение форта св. Елизаветы (в будущем — Елизаветград, ныне Кропивницкий, Украина)⁵⁸.

Сербская эмиграция разжигала самые мрачные подозрения относительно того, что для достижения своих целей Петербург готов вмешиваться во внутренние дела своего союзника — Австрийского дома — и использовать подданных православной веры. С годами эта уверенность лишь окрепла. Когда в 1761 г. бывший австрийский вице-канцлер Иоганн Кристоф Бартенштайн (1689–1767) взялся за перо, чтобы изложить наследнику престола эрцгерцогу Иосифу (будущему императору Иосифу II (1780–1790)) свои взгляды на политику

в отношении православных подданных, он написал следующее: «Потребовалось немало усилий и трудов, чтобы лишь отчасти утихомирить растущее недовольство русского двора и воспрепятствовать грозившей немалым вредом эмиграции»⁵⁹. Век спустя крупнейший австрийский специалист по истории русинов Г. И. Бидерманн (1831–1892) писал, в том числе ссылаясь на цитированные выше строки Бартенштайна: «Зачем России были нужны волнения в Венгрии? Чтобы внушить венскому двору страх. <...> Мария Терезия избегала всего, что могло бы привести к разрыву с Россией. Стремилась не давать своим попавшим в сети России подданным повода обращаться за помощью к Петербургу»⁶⁰. М. Киш называл дело о сербских переселенцах первым предвестником панславизма XIX ст.⁶¹

Тогда, в середине XVIII в., неоднократно заявленные австрийской стороной протесты возымели действие куда меньшее, чем сам ход истории. Поток сербских переселенцев иссяк не из-за твердости, проявленной венской дипломатией, а потому, что в России вскрылись масштабы финансовых преступлений генерала Хорвата. В начале 1755 г. Эстерхази доносил государственному канцлеру графу Венцелю Антону Кауницу (1711–1794), что некогда всесильный сербский генерал лишился доверия и российские власти приступили к заслушиванию свидетелей и изучению жалоб по делу о его злоупотреблениях⁶². Австрийских же сербов возможность переселения в Россию интересовала ровно в той мере, в какой это сулило им повышение уровня материального благосостояния. Ю. В. Костяшов цитирует строки из реляции посла князя Дмитрия Михайловича Голицина (1721–1793), датированной 1763 г.: «Всяк же, кто ни является, требует денег, а без того ни одного охотника к выходу в Россию не сыскивается»⁶³. Сербская эмиграция прекратилась, лишившись организационной и финансовой подпитки из России, которая перешла к иным формам пропаганды.

Письма сербских переселенцев из Новой Сербии, сохранившиеся в архиве посла М. Эстерхази, позволяют услышать голоса тех, о ком не сохранилось иных документальных свидетельств. Их в какой-то мере можно уподобить глиняным табличкам I–II вв., найденным в Великобритании на территории древнеримского гарнизона Виндоланда. Мотивы официальной русской пропаганды, действовавшей, по всей вероятности, через православных священников, сочетаются в письмах — написанных самостоятельно или записанных

под диктовку, со слов неграмотных — с уникальными свидетельствами о быте, жизненных планах, мировосприятии переселенцев. Эти документальные свидетельства эпохи создают в целом правдоподобную картину счастливой жизни на новой родине, картину, которую не искажают даже следы индоктринации, проступающие в стилистике некоторых посланий.

Примечания

¹ Попов Н. А. Военные поселения сербов в Австрии и России // Вестник Европы. 1870. Т. 3. С. 584–614.

² Kiss M. Erzsébet cárnő szerb telepítései. Márosvásárhely, 1909.

³ Schwicker J. H. Politische Geschichte der Serben in Ungarn. Paderborn, 1880.

⁴ Борковић В. Историја Југославије. Београд, 1933. Текст доступен по адресу: [https://sr.m.wikisource.org/wiki/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%98%D0%B0_%D0%88%D1%83%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%98%D0%B5_\(%D0%92_%D0%8B%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%9B\)_4.21](https://sr.m.wikisource.org/wiki/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%98%D0%B0_%D0%88%D1%83%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%98%D0%B5_(%D0%92_%D0%8B%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%9B)_4.21) (здесь и далее дата последнего посещения 15 III 2017).

⁵ Костић М. Нова Србија и Славеносрбија. Нови Сад, 2001.

⁶ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий, Н. Петрович. М., 1984.

⁷ Костишов Ю. В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград, 1997; Он же. Генерал Иван Хорват — сербский авантюрист на русской службе (вторая половина XVIII в.) // Славяноведение. 2012. № 2. С. 34–41.

⁸ Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII — первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М., 1976.

⁹ Бажова А. П. Русско-югославские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982.

¹⁰ Виноградов В. Н. Елизавета Петровна и Мария-Терезия на крутых выражах европейской политики // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 105–107.

¹¹ Белова Е. В. Граньчары Новой Сербии: южнославянская колонизация России в 1740–1760-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 1 (11). С. 82–94.

¹² Анисимов М. Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века. М., 2012.

¹³ Наибольшей известностью пользуется сочинение: Известие о походе Симоена Степановича Пишчевича 1731–1765 / Под ред. Н. Попова. М., 1884.

¹⁴ Попов Н. А. Военные поселения сербов. С. 604.

¹⁵ Костишов Ю. В. Сербы в Австрийской монархии. С. 38.

¹⁶ Там же. С. 24.

¹⁷ Лебер Т. А. Правовой статус сербов как коллективного субъекта монархии Габсбургов, 1690–1792 // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 / Отв. ред. О. В. Хаванова. СПб.; М., 2013. С. 115–133.

- ¹⁸ Текстзакона доступен по адресу: <https://1000ev.hu/index.php?a=3&param=4728>.
- ¹⁹ *Schwicker J. H. Politische Geschichte der Serben.* S. 133.
- ²⁰ *Попов Н. А.* Военные поселения сербов. С. 597.
- ²¹ ПСЗ–РИ-1. Т. 13. №9919. С. 553.
- ²² *Попов Н. А.* Военные поселения сербов. С. 605.
- ²³ *Лештенан Ф. Д.* Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других. М., 2012. С. 356–357.
- ²⁴ М. Киш на основании данных из венских архивов называл цифру 3099 офицеров, не считая солдат, членов семей, челяди и пр. См.: *Kiss M. Erzsébet cárnő.* 27. old.
- ²⁵ *Schwicker J. H. Politische Geschichte der Serben.* S. 134.
- ²⁶ Копия с доношения, поданного в Сенат из Коллегии иностранных дел в ноябре 1752 года // Архив князя Воронцова. СПб., 1872. Т. 4. С. 60.
- ²⁷ MNL OL. Családi Levéltárak. Esterházy család tatai ága. Esterházy Miklós. P 218. Vol. 4. S. 177–205. С оригиналами писем в венском архиве работал М. Киш. См.: *Kiss M. Erzsébet cárnő.* 37. old.
- ²⁸ Никола Чорба — Михайло Продановичу, Новая Сербия, 28 X 1753. См.: *Ibid.* S. 199 [№ 12].
- ²⁹ Иштван Кохари — Яношу Кохари, без места, 9 XI 1753. См.: *Ibid.* S. 189 [№ 7].
- ³⁰ Марци Варади — торговцу Косте, Россия, 3 XI 1753. См.: *Ibid.* S. 184 [№ 2].
- ³¹ Ласло Серезли — Яношу Кохари, Новая Сербия, 1 XI 1753. См.: *Ibid.* S. 191 [№ 8].
- ³² Мария Станкович — Николе Станковичу, Новая Сербия, 20 X 1753. См.: *Ibid.* S. 205 [№ 15].
- ³³ *Czörming K., von.* Ethnographie der Österreichischen Monarchie. Wien, 1855. Bd. 3. S. 125.
- ³⁴ *Kiss M. Erzsébet cárnő.* 56. old.
- ³⁵ *Попов Н. А.* Военные поселения сербов. С. 605.
- ³⁶ *Костяшов Ю. В.* Генерал Иван Хорват. С. 39.
- ³⁷ Ласло Серезли — Яношу Кохари, Новая Сербия, 1 XI 1753. См.: MNL OL. P 218. Vol. 4. S. 191 [№ 8].
- ³⁸ Петар Булич — Лазарю [Буличу?], Миргород в Новой Сербии, 30 X 1753. См.: *Ibid.* S. 197 [№ 11].
- ³⁹ *Попов Н. А.* Военные поселения сербов. С. 607.
- ⁴⁰ Никола Чорба — Михайло Продановичу, Новая Сербия, 28 X 1753. См.: MNL OL. P 218. Vol. 4. S. 199 [№ 12].
- ⁴¹ Габор Бадин — Габору Дабиалу, Миргород в Новой Сербии, 13 X 1752. См.: *Ibid.* S. 187 [№ 5].
- ⁴² *Костяшов Ю. В.* Сербь в Австрийской монархии. С. 75.
- ⁴³ Капитан Гинка — Иоанну Альбиху, Нестеров в Новой Сербии, 30 XI 1753. См.: MNL OL. P 218. Vol. 4. S. 179 [№ 1].
- ⁴⁴ Мария Станкович — Николе Станковичу, Новая Сербия, 20 X 1753. См.: *Ibid.* S. 205 [№ 15].
- ⁴⁵ Ласло Серезли — Яношу Кохари, Новая Сербия, 1 XI 1753. См.: *Ibid.* S. 191 [№ 8].
- ⁴⁶ Василе Попович — Петру Логотошу [Лакатошу], Миргород в Новой Сербии, 3 X 1753. См.: *Ibid.* S. 204. [№ 14].
- ⁴⁷ Василе Попович — Петеру Поповичу, или Ковачи, Миргород в Новой Сербии, 22 IX 1752. . См.: *Ibid.* S. 200 [№ 13].

- ⁴⁸ *Лиштенан Ф.Д.* Елизавета Петровна. С. 356–357.
- ⁴⁹ Василе Попович — Петру Логотошу [Лакатошу], Миргород в Новой Сербии, 3 X 1753. См.: MNL OL. P 218. Vol. 4. S. 203. [№ 14].
- ⁵⁰ Ласло Серезли — Яношу Кохари, Новая Сербия, 1 XI 1753. См.: Ibid. S. 191 [№ 8].
- ⁵¹ Петер Попович — Петеру Ковачи, Новая Сербия, 22 IX 1752. См.: Ibid. S. 203 [№ 13].
- ⁵² Рескрипт Марии Терезии — М. Эстерхази, Вена, 2 III 1754. См.: ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 164. Expeditionen 1754. Fol. 99r.
- ⁵³ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: В 15-ти т. СПб., 1874. Т. 1: Трактаты с Австрией 1648–1762. С. 158.
- ⁵⁴ Реляция М. Эстерхази — Марии Терезии, Москва, 4 VI 1754. См.: MNL OL. P 218. Vol. 11. S. 155.
- ⁵⁵ Рескрипт Марии Терезии — М. Эстерхази, Вена, 7 VII 1757. См.: ÖStA. HHStA. StA. Kt. 164. Expeditionen 1757. Fol. 6r.
- ⁵⁶ *Щепкин Е.Н.* Русско-Австрийский союз во время Семилетней войны. СПб., 1902.
- ⁵⁷ *Анисимов М.Ю.* Российская дипломатия. С. 121.
- ⁵⁸ Реляция М. Эстерхази — Марии Терезии, Москва, 26 X 1754. См.: ÖStA. HHStA. StA. Kt. 36. Juni — Dezember 1754. Fol. 135r–128v.
- ⁵⁹ *Bartenstein J.Ch.* Kurzer Bericht von der Beschaffenheit der zersteuten zahlreichen Illyrischen Nation in kaiserlichen königlichen Erbländern. Leipzig, 1802. S. 39.
- ⁶⁰ *Bidermann H.I.* Russische Umtriebe in Ungarn. Ein Beitrag zur Geschichte Oesterreichs und Russlands. Mit einem Anlage zur Statistik der ungarischen Slaven. Innsbruck, 1868. S. 7.
- ⁶¹ *Kiss M.* Erzsébet cárnő. 1. old.
- ⁶² Реляция М. Эстерхази — В. А. Кауницу, Санкт-Петербургр, 1 II 1755. См.: ÖStA. HHStA. StA. Kt. 36. Jänner — Mai 1755. Fol. 15v.
- ⁶³ *Костяшов Ю.В.* Генерал Иван Хорват. С. 40.

М. Ю. Дронов

К истории первых контактов духоборцев и галичан в Канаде конца XIX — начала XX в. (по материалам русских авторов)*

Канада, как и Соединенные Штаты в Северной Америке, стала в конце XIX — начале XX в. уникальным местом встреч представителей самых разных народов Старого света, что относится и к близкородственным в этноязыковом отношении восточным славянам из соседних империй Романовых и Габсбургов. Крайне любопытным частным случаем взаимодействия восточнославянских выходцев из России и Австро-Венгрии были первые контакты членов общин духоборцев, с одной стороны, и восточногалицийских русинов/украинцев, с другой. Рассмотрению данной тематики, без заявки на исчерпывающий характер изложения, и посвящена настоящая статья.

Где соприкасались и как общались между собой духоборцы и галичане? Как воспринимали быт и традиции друг друга? Основными источниками для посильного ответа на эти вопросы нам послужили свидетельства наших образованных соотечественников, лично побывавших в Канаде и соприкоснувшихся с бытом переселенцев.

Духоборцы или духоборы — одна из групп так называемых духовных христиан (наряду с хлыстами, скопцами и молоканами). С точки зрения господствовавшей в России Православной церкви, они — типичные сектанты, вероучение которых является еретическим. Время возникновения духоборческой группы доподлинно не известно, окончательное же ее оформление произошло во второй половине

---

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках работы над проектом 15-31-01003а1.

XVIII столетия. Первым распространителем духоборчества считается Силуан Колесников (?–1775) из Екатеринославской губернии, а его продолжателями – тамбовцы Илларион Побирохин (?–1791) и Савелий Капустин (1743–1820). Слово «духоборец» изначально означало «борец с Духом» и имело осуждающий оттенок. Однако позже оно стало самоназванием, поменяв значение на «борец за Дух», «борец за одухотворение омертвевшей веры». В 1898–1899 гг. при содействии Л. Н. Толстого и квакеров (близких русским сектантам по религиозному мировоззрению) в Канаду переселился 7361 духоборец. Позднее к ним приехали еще несколько мелких групп¹. По состоянию на 1906 г. духоборческая община, согласно подсчетам ее представителей, насчитывала до 8 тыс. душ². В канадских границах духоборцы устроились в северной и западной частях Саскачевана, откуда часть духоборов со временем перебралась в Альберту и Британскую Колумбию.

Важно подчеркнуть, что хотя духоборцы традиционно рассматриваются как одна из русских конфессиональных групп, в этническом отношении они не едины. Кроме собственно русских или великороссов, которые, правда, явились основой духоборческой общности, в ее формировании принимали участие также малороссы и мордва. Иногда упоминают представителей и других этносов, например, татар и цыган³. Известно, что уже на новой родине в состав духоборцев влилось даже какое-то количество людей «англо-кельтского» происхождения⁴. Подспорьем в изучении этнических корней могут служить духоборческие фамилии⁵. Впрочем, наблюдатели замечали специфику разных групп духоборов. Например, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955) отмечал: «Особой рослостью отличаются духоборцы великорусского и малорусского происхождения, в отличие небольшой группы приземистых духоборцев из мордвы»⁶. Однако у невеликорусских духоборцев на рубеже XIX и XX ст. не наблюдалось какого бы то ни было сознательного дистанцирования от прочих единоверцев. Наиболее простой, но не бесосновательной может считаться дефиниция духоборцев от их лидера Петра Васильевича Веригина (1859–1924), переданная толстовцем Павлом Ивановичем Бирюковым (1860–1931): «Духоборцы – это простые русские мужики, собранные вместе с разных концов России именно за то, что они не признавали над собой никакой власти»⁷.

Галичане (галицкие русины/украинцы, «галициане») были уроженцами Восточной Галиции, греко-католического вероисповедания. Уже на североамериканском континенте часть греко-католиков перешла в православие. Известно, что в Канаде также селились и православные буковинские русины из соседней австрийской провинции — Буковины*. Общая численность галичан и буковинцев в канадских границах по состоянию на 1902 г. составляла около 40 тыс. чел.⁸ Всего же на рубеже XIX и XX в. из Восточной Галиции и Северной Буковины в Канаду эмигрировали около 150 тыс. русинов/украинцев⁹.

Конец XIX — начало XX в. стали периодом активных дискуссий о этнонациональной принадлежности и литературном языке русинского населения Австро-Венгрии. Часть галичан отождествляла себя с единым русским (общевосточнославянским) народом. Другая часть склонялась к украинской идентификации. Кто-то по старинке продолжал называть себя русинами и только русинами¹⁰. Поэтому в Канаде оказывались люди, которые, несмотря на очевидную общность происхождения, являлись носителями весьма отличающихся моделей идентичности (именно поэтому мы используем здесь применительно к галичанам сразу два этнонима — русины и украинцы**).

Можно сказать, что с первых шагов на канадской земле именно язык — известная близость восточнославянских идиомов — служил, вопреки конфессиональной специфике, важным фактором некоторого сближения духоборцев и галичан.

Сопровождавший духоборческих переселенцев в Канаду старший сын Л. Н. Толстого — Сергей Львович (1863–1947) — кратко отметил, что в Виннипеге духоборов «часто можно встретить на улицах, где они с помощью жестов или переводчиков из русских евреев или галичан ухитряются кое-что покупать»¹¹. «Здесь встречаются иногда русские евреи, галичане и меннониты, с которыми они (духоборцы. — М. Д.) могут говорить»¹², — отмечал он.

---

* Было бы любопытно узнать, насколько духоборы отличали буковинцев от галичан. Известно, что за океаном галичане, буковинцы и угорщане (русины из Угорской Руси — Венгерского королевства) даже в случае принадлежности к одной конфессии часто держались обособленно друг от друга.

** Использование двух данных этнонимов — скорее дань сложившейся традиции. Однако на практике моделей идентичности, «предлагавшихся» галичанам, было намного больше.

Другой сопровождавший духоборцев толстовец, Леопольд Антонович Сулержицкий (1872–1916), уделил их первым контактам с галичанам немного больше внимания. Описывая встречу духоборцев канадскими властями в 1899 г., Сулержицкий отмечал: «В пакгаузе, через который проходили духоборы, находился министр внутренних дел г. Сمارт <...>; при нем был его помощник, чиновники иммиграции, переводчики, большею частью евреи или галичане, почти не понимавшие духоборов, и администрация железной дороги»¹³. Позже Сулержицкий подробнее остановился на одном из таких служащих из галичан: «В два часа ночи мы прибыли в Коуэн <...>, и через несколько минут в вагон ворвался переводчик — галичанин, Иван Иванович. Бодрый, подвижной, как все здешние пионеры, переводчик отчаянно вертел во все стороны фонарем и покрикивал на своем ломаном русском языке: „Ну, збирайтесь! скоро, скоро, чего там!.. Эге!.. Заспали-се... Ну, файны, хлопцы, — тутай скоро нужно!“ Духоборы, снисходительно поглядывавшие на его суетливость, все же заторопились выйти»¹⁴.

Приглашение галичан в качестве официальных переводчиков русского языка и при этом слабое им владение отмечали и другие современники. Например, этнограф Владимир Германович Богораз (1865–1936) тоже запечатлел собственную встречу с одним из таких переводчиков — уроженцем Коломыи: «Я прошел в переселенческое управление, которое размещалось в двух шагах от станции, и через несколько минут в сопровождении русского переводчика Деррика отправился осматривать эмигрантский дом <...>. Деррик был родом русин, но жил в Канаде лет десять. По-малорусски он говорил хорошо, а по-русски — плохо. Он получал жалованье от казны. Ввиду наплыва русинских и русских переселенцев канадское правительство завело русских переводчиков во многих городах по линии железной дороги»¹⁵. «По-русски он говорил плохо и употреблял невпопад простонародные обороты, заимствованные от духоборов, которые постоянно приходят в Виннипег на заработки»¹⁶.

В своих очерках «Духоборы в Канаде» В. Г. Богораз даже точно воспроизвел одно из «произведений искусства русско-галицианских переводчиков», которое было разослано по всем духоборским селениям в январе 1902 г. Процитируем данный документ, озаглавленный «Публичное замечание», для понимания степени владения переводчиками-галичанами русским литературным языком.

«Намерение, для которых земли, принадлежащие канадскому правительству внутри таншипов*, которые были сохранены для того, чтобы дать Духоборским поселенцам избрать подходящие гоумстеды** (фермы) и местоположения для своих колоний, рассудилось, что вполне выслужено, такие поселенцы поместили свои села и заняли некоторые части земли. Но так как многие и до сих пор не распорядились занять гоумстеды по законным условиям, правительство решило дальше не продолжать резерв и земли вышесказанные, которые не были записаны ни за кем, будут в последующие числа открыты для общественного гоумстеда или для какого-нибудь другого расположения, какое правительство может решить <...>. Духоборцы, интересующиеся сим, возвещаются, что занятие их особых гоумстедов должно быть сделано с Агентом земель Владения той области; кто же не успел исполнить это, земли будут открыты для занятия желающими. По приказу Ж. Д. Кииз, секретарь департамента внутренних дел. Отава»¹⁷.

Богораз метко сравнил «Публичное замечание» с безграмотным солдатским письмом¹⁸. В то же время приведенный текст можно соотнести с так называемым «язычием», которое в качестве местного варианта русского языка все еще активно функционировало у австро-венгерских русинов¹⁹. Можно предположить, что некоторые из переводчиков привезли свое оригинальное владение русским языком еще с родины. В дальнейшем они расширяли познания уже благодаря общению с эмигрантами. Если же верить в точность передачи Сулержицким слов Ивана Ивановича, некоторые переводчики не сильно утруждали себя отдалением от родных диалектов.

Однако справедливости ради отметим, что в литературе имеются свидетельства и о хорошем знании переводчиками русского языка. Так, к примеру, духоборец Семен Федорович Рыбин (1880–?) вспоминал повстречавшегося ему переводчика, сопровождавшего только что прибывших в Канаду галичан, который хорошо говорил по-русски²⁰. Впрочем, нельзя забывать о субъективности любых подобных оценок. К тому же, интеллектуалы и полиглоты Л. А. Сулержицкий и В. Г. Богораз могли предъявлять совершенно иные требования к качеству языка, нежели крестьянский самоучка Рыбин.

---

* Таншип (от амер. англ. township) — поселок, район.

** Гоумстед (от англ. homestead) — ферма, хозяйство.

В целом, духоборцы и галичане (не переводчики по профессии), одинаково испытывавшие трудности с английским языком, практиковали общение каждый на своем диалекте. Толстовец Александр Михайлович Бодянский (1842–1916) воспроизвел образец подобной духоборческо-галицкой коммуникации в «Рассуждениях Алеши Рылькова»: «На прошлой неделе, когда был я в Иорктоне, повстречался с Гаврилом Сердюком, галичанином, — знаешь? Что его фарма около самого Синебоя — Откуда друг? Спрашиваю. — Та ходыв до попа, говорит. Зачем? Спрашиваю. — Та як же? — говив. Теперь, каже, квит: доллар попу дав, грихи сбув, легенько буде ихать на фарму. — А украл много? Спрашиваю. Он смотрит. — Украл, говорю, много? — Я ничего не крав. — Вот глупак, говорю, ну чтобы тебе в шторе* у Бека стянуть кусок материи, или что другое, хоть бы на десятка два долларов, а попу дал бы два доллара, и квит: и греха нет и барыш есть. Так он, братец ты мой, рот разинул, почесал затылок, да и говорит: эгэ, воно добрэ, та тилько як зловят англики, отой самый Бек, так сгниешь в тюряги, у самый Реджайни. Ну что ты думаешь делать с таким народом? Рассмотрим, какого он понятия. Да-да»²¹.

Думается, что ценным подспорьем при общении с галичанами являлись украинизмы в языке духоборцев (в том числе у людей великорусского происхождения), привезенные еще из Российской империи. Этот факт отчетливо осознавался духоборческой элитой. В данном контексте красноречиво свидетельство В. Г. Богораза, беседовавшего о языке духоборцев с младшим братом вождя П. В. Веригина Григорием: «А как у вас русский язык не испортится, если англичане будут кругом? — спросил я. По-моему, не испортится, а исправится, — возразил Гриша. — Вы слушайте, как наши говорят. Половину по-русски, а половину по-хохлацки прихватывают: *швидко да черевики, да нехай*»²².

Как отмечают современные исследователи духоборской речи (которая за столетие, несомненно, претерпела изменения), в ней часто очень трудно разделить влияние южно(велико)русских диалектов и украинизмов²³. По имеющимся сведениям, в течение XX ст. в духоборческой среде получили распространение произведения Т. Г. Шевченко и украинские песни, например «*Стоїть гора високая*»²⁴.

---

* Штор (от англ. store) — лавка, магазин.

В свою очередь, простые галичане называли русский язык «духоборским». Об этом упоминается в известной книге русского американца Петра Алексеевича Дементьева (1849–1919, псевдоним Тверской) «Духоборская эпопея»: «Я пытался беседовать с ними (галичанами. — М.Д.), но плохо понимал их, хотя они сразу умиленно осклаблялись, когда уразумевали, что „пан говорит по-духоборски“»²⁵. По всей видимости, бытованию подобного лингвонима способствовали и особенности самоидентификации духоборов, многие из которых, руководствуясь конфессиональными соображениями, не отождествляли себя с русскими²⁶.

Как бы то ни было, в свидетельствах о первых годах пребывания духоборцев в Канаде галичане упоминаются чуть ли не так же часто как «англики» — англоязычные канадцы. О «фоновом» присутствии галичан в жизни канадских духоборцев свидетельствует хотя бы следующая зарисовка В. Г. Богораза о встрече в Канаде П. В. Веригина: «Надо сказать, что к Веригину во все время его пребывания в Виннипеге постоянно приходили разные люди, — англичане, галичане и хохлы²⁷, — и отнимали у него последние минуты отдыха»²⁸.

Кроме относительной языковой близости обе группы, духоборцев и галичан, сближало их порой бесправное положение. Часто и тем, и другим даже отказывали в праве считаться белыми людьми. Как отметил П. А. Дементьев, новоприбывших славян приравнивали к «довольно многочисленным здесь индейцам и *half breeds* — помеси этих последних с белыми»²⁹. Видимо, вследствие укорененности в англо-саксонской среде расизма даже некоторые внешние отличия восточных европейцев от западных способствовали пренебрежительному отношению к духоборцам и галичанам.

Правда, Л. В. Сулержицкий, упоминая о том, что галичане и буковинцы работали как наемные работники часто бок о бок с духоборцами, отмечал, что к последним местные наниматели относились лучше³⁰.

Большая бедность галичан по сравнению с духоборцами отмечается в переданных современниками впечатлениях самих духоборцев о посещении жилищ своих соседей: «Впрочем, даже самые невзрачные землянки поражали своею чистотой. <...> Эта чистота выделялась особенно приятно по сравнению с первобытными шалашами русинских переселенцев, более похожими на звериное логовище, чем на человеческое жилье. Господи, — рассказывали мне

(В.Г. Богоразу. — М.Д.) по этому поводу женщины из Терпения*, — как только живут галицианы эти. Зашли мы одна к таким, — бабы избу ладят, мажут ее глиной, и сами оне черные, как глина, и все на них черное, как земля. А как заглянули мы внутрь, в хату, такая она у них низкая да тяжкая, смотреть на нее тяжело, не токма что жить в ней. Подумаешь, избави нас Господи от такой гнусной жизни!»³¹.

Известно и о соседской помощи галичанам со стороны духоборцев. Так, Богораз пересказывает, как в Петровке духоборцы подарили одному многодетному «галицианину» корову и теленка. Когда жена галичанина пришла за это поблагодарить, ей дали ткань для рубашек на всех детей. Расплакавшаяся от радости женщина стала целовать руки своим благодетелям³².

Благодаря А.М. Бодянскому, мы знаем о негативном отношении галичан (а, возможно, и буковинцев) к специфике брачных отношений в духоборческой среде. По его словам, «эмигранты-галичане, из Буковины, фанатичные католики» очень удивлялись отсутствию у духоборцев духовенства и тому, что они вступают в брак без венчания, «как собаки»³³.

Подводя итоги, выделим следующие аспекты соседства духоборцев и галичан, о которых мы узнаём из свидетельств русских авторов. Духоборцев и галичан, принципиально отличных в конфессиональном отношении, сближали схожесть языка и социального положения. Галичане постоянно присутствовали в жизни духоборческого социума, в том числе как переводчики. Духоборцы и галичане понимали речь друг друга, однако в разной степени. И среди духоборцев, и среди галичан изначально были люди, лучше понимавшие представителей другой группы (например духоборцы малорусского происхождения и галичане, использовавшие «язычие»). В целом, уже на канадской земле взаимопонимание улучшалось. Духоборцы оказывали посильную помощь галицким соседям, которые в материальном отношении часто были беднее. В свою очередь, галичане, известные своей религиозной консервативностью, достаточно критически относились к духоборческому учению.

К сожалению, многие вопросы, касающиеся раннего духоборческо-галицкого соседства в Канаде, не были освещены русскими авторами. Несмотря на наличие в их текстах информации о специфике

---

* Речь идет о селе Терпение-Кипрское.

взаимной коммуникации и некоторых других вопросах, не очень ясно, как именно духоборцы воспринимали этническую принадлежность своих галицких соседей. Возникало ли у них хотя бы ситуативное чувство какой-то особой — например, условно восточнославянской, общности?

Те же самые аспекты соседства было бы любопытно детально исследовать, основываясь на более широкой источниковой базе и в том числе на галицко-канадском материале.

Примечания

¹ *Казьмина О. Е.* Духоборцы // Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1999. С. 714–715; *Окулевич Г.* Русские в Канаде. История русских рабоче-фермерских клубов имени М. Горького (1930–1940) и Федерации русских канадцев (1941–1952). Торонто, 1952. С. 42.

² Современное состояние духоборческой общины в Канаде // Духоборцы. Сборник статей, воспоминаний, писем и других документов. С приложением рисунков и избранных духоборческих псалмов / Сост. П. Бирюков. М., 1908. С. 215. Всего в Канаду только с 1900 по 1913 г. без учета духоборов прибыли 92 тыс. российских подданных, из которых чуть менее половины были «русскими», т. е. вместе посчитанными великороссами, малороссами и белороссами. См.: *Кукушкин В. Е.* Славянская трудовая эмиграция из Российской империи в Канаду в начале XX в. // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 127–128, 138). На сегодняшний день в Канаде насчитывается около 40 тыс. духоборцев, см.: *Тарасов К.* Духоборы // Американский ежегодник. 2003. М., 2005. С. 303.

³ *Рыбин С. Ф.* Труд и мирная жизнь. История духоборцев без маски. Сан Франциско, 1952. С. 3.

⁴ *Сушкова Ю. Н.* Под небом Канады. Саранск, 2012. С. 178.

⁵ См., например, выдержки из списка фамилий семей духоборов, проживавших в провинции Саскачеван в 1905 г.: *Сушкова Ю. Н.* Под небом Канады. С. 198–208. См. также попытку интерпретации фамилий: *Kalmakoff D.* Ethnic Diversity Among the Early Doukhobors — Текст доступен по адресу: <http://www.doukhobor.org/Ethnic.html> (дата последнего посещения 15 III 2017).

⁶ *Бонч-Бруевич В.* Духоборцы в канадских прериях. Пг., 1918. Ч. 1. С. 260.

⁷ *П. Б. [Бирюков П.]* Духоборец Петр Васильевич Веригин. (Мое свидание с ним и отчет о лондонском митинге.) // Духоборцы. Сборник статей. С. 200.

⁸ См.: *Качараба С., Рожик М.* Українська еміграція. Еміграційний рух зі Східної Галичини та Північної Буковини у 1890–1914 рр. Львів, 1995. С. 63–64.

⁹ Там же. С. 65.

¹⁰ См., например: *Marunchak M. H.* The Ukrainian Canadians: a History. Winnipeg; Ottawa, 1970; *Стещин Ю.* Історія поселення українців у Канаді. Едмонтон, Алта, 1975; Українські канаді в історичних зв'язках із землею батьків. До 100-річчя прибуття перших українських поселенців до Канади. Збірник. Київ, 1990; *Боровик М.* Століття українського поселення в Канаді (1891–1991). Монреаль; Оттава, 1991 *Сетух В.*,

Ковальчук О. Українці в Канаді. Київ, 1993; Шапка Р. Краткий очерк истории «твердых» русинов в Канаде // Русин. [Кишинев], 2007. № 3; Он же. Общины, основанные «твердыми» русинами в Канаде // Русин. [Кишинев], 2009. № 1.

¹¹ Сергей Толстой и духоборцы: путешествие в Канаду. Дневник и переписка. М.; Оттава, 1998. С. 126.

¹² Там же. С. 157.

¹³ Сулержицкий Л. В Америку с духоборами. (Из записной книжки.). М., 1905. С. 110.

¹⁴ Там же. С. 148–149.

¹⁵ Тан. [Богораз В.Г.] Духоборы в Канаде. Очерки. М., 1906. С. 17. В более позднем издании «русинские и русские переселенцы» были заменены на «галицких и русских переселенцев»: Тан. [Богораз В.Г.] Собрание сочинений. СПб., 1911. Т. 7. С. 18.

¹⁶ Там же. С. 19.

¹⁷ Тан. [Богораз В.Г.] Духоборы в Канаде. С. 69–70.

¹⁸ Там же. С. 70.

¹⁹ См. новейший критический разбор этого спорного явления: Мозер М. Причини до історії української мови. Харків, 2009. С. 641–666.

²⁰ Рыбин С.Ф. Труд и мирная жизнь. С.41.

²¹ Жизнь англичков. (Рассуждение духоборца Алеши Рьлькова, из селения Ново-Петровки. Записано А.М. Бодянским) // Бодянский А.М. Духоборцы. Сборник рассказов, писем, документов и статей по религиозным вопросам. Харьков, 1907. Вып. 1. С. 30–31.

²² Тан. [Богораз В.Г.] Духоборы в Канаде. С. 95.

²³ См.: Макарова В.А., Усенкова Э.В., Евдокимова В.В., Евграфова К.В. Язык саскачеванских духоборов: Введение в анализ // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 2. С. 147. О современном состоянии речи духоборцев с библиографией см. также: Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века. Тексты и комментарии. М., 2017. С. 347–376.

²⁴ См., например: Кравчук П. Без недомовок. Спогади. Київ; Торонто, 1995. С. 249.

²⁵ Тверской П.А. [Дементьев П.А.] Духоборческая эпопея. СПб., 1900. С. 66. Примечательно, что сам автор плохо себе представлял, кто такие галичане и буковинцы. Пожалуй, единственное, что ему было очевидно, это то, что они славяне. Данный тезис подтверждают, например, следующие высказывания Дементьева в той же книге: «На обратном пути в Виннипег я встретил <...> целый поезд новых переселенцев — на этот раз буквально нищих Буковинцев из Австрии. Все славяне, славяне, славяне!». И далее: «Им приходится иметь дело не с чисто русскими людьми, а исключительно или с разными мелкими иностранными народностями, — русинами, словаками, сербами, или с православными других наций <...>. Чисто русских людей — великороссов, или малороссов — в Америке так мало». Там же. С. 82; 93.

²⁶ Эзкекуция. (Рассказ Вани Баева, из села Каменки. Записан А.М. Бодянским) // Бодянский А.М. Духоборцы. С. 5; Иникова С.А. Секта духоборцев как этнокультурная и конфессиональная общность // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 4. С. 41.

²⁷ «Хохлами» В.Г. Богораз именует малороссов из России, которых он отличает от галичан. При этом данный автор, будучи профессиональным этнографом, дает им исчерпывающую характеристику: «Галичане, галициане, или Галицкие русины — ветвь малорусского племени, живет в австрийской области Галиции по границе

с нашими Вольнской и Подольской губерниями. Русинов больше трех миллионов. В последние годы они усиленно переселяются в Америку». См.: *Тан. [Богораз В. Г.] Духоборы в Канаде*. С. 16.

²⁸ Там же. С. 30.

²⁹ *Тверской П. А. [Дементьев П. А.] Духоборческая эпопея*. С. 66. Также см.: *Бонч-Бруевич В.* Духоборцы в канадских прериях. С. 138.

³⁰ *Сулержицкий Л. В.* Америку с духоборами. С. 312.

³¹ *Тан. [Богораз В. Г.] Духоборы в Канаде*. С. 57–58.

³² Там же. С. 91.

³³ *Бодянский А. М.* Духоборцы. С. XXXI. По-видимому, А. М. Бодянский, несмотря на свое малороссийское происхождение, слабо ориентировался во внутренней дифференциации русинов Австро-Венгрии. Дело в том, что буковинцы, в отличие от галичан, не католики (точнее не греко-католики, или униаты), а православные. Конечно, на Буковине присутствовали и относительно немногочисленные греко-католики, переселенцы из соседней Галиции, однако упомянутые Бодянским «эмигранты-галичане, из Буковины, фанатичные католики», очевидно, являются своеобразным оксюмороном.

К. Кимура

Политэмигранты-информбюровцы в Венгрии в 1949–1954 гг.: их взаимоотношения с венгерской властью и роль в антититовской кампании в Венгрии

30 июня 1948 г. в газетах была опубликована резолюция Второго совещания Коминформа. Конфликт между И. В. Сталиным и Й. Брозом Тито окончательно вышел на поверхность. Лидеры стран «народной демократии» единодушно ее одобрили, там началась мощная антиюгославская кампания: в средствах массовой информации ежедневно печатались статьи с резкой критикой югославского подхода к социализму.

Причины и развитие противостояния Москвы и Белграда, международные последствия конфликта неоднократно становились объектом внимания историков и довольно хорошо изучены. Точно так же и судьба сторонников Коминформа, которые оставались на территории Югославии, неоднократно становилась объектом исследований. Одной из первых книг, касавшихся этой темы, является работа «Со Сталиным против Тито. Коминформовский раскол в югославском коммунизме», написанная американским историком хорватского происхождения Иво Банацем. Ряд исследований об «ибеовцах»* выполнен сербскими, хорватскими, словенскими и черногорскими историками. В 2014 г. в журнале «Новая и новейшая история» была опубликована статья «Деятельность сторонников Коминформа в Югославии» Ю. В. Шахина. Он рассмотрел судьбу ибеовцев в контексте не только советско-югославского конфликта, но и внутренней политики Югославии. Автор отметил тот факт, что

---

* Ибеовец (ibeovac) — прозвище югославских коммунистов — сторонников Коминформа, дословно: «информбюровец».

деятельность югославских коминформовцев имела свои социальные истоки¹. Долгие годы оставалась малоизученной активность югославских информбюровцев-политэмигрантов, которые находились в СССР и странах «народной демократии». В 2012 г. чешский историк О. Войтеховский опубликовал монографию «От Праги до Тито! Югославские информбюровские эмигранты в Чехословакии», основанную главным образом на чешских архивных документах². Хорватскому историку М. Превисичу принадлежит ряд исследований об истории коминформовской эмиграции и ее роли во внешней политике в 1948–1964 гг., выполненных на основе неопубликованных документов хорватского государственного архива³. Следует отметить, что исследование Превисича, касающееся судьбы информбюровских эмигрантов, вернувшихся в Югославию после 1954 г., и роли острова Голи Отток в их судьбе, особенно важно для нас. Наша цель — раскрыть роль югославских политэмигрантов, находившихся в Венгрии, в антититовской кампании в СССР и странах «народной демократии» в 1949–1954 гг.

Появление информбюровских политэмигрантов и создание их группы в Москве. После опубликования резолюции второго совещания Коминформа положение югославской компартии изменилось коренным образом⁴. В самом югославском обществе реакция на нее была, как известно, неоднозначна. Среди югославов, особенно находившихся за пределами страны, наблюдалась и тенденция доверять линии Коминформа. Например, югославский посол в Румынии Р. Голубович* ушел в отставку сразу после обнародования резолюции. Он опубликовал заявление в газете «Правда», объясняя свой уход несогласием с политической линией Белграда. Также немало сотрудников посольств Югославии в разных странах Европы выразили протест против подобной политики⁵.

Люди, которые твердо верили в правоту позиции Коминформа, проявили себя и на территории Югославии. В условиях реально начавшихся преследований сторонников Информбюро они бежали в соседние страны — Румынию, Болгарию и Венгрию. Одним из тех,

---

* Радоня Голубович — член КПЮ с 1931 г. В 1945–1947 гг. министр внутренних дел, министр юстиции и председатель плановой комиссии Черногории. В 1947 г. назначен послом СФРЮ в Румынии. После резолюции Коминформа выступил против политической линии титовского руководства. С 1949 г. член редакции газеты югославских эмигрантов «За социјалистичку Југославију».

кто позднее стал руководящим функционером югославской коммунистической эмиграции в СССР и странах «народной демократии», был генерал-майор югославских ВВС П. Попивода. В сентябре 1948 г. он перелетел югославно-румынскую границу и сразу выразил готовность подключиться к антититовской кампании. Чаще всего югославскими коммунистическими эмигрантами двигала уверенность в том, что Тито обязательно проиграет в споре со Сталиным, и вся верхушка руководства КПЮ будет заменена. Из этих людей комплектовались эмигрантские организации, использовавшиеся в антититовской деятельности Коминформа⁶.

По решению Политбюро ЦК ВКП(б) был разрешен созыв в Москве в начале апреля 1949 г. закрытого собрания с участием 50–60 наиболее активных югославских коммунистов, на котором и было принято решение об издании газеты на сербском языке «*За социјалистичку Југославију*» («За социалистическую Югославию») и формировании ее редакции в составе Р. Голубовича, П. Попиводе, П. Лукина, М. Ешича, А. Алиходжича, В. Сидмара и М. Савича⁷. Эта редакция с самого начала стала руководящим органом в среде югославской информбюровской политэмиграции в СССР и странах «народной демократии». Ее члены часто отправлялись в командировки с целью ознакомления с положением политэмигрантов, оказания им помощи и обмена опытом⁸. Позже, в январе 1951 г. был создан так называемый Координационный центр югославских политэмигрантов в СССР и странах «народной демократии», члены которого избирались из руководителей эмигрантских групп в отдельных странах⁹. Создание такого центра в масштабе всего советского блока активизировало деятельность эмиграции.

*Югославские политэмигранты в Венгрии — их социальное положение и происхождение (по данным с 1953 г.)*¹⁰. Немало эмигрантов из Югославии оказались на территории соседней Венгрии. Согласно данным от июня 1949 г., в Будапеште находились 46 югославских эмигрантов (из них 27 членов партии и два кандидата в члены)¹¹. По социальному положению и происхождению они различались, но доминировали среди них все же крестьяне и рабочие¹².

Согласно данным из документа Венгерского национального архива, в течение 1948–1949 гг. 148 югославов, которые были признаны политэмигрантами, перешли югославно-венгерскую границу. Из них 75 человек (68 мужчин и семь женщин) были приняты

в состав политэмиграции. Но 73 получили в этом плане отказ по разным причинам.

Социальный состав партийной эмиграции — 19 рабочих, 42 крестьянина, двое из интеллигенции, 10 из мелкой буржуазии и два кулака. А до ухода в эмиграцию по роду занятий эти люди делились следующим образом: рабочих — 6, крестьян — 9, солдат и офицеров — 17, служащих — 18, интеллигенции — 6, полицейских — 2, студентов — 12, дипломатов — 2, домохозяйек — 3. По национальному составу политэмигранты (члены партии) распределялись так: сербов — 32, хорватов — 13, венгров — 10, словенцев — 5, черногорцев — 9, прочие — 4¹³. Половозрастной состав был таков: 20–30 лет — 44 человека (из них пять женщин), 30–40 лет — 20 человек (из них одна женщина), 40–50 лет — 8 человек (из них одна женщина), 50–60 лет — 3 человека¹⁴.

В распоряжении политэмиграции имелся фонд в 12 тыс. фт.*, из которого ее руководство давало займы нуждающимся членам. Венгерские партийцы при этом считали, что в материальных вопросах большинство эмигрантов были исключительно недисциплинированы. Многие из них уплачивали свои долги за отопление и т. д. только после настойчивых предупреждений. Люди этого круга вообще были уверены, что имеют право получать всемерную материальную поддержку со стороны партии¹⁵.

Эмигранты обеспечивались квартирами. Ситуация, однако, не была простой: некоторые жили в отдельных квартирах, другие снимали комнаты, были коммунальные квартиры, где жили по 7–8 эмигрантов. В Будапеште, по некоторым данным, политэмигранты имели восемь домов и семь семейных квартир. В этих домах они жили совместно, в нормальных, по мнению ВПТ, гигиенических условиях¹⁶, были обеспечены одеждой и на свою зарплату могли купить все необходимое¹⁷. В первые годы большинство эмигрантов работали на заводах (некоторые — в югославской секции радио «Будапешт» и в Демократическом союзе южных славян), а потом большая часть из них перешла на учебу. В первые годы средняя заработная плата политэмигрантов была мала, поэтому партия регулярно доплачивала им по 750 фт. (а потом по 800 фт.) в месяц. К 1953 г. эта система была изменена, дополнительная материальная помощь теперь оказывалась только в особых случаях (например при переквалификации, отправке

---

* Денежная единица Венгрии — фринт, сокращенно — фт.

на сельскохозяйственные работы в госхозы и т. д.). Студенты получали стипендию в сумме, установленной для иностранных студентов, а именно 789 фт. Слушатели подготовительных курсов получали кроме питания и жилья 115 фт., к чему партия добавляла еще 200 фт.¹⁸

В начале 1950 г. Венгерская партия трудящихся (ВПТ) начала принимать югославских политэмигрантов в свои ряды. За два с половиной года были приняты 16 югославских политэмигрантов и еще двое стали кандидатами. По социальному происхождению среди членов и кандидатов в члены партии 6 человек были рабочего происхождения, 9 человек — крестьянского и 3 человека — мелкобуржуазного. Следует отметить, что прием эмигрантов в партию в 1949–1950 гг. не производился, так как в процессе обучения их на курсах в партийных кругах сложилось невысокое мнение об уровне их общей и политической подготовки¹⁹.

Вопрос о предоставлении им гражданства Венгрии был практически решен к 1953 г. За исключением семи человек, все югославские политэмигранты получили новые паспорта. Двое из числа этих семи не захотели менять гражданство, а еще пятеро не успели оформить документы, так как прибыли в Венгрию позднее²⁰.

Судя по имеющимся данным, среди югославских политэмигрантов в Венгрии не было видных государственных и партийных работников, большинство составляли крестьяне и рабочие. Их политическая подготовка явно оставляла желать лучшего. Более того, венгерская власть сильно подозревала, что среди югославских эмигрантов в Венгрии имелись агенты титовской спецслужбы — агенты УДБ. Таким образом, югославские политэмигранты в течение долгого времени не сумели завоевать доверия руководителей ЦК ВПТ.

Создание центральной организации югославских информбюровских политэмигрантов в Венгрии. В начале 1949 г. югославские политэмигранты в Венгрии еще не имели связей друг с другом, так как они находились в разных местах, некоторые подвергались проверке, были среди них и этнические венгры, жившие у своих родных²¹.

Бывшие сотрудники югославского посольства в Венгрии во главе с Л. Бранковым, как и бывшие дипломаты югославских посольств в других странах, занялись формированием группы политэмигрантов еще в 1948 г., сразу после опубликования резолюции Информбюро. Следует отметить, что сотрудники редакции «*За социјалистичку Југославију*» негативно относились к членам этой новой группы,

настаивали на более строгой проверке их политической благонадежности²².

В апреле-мае 1949 г. П. Попивода в качестве полномочного представителя московского центра посетил группы югославских эмигрантов в Болгарии, Румынии и Венгрии. По данным от апреля 1949 г., в Венгрии находились 48 югославских эмигрантов (из них 25 членов партии). Их социальное положение и происхождение были различными. Во время визита в Будапешт П. Попивода подбирал из них лиц, наиболее подходящих к руководящей роли и выбрал Милютина Велемира, Жарко Люблева и Гойко Требовича²³.

М. Велемир²⁴ являлся старым членом КПЮ и бывшим руководителем партийной школы Боснии и Герцеговины. Занимался налаживанием связей с редакцией газеты *«За социјалистичку Југославију»* и «ибеовскими» борцами на территории самой страны. Ж. Любоев²⁵ тоже был старым членом КПЮ и секретарем областного комитета партии. Он бежал из Югославии, перейдя югославско-венгерскую границу. Г. Трбоевич²⁶ — подполковник югославской армии, учившийся в СССР в военной академии — также бежал из Югославии в Венгрию²⁷.

В ходе беседы с М. Ракоши и М. Фаркашем П. Попивода предложил руководителям Венгерской партии трудящихся, чтобы именно эти люди руководили югославской эмиграцией в Венгрии. Предложение было принято, Ракоши лично обещал оказать помощь, как политическую, так и любую другую. Фаркашу был передан развернутый план с изложением способов активизации борьбы против «клики Тито — Ранковича» в Венгрии, способов переправки пропагандистских материалов в Югославию.

Этот факт доказывает, что члены редакции *«За социјалистичку Југославију»* стремились создать централизованную, управляемую из Москвы систему ведения антититовской пропаганды в странах «народной демократии», и для этого требовалась проверенная, способная к выполнению своих функций команда. Обещанная венгерскими лидерами помощь, равно как и поддержка из Москвы позволили группе югославских политэмигрантов официально действовать на территории Венгрии²⁸.

8 июня 1949 г. в Будапеште было созвано собрание югославских коммунистов-политэмигрантов, в котором приняли участие 27 человек. На собрании было избрано руководство эмиграции в составе:

М. Велемир — отвечавший за пропаганду и воспитательную работу среди эмигрантов; Ж. Любоев — занимавшийся связями с Югославией; Г. Трбович — ведавший организационными вопросами и приемом новых эмигрантов. На собрание был приглашен представитель ВПТ Ширай Стефан²⁹.

На собрании были поставлены следующие задачи: оказание помощи товарищам в Югославии; использование всех средств пропаганды и агитации, имеющихся в их распоряжении в Венгрии; налаживание партийной жизни и развертывание идеологической работы; проведение воспитательной работы на примере политики ВПТ; организация систематического сотрудничества с газетами югославских политэмигрантов в Москве, Бухаресте, Праге и Софии³⁰. Так руководство группы югославских информбюровских политэмигрантов в Венгрии приступило к активной деятельности сразу после своего создания.

Деятельность в области системы образования. Постоянную связь с руководством политэмиграции поддерживал глава отдела международных сношений ВПТ, оказывая помощь и контролируя его деятельность. О работе он постоянно докладывал Ракоши и Фаркашу. Работа эмигрантов на радио, в свою очередь, находилась под контролем его директора, являвшегося кандидатом в члены в ЦК ВПТ³¹.

Основными препятствиями для работы югославских эмигрантов в Венгрии в 1949 г. являлись незнание венгерского языка и недостаток общего и политического образования. В связи с этим руководство югославских эмигрантов организовало партийные курсы, занятия по венгерскому языку, экономике, истории ВКП(б) и т. д.³²

С помощью ЦК ВПТ были организованы трехмесячные партийные курсы, на которых обучались 19 человек, в том числе 16 членов партии и 3 комсомолец. Программу курсов составил ЦК ВПТ, поэтому доминировали в ней различные темы марксизма.

Было также создано шесть партийных ячеек: студенческая, для лиц, работающих на заводах, в радиокомитете, обучающихся на курсах и отдельная партийная ячейка для руководства. В каждой из ячеек пять раз в неделю по вечерам проходила учеба. А в начале декабря 1949 г. была оформлена комсомольская организация в составе восьми человек³³.

Таким образом, руководство югославских политэмигрантов активно занималось повышением их образовательного уровня.

Вещание на радио «Будапешт». Основным средством массовой информации в Венгрии, рассчитанным на югославскую аудиторию, было радиовещание. Венгерское радио особенно хорошо принималось в Воеводине, Хорватии и Словении. Это прекрасно понимали венгерские лидеры, активно поддерживавшее дальнейшее развитие вещания на Югославию³⁴.

В структуре радио «Будапешт» была создана югославская редакция. Она готовила передачи на основе публикаций венгерских газет, газеты «*За трајни мир, за народну демократију!*», газет югославских политэмигрантов, издававшихся в СССР, Румынии, Чехословакии и Болгарии, а также передач советского радио. Как правило, программы включали в себя новости, которые «банда» Тито якобы старалась скрыть от народа, т. е. информацию об «успехах» народно-демократической Венгрии, в том числе о жизни югославянского национально-меньшинства. Широко практиковались обзоры венгерских газет³⁵. Руководство югославской информбюровской политэмиграции взяло под наблюдение венгерское радиовещание на Югославию, помогало в подготовке текстов³⁶.

Первые передачи радио «Будапешт» на сербо-хорватском языке транслировались намного раньше создания руководства югославских информбюровских эмигрантов в Венгрии, вещание началось 30 августа 1948 г., через два месяца после опубликования резолюции Коминформа. К середине 1950 г. в югославской редакции радио работали десять политэмигрантов в должностях редакторов, дикторов, машинистов и т. д.³⁷ Свою специфику имело радиовещание на словенском языке. Здесь работали в основном студенты, у которых родным языком был словенский. Первая передача на словенском языке прозвучала 7 сентября 1949 г.³⁸

После процесса по делу Ласло Райка (сентябрь 1949 г.) деятельность югославской эмиграции в СССР и странах «народной демократии» еще более активизировалась. Если до этого передачи на Югославию проводились два раза в день по 15 минут, то по данным от 1 февраля 1950 г. на Югославию ежедневно велось пять передач на сербском языке в общей сложности 125 минут и две передачи на словенском языке по 15 минут³⁹.

Следует отметить, однако, что вопрос с низким качеством передач на словенском языке долго оставался нерешенным. Руководство югославских политэмигрантов в Венгрии, чтобы решить его, шире

привлекало к работе на радио сотрудников газет «*Za ljudsko zmago*» («За народную победу») и «*Naše Novine*» («Наши новости»)⁴⁰. Последняя издавалась еженедельно на сербо-хорватском языке тиражом 2 тыс. экземпляров.

Недоверие ЦК ВПТ к югославским информбюровским политэмигрантам. Руководство ВПТ создавало видимость всяческой поддержки: югославской информбюровской эмиграции, осевшей в Венгрии. Для улучшения влияния на нее ЦК ВПТ помог организовать трехмесячные партийные курсы. Однако следует отметить, что между руководством политэмиграции и ЦК ВПТ существовало недоверие друг к другу.

Во время беседы с Попиводой члены руководства югославских информбюровцев в Венгрии заявили, что ЦК ВПТ оказывает им недостаточную помощь в работе, если не считать материального обеспечения, не рассматривает их заявления и не отвечает на письма. Они выразили недовольство и тем, что, в отличие от политэмигрантов, находившихся в других странах «народной демократии», югославские политэмигранты в Венгрии до сих пор не получили венгерского гражданства и не были приняты в члены ВПТ⁴¹. В свое оправдание международный отдел ЦК ВПТ сослался на указание Фаркаша. А работник международного отдела Бебрич мотивировал это указание тем, что ЦК ВПТ до сих пор не знает истинного лица югославской эмиграции и не уверен в ней, а потому не доверяет и ее руководству⁴². М. Велемир не сумел завоевать доверие руководителей ЦК ВПТ из-за своей недостаточной политической подкованности⁴³.

Смена членов руководства югославских политэмигрантов в Венгрии в 1950 г. Ракоши неоднократно обращался к ЦК ВКП(б) с просьбой прислать подходящего человека в качестве руководителя югославской эмиграции в Венгрии⁴⁴. В мае 1950 г. от имени заведующего отделом международных сношений ЦК ВПТ Фодора было направлено письмо с предложением Ракоши о созыве конференции югославских политэмигрантов в Венгрии в целях избрания нового руководства. Фодор, подчеркивая недостатки тогдашнего руководства и обосновывая необходимость проведения выборов нового руководства, предлагал пять кандидатур в его состав на основе результатов бесед с руководителями четырехмесячной партшколы отдела политпросвещения ЦК партии, органов госбезопасности и тогдашним руководством югославских политэмигрантов⁴⁵.

Таким образом, 13–14 мая 1950 г. была проведена конференция югославских политэмигрантов в Венгрии. В ней приняли участие 89 эмигрантов с правом голосования. Выбранная комиссия по выдвижению кандидатур внесла предложение о новом руководстве в составе пяти человек — Дьюро Бургишав⁴⁶, Альберт Светина⁴⁷, Кальман Нитрай⁴⁸, Лайош Дудаш⁴⁹ и Душан Груити⁵⁰. Тайным голосованием большинством голосов было выбрано новое руководство, как ни странно, именно в предложенном Фодором составе⁵¹.

Деятельность Демократического союза южных славян в анти-титовской кампании в Венгрии. Существовала одна организация, которая оказывала большое влияние на коренное южнославянское население в южных районах Венгрии⁵², — Демократический союз южных славян Венгрии (ДСЮСВ), созданный в мае 1947 г. Эта организация также играла значительную роль в антититовской кампании в Венгрии. В сентябре 1948 г. произошла смена ее руководства, по сути она постепенно перешла под влияние югославской политэмиграции⁵³. Следует отметить, что позднее вместе с Л. Райком арестовали бывшего заместителя генерального секретаря этой организации, Милана Огненовича, и в сентябре 1949 г. на том же суде приговорили к девятилетнему заключению.

Печатный орган Венгерской партии трудящихся «*Szabad Nép*» («Свободный народ») сообщил, что 10 ноября 1948 г. в Мохаче состоялось общее собрание ДСЮСВ, на котором бывший представитель агентства ТАНЮГ в Будапеште Крестеношич заявил, что члены КПЮ протестуют против «предательской» политики Тито.

Собрание приняло резолюцию, в которой резко осуждалась политика руководителей КПЮ, говорилось, что венгерские югославы решительно поддерживают братских венгерских трудящихся и их передовой отряд ВПТ, готовы строить под руководством М. Ракоши социалистическую Венгрию. 14 ноября в Бае состоялось общее собрание членов Союза венгерских югославян, на котором выступал впоследствии арестованный югославский дипломат Л. Бранков, указавший на необходимость энергичной борьбы против «клики Тито». Во время церемонии по случаю годовщины провозглашения ФНРЮ, проведенной ДСЮСВ 28 ноября 1948 г., новый секретарь Венгерско-Югославского Общества выступил с речью, в которой осудил поведение Тито, а также похвалил руководство Венгрии за дружеское отношение к Югославии. «Венгерская республика, — говорил

он, — каждый год отмечала годовщину провозглашения Югославской Народной Республики и этим выражала свое уважение и дружбу к народам Югославии».

После создания в Будапеште руководящего центра югославской политэмиграции пять его сотрудников были командированы в ДСЮСВ для регулярной работы⁵⁴. Они занимались редактированием газеты, а также организационной и пропагандистской работой, выезжали в села с докладами, участвовали в деятельности курсов для педагогов и т. д.⁵⁵ С течением времени руководство Союзом и его газетой со стороны политэмигрантской верхушки и его изданий активизировалось, фактически газета оказалась в сфере их влияния⁵⁶.

Газета югославских информбюровских политэмигрантов в Венгрии «За ljudsko zmagо». Что касается газет югославских эмигрантов, то уже до начала 1951 г. активно издавались газеты югославских эмигрантов в СССР, Чехословакии, Румынии и Болгарии «*За социјалистичку Југославију*» («За социалистическую Югославию»), «*Нова борба*» («Новая борьба»), «*Под заставом интернационализма*» («Под знаменем интернационализма»), «*Напред*» («Вперед»)*. В январе 1951 г. в Албании начала издаваться газета югославских политэмигрантов на македонском языке «*За слободу*» («За свободу»). Долгое время оставался нерешенным лишь вопрос об издании газеты югославских политэмигрантов на словенском языке для развития антититовской пропаганды в Словении.

Идею издания газеты на словенском языке начали обсуждать еще в 1949 г. Главный редактор газеты «За прочный мир, за народную демократию» П. Ф. Юдин еще с 1949 г. неоднократно предлагал М. Ракоши начать издание газеты на словенском языке на территории Венгрии. Тот, однако, не сразу согласился с идеей увеличения количества газет югославских политэмигрантов, считая более важным сохранить качество газет югославской политэмиграции в СССР и странах «народной демократии»⁵⁷.

Необходимость проведения антититовской кампании на Словению была подчеркнута во время совещания представителей всех

---

* Первый номер газеты «Нова борба» вышел 1 сентября 1948 г., первый номер «*За социјалистичку Југославију*» вышел 1 мая 1949 г., первые номера «Под заставом интернационализма» и «Напред» вышли 15 мая 1949 г. и первый номер «За слободу» вышел 25 января 1951 г.

групп югославских «революционных»* эмигрантов 27–28 июля 1950 г. Тогда снова встал вопрос о необходимости издания газеты на словенском языке⁵⁸. Координационный центр югославской «революционной» эмиграции, созданный 18 января 1951 г. в Москве, взял на себя работу по организации издания в Венгрии такой газеты и начал вести переговоры с М. Ракоши⁵⁹, который, видимо, к этому времени уже согласился с идеей издания газеты на словенском языке в Будапеште. Лидер партии обещал всестороннюю поддержку от ЦК ВПТ и непосредственную помощь⁶⁰.

В целях практического решения вопроса об издании газеты на словенском языке московский координационный центр направил своего представителя Д. Новакова в служебную командировку сроком на два месяца в Венгрию. Новаков оказал помощь при организации редакции, отборе людей и осуществлении подписки на первые несколько номеров газеты. Он передал опыт, который приобрел, будучи главным редактором одной из газет югославской «революционной» эмиграции⁶¹, от имени Координационного центра предложил подключить к делу трех человек, работавших в тот момент в словенской секции радио «Будапешт», — Трбовича Гойко, Светину Алберта и Майцена Францека⁶². Итак, первый номер газеты югославской революционной эмиграции на словенском языке «*Za ljudsko zmago*» вышел в свет 1 мая 1951 г.⁶³ Редакция находилась по адресу: ул. Келети Карой, 22, в престижном месте в Будапеште. Там обычно работали человек 7–8, а позже постоянно 13 человек (в августе 1952 г. количество работников в редакции увеличилось до 18 человек⁶⁴). Шести-страничная газета и издавалась сначала два раза в месяц. Затем с сентября 1951 г. по решению Координационного центра югославских политэмигрантов в СССР и странах народной демократии и ВПТ начала издаваться три раза в месяц, и с 15 октября 1951 г. один раз в неделю объемом в четыре страницы⁶⁵. Содержание газеты неизменно включало редакционные передовые статьи, переводы статей из газет югославских политэмигрантов в странах «народной демократии» и очерки о Советском Союзе.

Оставался нерешенным вопрос о назначении главного редактора газеты «*Za ljudsko zmago*» и составе редколлегии. М. Ракоши

---

* Слово «революционные эмигранты» впервые появилось в документах в начале 1950 г.

обращался к Координационному центру югославской политэмиграции с просьбой прислать в Венгрию подходящего человека из состава редакции газеты «*Za sociјalisticу Jugoslaviju*» для работы в качестве главного редактора. После проверки Центр выяснил, что первоначально рекомендованный на этот пост человек не подходит для исполнения этой роли. Вместо этого решено было выбрать функционера из числа политэмигрантов, оказавшихся в Праге. Выбор пал на члена руководства этой группы и редактора пражской радиостанции Бориса Верстовшека⁶⁶. 25 июня 1951 г. Верстовшек⁶⁷ был послан на постоянную работу в газету «*Za ljudsko zmago*» в Будапешт в качестве главного редактора⁶⁸. Он готовил выпуски газеты начиная с ее седьмого номера⁶⁹. Была составлена также редколлегия из югославских политэмигрантов, владевших словенским языком⁷⁰.

12 января 1952 г. на очередном ежегодном совещании югославских политэмигрантов в Венгрии произошла смена редакции газеты «*Za ljudsko zmago*», как и руководства политэмигрантской группы в Венгрии. С согласия Координационного центра югославских политэмигрантов в СССР и странах «народной демократии» и ЦК ВПТ Верстовшек, оставшись главным редактором этого печатного органа, возглавил югославскую политэмиграцию в Венгрии⁷¹. В целом можно констатировать, что газета «*Za ljudsko zmago*», также как и вещание радио «Будапешт» и газета, издававшаяся ДСЮСВ, сыграли важную роль в антититовской кампании среди славяноязычного населения в Югославии и Венгрии.

Заключение. Деятельность югославских информбюровских политэмигрантов, обосновавшихся в Венгрии, была во многом движима политическими амбициями молодых людей, ставивших целью создание новой компартии при помощи Коминформа⁷². Однако они не сумели завоевать достаточной политической поддержки со стороны лидеров ВПТ М. Ракоши и М. Фаркаша. Об этом свидетельствует еще и тот факт, что в первые годы венгерское правительство подолгу проверяло лиц, перешедших югославско-венгерскую границу, держа их в заключении.

В отличие от югославских политэмигрантов в соседних странах (Чехословакии и Румынии) более 60 % югославов, перешедших югославско-венгерскую границу, были рабочими и крестьянами, идеологически слабо подготовленными. Само собой разумеется, от них трудно было сразу ожидать хороших результатов в антиюгославской

пропаганде. В целях повышения их политико-идеологического уровня многим из эмигрантов пришлось со второго года пребывания в Венгрии проходить политучебу.

После смерти Сталина в 1953 г. политическая линия Советского Союза в отношении Югославии резко изменилась. Первый весомый шаг со стороны СССР к нормализации отношений с Югославией был предпринят уже 6 июня 1953 г. Со своей стороны и Тито публично выразил готовность вступить в процесс нормализации отношений с СССР. Однако этот процесс проходил медленно, набрав силу лишь через год.

Политическая деятельность югославских информбюровских политэмигрантов продолжалась до конца сентября 1954 г. Еще в начале 1954 г. активно обсуждался вопрос о создании более эффективного способа проведения антититовской кампании на территории Венгрии⁷³. В газетах «*Za ljudsko zmago*», «*Naše Novine*» и на радиовещании продолжала звучать резкая критика титовского правительства Югославии.

Однако в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 23 сентября 1954 г. М. Ракоши вдруг получил сообщение от Н. С. Хрущева, в котором говорилось о сворачивании деятельности на территории СССР югославских информбюровских политэмигрантов и выпуска их газеты. На заседании Политбюро ВПТ от 14 октября 1954 г. было принято решение о прекращении распространения на территории Венгрии антиюгославских брошюр, книг, карикатур, издания газеты югославских эмигрантов «*Za ljudsko zmago*» и деятельности венгерской группы югославских политэмигрантов⁷⁴. Так завершился первый этап деятельности югославских информбюровских политэмигрантов в Венгрии.

Примечания

¹ См.: *Banac I.* With Stalin against Tito. Cominformist Splits in Yugoslav Communism. Cornell Univ. Press, 1988; *Kovačević B.* O Informbirou u Crnoj Gori // 1948. Jugoslavija i Kominform: pedeset godina kasnije. Beograd, 1998; *Previšić M.* Djelovanje «ibeovaca» na području Slavonskoga Broda 1948–1955 // *Scrinia Slavonica* 2010. N 10. S. 391–418; *Шахин Ю.В.* Деятельность сторонников Коминформа в Югославии // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 51–62.

² *Vojtěchovský O.* Z Prahy proti Titovi! Jugoslávská informbyrovská emigrace v Československu. Praha, 2012.

³ Previšić M. Informbiroovska emigracija // Historijski zbornik. 2014. Vol. 65. N 1. P. 171–186.

⁴ О процессе создания руководства коминформовской эмиграции и его функции подробнее см.: *Кимура К.* Четыре совещания югославской политэмиграции в СССР и странах «народной демократии» и их роль в антититовской кампании в 1948–1954 гг. // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2016. С. 324–348.

⁵ См. *Кимура К.* Четыре совещания югославской политэмиграции в СССР. С. 325.

⁶ Там же. С. 324–348.

⁷ См.: Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы./ Отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 2002. Т. 2. 1949–1953 гг. С. 87.

⁸ *Кимура К.* Четыре совещания югославской политэмиграции в СССР. С. 331.

⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Молотов В. М. Оп. 2. Д. 1379. Л. 46, 92; Ф. 575. Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (1947–1956). Оп. 1. Д. 211. Л. 6 (на русском языке), Л. 49 (на сербском языке).

¹⁰ См.: MNL OL. Az Magyar Dolgozók Pártja Központi Szervei (1945–1958) M-KS 276/ Nemzetközi Kapcsolatok Osztálya. 98/ 139 ő.e. 149–159. old. См. также данные за 1949–1950 гг.: РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 141. Л. 34–35. Данные на 1952 г. подробнее см.: MNL OL. M-KS 276/ 98/ 139 ő. e. 84–85, 87, 149–159, 178–186, 210–211. old. Данные на 1953 г. см.: MOL. M-KS 276/ 98/ 140 ő.e. 4–9. old.

¹¹ По данным на июнь 1950 г. в СССР и странах «народной демократии» всего находилось около 1400 югославских политэмигрантов. См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 40–41. Потом число югославских эмигрантов увеличивалось постепенно.

¹² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 116. Л. 4.

¹³ MNL OL. M-KS 276/ 98/ 139 ő. e. 149–159. old.

¹⁴ Ibid. 169. old.

¹⁵ Ibid. M-KS 276/ 98/ 140 ő. e. 361–369. old.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 142. Л. 143.

¹⁷ MNL OL. M-KS 276/ 98/ 140 ő. e. 361–369. old.

¹⁸ Ibid; 139 ő. e. 149–159. old.

¹⁹ Ibid. 140 ő. e. 361–369. old.

²⁰ Ibid.

²¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 116. Л. 2; Д. 115. Л. 14–16.

²² В отчете о поездке П. Попиводы и М. Савича в Венгрию в апреле-мае 1949 г. акцентировалась враждебная деятельность «группы Бранкова», пробравшейся в руководство венгерской политэмиграции. Попивода и Савич просили удалить его из Венгрии. Как известно, Бранков был арестован и оказался на скамье подсудимых, проходивших по делу Райка в сентябре 1949 г. См.: РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 115. Л. 14–16.

²³ Там же.

²⁴ Милютин Велемир — родился в 1904 г. Служащий. В югославской освободительной борьбе участвовал как офицер-политработник, после освобождения был руководителем партийной школы в Сараево. См.: Там же. Д. 141. Л. 39–40.

²⁵ Жарко Люблев — родился в 1909 г. Сапожник. Член партии с 1934 г. Работал директором завода в Загребе. См.: Там же. Л. 40.

²⁶ Гойко Требович — родился в 1917 г. Военный. Член партии с 1940 г. После резолюции Коминформа был арестован, а через три месяца выпущен. В марте 1949 г. эмигрировал в Венгрию. См.: Там же.

- ²⁷ Там же. Д. 115. Л. 14–16.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Д. 116. Л. 4–6.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Д. 142. Л. 143.
- ³² См., например: Там же. Д. 116. Л. 2; Там же. Д. 141. Л. 34–40.
- ³³ Там же. Л. 36.
- ³⁴ MNL OL. M-KS 276/ Rákosi M. 65/ 97 ő. e. 13–15. old.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 142. Л. 148–152.
- ³⁶ Там же. Д. 116. Л. 3.
- ³⁷ Там же. Д. 142. Л. 138–143; MNL OL. 276/J/ 65/ 105 ő. e. 5–11. old.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 142. Л. 148.
- ³⁹ Там же. Д. 141. Л. 36.
- ⁴⁰ MNL OL. M-KS 276/ 98/ 146 ő. e. 1–2. old.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 141. Л. 38.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ На заседании руководства югославских эмигрантов в Венгрии, состоявшемся 27 октября 1949 г., критиковали М. Велемира за его поведение (Там же. Л. 41–43), и на заседании от 30 ноября 1949 г. было предложено отстранить его от руководства эмиграции (Там же. Л. 44–49). П. Попивода в беседе с М. Ракоши пообещал заменить Велемира Райковичем, находившимся в эмиграции в Чехословакии (Там же. Л. 40).
- ⁴⁴ М. Ракоши во время совещания Коминформа в ноябре 1949 г. обращался с такой просьбой к руководителю советской делегации М. А. Суслову. Так же во время беседы с партаппаратчиком С. Г. Заволжском в январе 1950 г. он настойчиво просил прислать как руководителя югославской эмиграции в Венгрии, так и квалифицированного редактора-югослава для работы на радиовещании на Югославию. См.: Там же. Также см.: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Документы / Отв. редактор. Г. П. Мурашко. М.; Новосибирск, 1998. Т. 2. 1949–1953 гг. С. 297–298.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 144. Л. 1–2.
- ⁴⁶ Дьюро Бургишав — кадровый офицер, старший лейтенант, сотрудник УДБ, 6 сентября 1948 г. эмигрировал из Югославии в Венгрию. С 1943 г. — член СКОЮ (молодежной организации), а затем компартии Югославии. Происходил из бедняцкой семьи, образование: четыре класса начальной школы и два класса гимназии (Там же. Л. 3).
- ⁴⁷ Альберт Светина — кадровый офицер, подполковник. До июня 1946 г. руководил структурами УДБ в словенском приморском крае. С 1941 г. — член коммунистической партии, в 1943 г. работал политическим референтом в штабе словенских борцов за свободу. В феврале 1949 г. бежал из Югославии. Рабочий, образование шесть классов начальной школы и механико-технической школы (Там же. Л. 3).
- ⁴⁸ Кальман Нитраи — рабочий-металлист, профсоюзный активист в Суботице. В декабре 1948 г. легальным путем приехал в Венгрию, так как его родители были венгерскими подданными, которые эмигрировали в Югославию после 1919 г. (Там же. Л. 4).
- ⁴⁹ Лайош Дудаш — в Югославии был депутатом от воеводства в Скупщине ФНРЮ. Старый член партии, коммунист, хорошо принятый эмиграцией. Бежал с семьей в Венгрию сразу после принятия резолюции 1948 г. (Там же. Л. 3).
- ⁵⁰ Душан Груити — происходил из буржуазной семьи, в 1950 г. ему было всего 20 лет. В 1943 г. примкнул к СКОЮ (молодежной организации). Участник пар-

тизанского движения. После освобождения продолжал учебу. После резолюции Информбюро примкнул к антититовской группировке, потом вместе с отцом перебежал в Венгрию в сентябре 1949 г. Был рекомендован для руководства молодежью внутри эмиграции (Там же. Л. 4).

⁵¹ Там же. Л. 7–8; MNL OL. M-KS 276/ 65/ 15 ѓ. е. 18–19. old.

⁵² В южных районах Венгрии проживали около 80 тыс. южных славян. Из них 80% были хорватами, 15 — сербами и 5% — словенцами (по родному языку). Подробнее см.: MNL OL. M-SK 276/ Farkas M. 67/ 127 ѓ. е. 22–25. old.

⁵³ План работы руководства югославских политэмигрантов в Венгрии в ДСЮСВ М. Велемир несколько раз обсуждал в ЦК ВПТ. См., например: MNL OL. M-KS 276/ 67/ 126 ѓ. е. 108–109. old.

⁵⁴ Антититовская пропаганда среди южнославянского населения в Венгрии велась по непосредственному указанию руководства ВПТ. Секретариат ВПТ на заседании 10 мая 1950 г. обсудил вопрос о положении южнославянского национального меньшинства. Секретариат решил создать партийную комиссию для изучения этого вопроса и сделал конкретные предложения относительно улучшения работы. См.: РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 142. Л. 142.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ MNL OL. M-KS 276/ 98/ 146 ѓ. е. 3., 114. old.

⁵⁷ MNL OL. M-KS 276/ 65/ 97 ѓ. е. 13–15. old.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 176. Л. 9.

⁵⁹ Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 102.

⁶⁰ MNL OL. M-KS 276/ 65/ 104 ѓ. е. 64–65. old. См. также: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379. Л. 102.

⁶¹ См. сообщение П. Попиводы от имени координационного центра югославской революционной эмиграции: MNL OL. M-KS 276/ 65/ 104 ѓ. е. 64–65. old.

⁶² MNL OL. M-KS 276/ 98/ 146 ѓ. е. 4. old.

⁶³ По мнению Координационного центра, в газетах югославских политэмигрантов, издаваемых в странах «народной демократии», имелось немало недостатков, при этом существовало мнение о том, чтобы сделать основными органами Союза югославских патриотов газету «За социалистическую Югославию» и радиостанцию «Свободная Югославия». Однако было признано необходимым сохранить также газеты «*Напред*» («Вперед», на македонском языке) и «*Za ljudsko zmago*» (на словенском языке) для распространения антититовской пропаганды по всей Югославии. См.: РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 253. Л. 227–232.

⁶⁴ MNL OL. M-KS 276/ 98/ 146 ѓ. е. 106. old.

⁶⁵ Ibid. 106., 293. old.

⁶⁶ MNL OL. M-KS 276/ 65/ 105 ѓ. е. 74–75. old.

⁶⁷ Верстовшек Борис — род. в 1922 г. в Любляне. Происходил из буржуазной семьи. После окончания дипломатической школы в 1947 г. начал работать в министерстве иностранных дел Югославии. В январе 1948 г. был послан в Нью-Йорк для работы в югославском представительстве в ООН. Покинув дипломатический пост, в августе 1948 г. эмигрировал в Чехословакию, где с ноября 1948 г. приступил к работе на радио и в редакции газеты «*Новая борьба*». Член чехословацкой компартии (MNL OL. M-KS 276/ 98/ 139 ѓ. е. 3 old.). В феврале 1951 г. стал членом руководства югославских эмигрантов в Чехословакии. В июне 1951 г. при поддержке П. Попиводы переведен из Праги в Будапешт на работу в качестве редактора газеты «*Za ljudsko zmago*». Позднее

был избран секретарем югославской политэмиграции в Венгрии. См. MNL OL. M-KS 276/65/105 б.е. 101–102. old.; M-KS 276/98/146 б.е. 106. old.

⁶⁸ Ibid. M-KS 276/65/105 б.е. 78–79. old.

⁶⁹ Ibid. M-KS 276/98/146 б.е. 106. old.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ В руководство политэмиграции вошли также Б. Пейович, Г. Требович и Ф. Майцен. См.: MNL OL. M-KS 276/98/139 б.е. 178–186. old. Члены редколлегии газеты были теперь, как правило, членами руководства югославской политэмиграции в Венгрии.

⁷² М. Велемир, первый руководитель югославских политэмигрантов в Венгрии, в письме к М. Ракоши прямо заявлял, что перед югославскими эмигрантами стоит в качестве важнейшей задачи создание новой партии. См.: MNL OL. M-KS 276/67/126 б.е. 108–109. old.

⁷³ MNL OL. M-KS 276/65/105 б.е. 135–140. old.

⁷⁴ *Кимура К.* Четыре совещания югославской политэмиграции в СССР. С. 348.

НАРОДЫ-СОСЕДИ В НОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦАХ

А.Р. Лагно

Образы украинцев на страницах львовской газеты «Słowo Polskie» (1918–1923)

Польско-украинская война 1918–1919 гг. унесла более 20 тыс. жизней с обеих сторон, однако окончание военных действий не стало основой для мирного сосуществования двух народов. Украинские националисты силой оружия жаждали завоевать независимость, польские же — стремились подтвердить свои права на все территории бывшей Речи Посполитой. Вторая мировая война лишь подхлестнула волну ненависти между народами, привела к массовым убийствам, память о которых до сих пор будоражит общество по обе стороны польско-украинской границы. Возможно ли было избежать всего этого? Ведь и украинцы, и поляки на протяжении столетий жили рядом друг с другом. Что следовало предпринять, чтобы восстановить добрососедские отношения между народами?

Главной причиной спора между украинцами и поляками была территория Восточной Галиции*, которую и те, и другие считали своей. Эта историческая область являлась родиной для многих народов, а в начале XX в. приобрела исключительный символический смысл, став местом столкновения двух государственных проектов. Больше шансов на победу было у польского проекта, что и подтвердили события 1920-х годов, когда Восточная Галиция на международном

---

* В статье используется термин Восточная Галиция, поскольку в 1918–1923 гг. именно он применялся в дипломатическом языке для названия этой спорной провинции. После международного признания восточной границы Польши в 1923 г. постепенно в оборот вводятся другие названия для этой территории: «Восточная Малопольша» («*Wschodnia Małopolska*») в польском языке и «Западная Украина» («*Zachidna Ukraïna*») на украинском.

уровне была признана неотъемлемой частью Польши. Таким образом, гражданами польского государства стали миллионы украинцев, что, в свою очередь, потребовало от правительства Второй Речи Посполитой определенной стратегии взаимодействия с украинским национальным меньшинством.

Центром общественной, политической и культурной жизни Восточной Галиции был город Львов. Поляки и украинцы сражались за него, так как для одних он был символом польскости, в то время как для других — столицей будущей Украины. В межвоенный период Львов — это один из самых больших городов в Польше и, пожалуй, самый этнически многообразный город в Европе: столетиями бок о бок жили в нем поляки, украинцы, евреи, армяне, немцы, чехи и многие другие народы.

Несмотря на то, что Львов сильно пострадал от военных действий периода Первой мировой и польско-украинской войн, однако очень быстро восстановился, и вновь, наравне с Варшавой, Краковом, Лодзью и другими польскими городами, стал средоточием политической, научной, университетской и культурной жизни. Все это, конечно же, благотворно влияло и на развитие прессы. Как отметил Е. Яровецкий, в 1918–1939 гг. во Львове издавалось 1090 наименований разнообразных периодических изданий на польском языке¹. Среди этого многообразия особого внимания заслуживает газета «*Slowo Polskie*» («Польское слово»), которая начала выходить в 1895 г. и была рупором польского национал-демократического движения (эндеции). По воспоминаниям юриста и дипломата Альфреда Высоцкого, который начал профессиональную деятельность как раз во Львове, эта газета пользовалась огромной популярностью. Журналисты избегали перепечаток из других изданий, получая информацию по телефону или телеграфу напрямую от своих коллег из европейских столиц. За это как раз читатели и ценили «*Slowo Polskie*», так как в тот же день могли узнать самые свежие новости, произошедшие утром или в обед где-нибудь в Берлине, Париже или Варшаве. И очень часто получалось, что те, кто выписывал эту газету в погоне за новостями, незаметно для себя попадали под влияние национал-демократии, начинали думать в категориях этого политического движения и, в конце концов, «сами не зная каким образом, становились эндеками»².

Безусловно, столь влиятельная газета, тираж которой в лучшие годы существования доходил до 18 тыс. экземпляров³, формировала

и определенное представление о различных национальных меньшинствах, которые проживали в Польше. Какой же образ украинцев возникал перед глазами читателей этого печатного органа? Был это образ врага? Или, быть может, наоборот, положительный образ доброго соседа? Как раз газета «*Stowo Polskie*» позволяет описать образ украинца; проследить изменения этого образа в течение пяти лет и выделить основные темы, касающиеся этого национального меньшинства.

Проблемам развития польской периодической печати во Второй Речи Посполитой уделяли внимание многие серьезные историки прессы. Труды А. Пачковского и А. Нотковского⁴, опубликованные еще в 1980-е годы, до сих пор не утратили своего значения. В 2000-е годы научные изыскания этих историков уточнил и дополнил в многотомном издании Е. Яровецкий⁵. В 2014 г. свет увидела и отдельная работа Е. Вуйчик, целиком посвященная истории газеты «*Stowo Polskie*»⁶. Ее статья основана на архивных источниках Центрального государственного исторического архива Украины во Львове. Автор повествует об издательских делах, расцвете и упадке газеты, доходах, расходах, главных редакторах и т. п. Достаточно часто в качестве источника эту влиятельную газету использовали историки, изучавшие национал-демократическое движение в межвоенной Польше и проблемы польско-украинских отношений⁷. В отечественной историографии, и это отметил в своей работе В. Коласа, примеров изучения польской прессы крайне мало⁸, в основном историки изучали польскую периодику XIX в.

Газета «*Stowo Polskie*» (1895–1934) возникла по инициативе Тадеуша Романовича (1843–1904) и Тадеуша Рутовского (1841–1912), финансировал издание химик, предприниматель, один из пионеров нефтедобывающей промышленности в Восточной Галиции Станислав Щепановский (1846–1900)⁹. После начала Первой мировой войны, когда Львов был занят русскими войсками (3 сентября 1914 – 22 июня 1915 гг.), редакция, руководствуясь распоряжением партии, выражала на страницах газеты пророссийскую позицию. После того как Галиция вновь была занята австрийской армией, редакция вынуждена была эмигрировать в Россию, а выпуск газеты на какое-то время приостановить¹⁰. После более чем трехгодичного перерыва, в конце 1918 г., газета стала выходить вновь. Поначалу и объем, и тираж «*Stowo Polskie*» никак не могли сравниться с довоенным. В первом послевоенном выпуске редакция описывала читателям те тяжелые

условия, в которых приходилось работать издательству: помещение нуждалось в ремонте, оборудование было частично сломано, не хватало бумаги, были утрачены довоенные связи с европейскими журналистами, да и сама издательская группа находилась в весьма сложном финансовом положении¹¹. Дела пошли значительно лучше после того, как в 1919 г. граф Александр Скарбек (1874–1922), один из предводителей галицийской эндееции, выкупил эту газету. После его смерти в 1922 г. и до 1934 г. владельцы газеты неоднократно менялись, как и политика издательства. После майского переворота 1926 г. газета сменила политическую линию и стала проправительственной¹². К 1934 г. дела издательства стали совсем плохи. Как полагает Вуйчик, газета пришла в упадок и в конце концов прекратила свое существование из-за тяжелого финансового положения, которое, в свою очередь, явилось следствием неумелого управления делами издательства¹³. Таким образом, в межвоенной Польше газета «*Ślowo Polskie*» уже не смогла достичь своих довоенных высот (тиражи не превышали 10 000 экземпляров), но тем не менее она продолжала оставаться одним из самых популярных изданий, многие известные политики и журналисты регулярно печатались на ее страницах.

Каким же представал перед читателями украинец? Традиционно поляки называли украинцев «русью» («*Ruś*»), и именно с этим словом связана попытка выстраивания положительного образа этого народа. Слово же «украинец» («*Ukrainiec*») в польском языке ассоциировалось с борьбой за создание собственного, украинского, государства, а сепаратизм, конечно же, поляками осуждался*.

На страницах газеты в 1918–1923 гг. неоднократно подчеркивалось, что создание украинцами собственного независимого государства — не более, нежели политическая химера. Западно-Украинскую народную республику называли «лилипутским государством» (*lilipuce państwko*)¹⁴. К чаяниям украинского народа создать собственное государство относились у лучшем случае как к причудам, в худшем — считали, что такое нездоровое желание украинцев является результатом влияния враждебных австро-германских политических сил. Украинцам отказывали в политической зрелости,

---

* Значительно позже, в феврале 1936 г., было издано специальное распоряжение министра внутренних дел Польши Ф. Славой-Складковского, согласно которому в официальных документах уравнивались термины «ruski» и «ukraiński», так как они использовались для обозначения одного и того же народа.

самостоятельности, поэтому очень часто даже слово «украинцы» ставили в кавычки, пытаясь тем самым показать, что это вымышленное общество и самоназвание у него тоже вымышленное. «Так называемые галицийские украинцы по сути никогда не проводили никакой собственной национальной политики», — отмечалось в одном из первых номеров возобновленной газеты. А предводители этого движения — не кто иные, как «агенты берлинско-венского империализма»¹⁵.

На страницах газеты писали, что украинские сепаратисты своими действиями против Польши и России на самом деле не стремятся создать суверенную Украину, а готовят почву для германского правления. К. Вжещиньская считает, что исходя из этих предпосылок делался вывод о том, что польские политики свою миссию видели в избавлении украинцев от этих чар немецкой, а также большевистской пропаганды. Непременно надо было вернуть этому народу его давнее название русинов («*Rusinów*»), а не австрийских украинцев («*Ukraińców*»)¹⁶.

В этническом плане ситуация в Восточной Галиции была сложной, поляки преобладали только во Львовском воеводстве (и то незначительно). Вопрос определения точного количества украинцев, живущих во Второй Речи Посполитой, до сих пор является предметом острых дискуссий и, похоже, останется таковым еще надолго, так как основными источниками служат переписи населения 1921 и 1931 г. (см. диаграммы 1 и 2). Первая перепись бойкотировалась частью украинцев, считавших, что Восточная Галиция находилась под польской оккупацией, соответственно, данные не точны. Во второй переписи графы об этнической принадлежности уже не было. Кроме того, многие исследователи указывают, что польские чиновники активно использовали административный ресурс, подтасовывая результаты¹⁷. Помимо перечисленных факторов, сложность при проведении переписи в Восточной Галиции также состояла в том, что в ходу были различные традиционные термины самоидентификации, например: «тутейшие», «местные», «греко-католики», «русины» и др.¹⁸ Графа о родном языке, которая появилась в переписи населения 1931 г., тоже не позволяет однозначно идентифицировать этническую принадлежность. Так, в воспоминаниях поляков, репатриированных в 1940-е годы с территории Восточной Галиции в Польшу, неоднократно встречаются слова о том, что жители восточногалицийских сел, даже если и идентифицировали себя как поляков, то почти совсем не говорили по-польски, а использовали «русский» (т. е. украинский) язык¹⁹.

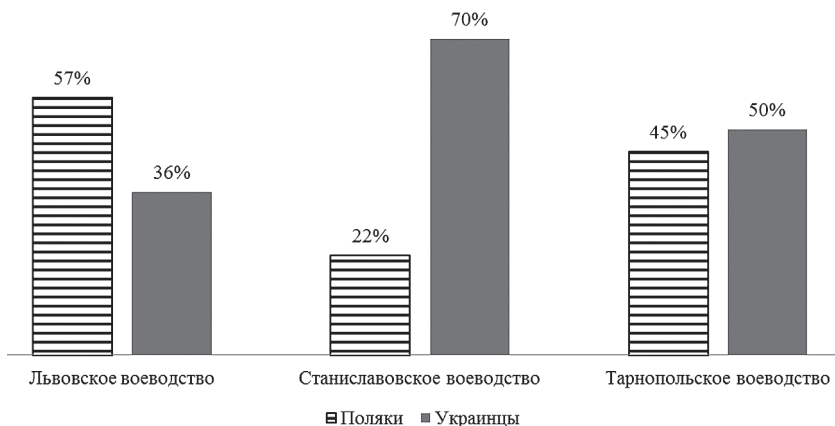

Диаграмма 1. Распределение населения Восточной Галиции по этнической принадлежности, 1921 г.²⁰

Конфессиональная принадлежность, которая могла бы позволить идентифицировать католиков как поляков, а греко-католиков как украинцев, также не вносит ясности. Так, К. К. Федевич убедительно показывает как в 1920–1930-е годы в Восточной Галиции шел процесс украинизации многих польских крестьян-католиков. Исследователь пишет, что часто полякам католического вероисповедания надо было ходить на службу в костел, который находился в соседнем селе или еще дальше, причем зачастую греко-католическая церковь располагалась совсем рядом. Поскольку греко-католическая церковь признает власть Папы римского и тоже принадлежит ко Вселенской католической церкви, посещение поляками-католиками греко-католических церквей, в которых службы велись на украинском языке, не считалось зазорным, а было вполне обычным и повсеместным явлением²¹. Также ничего странного не было в том, если греко-католический священник обучал Закон божьему детей католиков²². Тем не менее, не смотря на статистические огрехи, историки заявляют, что украинцы были самым многочисленным национальным меньшинством во Второй Речи Посполитой (около 16%)²³.

Журналисты «*Słowo Polskie*» соглашались, что украинцы («*Ruś*»), конечно же, не поляки, но это народ близкий, братский, исторически связанный с Польшей добровольной унией, поэтому война украинцев

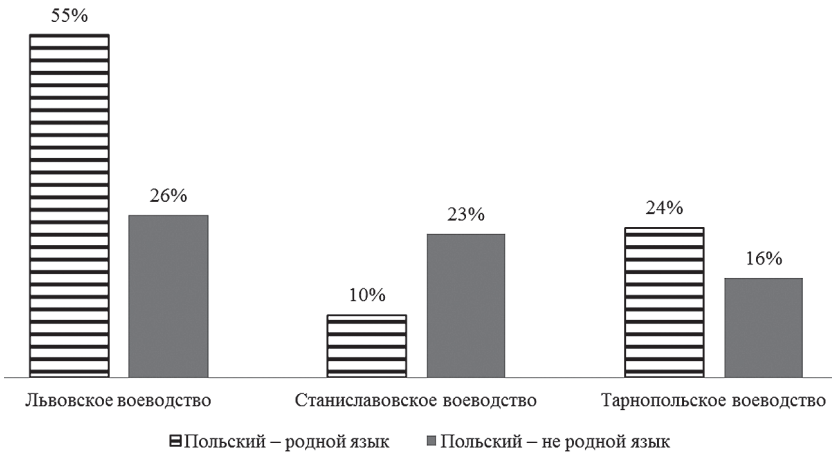

Диаграмма 2. Распределение населения Восточной Галиции по родному языку, 1931 г.²⁴

с поляками бессмысленна²⁵. Ведь едва ли не каждая польская семья является смешанной, в жилах поляков течет, в том числе, и украинская («*ruska*») кровь, равно как многие украинские семьи («*rodzine ruskie*») связаны кровными узами с поляками²⁶. Нельзя навязывать украинцам, — подчеркивалось на страницах «*Ślowo Polskie*», — свое мнение о том, что на территории Восточной Галиции преобладает польское культурное влияние, или же, что согласно историческому праву эта область является, безусловно, польской. В качестве обоснования этого тезиса, например, приводилась цитата из Повести временных лет про поход Владимира на поляков в 981 г. («и захватил города их, Перемышль, Червен и другие города»), из чего автор заметки сделал вывод, что уже задолго до похода Владимира это была часть Польши, впоследствии же эту территорию отобрали у Польши силой²⁷. Однако если в нынешней международной ситуации историческое право не признается, а вместо него прочно утвердилось право наций на самоопределение, следует объяснить братскому украинскому народу («*bratnej Rusi*»), что только Польша сможет удовлетворить украинские интересы. Как писал известный эндекский политик Станислав Грабский (1871–1949), активно публиковавший свои статьи в том числе и на страницах «*Ślowo Polskie*», «необходимым условием удержания существующих границ есть превращение государственной

территории Речи Посполитой в национальную польскую территорию»²⁸. Таким образом, рассуждения велись в духе известного тезиса: «*Gente Ruthenus natione Polonus*» («Русский народ польской нации»).

Поначалу никто не видел никакой сложности в том, чтобы сделать из украинцев лояльных польскому государству граждан. Свыше 80% представителей этого этноса проживали в сельской местности, в то время как интеллигенция составляла всего около 2,5%²⁹. Большая часть крестьян-украинцев была неграмотной или малограмотной, особенно если те села, где они жили, находились далеко от городов. Из этого делался вывод, что украинские крестьяне были политически инертными: «украинское гражданское население („*ludność cywilna ruska*“) ведет себя совершенно безучастно»³⁰. Польские политики соглашались, что украинцев, безусловно, много, однако предполагалось, что они не представляют собой какую-либо реальную силу, поэтому еще одной миссией поляков была европеизация своих восточных областей. Польша для украинцев — не чужое государство, — резюмировали на страницах «*Stowo Polskie*», — она культурно намного им ближе, нежели Россия, в которой у «восточных варваров», доминируют «татарские пережитки». Более того, Польша должна стать барьером на пути распространения большевизма на Запад³¹.

На формирование образа украинца на страницах газеты «*Stowo Polskie*» влиял ряд факторов: непосредственно военные действия; позиция Франции, Великобритании и США по вопросу Восточной Галиции; в самой Польше менялся подход к внутривосточным проблемам; с повестки дня не сходили и те вопросы, которые будоражили самих украинцев. События польско-украинской войны, бои за Львов, неопределенность восточной границы Второй Речи Посполитой заставляли поляков показывать на страницах газеты неприглядное лицо украинца (чаще всего используется именно слово «*Ukrainiec*», а не «*Ruś*»), чтобы определенным образом настроить общественное мнение и сплотить силы в борьбе. Однако даже окончание боевых действий между поляками и украинцами в 1919 г. и общее сплочение сил против общего врага — большевиков, не смягчили риторики.

Украинцы («*Ukraincy*»), воюющие с Польшей, — грубые и жестокие разбойники, — писалось на страницах газеты в 1918 г. Заявлялось, что они просто завидуют полякам, потому что у них получилось создать свое государство, а у украинцев — нет. К тому же эти «украинцы страшно неблагодарные». Утверждалось, что Польша всегда

шла им на встречу, пыталась войти в их положение, понять противоположную сторону, поляки всегда были готовы к компромиссам, однако украинцы не способны усвоить доводы разума, эти «гайдамацкие варвары» могут лишь издеваться над мирным населением, стрелять в спину³², разрушать культурные памятники. Так, в подробностях описывался случай, произошедший после того как украинская армия заняла Тарнополь: бешеные банды украинских дикарей выместили свою злобу на ни в чем не повинном памятнике Адаму Мицкевичу*, в статую стреляли, разбили ей голову³³. На страницах газеты «*Ślowo Polskie*» украинцев обвиняли в том, что они отказываются считать Польшу своим государством³⁴, о чем писали в разделе «Из украинской прессы» («*Z prasy ruskiej*»), который приводил цитаты из ведущих украинских газет. У украинских газет, в свою очередь, была постоянная рубрика «Из Польши». В «*Ślowo Polskie*» по этому поводу недоумевали: «Как будто бы Польша — это чужое для них государство». Причем, как утверждал автор заметки, в украинских газетах в основном про Польшу и поляков пишут только плохое: о забастовках, ограблениях, нападениях и т. п., когда же украинцам что-то необходимо попросить у государства, то их тон и риторика сразу же меняются³⁵.

Неоднократно на страницах газеты всплывал сюжет жестокого обращения украинских войск с военнопленными, евреями, мирным польским населением. Из этого следовал вывод, что украинцы находятся на таком низком уровне развития, что просто не имеют права на создание собственного государства, поскольку не знают правил поведения, ведь украинская армия систематически нарушает Гаагские (1899 и 1907 г.) и Женевские конвенции (1864 и 1908 г.)³⁶. Поляки по официальным каналам жаловались правительствам США, Англии, Франции, Италии и Румынии на варварскую бомбардировку Львова в новогоднюю ночь³⁷.

После окончания военных действий судьба Восточной Галиции решалась в кабинетах европейских политиков. Несмотря на попытки украинской дипломатии лавировать, используя противоречия европейских держав, однако обеспечить дипломатическую поддержку в деле создания независимой Украины все таки не удалось. 3 декабря 1920 г. вышло постановление правительства о создании

---

* Памятник не сохранился. Скульптор — Томаш Дикас (1895).

на территории Восточной Галиции трех воеводств: Львовского, Тернопольского и Станиславовского³⁸. Сейчас это территории Львовской, Ивано-Франковской и большей части Тернопольской областей современной Украины, а также восточная часть Малопольского воеводства современной Польши (считалось, что граница между Восточной и Западной Галицией проходила по р. Сан). В газете «*Stowo Polskie*» подчеркивалось, что не следует трактовать этот закон как политический шаг, решение принято исходя исключительно из административных надобностей³⁹.

14 марта 1923 г. послы Франции, Англии, Италии и Японии (посол США присутствовал в качестве наблюдателя) установили восточную границу Польши, закрепив за ней Виленскую область, Западную Белоруссию, Западную Волынь и Восточную Галицию. Против этого решения протестовали как украинцы Восточной Галиции (18 марта 1923 г. во Львове состоялась 40-тысячная акция протеста), так и СССР, как субъект Рижского мирного договора (заявление СНК от 5 апреля 1923 г. о непризнании решения Парижской конференции послов Антанты). Рижский мирный договор 18 марта 1921 г. обязывал провести западную границу советских республик по реке Збруч. Однако советская сторона утверждала, что не следует из этого делать вывод, что по Збручу проходит и восточная граница Польши. Эта линия была границей Восточной Галиции, а уже решение относительно принадлежности или непринадлежности этой территории к Польше, в соответствии с рижскими статьями, должно было принадлежать проживающему там народу, которому необходимо было предоставить право свободно высказаться по этому вопросу⁴⁰. Совет послов также подчеркнул и то, что Польша обязана дать восточным землям, вошедшим в ее состав, статус самоуправления. Таким образом, решение послов Антанты закрыло обсуждение проблемы Восточной Галиции на международном уровне, теперь жизнь этой территории определялась внутренней политикой Второй Речи Посполитой⁴¹. Как отмечает Р. Тожецкий, такое решение послов Антанты очень сильно повлияло на украинцев в Восточной Галиции. Они перестали рассчитывать на поддержку Запада, стали пестовать в своей среде негативное отношение к Польше и симпатизировать советской Украине. Их внимание привлекали происходившие там общественные изменения, быстрое восстановление экономики⁴².

Первые полосы мартовских выпусков «*Słowo Polskie*» в 1923 г. информировали читателей о заседаниях Совета послов. Его окончательное решение было принято с большой радостью, утверждалось, что оно в первую очередь поможет украинскому народу («*rusińskiej ludności*»). Они наконец-то поймут, что это уже точно «конец» всяких Украин», что их принадлежность к Польше — это навсегда, и что они должны быть лояльны по отношению к государству, быть законопослушными гражданами⁴³.

Дальнейшие события убедили поляков в ошибочности их построений, особенно относительно того, что у украинцев нет народного чувства, национального самосознания, что они утихомятся, как только судьба Восточной Галиции будет решена. Чем дальше, тем больше на них смотрели с опаской, боялись украинских авантур в Сейме, диверсий, терактов и массовых демонстраций на улицах городов. На страницах газет говорили про антипольскую агитацию украинских общественных организаций, которые разжигали народную ненависть, прикрываясь образовательной и гуманитарной деятельностью. Стали высказываться опасения, что украинские националисты, недовольные решением судьбы Восточной Галиции, потянут за собой тех самых крестьян-украинцев, которых поляки считали политически инертными⁴⁴. Выводы из этой ситуации были сделаны следующие. Польские политики стали склоняться к тому, что поведение властей на местах является причиной всех бед; они слишком мягкие, поэтому для усмирения всякого рода недовольств им стали отправлять в помощь войска⁴⁵. Критика звучала и в адрес центральной власти, которую обвиняли в отсутствии четкой программы действий по отношению к украинскому меньшинству, что могло в будущем очень плохо сказаться. И снова из этого следовало силовое решение проблемы — необходима была крепкая государственная власть⁴⁶.

Таким образом, несмотря на попытки редакторов и журналистов газеты «*Słowo Polskie*», используя известную римскую максиму «разделяй и властвуй», дифференцировать украинцев на «хороших» (т. е. лояльных польской державе) и «нехороших» (таких, которые хотели независимости), что нашло свое выражение, в том числе и в различных названиях этой этнической группы («*Rusini*» и «*Ukraińcy*»), все-таки образ и «русина», и «украинца» имел скорее больше негативных черт, нежели позитивных. Заметки, рисующие мирное сосуществование

украинцев и поляков на территории Восточной Галиции, попытки показать их вовлеченность в строительство Второй Речи Посполитой, были каплей в море. Негативная риторика, обличения, поиски врагов с обеих сторон не способствовали продуктивным дискуссиям в таком непростом и тонком деле, как налаживание добрососедских отношений. Газета «*Słowo Polskie*» тиражировала этнически окрашенные стереотипы, вызывала враждебные чувства, тем самым мало способствуя предотвращению межнациональных конфликтов в будущем.

Борьбу (как дипломатическую, так и военную) за Восточную Галицию украинцы проиграли, но и поляки недолго праздновали победу. Проблема не была решена, поэтому очень скоро снова напомнила о себе. Восточная Галиция и Львов по сути не являлись каким-то важным экономическим или военно-стратегическим центром. Война велась за ключевой для всех символ, и обладание этим символом могло добавить сил как одной, так и другой стороне. Стремление не воспринимать серьезно украинские национальные интересы, отмахиваться от них, ассимиляторская, колонизаторская политика, а позднее и силовое давление привели к печальным последствиям в 1930-е, и особенно, в 1940-е годы.

Примечания

¹ *Jarowiecki J.* Studia nad prasą polską XIX i XX wieku. Kraków, 2006. T. 2. S. 132.

² Цит. по: *Jarowiecki J.* Studia nad prasą polską. S. 52.

³ *Wójcik E.* Organizacja i działalność lwowskiej Spółki Wydawniczej «Słowa Polskiego» (1895–1938) // *Rocznik Historii Prasy Polskiej*. 2014. № 1 (33) (T. XVII). S. 34; 37.

⁴ *Paczkowski A.* Prasa Polska w latach 1918–1939. Warszawa, 1980; *Notkowski A.* Polska prasa prowincjonalna Drugiej Rzeczypospolitej 1918–1939. Warszawa; Łódź, 1982.

⁵ *Jarowiecki J.* Studia nad prasą polską.

⁶ *Wójcik E.* Organizacja i działalność lwowskiej Spółki Wydawniczej «Słowa Polskiego».

⁷ См., например: *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929. Kraków, 1989; *Wojdyło W.* Kwestia ukraińska w myśli społeczno-politycznej obozu narodowo-demokratycznego w Drugiej Rzeczypospolitej // *Polska i Ukraina: Sojusz 1920 roku i jego następstwa* / Red. Z. Karpus, W. Rezmer, E. Wiszka. Toruń, 1997. S. 359–370; *Mazur G.* Życie polityczne polskiego Lwowa 1918–1939. Kraków, 2007 и др. Украинскому вопросу во Второй Речи Посполитой посвящено очень много работ и характеристика этих работ — достаточно трудоемкая задача, требующая написания отдельной и весьма обширной статьи.

⁸ *Kolasa W.M.* Kierunki badań nad historią prasy polskiej 1918–1939. Cz. 1. Tendencje rozwojowe, typologia // *Rocznik Historii Prasy Polskiej*. 2011. T. XIV. Z. 1–2 (27–28). S. 17.

⁹ *Wójcik E.* Organizacja i działalność lwowskiej Spółki Wydawniczej «Słowa Polskiego». S. 29.

- ¹⁰ Ibid. S. 36.
- ¹¹ Od Wydawnictwa // Słowo Polskie (далее — SP). 1918. 21 XII. N 1. S. 3.
- ¹² *Wójcik E.* Organizacja i działalność lwowskiej Spółki Wydawniczej «Słowa Polskiego». S. 37–39.
- ¹³ Ibid. S. 42–43.
- ¹⁴ SP. 1918. 28 XII. N 6. S. 1.
- ¹⁵ Ibidem.
- ¹⁶ *Wrzesińska K.* Obraz mniejszości narodowych w poznańskiej prasie konserwatywnej w latach 1918–1939. Poznań, 2002. S. 182.
- ¹⁷ См., например: *Федевич К.К.* Украинцы и не только. Особенности национального самосознания украинцев Восточной Галиции в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 2014. № 5. С. 3–11.
- ¹⁸ Там же. С. 4.
- ¹⁹ *Bilska-Homa W.* Z Podolskiej Płoty na zachód Polski. Wrocław, 2009. S. 36.
- ²⁰ Источник: Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dn. 30 września 1921 roku. Mieszkania. Ludność. Stosunki zawodowe. Statystyka Polski. Warszawa, 1926. T. XXIII. Województwo Wołyńskie. S. 62; T. XXVII. Województwo Lwowskie. Warszawa, 1927. S. 117; Warszawa, 1927. T. XXVIII. Województwo Stanisławowskie. S. 78; T. XXIX. Województwo Tarnopolskie. Warszawa, 1927. S. 82.
- ²¹ *Федевич К.К.* Украинцы и не только. С. 6.
- ²² Там же.
- ²³ *Grünberg K., Sprengel B.* Trudne sąsiedztwo: Stosunki polsko-ukraińskie w X–XX wieku. Warszawa, 2005. S. 320.
- ²⁴ Источник: Drugi powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dn. 9 grudnia 1931 roku. Wyniki tymczasowe. Warszawa, 1932. S. 4.
- ²⁵ SP. 1918. 21 XII. N 1. S. 2.
- ²⁶ Ibid. 28. XII. N 6. S. 1.
- ²⁷ Ibid. 21. XII. N 1. S. 2.
- ²⁸ Цит. по: *Tomaszewski J.* Kresy Wschodnie w polskiej myśli politycznej XIX i XX w. // Między Polska etniczną a historyczną. Polska myśl polityczna XIX i XX wieku. Warszawa, 1988. T. 6. S. 108.
- ²⁹ *Grünberg K., Sprengel B.* Trudne sąsiedztwo. S. 322.
- ³⁰ SP. 1919. 03 I. N 3. S. 1.
- ³¹ Ibid. 1920. 01 I. N 1. S. 1.
- ³² Mord brzuchowicki // SP. 1918. 27 XII. N 5. S. 4. В 1921 г. преступники-украинцы, совершившие это убийство, были осуждены на разные сроки заключения. См.: Z okoliczeństw ukraińskich // SP. 1921. 18.03. N 125. S. 4.).
- ³³ Wieści z Podola // SP. 1918. 27 XII. N 5. S. 2.
- ³⁴ Z prasy ruskiej // SP. 1920. 01 I. N 1. S. 3.
- ³⁵ Ibid. S. 3.
- ³⁶ Ibid. 1919. 02 I. N 2. S. 2.
- ³⁷ Ibid. 03 III. N 3. S. 3.
- ³⁸ Ustawa z dnia 3 grudnia 1920 r. O tymczasowej organizacji władz administracyjnych II instancji (województw) na obszarze b. Królestwa Galicji i Lodomerji z W. Ks. Krakowskim oraz na wchodzących w skład Rzeczypospolitej Polskiej obszarach Spisza i Orawy // Dziennik Ustaw RP. 1920. N 117.
- ³⁹ Podział terytorjalny Małopolski // SP. 1920. 05 XII. N 565. S. 1.

-
- ⁴⁰ *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929. Kraków, 1989. S. 398.
- ⁴¹ *Ibid.* S. 20–21.
- ⁴² *Ibid.* S. 28.
- ⁴³ *Grabski S.* Fakty // SP. 1923. 17 III. N 75. S. 1.
- ⁴⁴ *Wrzeńska K.* Obraz mniejszości narodowych. S. 186.
- ⁴⁵ *Ibid.* S. 187.
- ⁴⁶ *Ibid.* S. 191.

А. О. Пеганов

Политико-экономические отношения Венгрии и Чехословакии в 1931–1932 гг.: неудавшаяся попытка «перезагрузки» на Дунае

Мировой экономический кризис (или Великая депрессия) в начале 1930-х годов сильнее всего отразился на экономике Венгрии. После обвала мировых цен на зерно — главный элемент венгерского экспорта, доходы населения и размер отчисляемых им налогов резко упали. Вдобавок поток иностранных инвестиций в хортистскую Венгрию также высох, сведя к минимуму второй основной канал пополнения государственной казны. В результате Венгерское королевство в течение нескольких лет было на грани банкротства, а жизнеспособность консервативного авторитарного режима регента Миклоша Хорти оказалась под вопросом. Одним из наиболее задействованных ресурсов для разрешения политико-экономического кризиса стала дипломатия: МИД Венгрии активизировал контакты с иностранными правительствами, стараясь обеспечить получение кредитов, заключение торговых контрактов и даже подготовить создание единого регионального таможенного пространства с целью оживления венгерской экономики.

Важную роль в дипломатических калькуляциях хортистов играла Чехословацкая республика (ЧСР), которая до начала мирового экономического кризиса являлась вторым по значению торговым партнером Венгрии. В 1920-е годы в ЧСР направлялось около $\frac{1}{5}$ венгерского экспорта и оттуда поступало до $\frac{1}{4}$ импорта. Однако после расторжения Чехословакией торгового договора с Венгрией в 1930 г., объем обмена между двумя странами стал значительно падать¹. В первый семестр 1931 г. вывоз из Венгрии в ЧСР сократился в семь раз (с 423 млн чехословацких крон до 58 млн), в то время как

чехословацкий экспорт в Венгрию — в три раза (с 468 до 154 млн чс. крон)². Помимо экономических интересов, внимание Венгрии к своему северному соседу было приковано как к потенциальному объекту реваншистской программы по возвращению (частичному или полному) Словакии и Подкарпатской Руси, юридически входивших в состав Венгрии до вступления в силу Трианонского мирного договора 1920 г. В этом ключе на северном направлении своей дипломатии Будапешт пытался примирить противоречивые экономические и национально-территориальные интересы. Данная статья показывает, как мировой экономический кризис повлиял на внешнюю политику Венгрии в 1931–1932 гг., особенно касаясь ее чехословацкого направления.

Центральной фигурой в попытках регента Миклоша Хорти (1868–1957) стабилизировать ситуацию оказался его тесть — граф Дюла Каройи (1871–1947). В августе 1931 г. регент отправил в отставку премьер-министра Иштвана Бетлена (1874–1946), руководившего правительством с 1921 г. Хорти поручил сформировать новый кабинет министров Каройи, который с декабря 1930 г. был главой МИД. Невзирая на личную поддержку Хорти, это правительство (просуществовавшее до сентября 1932 г.) так и не смогло вернуть режиму устойчивость. Премьерство Каройи сопровождалось не только ухудшением экономической ситуации, ростом безработицы и социального недовольства, но и обострением борьбы между различными политическими группировками: Бетленом, который возглавлял сильнейшую в парламенте «Единую партию», социал-демократами, аграриями и националистами. Каждая из них пыталась использовать ослабление правительственной вертикали для реализации собственных программ и интересов. Стремясь удержать общественное недовольство под контролем, 20 сентября 1931 г. правительство Каройи ввело чрезвычайное положение, запретило проведение общественных собраний и митингов, усилило цензуру и политический сыск³.

Борясь с последствиями экономической стагнации, Будапешт умножил усилия по расширению внешнеторговых связей королевства. Контекст венгерской дипломатии задавали различные проекты интеграции, призванные оживить экономику стран бассейна Дуная. Первым крупным проектом региональной кооперации стал австро-германский план по созданию таможенной унии между Германией, Австрией, Венгрией, Югославией, Румынией и Болгарией.

Анонсированный 19 марта 1931 г. план вызвал настоящий переполох в дипломатических ведомствах Франции и ЧСР⁴. Парижские политические круги, усматривающие в данной инициативе угрозу создания немецкой «Срединной Европы» (*Mittleuropa*), давали понять, что для охлаждения экономических амбиций Берлина могла быть выбрана опция даже «превентивной войны»⁵.

В Будапеште, после некоторых колебаний, также негативно отнеслись к замыслу австро-германской таможенной унии. Были учтены опасения, что реализация данного проекта поставит Венгрию перед угрозой экономического подчинения Германии⁶. Как следствие, хортистский режим решил пойти на сближение с Парижем. Французский посланник в Будапеште Луи де Вьен (1874–1944) передал главе внешнеполитического ведомства Дюле Каройи 31 марта 1931 г., что в борьбе против Германии Третья республика была готова укреплять Венгрию⁷. Помимо готовности оказать Венгрии помощь кредитами и развивать экономический обмен, Кэ д'Орсэ* выразил желание упрочить венгеро-чехословацкие торговые отношения. Париж начал продвигать идею хозяйственной кооперации между Веной, Будапештом и Прагой⁸.

Венгрия и ЧСР положительно восприняли французскую идею. 26 апреля 1931 г. чехословацкий министр иностранных дел Эдвард Бенеш (1884–1948) телеграфировал своим подчиненным, что Прага попытается как можно скорее заключить новые торговые договоры с Веной и Будапештом⁹. В мае 1931 г. Бетлен рассчитывал на содействие Франции в достижении венгеро-чехословацкого соглашения и предоставлении Венгрии французских кредитов. Просьба Бетлена была услышана в Париже, шеф Кэ д'Орсэ Аристид Бриан (1862–1932) намеревался отблагодарить Бетлена за его «идеальное поведение» при обсуждении германо-австрийской таможенной унии¹⁰.

Надежды на скорое прекращение таможенной войны между Будапештом и Прагой быстро увяли на фоне продолжавшейся ревизионистской кампании венгерского премьер-министра. Бетлен не переставал публично напоминать о том, что к Венгрии следует присоединить прилежащие заграничные районы с мадьярским большинством, а на остальных «отсоединенных территориях» провести

---

* Кэ д'Орсэ — набережная в Париже, где расположено Министерство иностранных дел Франции.

плебисциты о самоопределении¹¹. Согласно информации Кэ д'Орсэ, в ответ на длительное примирение с Прагой, Будапешт требовал узкую приграничную полосу в Южной Словакии от Комарно до Кошиц, где проживали 200 тыс. чел. (преимущественно — мадьяры) и плебисцит о самоопределении в Подкарпатье¹².

После обострения финансовой ситуации в Будапеште летом 1931 г., Франция одобрила выдачу Венгрии стабилизационного кредита в 500 млн франков¹³. Вместе с тем, по дипломатическим кругам разошелся слух, что в обмен на кредит Париж потребовал ухода Бетлена с поста премьер-министра¹⁴, что и случилось 19 августа 1931 г. Отставка Бетлена была встречена с радостью в Праге, где надеялись на приход к власти в Будапеште более «дружелюбного» правительства¹⁵. Чехословацкая пресса живо комментировала демиссию И. Бетлена, связывая ее с трудным экономическим положением Венгрии и вынужденным сближением с Францией. Напоминая о разоблачении администрации Бетлена в подделке французской валюты в 1926 г., газета «*České slovo*» («Чешское слово») написала 21 августа 1931 г., что «франк победил его фальшивомонетчиков». Единственный выход из кризиса для Венгрии, убеждали чехословацкие газеты — введение демократического правления и примирение с соседними государствами¹⁶.

С формированием собственного кабинета Каройи передал портфель министра иностранных дел Лайошу Валко (1880–1954). Правительство сразу же приступило к проведению антикризисных мер, в основу которых легло сокращение госрасходов. Пересмотр Трианонского мира первоначально отсутствовал среди главных лозунгов нового правительства. В программном заявлении 27 августа 1931 г., Каройи, обойдя тему ревизии, миролюбиво заметил, что существующие противоречия с соседними государствами могут быть решены только мирными средствами. Упомянув «дружественные» связи, которые связывали Венгрию с Италией, Польшей и Турцией, Каройи указал, что его кабинет работал над усилением экономических отношений с Францией, Германией, Румынией и ЧСР¹⁷.

Для активизации коммерческих отношений с Францией и ЧСР, МИД Венгрии открыло параллельные переговоры с представителями этих государств 17 августа 1931 г. в курортном городке Лиллафюред недалеко от Будапешта¹⁸. В то же время как франко-венгерские переговоры продвигались быстро (27 августа 1931 г. был подписан

франко-венгерский торговый договор), встречи между венгерской и чехословацкой сторонами не приносили результата, поскольку чехословацкая делегация отказывалась от обсуждения снижения аграрных тарифов¹⁹.

Тем временем экономическая ситуация в Венгрии настолько ухудшилась, что правительство Каройи обратилось 5 сентября 1931 г. к Лиге Наций с предложением освободить Венгрию от выплат ее иностранных долгов. Прибывшая в начале сентября на осеннюю сессию Лиги в Женеву венгерская делегация (в составе Каройи, Валко и Альберта Апони (1846–1933)) провела несколько важных встреч с Бенешем. Глава МИД Чехословакии заверил своих собеседников, что его страна готова на экономическую кооперацию с Австрией и Венгрией без выдвижения политических условий и что после создания блока Прага — Вена — Будапешт можно было бы поднять вопрос пересмотра чехословацко-венгерской границы²⁰. Комментируя «план Бенеша», его секретарь Камил Крофта (1876–1945) заверил 21 сентября 1931 г. французского дипломата Франсуа Шарля-Ру (1879–1961), что если Венгрия навсегда отречется от своих территориальных претензий к ЧСР, то Прага сможет «легко» отказаться от своих районов с несколькими сотнями тысяч мадьяр²¹.

Вероятно не без влияния встреч в Женеве, торговые переговоры в Лиллафюреде получили новый импульс: 12 сентября 1931 г. было подписано временное торговое компенсационное соглашение между Венгрией и ЧСР. Соглашение подразумевало сокращение чехословацких тарифов для ввоза венгерской свинины (29 тыс. свиней) и преференции для импорта в Венгрию отопительной древесины (20 тыс. т.) из ЧСР²².

Подтверждая искренность намерений на сближение с Прагой, Будапешт предпринял осенью 1931 г. заметный поворот в своей политике дирижирования мадьярскими партиями в ЧСР. Во-первых, кабинет Д. Каройи урезал финансовую помощь крупнейшей мадьярской партии в ЧСР — Краевой христианской социальной партии (КХСП). Сокращение субсидирования КХСП почти в два раза (со 110 тыс. до 60 тыс. крон в месяц) поставило ее на грань роспуска. Вдобавок Будапешт начал лоббировать отставку авторитетного лидера партии Гезы Сьюллё (1872–1957) с поста председателя партии²³.

Несмотря на эти многообещающие заявления, курс на сближение Венгрии с ЧСР постоянно сталкивался с реалиями. В конце сентября

1931 г. коммерческие операции между двумя дунайскими соседями на основе соглашения в Лиллафюреде были приостановлены из-за отсутствия венгерских девизовых резервов необходимых для оплаты чехословацких товаров²⁴. Венгерский и чехословацкий посланники в Вене граф Лайош Амброци (1868–1945) и Гуго Вавречка (1880–1952) не скрывали перед коллегами, что на пути экономической кооперации их стран стоял ряд препятствий. Вавречка сообщал, что Чехословакия, если она пойдет на интенсификацию хозяйственных отношений с Венгрией и Австрией, рискует подорвать свое относительно стабильное экономическое положение²⁵. 17 октября Валко жаловался де Вьену, что дунайская кооперация «зависла»²⁶.

20 октября 1931 г. Э. Бенеш, пытаясь вернуть в повестку дня проект сотрудничества в Средней Европе, заявил с трибуны чехословацкого парламента, что переговоры с Венгрией могут стать его отправной точкой. Перекладывая ответственность за безрезультативность переговоров на правительство Каройи, Бенеш отметил, что Прага намеревалась «великодушно протянуть руку» Будапешту²⁷. Как сообщал в МИД посланник в Праге Силард Маширевич (1879–1944), суть предложения Бенеша сводилась к установлению преференциального торгового режима между Австрией, Венгрией и ЧСР, ведущего в перспективе к таможенной унии²⁸. Однако когда в декабре 1931 г. в Праге прошел новый раунд венгеро-чехословацких торговых переговоров, вопрос форм преференций и пропорций государственной гарантий ввозимых в Венгрию чехословацких товаров оказался непреодолимой проблемой: Будапешт определил потолок его возможностей в 60% от стоимости импорта, что воспринималось чехословацкой стороной как недостаточная мера²⁹.

Вопрос потенциальной ревизии венгеро-чехословацких границ временно отошел на задний план в глазах венгерских дипломатов. В ноябре 1931 г. бывший австрийский канцлер Игнац Зейпель (1876–1932), якобы от имени МИД ЧСР, передал в венгерскую миссию в Вене, что ЧСР при определенных условиях может уступить Венгрии Кошицы. Реакция МИД Венгрии на это сообщение весьма любопытна — венгерскому представителю в Вене было велено передать, что Будапешт не собирается в данный момент поднимать территориальный вопрос³⁰.

Вместе с тем, приезды венгерских партийных деятелей (Густава Граца (1875–1946), Иштвана Фридриха (1883–1951) от легитимистов,

Мано Бухингера (1875–1953) от социалистов) на приемы чехословацких властей, который участились на рубеже 1931–1932 гг., послужили существенной причиной негодования Каройи по отношению к ЧСР. 22 ноября 1931 г. МИД Венгрии выставил Праге в качестве условия двухсторонней нормализации экономических отношений прекращение вмешательства ЧСР во внутренние дела Венгрии. Однако встречи венгерских неправительственных деятелей и чехословацких властей продолжались. По этому поводу дотируемая венгерским внешнеполитическим ведомством газета «*Prágai Magyar Hírlap*» («Пражская венгерская газета») написала 23 декабря 1931 г., что «эти легкомысленные персональные инициативы причиняют нашим интересам самый большой вред»³¹. Правда, публичная позиция Будапешта на «политический туризм» Граца и Фридриха была довольно сдержанной. 4 февраля 1932 г. Каройи заявил в парламенте, что не имел никаких возражений против зарубежных поездок депутатов, но и не поддерживал их³². Вместе с тем, приезд в Прагу радикала Фридриха, по мнению посланника ЧСР в Будапеште Вацлава Паллиера (1880–1947), значительно охладил чехофильские настроения в правящих кругах³³. Глубокий эффект от поездки Фридриха в Прагу ощущался еще весной 1932 г. Один из видных бетленовцев при разговоре с чехословацким журналистом, пользовавшимся доверием пражских правительственных кругов, Хубертом Рипкой (1885–1958) сравнил встречу Фридриха с Бенешем с потенциальным приемом в Будапеште чехословацкого генерала Радолы Гайды (1892–1948)³⁴, обвиненного накануне в подготовке путча.

Малая результативность экономических переговоров и поездки венгерских оппозиционеров в Прагу видимо охладили интерес Каройи к кооперации с ЧСР. Помимо того, в Будапеште существовали опасения, что «дунайский план Бенеша», который должен был быть нацелен против Германии и на предотвращение аншлюса Австрии, мог негативно сказаться на отношениях Венгрии с ее главным союзником — Италией³⁵ и укрепить положение антивенгерского блока Малой Антанты. В этом ключе Маширевич рекомендовал своему министру 24 ноября 1931 г. не идти на улучшение политической атмосферы с ЧСР, пока та сохраняет союзнические отношения со странами Малой Антанты³⁶.

На рубеже 1931–1932 гг. в Будапеште стало ясно, что Бенеш продвигал вперед сразу две взаимодополняемые дунайские инициативы:

«узкую» кооперацию трех стран (Австрии, Венгрии и ЧСР) и более «широкое» пятичленное сотрудничество, дополненное за счет Югославии и Румынии. При этом Прага на встречах с представителями венгерского МИДа больше акцентировала «узкий» сценарий, а при контактах с венгерской оппозицией — «широкий» план. Для правительства Каройи вариант пятичленной дунайской интеграции представлял гораздо меньший интерес, чем кооперация оси Будапешт — Вена — Прага. Во-первых, причины были экономического характера: Венгрия рассчитывала экспортировать в ЧСР и Австрию аграрную продукцию, а Румыния и Югославия составляли бы ей ненужную конкуренцию. Во-вторых, имелись политические доводы: включение в единый блок Бухареста и Белграда затруднило бы южное и восточное направления программы ревизии трианонских границ, создало доминирование Малой Антанты в процессе дунайской интеграции.

В начале 1932 г. правительство Каройи заняло выжидательную позицию по вопросу о формах экономической кооперации на Дунае. Одновременно были задействованы связи с Италией, Румынией и Югославией. 6 декабря 1931 г. Бетлен был принят румынским королем Каролом II (1930–1940) в Тимишоаре³⁷, а 14–21 января 1932 г. он осуществил «частную» поездку в Рим, где передал Бенито Муссолини (1883–1945), что если срочно не будет создана таможенная уния Италии, Австрии и Венгрии, Будапешт будет вынужден пойти на участие в экономическом блоке трех верхнедунайских государств³⁸. 9 февраля 1932 г. министр иностранных дел Валко заверил депутатов парламента, что правительство было готово рассмотреть «любые предложения» по проблеме дунайской кооперации с целью решения экономического кризиса³⁹.

Это заявление, видимо, подстегнуло Прагу, Париж и Рим сделать наперегонки конкретные предложения Венгрии. С одной стороны, 20 февраля 1932 г. на основе разработок итальянского экономиста Игнацио Брочи в Земмеринге были подписаны торговые соглашения, нацеленные на создание общих коммерческих рамок для кооперации Австрии, Венгрии и Италии⁴⁰. С другой стороны, Париж вновь заверил Будапешт в возможности реализации экономической кооперации между Австрией, Венгрией и ЧСР⁴¹. Посланник в Вене Л. Амброци сообщил в МИД 27 февраля 1932 г., что Кэ д'Орсэ, с целью поощрения верхнедунайской комбинации, был готов оказать существенное давление на Прагу и даже приуменьшить финансовые

и промышленные связи Франции с чехословацкой индустрией до тех пор, пока ЧСР не присоединится к блоку Венгрии и Австрии⁴². Параллельно, британский Форин-офис выступил с предложением по созданию широкой дунайской таможенной унии, которая бы включала от трех до шести государств (Австрия, Венгрия, ЧСР, плюс Румыния, Югославия и Болгария)⁴³.

ЧСР также послала сигналы, что может удовлетворить экономические и ревизионистские надежды Венгрии. Во-первых, 22 февраля 1932 г. президент Томаш Гарриг Масарик (1850–1937) передал французскому посланнику Ф. Шарль-Ру, что коррекция границ между ЧСР и Венгрией возможна. Однако президент указал, что она должна носить взаимовыгодный характер и удовлетворить интересы ЧСР в расширении Братиславы на правом берегу Дуная⁴⁴. Во-вторых, в феврале 1932 г. было подписано новое венгеро-чехословацкое компенсационное соглашение, носившее, правда, скорее символический характер (было договорено об обмене 45 вагонов чехословацкого семенного ячменя на 54 вагонов венгерской пшеницы)⁴⁵.

Неожиданно в начале марта 1932 г. французские намерения продвигать вперед идею трехчленной кооперации Праги — Вены — Будапешта эволюционировали в проект широкой дунайской кооперации при опоре на членов Малой Антанты. Новый премьер-министр Франции Андрэ Тардьё (1876–1945) официально и публично предложил финансовую помощь для создания преференциальных режимов между Австрией, Венгрией, ЧСР, Румынией и Югославией⁴⁶. Сходство французского замысла с чехословацкой идеей широкой дунайской интеграции было настолько очевидно, что Крофта сообщил подчиненным, что «в действительности, план Тардьё — это наш план, выработанный министром Бенешем»⁴⁷.

Правительственные круги в Будапеште отреагировали с осторожностью на предложение Тардьё. 23 марта 1932 г. в парламенте Валко отметил, что реализация французского плана могла улучшить финансовую и экономическую ситуацию в Средней Европе. Вместе с тем, Валко указал, что заключение преференциальных соглашений не должно ограничивать отношения Венгрии с другими государствами. Министр отметил, что для обеспечения сбыта своих главных экспортных продуктов (пшеницы, муки и скота) Венгрия нуждалась не только в дунайских рынках, но и в рынках Италии, Швейцарии, Франции, Германии и Польши. «С одной стороны, — говорил

Валко, — кооперация аграрных государств не решит ни одну из наших проблем, но, с другой стороны, она может принести некоторые преимущества»⁴⁸.

Венгерские сомнения относительно плана Тардьё хорошо иллюстрирует рапорт посланника в ЧСР Маширевича от 31 марта 1932 г. Дипломат выразил глубокие сомнения в полезности, которую план Тардьё мог принести Венгрии. Считая, что руководящей идеей дипломатии Франции было сохранение Версальской системы, которая была одновременно «могилой исторической Венгрии», Маширевич предположил, что за присоединение к лагерю союзников Франции Венгрия сможет получить «только малые кредиты и вина», но вряд ли серьезную поддержку «справедливых и жизненно-важных» претензий Венгрии против Малой Антанты. По-другому, считал посланник, не может быть — Франция не сможет поменять свои союзнические отношения с 40-миллионным вооруженным альянсом Малой Антанты на дружбу разоруженной Венгрии с ее 7,5 млн чел.⁴⁹

4–6 апреля 1932 г. в Лондоне собрались представители Великобритании, Франции, Италии и Германии для обсуждения плана Тардьё. Конференция принесла скудные плоды, приняв решение о проведении новой девятичленной конференции, что отдаляло создание дунайской преференциальной системы торговли на неопределенное будущее. С фактическим провалом Лондонской конференции Будапешт (и Прага) решили воздержаться от дальнейшего ангажирования в проекте Тардьё⁵⁰.

Потеря интереса в Будапеште к плану Тардьё была подтверждена выступлениями Бетлена и Валко в парламенте 27 апреля 1932 г. Согласно мнению Бетлена, предложение Тардьё не могло обеспечить Венгрии удовлетворение даже ее минимальных экономических нужд. В кооперацию дунайских государств, говорил лидер «Единой партии», следует включить Германию и Италию. Выступавший следом глава МИД Венгрии Валко дополнил, что Венгрия нуждается в сохранении не только своих германских и итальянских рынков, но и связей с Швейцарией, Францией и Польшей⁵¹. В парламентской речи 4 мая Бетлен вновь подчеркнул, что Венгрия заинтересована не только в рынках Австрии и ЧСР, но и рынках Германии, Италии, Швейцарии и Франции. Кооперацию между находящимися в кризисе дунайскими странами и «здоровой» ЧСР Бетлен не считал возможной. Граф заключал, что интересам Венгрии больше соответствует

сохранение «свободы рук» и возможность заключения торговых договоров с Италией, Францией или Германией, чем с Чехословакией. Бетлен указал, что если план Тардьё не удастся изменить в соответствии с интересами Венгрии, то Будапешту придется пойти на заключение тройственного союза Австрии — Венгрии — Италии⁵².

После дистанцирования Праги и Будапешта от плана Тардьё, французская дипломатия засомневалась в успешности чехословацко-венгерского примирения. В июле 1932 г. дэ Вьен прочитал чехословацкому поверенному в делах в Будапеште Франтишеку Черны длинную лекцию о том, что чехословаки «действовали сами против себя» не опередив Италию и Австрию в подписании торгового соглашения с Венгрией. Вьен говорил, что несмотря на его усилия в Будапеште и его коллег в Праге, ЧСР «так и не поняла собственных интересов» по продвижению проекта дунайской кооперации⁵³.

Несмотря на эту критику, некоторое улучшение атмосферы между Будапештом и Прагой все же произошло летом 1932 г. Тайные связи обоих дунайских правительств с оппозиционными силами в зарубежье ослабли. С одной стороны, венгерская миссия в Праге с удовлетворением отметила, что начиная с мая 1932 г. ЧСР стала снижать финансирование «венгерской паразитической эмиграции», а приезды лидеров венгерской оппозиции в Прагу стали более редки⁵⁴. С другой стороны, правительство Д. Каройи провело смену руководства КХСП, вынудив ее многолетнего лидера Сюллё подать в отставку летом 1932 г. Еще в апреле 1932 г. чехословацкая полиция стала фиксировать зарождение внутри КХСП «активистского течения», нацеленного на отстранение прежнего партийного руководства. Вместо закоренелого ирредентиста Сюллё, новым лидером мадьярского меньшинства прочили стать молодому Яношу Эстерхази (1901–1957)⁵⁵. Эта информация вскоре подтвердилась. 18 августа Сюллё направил КХСП запрос об его отставке. По информации чехословацкой полиции, главная причина самоустранения Сюллё заключалась в том, что его фигура якобы была основным препятствием на пути увеличения финансовых дотаций Будапешта в бюджет КХСП⁵⁶.

Отставка Сюллё сильно сказалась на КХСП. Рапорт одного из лидеров партии для МИД Венгрии свидетельствовал о том, что с заменой партийного руководства, противоречия между отдельными группами внутри партии выросли. При этом продвигаемая Будапештом на пост нового президента партии фигура Эстерхази якобы

не обладала необходимым для этого авторитетом в партии. В свою очередь, рокировка Сюллё на Эстерхази приветствовалась чехословацкими властями. Полиция ЧСР, называя Сюллё «представителем руководимой из Будапешта ирреденты», оценивала его уход как символ окончания реваншистской венгерской политики в Словакии, начатой в 1918 г. «В лице Сюллё, — говорилось в полицейском рапорте, — мадьярское меньшинство потеряло одного из своих самых талантливых лидеров»⁵⁷.

Со схожими комментариями выступила и большая часть прессы ЧСР. Указывая, что Сюллё принадлежал к наиболее непримиримому ирредентистскому крылу мадьярской политической элиты, газеты связывали с его отставкой усиление позиций умеренного («скорее клерикального, чем ирредентистского») крыла КХСП, включающего активистские элементы и «расположенного к коллаборации с чехами»⁵⁸.

После отставки Г. Сюллё 18 августа 1932 г. сразу же был засвидетельствован прогресс на венгеро-чехословацких экономических переговорах в Праге. 19 августа было подписано новое компенсационное соглашение между двумя дунайскими государствами. По нему Венгрия получала право экспортировать в ЧСР 700 вагонов фруктов и овощей (на сумму в 12 млн чс. крон), а ЧСР могла везти в Венгрию древесину и другие продукты на равную стоимость⁵⁹.

23 августа 1932 г., давая пресс-конференцию, Каройи самонадеянно прогнозировал, что только подписанное соглашение в Праге «проломило лед» и было первым шагом к восстановлению нормального характера торговли между Венгрией и ЧСР. Действительно, помимо торгового соглашения, в летние месяцы 1932 г. Будапешт и Прага согласовали также порядок посещения венгерскими туристами чехословацких термальных курортов и договорились ликвидировать ряд венгерских долгов путем экспорта ее товаров⁶⁰. Тем не менее «лед не тронулся» и никакого значительного оживления торговых связей Венгрии с ЧСР так и не произошло. Несмотря на многообещающее начало женевских переговоров в сентябре 1931 г. о создании дунайской оси Прага — Будапешт — Вена, через год чехословацкая политика Д. Каройи зашла в очевидный тупик.

Каройи подал в отставку 21 сентября 1932 г. Демиссия была принята, однако вместо Бетлена (который из-за давления оппозиции не решился на возвращение в исполнительную власть⁶¹), Хорти поручил сформировать новый кабинет министров харизматичному

министру обороны генералу Дюле Гёмбёшу (1886–1936). Новый премьер восстанавливая «вертикаль власти» ограничил возможности оппозиции и, параллельно, вытеснил Бетлена с ведущей роли в «Единой партии». Действуя авторитарными методами, Гёмбёш вернул стабильность хортистскому режиму⁶².

Во внешней политике Гёмбёш был менее ориентирован на сближение с Прагой, нежели его предшественник. В основу его дунайской дипломатии легла бетленовская концепция треугольника Италия — Венгрия — Австрия, которая была юридически оформлена в марте 1934 г. подписанием так называемых Римских протоколов. План привлечения к данной группе Чехословакии сохранился, но, к моменту завершения таможенной войны между Будапештом и Прагой в 1935 г., доля экспорта Венгрии в ЧСР упала до 4% от ее общего объема⁶³. Как результат, экономическая составляющая попала в категорию неприоритетных сегментов чехословацкой политики Будапешта.

Примечания

¹ *Romportlová M.* ČSR a Madarsko. 1918–1938. Bezprostřední vývojová báze a průběh obchodně politických vztahů. Brno, 1986. S. 87–91.

² Bulletin périodique de la presse hongroise. No 135. 2 août — 17 septembre 1931. MAE, 1931. P. 2–3.

³ *Ormos M.* Hungary at the age of Two World Wars, 1914–1945. Boulder, 2007. P. 220–240.

⁴ National Archives of the United Kingdom. CAB 24/221/25. R. Vansittart. Memorandum «An Aspect of International Relations in 1931», 13 V 1931.

⁵ Ibid. CAB 24/242/1. Lord Tyrell. Memorandum «The European situation. The attitude of France». Paris, 9 V 1933.

⁶ *Diószegi L.* Válság és integráció. Gazdasági egyesítési tervek a Duna-medencében az 1929–1933-as világgazdasági válság időszakában angol külügyi dokumentumok tükrében. Doktori disszertáció. Budapest, 2013. 61. old.; *Juhász G.* Magyarország külpolitikája. 1919–1945. Budapest, 1988. 125. old.

⁷ *Iratok az ellenforradalom történetéhez.* 4. köt. A magyar ellenforradalmi rendszer külpolitikája. 1927. 1 január — 1931. 24 augusztus. Budapest, 1967. 519–521. old.

⁸ *Wándycz P.S.* The Twilight of French Eastern Alliances, 1926–1936: French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton, 1988. P. 222; *Romportlová M., Sládek Z.* Integrovaný středoevropský plán A. Tardieua a československá a madarská politika // Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity. 1978–1979. N 25/26. S. 73–74.

⁹ *Beneš E.* Cirkulární telegramy. 1920–1935. Praha, 2002. S. 173–174.

¹⁰ Francia diplomáciai iratok a Kárpát-medence történetéről. 5. köt. (1927–1932). Budapest, 2013. 232–234. old.

¹¹ *Romsics I.* Bethlen István. Politikai életrajz. Budapest, 2005. 282. old.

- ¹² Francia diplomáciai iratok. 5. köt. 230. old.
- ¹³ *Juhász G.* Magyarország külpolitikája. 125. old.
- ¹⁴ *Šepták M.* Vybrané aspekty maďarské zahraniční politiky na počátku 30. let 20. století // *Slovanský přehled.* 2010. N 3–4 (96). S. 280.
- ¹⁵ *Adám M.* A magyar-csehszlovák államközi kapcsolatok a két világháború között // *Szomszédok hármastükörben. A magyar-csehszlovák történetes vegyesbizottság negyedszázada (1959–1984) / Szerk. L. Szarka.* Budapest, 1987. 247. old.
- ¹⁶ Bulletin périodique de la presse tchécoslovaque. No 38. 6 juin – 2 octobre 1931. MAE, 1931.
- ¹⁷ Képviselőházi napló, 1931. 1. köt. (1931.06.20. – 1931.08.28). Budapest, 1931. 357. old.
- ¹⁸ Bulletin périodique de la presse hongroise. N 135. P. 2–3.
- ¹⁹ Bulletin périodique de la presse tchécoslovaque. No 38. P. 10; *Romportlová M.* ČSR a Madarsko. S. 85–86.
- ²⁰ *Diószegi L.* Válság és integráció. 116, 122. old.
- ²¹ Francia diplomáciai iratok a Kárpát-medence történetéről. 5. köt. 264–266. old.
- ²² Bulletin périodique de la presse tchécoslovaque. N 38. P.10; *Romportlová M.* ČSR a Madarsko. S. 85–86.
- ²³ *Angyal B.* Érdekvédelem és önszerveződés. Fejezetek a csehszlovákiai magyar párt-politika történetéből 1918–1938. Galánta; Dunaszerdahely, 2002. 177–178. old.
- ²⁴ Bulletin périodique de la presse tchécoslovaque. N 38. P. 10; *Romportlová M.* ČSR a Madarsko. S. 85–86.
- ²⁵ Foreign relations of the United States. General. 1932. Washington, 1948. Vol. 1. P. 846–847.
- ²⁶ Francia diplomáciai iratok a Kárpát-medence történetéről. 5. köt. 295–297. old.
- ²⁷ Bulletin périodique de la presse tchécoslovaque. N 39. 3 octobre – 17 décembre 1931. MAE, 1931. P. 1–2.
- ²⁸ *Diószegi L.* Benes terve Csehszlovákia, Ausztria és Magyarország gazdasági együttműködésére // *Magyarságkutatás. A Magyarságkutató csoport évkönyve.* Budapest, 1987. 65–74. old.
- ²⁹ Francia diplomáciai iratok a Kárpát-medence történetéről. 5. köt. 295–297. old.
- ³⁰ *Diószegi L.* Válság és integráció. 122–123. old.
- ³¹ Bulletin périodique de la presse tchécoslovaque. N 40. 18 décembre 1931 – 31 janvier 1932. MAE, 1932. P. 2.
- ³² Bulletin périodique de la presse hongroise. N 139. 7 février – 20 mars 1932. MAE, 1932. P. 5.
- ³³ AAV ČR. F. Edvard Beneš (1). K.183. V. Pallier. Zpráva periodická č.1 za leden a únor 1932. Budapest, 16 III 1932.
- ³⁴ *Ibid.* H. Ripka. Informační zájezd do Pešti ve dnech 30 dubna až 2 května 1932.
- ³⁵ *Diószegi L.* Válság és integráció. 113, 126–129. old.
- ³⁶ MNL OL. Külügyminiszteriumi Levéltár. K 63: Politikai osztály. 42. cs. 1931. 7/1.tétel. Masirevich Szilárd. Politikai jelentés N 284/1931. «Reflexiók a cseh bel és külpolitikájához». Prága, 24 XI 1931.
- ³⁷ *Romsics I.* Bethlen István. 344–345. old.
- ³⁸ *Juhász G.* Magyarország külpolitikája. 130. old.
- ³⁹ Bulletin périodique de la presse hongroise. N 139. P. 6.
- ⁴⁰ *Juhász G.* Magyarország külpolitikája. 130. old.

⁴¹ *Bystrický V.* Le plan Tardieu sur la structure économique des pays danubiens en 1932 et la Tchécoslovaquie // *Studia historica Slovaca*. 1975. N 8. P. 94–95; *Wandycz P.S.* The Twilight of French Eastern Alliances. P. 222–223.

⁴² *Diószegi L.* Válság és integráció. 129–130. old.

⁴³ *Stambrook F.G.* A British Proposal for the Danubian States: The Customs Union Project of 1932 // *Slavonic and East European Review*. 1963. N 42 (98). P. 64–88.

⁴⁴ Francia diplomáciai iratok a Kárpát-medence történetéről. 5. köt. 327–328. old.

⁴⁵ *Romportlová M.* ČSR a Madarsko. S. 86.

⁴⁶ *Bariéty J.* Le «plan Tardieu» d'aide aux pays danubiens et la France // *Revue d'Europe centrale*. 1997. N 2 (5). P. 1–14.

⁴⁷ *Bystrický V.* Le plan Tardieu. P. 92.

⁴⁸ Bulletin périodique de la presse hongroise. No 140. 21 mars – 14 mai 1932. MAE, 1932. P. 1–2.

⁴⁹ MNL OL. K 63. 5. cs. 1932. 2/16. tétel. Masirevich Szilárd. Politikai jelentés N 68/1932 «Beszélgetés Addison angol követtel a Dunamedencét illető gazdasági tervek-ről». Prága, 31 III 1932.

⁵⁰ A Palazzo Chigi és Magyarország. Olasz diplomáciai dokumentumok Magyarországról. A Gömbös-kormány időszakában 1932–1936. 1. köt. Budapest, 2003. 26–27. old.; *Beneš E.* Cirkulárni telegramy. S. 182–183.

⁵¹ Bulletin périodique de la presse hongroise. N 140. P. 2.

⁵² Bethlen István gróf beszédei és írásai. Budapest, 1933. 2. köt. 360–372. old.

⁵³ AAV ČR. F. Edvard Beneš (1). K.183. F. Černý. Zpráva běžná č. 18. Budapest, 25 VII 1932.

⁵⁴ MNL OL. K. 96. 46. cs. 1932. 7/1. tétel. Összefoglaló politikai jelentés az 1932-ről. Prága, s.d.

⁵⁵ Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky. F. ZU Budapest. K. 19. Zpráva č. 43.997. «Blok madarských opozičních stran na Slovensku». Praha, 7 IV 1932.

⁵⁶ *Angyal B.* Érdekvédelem és önszerveződés. 184. old.

⁵⁷ *Ibid.* 185. old.

⁵⁸ Bulletin périodique de la presse tchécoslovaque. No 43. 13 août – 28 novembre 1932. MAE, 1932. P. 10.

⁵⁹ *Ibid.* P. 6.

⁶⁰ AAV ČR. F. Edvard Beneš (1). K.183.V. Pallier. Zpráva period. č.4 za červenec a srpen 1932. Budapest, 5 IX 1932.

⁶¹ *Romsics I.* Bethlen István. 351. old.

⁶² *Zeidler M.* Gyula Gömbös. A right-wing reformer as prime Minister of Hungary (1932–1936) // *In the shadow of Hitler: Personalities of the right in Central and Eastern Europe* / Eds. R. Haynes, M. Rady. London; New York, 2011. P. 121–137.

⁶³ *Romportlová M.* ČSR a Madarsko. S. 91.

А. Е. Кузьмичева

Французский фактор в политике «равноудаленности» Юзефа Бека в 1935–1936 гг.

Наиболее подходящим эпитетом для характеристики внешней политики Второй Речи Посполитой в 1930-е годы будет слово «изменяемая». Однако принято считать, что присутствовало в ней и что-то постоянное, а именно — попытка Польши балансировать между Германией и СССР. Но был ли это действительный баланс, или же польское руководство стремилось создать видимость «равноудаленности»? И как вписывалась Франция — главный союзник Польши — в эту схему? Вот те вопросы, которые все еще требуют внимания исследователей.

После возрождения Польши в 1918 г. главная задача ее руководства заключалась в обеспечении условий национальной независимости. В связи с этим Юзеф Пилсудский (1867–1935) говорил, что у государства «есть две функции, сугубо государственные и сугубо связанные с его бытием — войско и внешняя политика, то есть отношения с другими государствами»¹. На практике угроза Польше могла исходить только от двух стран — Германии и/или СССР. Поскольку маршал был убежден, что «ни о какой торговле нашей территорией речи быть не может»², то основная задача внешней политики Варшавы заключалась в недопущении ситуации, когда такая опасность приобрела бы реальные очертания.

В обстановке наметившихся в начале 1930-х годов изменений в расстановке сил на европейской арене не в пользу творцов Версальской системы безопасности Пилсудский не мог не прийти к выводу, что Польша, расположенная в стратегически важном и опасном месте континента, на пересечении интересов нескольких держав, может

обезопасить себя только поддерживая хорошие отношения с Германией и СССР. Основной постулат заключался в неприемлемости и недопустимости сотрудничества с одним из этих государств против другого. На практике этот курс, получивший у современников наименование «политики равноудаленности», был бы основанием для неучастия Польши в таких многосторонних договорах, в которых Польша не была лидером.

Выполняя задуманное, руководство Польши заключило 25 апреля 1932 г. договор о ненападении с СССР, а двумя годами позже, 26 января 1934 г. подписало практически зеркальную декларацию о неприменении силы с Германией. Теперь, обезопасив себя от двух потенциально опасных соседей, можно было заняться нормализацией отношений со старыми союзниками Францией и Румынией, обеспокоенными сменой курса Польши. И если развитие польско-румынских отношений приобрело положительную динамику, то в атмосфере польско-французских отношений появились трудности, например, возникли разногласия по вопросу Восточного пакта. Но все же серьезного беспокойства у Парижа польская политика «балансирования» между Берлином и Москвой не вызывала.

Чего нельзя не сказать о Советском Союзе, где после января 1934 г. отмечали постепенный крен польской политики в сторону Берлина³. И действительно, если отношения Польши с СССР были транспарентными и развивались в основном в плоскости культурного взаимодействия (например регулярный обмен театральными труппами), то с Берлином — более тесного политического, а регулярные визиты Германа Геринга (1893–1946) в Польшу, содержание которых держалось в строжайшем секрете⁴, давали почву для самых фантастических домыслов, вплоть до существования секретного польско-немецкого соглашения.

Говоря о «политике равноудаленности», нельзя не задаться вопросом, а обладал ли данный политический курс чертами долговечности, или же его выбор был продиктован текущей конъюнктурой и изменился бы вместе с ней. На основе достаточно скудного материала, имеющегося в распоряжении историков, можно предположить, что Пилсудский переоценил перспективы этой линии⁵. Во-первых, маршал не верил, что основные инструменты данной политики — два договора о ненападении — будут достаточно долго гарантировать безопасность Польши. Согласно свидетельству близкого Пилсудскому

политика, в марте 1934 г. тот говорил, что хорошие польско-немецкие отношения будут длиться максимум четыре года, а большего он не может гарантировать. Политик продолжил свою мысль так: «Имея эти два договора [с Германией и СССР. — А. К.] мы сидим на двух стульях — это не может продлиться долго. Мы должны знать <...> с какою из двух мы упадем первыми и когда»⁶.

Подобная оценка совпадает с мнением американского историка Генри Робертса, характеризующего «политику равноудаленности» (которую он приписывал Ю. Беку) как «одновременную езду на двух лошадях»⁷. Как бы то ни было, такая политика была единственно возможной в существующей политической конъюнктуре и *только* при условии дальнейшего сотрудничества с Францией.

Деятельность Юзефа Бека (1894–1944), который в 1932–1935 гг. был не более чем «дипломатическим инструментом», чья самостоятельность, однако, постепенно росла по мере усугубления болезни Пилсудского, вполне вписывалась в рамки внешнеполитических концепций маршала. Как и Пилсудский, Бек был решительным сторонником проведения «политики равноудаленности». Он полагал, что «крен» польской политики в сторону СССР неминуемо привел бы к вооруженному конфликту на западной границе, и наоборот⁸. Многократно в беседах с представителями различных дипломатических ведомств Бек подчеркивал, что «Польша может участвовать лишь в таких многосторонних соглашениях, которые бы не противоречили польско-советскому и польско-германскому пактам, а также ее договорам с Францией»⁹.

Но Парижу недолго пришлось радоваться нейтралитету Варшавы. Уже 1 февраля 1935 г. Бек, выступая с экспозе в сеймовой комиссии по иностранным делам, об отношениях с СССР рассуждал в сухом и официальном тоне, в то время как часть его речи, посвященная Германии, была выдержана в совершенно ином тоне. Строго говоря, основная часть экспозе касалась именно польско-германских отношений, на них Бек остановился особенно подробно¹⁰. По мнению полпреда СССР в Польше Якова Христофоровича Давтяна (1888–1938), эта часть выступления была выдержана в очень теплых и дружественных тонах, однако, «ни одного теплого слова Бек не нашел для своих союзников, особенно для Франции, отметив лишь, что „новые соглашения ни в чем не нарушили предыдущих обязательств“»¹¹. Давтян констатировал, что французы были очень раздражены словами Бека.

Однако уже в апреле, выступая в Совете Лиги Наций в связи с жалобой французского правительства на введение всеобщей воинской повинности в Германии, Бек сумел несколько реабилитироваться в глазах французов. Несмотря на его прогерманскую речь¹², голосование Варшавы в пользу французского предложения показало, что Польша не могла и не хотела порывать с франко-польским союзом. Жюль Лярош (1872–1961), комментируя поведение Бека в Женеве, высмеял его, назвав «слишком ловким», но вместе с тем отметил: «Поляки не хотят и не могут ссориться с немцами, но в решительный момент они все-таки с французами»¹³. В таком поведении не было ничего нового, так как отличительной и уникальной чертой польской внешней политики было нежелание давать точные ответы и последовательно придерживаться одного и того же курса.

Примечательно, что несмотря на регулярно подчеркиваемую важность польско-французского союза, по советским сведениям, поляки пригласили порядка 18 инженеров и техников от Крушпа на свой пушечный завод¹⁴. Безусловно, это свидетельствовало об определенной близости поляков с немцами; особенно в связи с тем, что раньше приглашались специалисты из Франции.

12 мая 1935 г. в 20:45 умер маршал Юзеф Пилсудский. Новость молнией облетела все страны и не сходила с первых полос крупнейших газет. Смерть руководителя страны, который, независимо от официально поддерживаемой легенды, по сути, исполнял диктаторские функции, ознаменовала собой конец значимого периода в истории Второй Речи Посполитой и предвещала существенные изменения как во внутренней, так и во внешней политике.

Франция старалась активнее всего воспользоваться создавшейся ситуацией. Формально она являлась союзницей Польши, однако при правительствах Пилсудского отношения между двумя странами были отмечены отчетливым взаимным охлаждением без перспектив к улучшению. Более того, кончина маршала совпала со сменой руководства французской дипломатической миссии в Варшаве — закончилась эпоха Ляроша, который возглавлял французское посольство в течение девяти лет. Он заступил на свой пост 12 мая 1926 г., в день начала государственного переворота и оставил его после смерти диктатора.

24 мая в Варшаву прибыл новый французский посол Леон Ноэль (1888–1987). По его мнению, это был очень неблагоприятный период

для французской дипломатии¹⁵. 26 мая Ноэль нанес первый визит польскому министру иностранных дел Ю. Беку, в ходе которого Бек заявил, что «Польша с уважением относится к Франции и что союз с ней продолжает оставаться основой польской политики». И добавил, что со времен войны польско-французский союз в европейской политике играл намного большую роль, чем в нем принято видеть¹⁶. Однако фактически подобные заявления носили декларативный характер, что вообще свойственно Беку, в действительности же, считал Ноэль, «Польша старалась минимизировать свою вовлеченность во французскую политику посредством секретных соглашений с рейхом»¹⁷. Другими словами, на момент смерти Пилсудского можно с уверенностью констатировать, что польско-французский союз формально существовал, но в выхолощенном виде.

Большинству французских политиков казалось, что польско-французскому сближению прежде всего мешала фигура Ю. Бека, которого в Париже повсеместно воспринимали как германфила и сторонника сотрудничества с Гитлером¹⁸. В этой связи французское посольство в Варшаве в лице Ноэля начало вынашивать планы по отстранению министра Бека. При этом ставка была сделана на Эдварда Рыдз-Смиглы (1886–1941), который, по мнению Ноэля, больше всего подходил для реализации французских внешнеполитических целей¹⁹. Подобными методами главный союзник Польши стремился вдохнуть новую жизнь в умирающий союз. Тем не менее, Париж не рассматривал Варшаву как равного партнера, даже несмотря на то, что, в случае войны с Германией, Польша была единственным союзником, который смог бы оказать реальную помощь. Французы тешили себя тем, что до войны дойдет еще очень не скоро, а если война все же начнется, то военные действия будут идти преимущественно на востоке²⁰.

Руководители Польши, в свою очередь, испытывали сильный страх перед возможным походом Красной армии по польским территориям. Например, французский консул Арсен-Огюст Ронфлар (1881–1972), хорошо осведомленный о настроениях в правящих кругах в Варшаве, говорил, что неоднократно в дискуссиях о Восточном пакте представители польского истеблишмента выдвигали в основном один мотив, в силу которого они не могут присоединиться к пакту: «Это боязнь пребывания советских войск на территории Польши. Они предпочитают немецкие войска, так как враждебность польского

населения в отношении немцев им гарантирует изолированность германских войск, в то время как Красная армия немедленно получила бы контакт с населением и революционные элементы в стране, опираясь на Красную армию, подняли бы внутри страны революцию»²¹. Ронфлар полагал, что при той нищете, которая царила в стране, у поляков были все основания опасаться революции.

В начале июля 1935 г. Бек совершил поездку в Берлин, где в первый раз встретился с Гитлером. Польский министр иностранных дел изложил основы политики «равноудаленности», а немецкий канцлер, в свою очередь, выступил в роли сторонника сильной и независимой Польши. Гитлер заявил, что ослабление Польши представляло бы угрозу для Третьего рейха со стороны СССР, ибо Европа заканчивается на восточной границе Польши, а политика Советского Союза представляет наибольшую опасность. Канцлер считал, что если европейские страны будут тратить силы на ссоры между собой, то однажды «станут жертвами вторжения русского востока». В отношении Польши Гитлер отметил, что ее доступ к морю согласуется с интересами Германии²². Беседа с немецким канцлером произвела большое впечатление на Бека и в дальнейшем оказала большое влияние на его внешнюю политику.

Тем не менее, при всей парадоксальности, в 1935–1936 гг. Варшава делала достаточно много для сохранения хороших отношений с Парижем. Очевидным доказательством может служить ситуация вокруг ремилитаризации Рейнской области, которая стала своего рода лакмусовой бумажкой для франко-польских отношений. 7 марта 1936 г., почти сразу же после ввода немецких войск в ремилитаризованную зону в нарушение Локарнских договоров (1925), Бек сделал Ноэлью важное заявление отчетливо профранцузского характера. В воспоминаниях Ноэль пишет, что Бек попросил его связаться с французским правительством и сообщить, что «в данном случае» Польша сохраняет верность своим союзническим обязательствам²³. Но уже 8 марта в «*Gazeta Polska*» было размещено коммюнике Бека, в котором он постарался выглядеть максимально нейтральным. С одной стороны, признал, что Германия имела право на негативную реакцию в связи с заключением договоров между Францией, Чехословакией и Советским Союзом. Но при этом туманно отметил, что в сложной международной ситуации Польша должна стараться охранять свои собственные интересы «на основе определенных и публично высказанных

формул»²⁴. Имел ли он в виду польско-германскую декларацию о непадении, или же польско-французский союз, однозначно из его высказывания не следовало. В столь же нейтральном духе было выдержано его выступление 18 марта на специальном заседании Совета Лиги Наций, посвященном нарушению Германией статей 42 и 43 Версальского договора (1919). Бек постарался сгладить острые углы и, не давая категоричных оценок действиям Германии, лишь отметил, что, благодаря усилиям правительств Польши и Франции, польско-французский союз остается в силе, а договоры, подписанные Варшавой с Москвой и Берлином, являются выражением ее желания сохранить устойчивые хорошие отношения с соседями²⁵.

Усилия польского МИД по сохранению и поддержанию союза с Францией, по своей сути антигерманского, дают почву для размышлений. Можно сделать вывод о том, что на практике этот союз представлял собой основной инструмент того, что принято называть польской политикой «равноудаленности». По всей видимости, именно это имел в виду Лярош, когда в 1933 г. писал в Париж о том, что «абсурдно считать Бека германофилом <...> мы для него являемся козырем в политической игре, и он слишком умный, чтобы не понимать, что Польше ничто не может заменить французского союза»²⁶.

Тем не менее, состояние польско-французских отношений обуславливалось определенными проблемами, а именно – внутривнутриполитическими трудностями во Франции. В 1930-е годы Франция была погружена в затяжной внутривнутриполитический кризис, который, естественно, имел продолжение и во внешней политике. В общем, в это время Париж стоял перед дилеммой – соглашение с Германией или же с СССР. К обоим сценариям развития Бек относился достаточно негативно. В первом случае Франция могла поддержать Германию в вопросе территориальных претензий к Польше, во втором же возникла перспектива доминирования СССР в Восточной Европе. Кроме того, в любом случае Польша попадала в зависимость от Франции.

Союз с Францией был необходим Польше и являлся неотъемлемым компонентом политики «равноудаленности», однако, в заинтересованности в установлении хороших отношений с Парижем был и корыстный расчет. 21 февраля 1936 г. в беседе с поверенным в делах СССР Борисом Григорьевичем Подольским (1897–1938) французский советник Бресси констатировал, что польская армия нуждалась в средствах, которых внутри страны не было, а Германия также

не могла поставить взаимы необходимую технику. В этой связи многие надеялись на получение средств у Франции. «Вы же понимаете, — обратился к Подольскому Бресси, — что при той неясной политике, которую ведут поляки, ни один француз не даст им ни одного франка»²⁷. Следовательно, для достижения желаемого результата Варшаве было необходимо прояснить отношения с Парижем.

Образование 4 июня 1936 г. правительства Народного фронта во Франции стало очередным испытанием для польско-французского союза. Ивон Дельбос (1885–1956), министр иностранных дел, вызвал к себе на Кэ д'Орсэ многих французских дипломатических представителей, в том числе, Ноэля. Как свидетельствует Ноэль, Леон Блюм (1972–1950), Эдуард Даладьё (1884–1970) и Дельбос дали ему ясно понять, что французское правительство крайне заинтересовано в польско-французском союзе исходя из военных соображений. В этой связи было решено пригласить во Францию генерала Рыдз-Смиглы для определения масштаба и условий помощи, которая будет оказана польской армии²⁸.

Рыдз-Смиглы с явным удовольствием принял приглашение и выразил желание также посетить учения французской армии, которые должны были пройти в начале сентября. По всей видимости, он понимал всю важность поддержания хороших отношений с Францией и не испытывал иллюзий по поводу направленности немецкого перевооружения. В данных условиях было необходимо на некоторое время сохранить существующий *modus vivendi* с Германией, а Бек должен был на время стать гарантом этой политики²⁹.

Любопытным представляется политический рапорт от 9 августа поверенного в делах и советника польского посольства Феликса Франковского (1892–1963), который он целиком посвятил отношениям Франции с Германией и СССР. Франковский отметил, что французское правительство готово вернуться к политике сближения с Германией и даже премьер Блюм, несмотря на неприязнь к гитлеризму и антисемитизму, при определенных обстоятельствах мог бы вернуться к своим давним проектам франко-немецкого сближения. Более того, Франковский полагал, что Советский Союз также склонен искать компромиссы в своих отношениях с немцами. При этом он сослался на беседу с известной французской журналисткой Ж. Табуи, которая якобы давно собиралась опубликовать документы, подтверждающие именно такое положение дел³⁰. Это, казалось

бы, незначительное сообщение очень важно. Оно свидетельствует о том, что поляки постоянно держали руку на пульсе франко-немецких отношений, так как все польские внешнеполитические концепции были замкнуты на этих двух странах.

Изначально предполагалось, что Рыдз-Смиглы поедет в Париж раньше французского представителя, однако французы решили, что будет лучше, если первым придет в Варшаву генерал Морис Гюстав Гамелен (1872–1958) для того, чтобы познакомиться с положением. Кроме того, по всей видимости, французы этим жестом стремились польстить самолюбию поляков. Атмосфера визита была исключительно дружеской, так как принимающая сторона постаралась создать наилучшие условия. Польская пресса вела себя на удивление корректно, не позволяя себе никаких антифранцузских выпадов. По сообщениям Ноэля, поляки категорически заверили Гамелена «в отсутствии у них каких-либо соглашений или отношений с Германией, которые бы противоречили франко-польскому союзу и французской внешней политике»³¹. Примечательно, что во время всего визита поляки избегали антисоветских разговоров и даже не пытались заставить французского генерала принять участие в праздновании годовщины Варшавской битвы 15 августа. В Германии же визит Гамелена вызвал сильное беспокойство. Геринг сказал 12 августа Яну Шембеку (1881–1945), что немецкое общественное мнение может воспринять эти переговоры как предтечу совместных польско-французских действий против рейха³². Значит, в Берлине не было уверенности ни в своем польском партнере, ни в направленности политики «равноудаленности».

Ответный визит Рыдз-Смиглы, проходивший с 30 августа по 6 сентября, также протекал в атмосфере исключительной дружественности. Некоторые польские газеты не без гордости подчеркивали, что Генеральному инспектору вооруженных сил был оказан «королевский» прием³³ — уже на вокзале его встречали Даладьё и Гамелен в окружении высокопоставленных военных. Рыдз-Смиглы приветствовали с соблюдением всех военных почестей, были сыграны польский и французский гимны, разместили гостя в отеле «Маджестик»³⁴.

В ходе визита Рыдз-Смиглы посетил линию Мажино, маневры под командованием генерал Жиро в Шампани, а также был награжден президентом Альбером Лебреном (1871–1950) орденом Почетного легиона. Он провел переговоры с генералами Гамеленом и Луи

Колсоном (1875–1951) по вопросу предполагаемого займа, а также обсудил с Блюмом, Даладьё и Дельбосом политические вопросы³⁵.

Нет сомнений, что французы возлагали особые надежды на «франкофильство» Рыдз-Смиглы, вследствие чего стремились всячески польстить самолюбию поляков и одновременно продемонстрировать глубину польско-французской дружбы. И в этом они немало преуспели — и польская, и французская пресса расценили прием, оказанный Рыдз-Смиглы, как знак упрочения франко-польских отношений. Любопытны оценки санационной прессы, сводившиеся к тому, что в польской внешней политике ничего не изменилось, союз с Францией всегда был в приоритете, но раньше Париж плохо понимал политику Варшавы и не считался с ее статусом «великой державы», а также слишком переоценивал значение СССР, а теперь осознал свои ошибки. Лейтмотив подобных комментариев был простой — не Польша вернулась к Франции, а Франция поняла свои ошибки и теперь снова осознает важность польского фактора. Отдельные намеки также давали понять, что теперь Париж (а также Бухарест, удалив Николае Титулеску (1882–1941)) будет постепенно отворачиваться от Советского Союза и опираться на Польшу³⁶.

Естественно, что Париж старался избежать четкого определения своих обязательств по отношению к Польше, тем не менее, было совершенно очевидно, что основная цель визита заключалась в «обновлении» польско-французской дружбы. С польской же стороны игра во «франкофильство» и противопоставление Бека Рыдзу-Смиглы имели целью получить от французов необходимую финансовую поддержку. Польская армия катастрофически отставала в техническом отношении, следовательно, французские деньги были жизненно необходимы. Поляки даже пустили фантастический слух о том, что Германия усиленно стремится помочь Польше в счет замороженных марок³⁷.

В итоге Варшава получила то, что хотела — два миллиарда франков. Париж также достиг желаемого результата, так как заем был предоставлен сроком на четыре года, а это значило, что в течение ближайших четырех лет поляки, по выражению Ноэля, «будут вести себя хорошо»³⁸.

Результаты переговоров не заставили себя долго ждать — 11 сентября в Варшаву приехал французский министр торговли Поль Бастид (1892–1974). В официальном коммюнике о его переговорах

с польскими министрами было сказано, что для оживления польско-французской торговли будет создана постоянная комиссия из представителей хозяйственных кругов обеих стран и что переговоры о заключении польско-французского торгового договора «будут начаты через несколько недель»³⁹.

Стоит отметить, что невозможно рассматривать политику Польши в отношении Франции независимо от ее отношений с Великобританией. В этом направлении Бек старался действовать согласно указаниям Пилсудского, который всегда высоко оценивал политическое значение Англии. Маршал полагал, что только давление Великобритании способно заставить Францию исполнить союзнические обязательства в случае необходимости: «Эффективный путь в Париж лежит через Лондон»⁴⁰. 8–12 ноября 1936 г. Бек посетил Лондон с официальным визитом. В ходе бесед с Энтони Иденом (1897–1977) Бек подробно остановился на польско-французском союзе, подчеркнул его очень большое значение и особо заметил, что для Великобритании этот союз также важен: если бы Англия когда-нибудь оказалась в ситуации, когда ей бы было необходимо выполнить гарантии, данные Францией, то Варшава ее бы поддержала⁴¹.

Вскоре после возвращения на родину Рыдз-Смиглы получил орден Белого Орла и жезл маршала. До него в независимой Польше единственным поляком, удостоенным этого звания, был Пилсудский, а из иностранцев только генерал Фердинад Фош (1851–1929). По сути, он стал вторым, после президента, человеком в государстве. Сложившаяся ситуация породила много ожиданий в Париже, однако, как позднее с горечью констатировал Ноэль, Рыдз-Смиглы так и не сумел оказать серьезного влияния на внешнюю политику Варшавы, продолжавшей отчаянно метаться между теми, от кого она пыталась «равноудалиться».

В течение 1935–1936 гг. политические отношения Польши с СССР находились в замороженном состоянии. Официальная Варшава старалась нивелировать спорадические негативные инциденты, так как поляки стремились сохранять нейтралитет, не давая отношениям ухудшиться, но и не делая ничего для их улучшения. Отношения с Германией были более теплыми и насыщенными — Бек встретился с Гитлером, начало выполнения четырехлетнего хозяйственного плана в рейхе способствовало увеличению товарообмена с Польшей (в то время, как в течение всего 1936 г. Москва и Варшава

не могли договориться о статусе торгпредства), польские спортсмены приняли участие в летних Олимпийских играх в Берлине.

Отношения с Францией в этот период были также отмечены заметным прогрессом — после обмена визитами генералов Гамелена и Рыдз-Смиглы и получения поляками французского займа появилась ощутимая возможность перевести польско-французский союз в конструктивное русло.

Из всего вышесказанного напрашивается очевидный вывод — Польша пыталась балансировать не столько между СССР и Германией, как принято считать, сколько между Германией и Францией. И даже ненавистный полякам франко-советский пакт о взаимопомощи в этом случае играл на руку Варшаве, поскольку в интересах Парижа было сделать все возможное для недопущения угрозы военного конфликта между Польшей и СССР.

Примечания

¹ *Zacharias M.J.* Józef Beck i «polityka równowagi» // *Dzieje Najnowsze*: [kwartalnik poświęcony historii XX wieku]. 1988. T. 20. N 2. S 7.

² *Ibid.* S 5.

³ АВП РФ. Ф. 05: Фонд М. Литвинова. Оп. 15. П. 109. Д. 68. Л. 18.

⁴ Там же. Оп. 16. П. 121. Д. 93. Л. 27.

⁵ *Zacharias M.J.* Józef Beck i «polityka równowagi». S. 8.

⁶ *Cienciala A.M.* The Foreign Policy of Józef Pilsudski and Józef Beck, 1926–1939: Misconceptions and Interpretations // *The Polish Review*. 2011. Vol. 56. N 1–2. P. 124.

⁷ *Craig G.A., Gilbert F.* The Diplomats, 1919–1939. Princeton University Press, 1953. P. 602.

⁸ DTJS. London, 1964. T. 1. S. 221.

⁹ АВП РФ. Ф. 05: Фонд М. Литвинова. Оп. 15. П. 109. Д. 68. Л. 77.

¹⁰ *Beck.J.* Przemówienia, deklaracji, wywiady. Warszawa, 1939. S. 142–150.

¹¹ АВП РФ. Ф. 05: Фонд М. Литвинова. Оп. 15. П. 109. Д. 68. Л. 25.

¹² *Beck.J.* Przemówienia, deklaracji, wywiady. S.142–160.

¹³ АВП РФ. Ф. 05: Фонд М. Литвинова. Оп. 15. П. 109. Д. 68. Л. 85.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Noël L.* Agresja Niemecka na Polskę. Warszawa, 1966. S. 16.

¹⁶ *Noël L.* La Pologne entre deux mondes. Paris, 1984. P. 22.

¹⁷ *Ibid.* P. 17.

¹⁸ *Кузьмичева А.Е.* «Нон грата» в Париже: Юзеф Бек // Вестник Вологодского государственного университета. 2017. № 1. С. 17–19.

¹⁹ *Wyszczelski L.* O czym nie wiedzieli Beck i Rydz-Śmigły. Warszawa, 1989. S. 7.

²⁰ *Ibid.* S. 15.

²¹ АВП РФ. Ф. 05: Фонд М. Литвинова. Оп. 15. П. 109. Л. 70.

²² *Zacharias M.J.* Józef Beck i «polityka równowagi». S 13–14.

- ²³ *Noël L.* Agresja Niemiecka na Polskę. S. 104.
- ²⁴ DTJS. London, 1965. T. 2. S. 404–405.
- ²⁵ *Beck. J.* Przemówienia, deklaracji, wywiady. S. 222–224.
- ²⁶ DDF / Publ. P.-L. Pelet. S. 1: 1932–1935. Paris, 1966. T. 2. S. 453.
- ²⁷ АВП РФ. Ф. 05: Фонд М. Литвинова. Оп. 16. П. 121. Д. 93. Л. 26.
- ²⁸ *Noël L.* Agresja Niemiecka na Polskę. S. 116.
- ²⁹ *Sakwa G.* The «Renewal» of the Franco-Polish Alliance in 1936 and the Rambouillet Agreement // *The Polish Review*. 1971. Vol. 16. P. 50.
- ³⁰ *Polskie Dokumenty Dyplomatyczne*. 1936 rok. (далее — PDD). Warszawa, 2011. S. 478–479.
- ³¹ АВП РФ. Ф. 05: Фонд М. Литвинова. Оп. 16. П. 121. Д. 93. Л. 173.
- ³² PDD. S. 487.
- ³³ АВП РФ. Ф. 05: Фонд М. Литвинова. Оп. 16. П. 121. Д. 93. Л. 180.
- ³⁴ PDD. S. 541–542.
- ³⁵ *Ibid.* S. 556–559.
- ³⁶ АВП РФ. Ф. 05: Фонд М. Литвинова. Оп. 16. П. 121. Д. 93. Л. 180.
- ³⁷ Там же. Л. 183.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Ф. 122: Референтура по Польше. Оп. 19. П. 59. Д. 12. Л. 95.
- ⁴⁰ *Zacharias M.J.* Józef Beck i «polityka równowagi». S. 16.
- ⁴¹ PDD. S. 670–673.

Босния
до и после Югославии

К. В. Мельчакова

Осман-паша в погоне за прогрессом: к проблеме конструирования боснийской нации в Османской империи (1861–1869)

В 60-е годы XIX в. Босния входила в состав Османской империи. Управление этими землями осуществлял генерал-губернатор (паша), назначаемый султаном. В большинстве случаев чиновники занимали эту должность непродолжительное время – от нескольких месяцев до двух лет. Но было одно исключение. Топал Шериф Осман-паша (1804–1874) управлял провинцией в период с 1861 по 1869 г. (с небольшим перерывом в 1869 г.).

История пребывания Топал Осман-паши в Боснии недостаточно изучена историками, однако безусловно заслуживает внимания. В монографии «Босния и Герцеговина в русских источниках (1856–1878)»¹ боснийский историк Ибрагим Тепич упоминает о личности генерал-губернатора, ссылаясь на материалы донесений российских консулов в Боснии и Герцеговине. При работе над статьей также были привлечены материалы донесений российских консулов в Азиатский департамент МИД. Часть из них опубликована в сборниках «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия»². Основная же масса представляет собой неопубликованные ранее документы из Архива внешней политики Российской империи* и ряда других отечественных и сербских архивов.

60-е годы XIX в. относятся к эпохе преобразований в Османской империи, которая вошла в историю под именем «танзимат». Для

---

* Копии материалов из АВП РИ были получены автором статьи в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.

представителей всех вероисповеданий открывались двери в гражданские и военные школы, на государственную службу. Это наносило сокрушительный удар по структуре общества, существовавшей со времени основания государства. Хатт-и-хумаюн 1856 г. декларировал в стране единую национальность — османскую. Приверженность традициям сменила государственная идеология османизма. В ее основу легли принципы: катылымджилык (единение всех национальных элементов) и ватандашлык (гражданство).

Босния и Герцеговина была населена преимущественно славянами, которые разделились по религиозному принципу на православных, именующих себя сербами, мусульман и католиков. К сожалению, не существует точных сведений об этноконфессиональном составе жителей Боснии того времени. На основе анализа статистических показателей из разных источников (официальные переписи населения 1851 и 1865 г., данных, собранных российскими, австрийскими и прусскими агентами)³ можно предположить, что в 1860-е гг. православное и мусульманское население пашалыка составляло примерно по 40%, католическое — ок. 18, оставшиеся 2% приходились на долю евреев и цыган.

Между этими категориями населения не существовало единства. Представители беговата — свободолюбивой боснийской знати, принявшей ислам — долгое время пытались установить контроль над всей Боснией. В результате многочисленных усобиц, от поборов и военных столкновений страдали мирные христианские жители пашалыка.

В Османской империи вся общность мусульман носила название «умма». Тем не менее боснийские мусульмане для Константинополя именовались «бошняки» или «потурченцы». В свою очередь столичных мусульман их боснийские братья по вере презрительно именовали «туркушами». Универсальным обозначением славянина-мусульманина был термин «турчин»⁴.

В сочинении «Босния, Герцеговина и Старая Сербия»⁵ российский консул в Сараеве Александр Федорович Гильфердинг (1856–1858 гг.) неоднократно указывал на разрозненность боснийского общества. По мнению историка-османиста С. В. Олюнина, она сохранялась на протяжении всего XIX в. Решить эту проблему и должны были реформы танзимата⁶. Тогда в Боснии появилась идея, именуемая современными боснийскими историками идеей

«интерконфессионального бошнячества»⁷. Топал Осман-паша и стал тем человеком, которому довелось претворять ее в жизнь.

Топал Шериф Осман-паша родился в 1804 г. в Смирне в семье видного чиновника (возможно губернатора Анатолии. — *К.М.*) Шарифа Гаджи аги. Отец его хромал на одну ногу, отсюда и пошло прозвище «Топал» — хромой. Осман-паша был хорошо образован, слыл знатоком арабской, турецкой и персидской литературы, владел греческим и французским языками. В молодые годы находился на военной службе, самоотверженно сражаясь за веру, султана и старый порядок. До назначения в Боснийский пашалык он был мухазифом (начальником охраны) Белградской крепости. С годами к нему пришло понимание необходимости преобразований в империи. Всю свою энергию в этом вопросе он направил на Боснию и Герцеговину. В конце 1861 г. он получил назначение на пост генерал-губернатора Боснийского пашалыка. Покровителем Осман-паши считался один из идеологов османизма Фауд-паша (1814–1869)⁸. Именно он, будучи великим визирем, в 1861 г. способствовал назначению Осман-паши в Боснию.

Что же представляла собой Босния того времени? Дипломаты и путешественники именовали ее не иначе как «захолустьем всей Европы» и «задворками Османской империи», местом, где царило настоящее средневековье. Мусульмане, католики, православные, евреи жили бок о бок, но не были добрыми соседями друг для друга. Всеобщая разобщенность, тотальная безграмотность, бездорожье, земля суеверий и предрассудков — таков был портрет Боснии на тот момент.

Приезд нового чиновника был хорошо воспринят большинством иностранных консулов. Российский консул в Сараеве Е. Р. Шулепников (1858–1868) охарактеризовал Топал Осман-пашу, как человека, который отличался добротой и был нацелен на улучшение положения Боснии, но подвержен влиянию своего окружения⁹. Позже он говорил о нем, что паша — человек с добрым сердцем, но не имеет способностей к управлению, окружен противниками реформ¹⁰.

Босния никогда не была спокойным уголком Балкан. В конце 1861 г. начались волнения мусульман в Бихачском крае. Это была одна из беднейших областей региона. Волнения были вызваны недовольством мусульман новой системой налогообложения. Вергия — прямые подати правительству, не уплачивались до введения хатт-и-хумаюна. Со смертью султана Абдул-Меджида (25 июня 1861 г.)

местные мусульмане полагали, что новый султан избавит их от повинностей, но этого не произошло.

Осман-паша лично отправился в эти края. В результате несколько бегов были посажены в тюрьму, христиане, принимавшие участие в волнениях, прощены. Бедным жителям того края Осман-паша лично помог зерном, одеждой и обувью. Местным каймакам он поручил заняться вопросом образования — открывать школы. Осман-паша выпустил из тюрем всех должников-христиан, уплатив их долги из своего кармана. По свидетельствам российского консула в благодарность местные христиане день и ночь кричали «Ура!» и молились под окнами конака паши¹¹. Заключенным в тюрьме он рассылал хлеб и мясо. Во время своего пребывания в Бихаче он постоянно принимал депутации местных крестьян и старался разрешить их проблемы¹².

О пребывании паши в Босниской Крайне консул Шулепников писал: «Действия Осман-паши вполне заслуживают отличных похвал, ибо, несмотря на серьезные критические обстоятельства, он вышел победителем и своей кротостью, своим беспристрастием и энергией он потушил пламень начавшихся смут и беспорядков»¹³.

После Бихача Осман-паша отправился в Бая-Луку, где также старался навести порядок. Раздавал милостыню христианам и добился разрешения продавать за символическую плату местному населению государственные земли. Осман-паша освобождал христиан от многих налогов или же снижал их. Генерал-губернатор учредил специальную комиссию для проверки счета деньгам, выданным поселенцам за хлеб и разные припасы, взятые с них для турецких войск в Герцеговине¹⁴. Эта комиссия должна была объездить всю Боснию, но не исполнила возложенных на нее обязанностей должным образом. Убедившись в некомпетентности большинства местных управленцев, паша пришел к мнению, что единственным способом навести порядок в регионе будут его личные визиты на места.

В 1865 г. он в очередной раз объездил все вверенные ему области (за исключением Нови-Пазарского санджака. — *К. М.*) и Герцеговину¹⁵. После этой поездки Осман-паша приступил к проведению административной реформы. Боснийский пашалык и Герцеговинский санджак были объединены в Боснийский вилайет. В вилайете выделялось семь санджаков: Сараевский, Герцеговинский, Зворницкий, Бая-Лукский, Бихачский, Нови-Пазарский и Травницкий.

Санджаки делились на казы (уезды) во главе с мудирами, казы на волости, возглавляемые старейшинами¹⁶.

Полномочия боснийского генерал-губернатора были значительно расширены, он стал именоваться «вали». Появились постоянно действующий административный совет и ежегодно собирающийся общевилайетский совет.

В введении административного совета при вали были: общественное управление, финансы вилайета, внешние дела вилайета, общественные работы, промышленность. В состав административного совета входили: муфеттиши-хуккам (начальник судей) — назначался султаном по предложению шейх-уль-ислама; начальник корреспонденции — назначался султаном; харидчи-мудир (начальник внешних дел вилайета) — назначался Министерством иностранных дел; мухасибедчи (начальник финансов) — назначался Министерством финансов; три мусульманина и по одному представителю от православного, католического и еврейского населения — кандидатуры избирались народом и утверждались вали.

Общий совет при вали собирался для рассмотрения дел всего вилайета на сорок дней. В состав совета входили: вице-председатель, чиновники вилайета и по два представителя мусульманского и немусульманского населения от каждого санджака.

В санджаках заработали уголовный и гражданский суды, в которых заседали начальник и по три представителя от мусульманского и немусульманского населения. Также были учреждены административные советы под председательством каймакамов (в составе кади, муфтия, духовных представителей немусульманского народонаселения, начальника финансов, начальника корреспонденции, трех мусульман и трех немусульман)¹⁷.

Главная цель реформы состояла в том, чтобы ограничить влияние и власть местной знати. По факту добиться этого не удалось, так как многие важные посты все же заняли представители виднейших семей беговата.

Став генерал-губернатором Боснийского вилайета Осман-паша сосредоточился на решении ряда важнейших задач. Одна из них заключалась в налаживании транспортного сообщения. Многие упрекали вали в том, что он мало внимания обращал на административные дела, а направил всю свою энергию на строительство дорог, которое началось в соответствии с вилайетским законом. Две крупнейших

дороги пролегли между Мостаром и Метковичем, Сараево и Мостаром.

Не обходилось без проблем. Местные управленцы злоупотребляли своим положением. В 1865 г. турецкие чиновники заключили в тюрьму работников, которые трудились на участке Меткович — Мостар, за то, что они направили султану просьбу об улучшении их положения во время проведения работ. Тогда Осман-паша лично направился в эту местность и освободил работников¹⁸. Таким образом, вали приходилось постоянно инспектировать строительство дорог. Работа была тяжелой и плохо оплачивалась: «При отчаянной бедности народа, при ничтожности торговых оборотов, при неимении колес, упряжных лошадей все бремя дорожных улучшений падало и падает на несчастных поселян, оставляющих свои дома и семейства, переносимых на несколько месяцев в горы, не получающих аккуратно даже дневного заработка величиною в один пиастр, обещанного правительством», — писал в донесении Н. П. Игнатьеву консул в Сараево А. Н. Кудрявцев (1868–1877) в ноябре 1868 г.¹⁹ Тем не менее, сам Кудрявцев признавал, что за годы пребывания Осман-паши в Боснии дорог и мостов было построено больше, чем за всю предыдущую историю²⁰.

Значительное внимание Осман-паша уделял проблемам образования. Куда бы он не направлялся, он изучал состояние школьного вопроса и наказывал своим подчиненным содействовать расширению сети учебных заведений в регионе.

В Сараево он нашел единомышленницу в лице боснийской просветительницы Стаки Скендеровой (1830–1891). В 1858 г. она открыла в Сараево первую школу для девочек в Боснии и Герцеговине. Особенность этого учебного заведения заключалась в том, что туда принимали представительниц всех вероисповеданий.

Боснийский генерал-губернатор отдал на обучение в эту школу своих дочерей. В 1865 г. Осман-паша по случаю экзамена лично даровал школе 500 пиастров. Тогда же в Боснии с проверкой находился комиссар Порты Джевдет-эфенди. Осман-паше удалось убедить его в необходимости выдачи денежного пособия от султана на реализацию нескольких проектов христианских общин. В итоге 5 тыс. пиастров были переданы школе С. Скендеровой, 30 тыс. пиастров пожертвовано на строительство православных церквей и 12 тыс. на католическую школу²¹. С этого момента началась регулярная

финансовая поддержка школы Скендеровой турецким правительством. Неоднократно вали лично делал пожертвования и содействовал решению проблем этого учебного заведения. В 1871 г. он организовал поездку С. Скендеровой в Святые земли и аудиенцию у султана²².

Судя по многочисленным донесениям российских консулов, нельзя сказать, что за годы пребывания Осман-паши на посту уровень грамотности среди населения Боснии резко возрос, но все же положительные тенденции прослеживались. Непросто обстояло дело с учебными заведениями для православного населения. В Боснии была развернута сеть школ, которые занимались не столько вопросами просвещения, сколько подготовкой к восстанию против османской власти. Многие из них были тесно связаны с сербскими комитетами по освобождению Боснии и Омладиной.

Ярчайший пример — история с закрытием семинарии В. Пелагича в Бая-Луке. В городе преобладало христианское население, но он граничил с мусульманскими областями Боснии. До 1868 г. в Бая-Луке не было организаций по подготовке восстания, и семинария стала главным агитационным центром²³. Стоит отметить, что российское правительство и славянские комитеты, которые активно поддерживали просветительские миссии, отказались участвовать в реализации проекта Пелагича, в итоге попавшего в тюрьму.

По сообщениям российских консулов, при Осман-паше турецкая тайная полиция работала особенно хорошо²⁴. Он был прекрасно осведомлен о деятельности Омладины и сербского правительства в регионе, знал о существовании сербской агентурной сети и подготовке восстания, всячески противодействовал сербской пропаганде. Соответственно, сербы княжества относились к Осман-паше негативно и с нетерпением ждали его удаления из Сараева²⁵. Это явилось одной из причин охлаждения отношений вали с российским консульством.

Весной 1865 г. началась волна переселения христиан из Боснии в Сербию и Австрию. В поисках лучшей доли люди покидали вилает. Осман-паша предпринял ряд мер к их удержанию, последовали новые налоговые послабления. Уже в мае более 2 тыс. человек, которые не были приняты в Сербию, возвратились обратно. Те же, кто отправился в Австрию, были на грани разорения, так как отдавали последнее за переправу через Саву²⁶. В 1865 г. Осман-паша приостановил процесс сбора податей для константинопольской патриархии, тем самым значительно облегчив жизнь православного населения.

Был и обратный процесс переселения мусульман из княжества Сербия в Боснию. Выезжали в основном из Смедерева и города Ужице. Начиная с 1860-х годов только из Ужице прибыли более 1200 человек. Остро стояла проблема их расселения. Большая часть из них была размещена в Зворницком санджаке. Первоначально их распределяли по частным домам. Расходы на устройство беженцев из Сербии брало на себя правительство. Однако выделенных средств не хватало, и Осман-паша проводил сбор помощи для них²⁷. К 1868 г. из Смедеревского санджака в Боснию переселилось порядка 30 тыс. мусульман²⁸.

Одной из серьезных проблем стал вопрос военных приготовлений в Боснии и Герцеговине. Еще в 1864 г. в регионе началось формирование 40-тысячной милиции из местного мусульманского населения — отрядов башибузуков²⁹. Эти отряды существовали в Боснии и ранее. Башибузуки располагались вдоль всей сербской границы и на части австрийской. Организацию новых военных единиц поручили Джевдет-эфенди, он был отправлен султаном Абдул-Азизом в Боснию и Герцеговину. Джевдет-эфенди должен был привлечь боснийских бегов на свою сторону. О формировании отряда милиции на основе донесений Щуленникова сообщал в военное министерство российский военный агент в Константинополе В. А. Франкини*. В Сараево были приглашены беги из всех санджаков Боснии. Несколько недель шли совещания по вопросу проведения рекрутского набора и устройства милиции. Беги дали согласие на эти планы Порты. Было решено в первый год устроить полк в четыре батальона, имеющих каждый по 800 человек, а год спустя организовать другой полк. Юз-баши (ротные командиры), полковники и Лива-паша (бригадный генерал армии) назначались из рядов регулярного войска. Прочие офицерские чины отдавались боснийским мусульманам. На переговоры с бегами была затрачена значительная сумма денег. Каждому бегу было выдано на путевые издержки от 50 до 60 турецких лир, так что вся выданная им сумма составляла около двух тыс. червонцев³⁰. Данные мероприятия российские консулы именовали

---

* Франкини Виктор Антонович (1820–1892) — военный писатель, генерал-лейтенант. Участник обороны Севастополя в Крымскую войну. С 1856 по 1870 г. — военный агент в Константинополе. Далее заведовал военно-горским управлением на Кавказе. В конце 1870-х годов был отправлен с особой миссией в Тегеран. Первый российский генерал-губернатор Карсской области.

процессом «оттоманизирования» региона. Главными стратегическими пунктами стали города Колашин в Герцеговине и Сенница в Нови-Пазарском санджаке, на границах с княжествами Черногория и Сербия соответственно. В этих местностях были организованы военные депо, куда поступали бельгийские карабины новых систем. В Сеннице предлагалось разместить 6 тыс. черкесов, эмигрировавших с Кавказа³¹. В дальнейшем они должны были расселиться вдоль всей границы с Сербией³².

В 1865 г. после инспекции вали всей территории Боснии и Герцеговины, начались военные приготовления турок. В Боснии проводились рекрутские наборы и создавались отряды «военных граничар», шло строительство дорог, мостов и укреплений.

В итоге была собрана 45-тысячная армия башибузуков³³. До мобилизации в 1860-х годах в Боснийском пашалыке численность войск составляла примерно 15 тыс. человек. Из них местные жители составляли от 12 до 30 %. Данные на 1 августа 1866 г. говорят, что количество жителей Боснии и Герцеговины в рядах турецкой армии в вилайете составляло более 75 %³⁴.

Основываясь на боснийском опыте, в конце 1866 г. Порта приступила к реализации плана повсеместного вооружения балканских мусульман.

Боснию и Герцеговину постоянно сотрясали волнения. Особенно тяжелым выдался 1868 г., который ознаменовался неурожаем и волной эпидемий. Тогда осложнилась ситуация на черногорско-турецкой границе в местах проживания свободолюбивых шаранцев и дробняков. Эти племена заявили о желании перейти под власть черногорского князя. Осман-паше удалось решить проблему без применения военной силы. Он лично посетил области волнений. В результате переговоров более тысячи мужчин сняли черногорские шапки и надели турецкие фески. Они получили налоговые послабления и организовали внутреннюю пограничную стражу из 80 человек, которая была на содержании у турецкого правительства. Воевода получал по 500 пиастров, капитан — 250 пиастров ежемесячно³⁵.

Резиденция генерал-губернатора вилайета располагалась в Сараеве. Осман-паша мечтал превратить Сараево в настоящий европейский город. При нем было построены десять магазинов, казарма, большая гостиница, проложена улица Телали. Впервые в Боснии появились

почта и телеграф* (Сараево — Нови-Пазар — Константинополь). Большое внимание Осман-паша уделял лесопильному делу. Из Вены были приглашены инженеры, которые обучали местное население ведению лесопильного хозяйства. Появились кредитные организации помощи крестьянам. В 1863 г. возвели здание для библиотеки и читальный зал, куда допускались все жители пашалыка (вилайета). В 1864 г. заработал первый завод — пивоварня. В 1866 г. появились первые медицинские учреждения в Боснии. При них работали аптеки. Госпиталь был построен по проекту известного на Балканах архитектора Андрея Дамьянова, и оснащен водопроводом и канализацией. Там работали турецкие медики, прошедшие курс обучения в Австрии. Предназначался госпиталь исключительно для военнослужащих турецкой армии. В том же году для гражданских лиц всех вероисповеданий и национальностей была открыта бесплатная больница на 40 мест, состоявшая из двух отделений — мужского и женского.

В 1868 г. закончилось возведение дворца-резиденции генерал-губернаторов Боснии и Герцеговины**. На окраине Сараева была построена прекрасная вилла и сдана в аренду российскому консулу А. Н. Кудрявцеву. Он находился в Сараеве с женой и детьми. Чтобы обеспечить им достойные условия пребывания консул и устроил переезд на виллу Осман-паши, но последний нарушил договор об аренде и продал свою недвижимость семейству Ченгичей.

Кудрявцев наотрез отказался покинуть дом. Дело дошло до Н. П. Игнатьева, который настоятельно рекомендовал консулу пойти на уступки. Эта ситуация сильно ударила по самолюбию российского консула, начиная с этого момента он систематически просил российский МИД о переводе.

Стараниями Осман-паши в Боснии появилась первая типография. Из города Земун был приглашен книгопечатник Сопрон. Турецкое правительство заключило с ним контракт на три года — предоставило ему бесплатное помещение, 38 тыс. гульденов ежегодно на печатные расходы и заработную плату в 2 тыс. гульденов³⁶.

---

* До этого момента пересылку корреспонденции осуществляли через местных купцов или австрийское консульство, которое предоставляло данный вид услуг местному населению. В 1860-е годы в Боснии появилась и получила распространение мусульманская фамилия «Телеграфчич».

** В данный момент дворец (Конак на Бистрику) является резиденцией Президента Боснии и Герцеговины и используется для приема высокопоставленных гостей.

В 1866 г. вышла в свет первая официальная еженедельная газета «Босна» («Босния»)³⁷, последний номер которой датируется июлем 1878 г. Газета на четырех листах печаталась на османском языке и сербской кириллице. Сопрон лично начал печать сербского издания «Босански вјестник» («Боснийский вестник»)*. Первый номер начинался со стихотворения, посвященного Осман-паше. С 1868 по 1872 г. выходило литературно-политическое издание вилайета «Сарајевски цвјетник» («Сараевский цветник»), которое также было билингвой³⁸.

Турецкие наборщики получали жалование от правительства, а сербским платил Сопрон лично. Кроме того, в типографии Сопрона должна была печататься учебная литература для школ. За основу принимались сербские учебники. Осман-паша намеревался наладить печать богослужебных книг для православного населения. Он направил ноту боснийскому, мостарскому и зворницкому митрополитам с просьбой предоставить список нужных книг. Боснийский митрополит Игнатий категорически отказался от этого, сославшись на то, что без позволения Константинопольского патриарха он не имеет права одобрить печать. Инициатива Осман-паши насторожила и российскую дипломатию. Высказывались опасения в возможном искажении священных текстов и утраты духовного общения с православным населением. Консул Шулепников просил убедить патриарха наложить запрет на издание³⁹.

Этот вопрос разбирали митрополит московский Филарет и Св. Синод. Было решено предпринять все усилия, чтобы не допустить печати богослужебных книг в вилайете. В качестве главного аргумента выдвигалось опасение, что турки смогут ознакомиться со священными текстами и найти в них места, которые будут трактовать в свою пользу. Осман-паше не удалось напечатать ни одной богослужебной книги.

Летом 1867 г. Осман-паша запретил сараевской православной общине продолжать постройку колокольни при строящейся церкви. Возможно, он старался избежать недовольства мусульман. Боснийский митрополит направил константинопольскому патриарху жалобу на генерал-губернатора с просьбой решить этот вопрос. Турецкое правительство не одобрило прошение⁴⁰.

---

* Всего вышло 636 номеров газеты «Босна» и 51 номер издания «Босански вјестник».

В 1868 г. Осман-паша получил назначение в Русук. Российский консул Кудрявцев ликовал. Он крайне негативно отзывался о действиях чиновника по отношению к христианскому населению: «Блистательная Порта имеет право поздравить себя с этим актом мудрой политики, следствием которой надобно надеяться будет водворяться мало по малу процесс свободного дыхания христианского народа, придушенного и припертого к стене фанатизмом старого Осман паши» — писал консул в своем донесении к графу Н. П. Игнатьеву⁴¹. Стоит отметить, что не все оценки Кудрявцева в адрес Осман-паши были справедливыми. Например, его смущал тот факт, что на все должности в санджаках Осман-паша поставил «своих людей» — братьев, сыновей, слуг. Доподлинно же известно лишь об одном сыне вали — Рауф-беге (позже — паше. — *К. М.*), который в разное время управлял бихачским и зворницким санджаками (это были самые мусульманские и проблемные области. — *К. М.*). Его административная деятельность в этих краях была в духе реформ танзимата и положительно оценивалось иностранными агентами. Российские консулы негативно отзывались в основном о чиновниках, которых Осман-паша привез с собой из Белграда. Было крайне трудно сразу покончить с самоуправством местного беговата, поэтому и представители местной элиты не остались в стороне от власти. Все это приводило к росту коррупции.

Весть о переводе Осман-паши в Русук взбудоражила всю Боснию. От имени мусульман и евреев вилайета была составлена депеша с просьбой оставить генерал-губернатора на посту. Этот документ был передан великому визирю Али-паше. Не остался в стороне и дабробосанский митрополит Дионисий. Он в многочисленных проповедях обращался к православной пастве с просьбой вступить за Топал Осман-пашу. Иностранные консулы после совещания также решили действовать в пользу вали⁴². Православная и католическая общины Сараева были уверены в том, что удаление генерал-губернатора — это следствие русской политики.

Судя по всему, сам Осман-паша с большим огорчением воспринял новое назначение. По словам Кудрявцева, вали рассчитывал оставаться в Боснии до конца своих дней⁴³. Он еще не успел завершить все свои проекты по модернизации вилайета.

В январе 1869 г. в вилайет прибыл новый генерал-губернатор — Омер Февзи-паша. Его пребывание в Боснии ограничилось одним

месяцем. Неизвестно, успел ли он что-либо сделать за это непродолжительное время.

В феврале 1869 г. в Боснию вернули Осман-пашу. Первым делом он принялся исправлять свои ошибки в кадровой политике. По приказу великого визиря по всей империи вводился запрет для начальников округов и уездов назначать на чиновничьи должности родственников в районах своего служения. Таким образом, Осман-паше пришлось удалить из Боснии своего брата — Махмуд-бея, занимавшего пост травницкого кади (он слыл взяточником и фанатиком⁴⁴. — *К.М.*) и своего сына — Рауф-пашу, бывшего на тот момент зворничким каймакамом.

Помимо удаления родственников Осман-паша также отстранил от власти ряд приближенных. Эта мера вызвала одобрение у консула Кудрявцева. В одном из донесений к Игнатьеву он писал: «Прежний любимец Осман-паши вилайетский мектупчи (обер-секретарь), заправлявший всеми делами, удален от должности вследствие представления самого г. губернатора. Тевфик-бей — турецкий нигилист, был фанатик только относительно взяточничества. Он был представителем юной Турции, проводил идеи реформ и улучшений, находил настоящее своего отечества скорее черным, чем светлым, но зато брал взятки во всех процессах от имени своего, от имени генерал-губернатора, от имени министров. Осман-паша, привязавшийся к этой личности и не могший вести без нее ни одного дела, был далеко от мысли, что его подчиненный собирает тысячи червонцев для себя, но от имени его»⁴⁵.

Последние месяцы управления Боснией вали провел в пути. В марте ему было поручено встретиться с императором Австро-Венгрии Францем Иосифом, который совершал поездку по Хорватии и Далмации. Встреча состоялась в Фиуме (ныне Риека в Хорватии), где император наградил генерал-губернатора орденом Св. Леопольда I степени.

В мае 1869 г. Осман-паша получил телеграмму из Константинополя, в которой ему приписывалось срочно приехать в столицу. Причины отзыва вали неизвестны. К тому времени уже не стало его главного покровителя — Фауд-паши. Так для Османа-паши закончилось управление Боснией. Прибыв в Константинополь, он купил себе дом на Босфоре, где и провел последние годы своей жизни.

Осман-паше постоянно приходилось лавировать между интересами православных, мусульман, католиков, евреев. В такой ситуации

невозможно было угодить всем. Этот боснийский генерал-губернатор старался одинаково относиться к представителям всех вероисповеданий. Правда такая политика не находила должного отклика у боснийского общества. Мусульманам не нравилось его лояльное отношение к христианскому населению. Деятели сербского комитета по освобождению Боснии докладывали в Сербию, что многие турки ненавидят своего вали⁴⁶.

Попытки Османской империи создать в Боснии и Герцеговине единое гармоничное общество не удалось реализовать. Это противоречило вековым устоям империи и требовало длительной и планомерной работы. Сербская и русская пропаганда мешали налаживанию контактов с православным населением, католики же были полностью под влиянием Австро-Венгрии. В этих условиях нельзя было надеяться на полное уравнивание в правах всех жителей Боснии и Герцеговины. Мусульманское население сохраняло за собой больше преференций. Тем не менее, Осман-паша был первым боснийским вали, который прислушивался к голосам всех категорий и слоев общества Боснии. Несмотря на слабое здоровье и немолодой возраст он много ездил по вверенным ему территориям, стараясь лично ознакомиться с проблемами населения.

В совокупности Топал Шериф Осман-паша занимал пост генерал-губернатора Боснии семь лет и четыре месяца. Это был беспрецедентный случай в истории управления регионом. Его преемники на этом посту не задерживались больше, чем на год. Мечта провести остаток жизни в Боснии так и не исполнилась, но одна из улиц современного Сараева носит имя Топал Осман-паши.

Примечания

¹ *Tenuh II*. Босна и Херцеговина у руским изворима (1856–1878). Сарајево, 1988.

² Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы / Отв. ред. Ю. А. Писарев, М. Экмечич. М., 1985; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы / Отв. ред. Ю. А. Писарев, М. Экмечич. М., 1988.

³ Военно-статистический сборник на 1868 год. СПб., 1868. Вып. II. Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегией, Греция, Турция и вассальные владения. С. 192–194.; *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 года // Собрание сочинений А. Гильфердинга. М., 1873. Т. 3. С. 283–284; Pasko Vasa-efendija. Bosna i Hercegovina za vreme misije Dževdet-efendije. Banja-Luka, 2011. S. 28–29.

⁴ Олюин С. В. Боснийский эялет в конце XVIII — 70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М., 2006. С. 88.

⁵ Гильфердинг А. Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия // Собрание сочинений А. Гильфердинга. М., 1873. Т. 3. С. 1–278.

⁶ Олюин С. В. Боснийский эялет. С. 112.

⁷ *Bandžović S.* Bošnjaci i deosmanozacija Balkana. Muhadžirski pokreti i prebježišta «sultanovih musafira» (1683–1875). Sarajevo, 2013.

⁸ Финкель К. История Османской империи: Видение Османа. М., 2012. С. 632.

⁹ *Tenuh I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 102.

¹⁰ Там же. С. 103.

¹¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 374–375.

¹² *Tenuh I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 104.

¹³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 373.

¹⁴ Там же. С. 374.

¹⁵ *Tenuh I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 104.

¹⁶ Подробнее о реформе см.: АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2328. Донесение российского консула Е. Р. Щупеникова Н. П. Игнатьеву, Сараево, 1. II. 1866. Л. 4–11.

¹⁷ Там же.

¹⁸ АВП РИ. Ф. 180. Д. 2051 б. Л. 33–34 об.

¹⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 146.

²⁰ *Tenuh I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 209–210.

²¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 12.

²² *Поповић А.* Хаџи Стака Скендерова, српска калуђерица и учитељица // Босанска Вила. 1903. N 23–24. С. 393–395.

²³ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 12. Л. 10 об.

²⁴ ГА РФ. Ф. 1750: Московский славянский благотворительный комитет. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 119; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 142.

²⁵ Об этом свидетельствуют донесения сербских агентов в Боснии к Йовану Ристичу. См.: АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XII/3. 12/37.

²⁶ АВП РИ. Ф. 161. Главный архив. У-А2. Д. 808. Л. 29–30.

²⁷ *Tenuh I.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 90–93.

²⁸ *Bandžović S.* Bošnjaci i deosmanozacija Balkana. S. 321–329.

²⁹ РГВИА. Ф. 450: Турция. Оп. 1. Д. 73. Л. 53 об–54.

³⁰ Там же. Л. 90–91.

³¹ В начале 1864 г. из Константинополя пришло известие о намерении турецкого правительства переселить в Боснию 20 тыс. черкесов. Осман-паша выступал против этой меры, считая, что это усугубит итак сложную обстановку в пашалыке. См.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 445. Вопрос с черкесами снова был поднят в 1869 г. Тогда османские власти предложили переселить в Боснию 250 тыс. черкесов. См.: АВП РИ. Ф. 180. 1869 г. Д. 2331. Л. 45–46 об.

³² ОР РГБ. Ф. 169. Картон. 41. Ед. хр. 35. Л. 5–5 об.

- ³³ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 73. Л. 85–85 об.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 125.
- ³⁶ Донесения об этом поступали в Святейший Синод. См.: РГИА. Ф. 797: Канцелярия обер-прокурора Синода. Оп. 36. II отд. 3 стол. Д. 36. Л. 3–5.
- ³⁷ До этого момента в Боснии и Герцеговине ранее не печатались газеты. В 1850 г. Иван Франьо Юкич организовал издание газеты «*Bosanski prijatelj*» («Боснийский друг»). До 1870 г. вышло всего четыре номера этого издания, все они печатались в хорватских землях.
- ³⁸ Пејановић Б. Штампa Босне и Херцеговине 1850–1941. Сарајево, 1949. С. 43–44.
- ³⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 36. II отд. 3 стол. Д. 36. Л. 3–12.
- ⁴⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 92.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² АВП РИ. Ф. 180. 1868 г. Д. 2330. Л. 136–136 об.
- ⁴³ Там же. Л. 136 об.
- ⁴⁴ АВП РИ. Ф. 180. 1869 г. Д. 2331. Л. 44–44 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 43 об.–44.
- ⁴⁶ АСАНУ. Ф. Јован Ристић. XII/3. 12/31.

Л. Ю. Пахомова

К вопросу об австро-венгерском управлении в Боснии и Герцеговине

«Географическое положение Австрии и структура мозаики народов способствовали тому, что вряд ли где-то в Европе может возникнуть вопрос без того, чтобы болезненно и прямо не коснуться нашего жизненного нерва», — написал австро-венгерский дипломат граф Генрих фон Лютцов (1852–1935) во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. Эту же мысль он повторил во время аннексионного кризиса 1908–1909 гг.: «Страх перед заигрыванием собственных граждан с зарубежными странами был вечной проблемой для австрийского правительства; он был как червь, который упорно грыз наш жизненный нерв и в конце концов привел к развязке. Это почти в равной степени справедливо для немцев, чехов, южных славян, итальянцев и румын»¹.

В этом заключается суть и внутренней, и внешней политики Австро-Венгрии, считают авторы томов, посвященных международным отношениям и являющихся частью фундаментального коллективного труда по истории Габсбургской монархии². Таковую же концепцию, рассматривая причины Первой мировой войны, развивает С. Уильямсон-младший: «Почти каждый важный политический или дипломатический сюжет в монархии имеет две стороны: внешнюю (*Außen*) и внутреннюю (*Innen*)»³.

Одним из доказательств этого может быть оккупация Боснии: в результате активной внешней политики австро-венгерских властей великие державы постановили, что Босния по итогам русско-турецкой войны де-факто перестает быть частью Османской империи и входит в Габсбургскую монархию.

Проблему австро-венгерского управления в Боснии можно рассматривать именно в контексте многосложного соседства, включающего несколько аспектов. Во-первых, структура населения с мусульманским элементом, запутанным этноконфессиональным клубком проблем и традициями почти 400-летнего османского государственного управления. Во-вторых, соседние страны с их амбициями, внешней политикой и многовековой историей — Сербия, Черногория и Хорватия. В-третьих, отношения между разными частями империи. И последнее — обстановка на международной арене: отношения между Турцией, Австро-Венгрией и их общим соседом — Россией. При этом каждый из аспектов переплетается с другими и переходит из одного в другой.

Принцип функционирования империй в последние два десятилетия вызывает особенный интерес историков. Наряду с исследованиями опыта Российской, Османской, Британской империй идет активная разработка истории многонациональной Габсбургской монархии⁴.

Что касается изучения австро-венгерского опыта управления оккупированными территориями, в период после Второй мировой войны появился ряд серьезных исследований по этой теме. Здесь необходимо выделить вклад боснийско-герцеговинских ученых: Х. Капиджича⁵, М. Хаджияхича⁶, Х. Крешевляковича⁷, И. Хаджибеговича⁸, Д. Юзбашича⁹, М. Имамовича¹⁰, З. Шехича¹¹, С. Джайи¹² и др. Комплекс мер оккупационных властей проанализировали австрийские ученые; активную работу в боснийских и австрийских архивах проводил Ф. Хауптманн. Им была осуществлена публикация источников, позволившая реконструировать австрийскую политику в крае¹³. С конца 1970-х годов Босния и Герцеговина рассматриваются как часть восточного и славянского вопросов в работах австрийского ученого Х. Хазельштайна¹⁴. Отношение венского правительства к мусульманам стало предметом исследований В. Хойбергер¹⁵. Фундаментальный труд об управлении оккупированными территориями — «Режим Каллая в 1882–1903 гг.» написал Т. Кралячич¹⁶. Историю Боснии и Герцеговины в австро-венгерский период изучали американские ученые П. Шугар¹⁷ и Р. Дониа¹⁸.

Одним из первых историков, кто исследовал австро-венгерский период истории Боснии и Герцеговины в Советском Союзе, был Ю. А. Писарев¹⁹. В. И. Фрейдзон посвятил одну из работ оформлению мусульманского этноса²⁰; на материалах прессы историк показал реакцию

российского общества на оккупацию, а также он проанализировал корреспонденцию Павла Аполлоновича Ровинского (1831–1916). Опираясь на документы из Архива внешней политики Российской империи, публикации на тему австро-венгерской политики продолжили В. Н. Кондратьева²², В. И. Косик²³ и Е. К. Вяземская²⁴. В современной отечественной историографии вопросами истории Боснии и Герцеговины под австрийским управлением занимаются О. Н. Новикова²⁵, Л. Ю. Пахомова²⁶ и др.

29 июля 1878 г. вооруженные силы Австро-Венгрии приступили к оккупации территории согласно мандату, выданному на Берлинском конгрессе. Уже в начале 1878 г., как сообщало российское министерство иностранных дел, местным жителям было известно о возможной оккупации их вилайета. Население готовилось к вооруженной борьбе с австро-венгерскими войсками²⁷. Оснащенной современным оружием армии в составе 268 тыс. человек понадобилось четыре месяца, чтобы сломить сопротивление православных, мусульман и некоторой части католиков²⁸.

Одну из главных ролей в передаче провинций Османской империи — Боснии и Герцеговины — Австро-Венгрии сыграла именно Россия. Формирование внешнеполитического курса в балканской политике петербургского кабинета по боснийскому вопросу было основано на глубоком анализе ситуации на местах. Наблюдение российских представителей осуществлялось в контексте изучения проблемы жизнеспособности австро-венгерской империи. В 1888 г. на основе консульских донесений министр иностранных дел России Николай Карлович Гирс (1820–1895) пришел к выводу, что дунайская монархия всеми силами будет стремиться к утверждению в оккупированных землях²⁹. Через 20 лет, в 1908 г., после свидания в Бухлау тогдашний министр Александр Петрович Извольский (1856–1919) передавал, что аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией выгодна для России. С министром согласился и царь Николай II³⁰. Для петербургского кабинета была очевидной сложность ситуации, в которой оказалась Габсбургская монархия вследствие окончательного присоединения оккупированных провинций: кризис дуалистической системы был налицо, а ослабление противника изнутри было в интересах российского правительства.

Свои выводы российское правительство сделало в результате глубокого анализа интеграционной модели новоприсоединенных

территорий, находившихся ранее в составе иной государственно-политической системы.

Модель управления стала предметом изучения не только дипломатических работников, но и государственных аналитиков, в частности одного из разработчиков имперской политики России Алексея Николаевича Харузина (1864–1932). Начиная с 1890-х годов Харузин был чиновником особых поручений при губернаторе Эстляндии, управляющим канцелярией Виленского генерал-губернатора, губернатором Бессарабии, директором Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, товарищем министра внутренних дел России Александра Александровича Макарова (1857–1919).

А. Н. Харузин совершил поездку в Боснию в 1900 г. В следующем же году его книга «Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии» вышла в свет³¹. Ученый был очень хорошо подготовлен: он знал все современные ему работы по посещаемым территориям, что видно из библиографии к разделам.

Харузин отмечал, что в первый год оккупации Австро-Венгрия проводила такое же военное управление, как и в свое время Россия в Средней Азии. При такой системе сохранялся прежний административный аппарат, который подчинялся назначенному из центра генералу. То, что эта провинция оставалась частью Османской империи, дополнительно подтверждалось двусторонним договором между австро-венгерским правительством и Блистательной Портой — Новипазарской конвенцией, которая была подписана в апреле 1879 г. Согласно этому документу, Турция соглашалась на временную оккупацию Боснийского вилайета.

Когда край был более или менее умиротворен, Вена ввела гражданское управление, которое существовало параллельно с военным (*General Commando*) и получило официальное название «Императорско-королевское земельное правительство» (*Kaiserlich-königliche Landesregierung*). Одновременно была проведена перепись населения, для учета введена строгая паспортная система. Перепись 1879 г. показала, что общее количество жителей провинции составляло 1 млн 115 тыс., из которых 42,8% были православными, 38,7 — мусульманами, 18 — католиками, 0,3% — евреями. К концу австро-венгерского управления, в 1910 г., население Боснии и Герцеговины выросло до 1 млн 898 тыс. Из них православные составляли 43,5%, мусульмане — 32, католики — 23, евреи — 0,6%³².

Австро-венгерское правительство оставило турецкое административное деление: шесть санджаков (*Bezirk*), которые делились на 49 каз (*Kreis*), во главе которых стояли каймакамы. Из 49 каймакамов 13 были из местных мусульман, остальные — представителями народов многонациональной Габсбургской монархии. Сохранив административное деление, австро-венгерские власти резко увеличили бюрократию в провинции. Так, если в османское время вилайетом управляли 180 чиновников, то от имени дуалистической монархии в Боснии работали, по самым скромным подсчетам, 7300 чиновников в 1897 г. и 9500 — в 1908 г.³³

В 1879 г. провинция Босния и Герцеговина была включена в таможенную систему империи. При этом резко повысились ввозные пошлины, особенно болезненным для жителей стал многократный рост цен на колониальные продукты — рис, кофе, сахар. Как подсчитала Е. К. Вяземская, боснийцы стали платить подати в 20 раз больше, чем в османское время³⁴.

Судебная власть при военном управлении принадлежала начальникам отрядов, которые чинили суд по турецким законам. Гражданская администрация восстановила суды санджаков и каз, пользовавшиеся османскими законодательными актами. В 1878 г. был обнародован новый уголовный кодекс и учрежден апелляционный суд в Сараеве³⁵. Продолжал действовать шариатский суд.

В первые годы оккупации, с одной стороны, сохранялось множество прежних порядков. С другой — население не было довольным преобразованиями в крае, что привело к восстанию в 1882 г. Поводом к нему послужило введение всеобщей воинской обязанности. Православные с 1868 г. были освобождены от несения воинской службы, а мусульмане должны были служить только султану. Нарушение ранее существовавшего порядка со стороны австро-венгерских властей не понравилось местному населению. Информацию о восстании власти тщательно скрывали от иностранных держав. Вене удалось локализовать мятеж и избежать международного вмешательства³⁶.

После восстания оккупированную провинцию передали в управление общеимперского министерства финансов; таким образом, администрация стала полностью гражданской. Тогда общеимперским министром финансов стал Бенъямин Каллай (Каллаи, 1839–1903). Он был известен как автор работ «Россия на востоке», «История

сербского народа», «История сербского восстания»³⁷. С 1868 по 1875 г. служил генеральным консулом в Белграде. Каллай уже в 1868 г. был уверен, что эти территории отойдут к Австро-Венгрии, и работал над этим. Консулом участвовал в строительстве австро-венгерскими компаниями железной дороги на Балканах, в том числе в Боснии и Герцеговине³⁸. И логично, что новоприсоединенные земли передали в управление последовательному проводнику политики включения Боснии в Габсбургскую монархию. Период с 1882 по 1903 г., когда главой министерства финансов был Каллай, иногда называют «эрой Каллая», а его самого — «некоронованным королем» Боснии-Герцеговины.

Министр финансов был уверен, что провинция должна содержать себя сама, так как добиться инвестиций от обеих частей дуалистической монархии представляло определенные сложности. Однако, используя соперничество Австрии и Венгрии, Каллаю удавалось получать кредиты у венских и будапештских банков³⁹. Например, в 1895 г. на содержание Боснии выдали кредитов на 24 млн крон. При этом бюджет самой провинции был на уровне 74 млн крон⁴⁰.

В оккупированной провинции Каллай приоритетной задачей видел развитие транспортной сети. В османский период по Боснийскому вилайету было проложено всего около 194 км железнодорожных путей, причем на деньги австрийского концессионера⁴¹. К 1900 г. было построено больше 1,6 тыс. км⁴².

А. Н. Харузин с восхищением писал об организации транспорта, называя дороги «произведением инженерной техники»: «Дороги, прекрасно шоссированные, с большим искусством проведены по горным местностям, через реки смело переброшены мосты, в скалах пробиты туннели. Содержатся дороги идеально»⁴³. Всего в австро-венгерский период было проложено 7 тыс. км дорог, при турках же было 900 км «плохих дорог», в основном типа «калдра» (мостовой из среднего размера камней)⁴⁴.

План Каллая предусматривал активное освоение месторождений полезных ископаемых, которыми была богата Босния-Герцеговина. За время австро-венгерского управления в стране было основано 138 промышленных предприятий, на которых работали почти 52 тыс. человек⁴⁵. Причем Каллай придерживался точки зрения, что все промышленные предприятия должны находиться, как и дороги, под государственным контролем⁴⁶.

Впечатляющие успехи были достигнуты в развитии городов и их благоустройстве, улучшении санитарно-гигиенических условий. Водопровод получили 26 городов Боснии-Герцеговины; в Сараеве трамвай появился на четыре года раньше, чем в имперской столице Вене⁴⁷. Были благоустроены набережные реки Миляцки, протекающей через главный боснийский город, построены новые мосты, в том числе инженером Гюставом Эйфелем (1832–1923)⁴⁸.

Уровень сельскохозяйственного развития также вырос, хотя аграрный вопрос не был до конца решен. По мнению П. Шугара, отсутствие в аграрной стране органа по урегулированию земельных отношений и наличие бюро по промышленности свидетельствовали о приоритетности развития сырьевых отраслей⁴⁹. Тем не менее к концу эпохи Каллая был учрежден специальный фонд для предоставления ссуд крестьянам, устроены четыре сельскохозяйственные, три фруктово-виноградные станции, 16 образцовых крестьянских хозяйств. Было организовано ветеринарное дело, основаны конюшни для улучшения породы лошадей⁵⁰. Боснийским правительством привлекались колонисты из Германии и самой Габсбургской монархии⁵¹.

Австро-венгерские власти практиковали также внутреннюю колонизацию — аренду и возделывание прежде необработанных земель. По расчетам администрации, на семью из десяти человек нужно было 8–10 га земли. К 1909 г. четырем тысячам семей (т. е. 24 тыс. человек) было передано в аренду 10 тысяч гектаров. Цена аренды составляла 1 крону за гектар, через 10 лет земля полностью переходила во владение колонизатора⁵².

Кроме того, у властей был план освобождения кметов (крестьян-арендаторов у мусульманских землевладельцев) — выкупа ими земель. С 1879 по 1910 гг. выкупил земли 28481 кмет. На это было потрачено 29,3 млн крон⁵³. Правительство объясняло свою медлительность в решении аграрного вопроса тем, что боялось ухудшения положения освободившихся кметов⁵⁴.

Важные изменения были заметны в области культуры. Началось активное изучение края, к которому привлекались специалисты разных отраслей науки. Были основаны Балканский институт (*Balkanski institut*) и Областной музей (*Zemaljski muzej*) в Сараеве. Город стал настоящим культурным центром всей провинции, где развивались наука, музыка, издательская деятельность, изобразительное искусство⁵⁵. В реализации плана культурного развития края четко

просматривается и политическая составляющая. Власти последовательно осуществляли, как сообщало Министерство иностранных дел России, «строго определенную программу в смысле сближения босняков с Австрией и западом вообще»⁵⁶.

В целях инкорпорации правительство проводило также соответствующую религиозную политику. Светская власть в первую очередь установила контроль над Католической церковью. В 1880 г. австрийские дипломаты начали переговоры со Святым престолом. Их результатом стала папская булла 1881 г., которая удовлетворяла практически все желания австро-венгерских властей: император получил право назначать кандидатов на епископские кафедры, была основана иезуитская семинария⁵⁷.

Что касается мусульман, в Новипазарской конвенции особо оговаривались права султана как халифа — верховного главы мусульман-суннитов — и права самих верующих и исламской религии. Так, военные и гражданские власти должны были «с величайшей заботливостью следить за тем, чтобы каким-либо образом не был нанесен ущерб чести, достоинству, обычаям мусульман, равно как их религиозной свободе, свободе личности и личной собственности»⁵⁸.

В 1882 г. правительство ввело должность реис-уль-улема, главы мусульманского духовенства. Первым реис-уль-улемом специальным императорским дипломом был назначен Мустафа Омерович, известный в Боснии-Герцеговине ученый.

Самым простым решением для Православной церкви казалось присоединение к действовавшему на территории Австро-Венгрии Карловацкому патриархату, но боснийское православное духовенство было категорически против перехода из-под юрисдикции Константинопольской патриархии, которая находилась в Османской империи⁵⁹. Правительство искало поддержки своих преобразований в сербской печати Боснии. Так, гражданский управляющий барон Кучера, пригласив к себе редактора газеты «*Hanpredak*» («Прогресс»), уговаривал его оказать помощь материалами в пользу замены богослужебных книг. На такое предложение сотрудничества, редактор Стражичич, «искренний патриот, преданный сербским национальным идеям» — как охарактеризовал его российский консул в Сараеве Модест Модестович Бакунин (1848–1913) — ответил категорическим отказом и предпочел закрыть газету и публично объяснить истинную причину завершения работы⁶⁰. Однако через год консул

разочаровался в журналисте, которого считал адептом сербской идеи: выяснилось, что Стражиич был подставным лицом⁶¹.

После неудачной попытки с сербской «*Hanpređak*» оккупационная администрация учредила газету «*Bosniak*» («Босняк»), объявившей себя печатным органом мусульман и хорватов⁶². В Мостаре открыли «*Hlas Hercegovca*» («Глас герцеговинца») ⁶³. В таких действиях австро-венгерского правительства консул Бакунин усматривал «лишь желание <...> внести некоторое разложение и смещение понятий в общественный строй занятого края, население коего не отличается большою стойкостью в своих принципах и представлениях»⁶⁴.

Кроме православного духовенства, идее присоединения церкви к Карловацкому патриархату решительно воспротивились Петербург и Белград, отдавая предпочтение далекому Константинополю. После переговоров и согласований в марте 1880 г. Вена и Константинопольский патриархат заключили конкордат. Император получил право назначения митрополитов, которым правительство выплачивало заработную плату. В 1897 г. общеимперское министерство финансов учредило самостоятельную Боснийскую епархию с формальным подчинением Вселенскому патриарху, но подконтрольную Вене⁶⁵.

Еще одним важным шагом в направлении преобразований оказалась замена церковных книг. В Боснии и Герцеговине пользовались богослужебной литературой, присланной из России славянскими комитетами еще в 50–70-е годы XIX в. Они хотели продолжить практику отправлять пожертвования в виде книг и образов для православных церквей. Однако российский консул М. М. Бакунин видел сложность в доставке этих предметов. Он считал некорректным отдавать и развозить их тайно. Поскольку австро-венгерское правительство снабжало церкви всем необходимым, областные власти могли и не принять подарков из России⁶⁶. В австрийской столице был отпечатан новый тираж церковных книг с некоторыми исправлениями текстов. Русский консул обратил внимание начальства на весьма значительную замену в молитвах фразы «император Франц Иосиф» на «король наш»⁶⁷.

Несмотря на австро-венгерское обеспечение, в 1892 г. российское правительство откликнулось на просьбу священника из села Блажуе С. Трифковича о денежном пособии на содержание православного храма и на ходатайство общины монастыря Банья о вспомоществовании в устройстве «сербской основной школы» и в поддержке

местной церкви. Обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев (1827–1907) выделил средства на помощь боснийцам⁶⁸.

В оккупированных Боснии и Герцеговине последователи православной религии несколько раз обращались к русским представителям за помощью в содействии переселения в Россию. Боснийцы намеревались иммигрировать небольшими группами в 15–20 человек. Однако австро-венгерская администрация весьма негативно относилась к стремлениям вверенных им подданных султана. Консул Бакунин писал в секретном донесении, что «австрийские притеснения по отношению к сербам в связи с их желанием переселиться стали невыносимыми»⁶⁹. Сам дипломат надеялся, что это эмиграционное движение распространится на остальное население Боснии и Герцеговины, продемонстрирует перед великими державами ошибки австрийской администрации, и это послужит доказательством того, что австрийцы не смогли «выполнить возложенные на них задачи и поколеблет их нравственный авторитет»⁷⁰.

Министр иностранных дел Н. К. Гирс придерживался иной точки зрения. Он полагал: «Помощь, которую мы были бы в состоянии оказать нескольким боснякам, нисколько не облегчит положение всего края и, следовательно, не будет иметь никакого значения»⁷¹. Кроме того, министр указывал на недостаточность в самой Российской империи государственных средств и земель для массовых переселений, в отличие от Австро-Венгрии, где правительство было в состоянии найти новых жителей для опустошенных территорий, с целью утвердиться в оккупированных областях⁷². Поэтому шеф российской дипломатии рекомендовал консулу в Сараеве не только воздерживаться от поддержки желающих переселиться, но и отговаривать от эмиграции. Говоря о том, что в России переселенцам пришлось бы самим решать все проблемы, министр не исключал «возможности событий, которые могут изменить к лучшему оккупированных областей»⁷³.

У историков нет единого мнения по вопросу о количестве эмигрировавших из Боснии и Герцеговины во время австро-венгерского управления. Многие историки не склонны доверять официальным данным, считая их заниженными. Например, С. Банджович утверждает, что по официальным сведениям из Боснии с 1878 по 1918 г. эмигрировали 63 тыс. мусульман⁷⁴. Однако исследователи оценивают количество переселившихся мусульман в 130–180 тыс.⁷⁵ Ученые сходятся во мнении, что большую часть переселенцев составляли

мусульмане. Так, в 1910 г. из 17 191 эмигранта мусульман было 17 044, сербов — 146, хорватов — 1⁷⁶.

Отдельный вопрос — многолетняя борьба за религиозно-культурную автономию. Контроль австро-венгерской администрации над церковно-общинными делами скрупулезно анализировался русскими дипломатами. Российский консул Густав Викторович Игельстром в одном из донесений указывает на изменения, произошедшие со времен турецкого управления. В османский период избрание православных священников, церковные школы, недвижимость находились во власти общин. Консул дал такую характеристику прежних порядков: «Церковная иерархия, находившаяся в самом жалком материальном положении и выбираемая большею частью константинопольским патриархатом из греков, не имевших связи с сербским населением, находилась в полной зависимости от общин, состоящих из лиц преимущественно недуховного звания. Турецкие власти вовсе не вмешивались во внутренние церковные дела и представляли общинам полную автономию»⁷⁷. Австро-венгерские же чиновники потребовали, чтобы была введена регистрация имущества, всех операций купли-продажи церковной собственности. Они добились присутствия правительственного комиссара на заседаниях общин⁷⁸.

Составной частью церковного вопроса была роль религии в образовании, переход от церковных школ к светским учебным заведениям. Секуляризация образования была одной из важнейших задач австро-венгерского управления. Правительство открывало в районах с преимущественным православным населением новые «коммунальные» школы, которые не имели отношения к церквям и общинам. Основным привлекательным моментом являлась лучшая, чем в православных школах, организация, из-за выделения значительных сумм, отмечал в донесениях консул Бакунин⁷⁹. С точки зрения А. Н. Харузина, в отношении учебных заведений «программа оккупационного правительства теоретически совершенно правильна», ведь улучшалось качество образования, тогда как «в османское время конфессиональные школы терпимы были, потому что не превышали самого ординарно-элементарного уровня»⁸⁰.

Вопросы образования касались непосредственно церковно-общинной организации и политики австро-венгерского правительства по отношению к ней. По сведениям российского Министерства иностранных дел, Вена даже согласилась удовлетворить

требования мусульманского и православного населения по религиозно-автономному вопросу при условии, если они по собственному желанию попросят включить Боснию и Герцеговину в Габсбургскую монархию⁸¹.

В конце 1890-х годов общины начали выступать против духовенства и боснийского правительства, а в самом православном обществе произошел раскол. Противостояние австрийской администрации и православных общин прекратил сам общеимперский министр финансов Беньямин Каллай. Прибыв в Сараево, он распустил совет православной общины и назначил новые выборы под руководством митрополита Саввы Мандича. Российский посол в Вене Павел Алексеевич Капнист (1842–1904) полагал, что альянс Мандича, поддерживающего австро-венгерскую администрацию, и влиятельных сербов обеспечит проправительственное большинство в православных общинах. Так оно и случилось, и к середине 1897 г. управление оккупированными областями под руководством Каллая добилось в церковном вопросе поддержки значительной части образованных сербов⁸².

Выводы Харузина о планомерном включении провинций в состав империи подтверждает мнение Капниста, который отдавал должное административным способностям министра Б. Каллая. В российском посольстве в Вене признавали, что «сочувственное отношение к римско-католической пропаганде» в Боснии и Герцеговине не превращалось в религиозные гонения и не ограничивало свободу совести. Дипломат видел конструктивность идей Каллая, который для достижения цели скорейшей инкорпорации оккупированных провинций в качестве средства использовал не религиозный фактор, а сделал ставку на «развитие благосостояния на более благоприятной экономической почве»⁸³.

Однако образованные сербы также критиковали политику Каллая, называя его «азиатским деспотом» и «диктатором». Депутат представительного органа Боснии — сабора (скупщины) Никола Стоянович писал российскому правительству, что сами соотечественники Каллая называли общеимперского министра финансов «австро-венгерским Потемкиным». По словам депутата, цивилизаторские стремления управляющего были всего лишь демонстративными⁸⁴. Еще одной причиной недовольства сербской интеллигенции было то, что Каллай запретил название «серб»⁸⁵.

В деле инкорпорации оккупированной провинции австро-венгерские власти не могли не опираться на хорватов, у которых с жителями Боснии-Герцеговины были схожий язык, одно происхождение, а с католиками и одна религия. Но к началу XX в. они мало преуспели в этом направлении несмотря на усилия. В этой связи Харузин писал: «Католик не называет себя хорватом. Он просто „католик“. Ему, незнакомому с понятием о национальности, принять ту или другую легко, легче всего хорватскую, соседнюю, говорящую на одном с ним языке и исповедующую одну с ним веру». «Хорватам пришла на помощь вся система оккупационного управления: из 70 848 иностранцев в Боснии-Герцеговине в 1895 г., прибывших чтобы работать в школах, в административном аппарате, промышленных и сельскохозяйственных предприятиях и др., из Хорватии приехало 32 754 человека», — писал путешественник⁸⁶.

Министр Каллай попытался создать альтернативу разделению на хорватов, сербов и мусульман — региональную «боснийскую нацию». Он обращался к традициям средневековой боснийской государственности, ратовал за создание боснийской региональной идеологии и провозглашение боснийского языка, что должно было ускорить инкорпорацию всей провинции в империю. Скорее всего, идея не была выдвинута на пустом месте. Харузин отмечал, что в крае можно было встретить «лиц, именующих себя в разговоре с сербом соседних стран „босняками“ и показывающих не без ударения, что они не „братья“ сербам, а принадлежат к народности особого рода»⁸⁷.

Язык местного населения был назван областным языком, официальным же стал немецкий. Однако политика Б. Каллая, направленная на создание полиэтничной и поликонфессиональной «боснийской нации» на политико-территориальной основе, закончилась неудачей. После смерти Каллая сменивший его на посту министра финансов барон Иштван Буриан (1852–1922) отказался от этой идеи. В 1905 г. церковно-школьную автономию получили сербы, а в 1909 г. — мусульмане. Однако это не предполагало создание представительных учреждений по этноконфессиональному признаку. В переписи 1910 г. православных определили как «сербско-православных».

В 1906–1908 гг. началось оформление политических партий в Боснии; главным образом они были образованы по религиозному принципу. Раньше всех была основана Алибегом Фирдусом Мусульманская национальная организация — 3 декабря 1906 г. Через два года,

24–26 августа 1908 г., была создана Мусульманская прогрессистская партия, которая с 31 января 1910 г. стала называться Мусульманской независимой партией.

Сербское национальное движение представляли Сербская национальная независимая партия, образованная в мае 1907 г. Лазаром Димитриевичем, и Сербская национальная организация, созданная 27–31 октября 1907 г.

21 февраля 1908 г. Никола Мандич и Иво Пилар объявили о создании Хорватского национального союза. Архиепископ Йосип Штадлер 18 января 1910 г. закончил оформление Хорватской католической унии⁸⁸.

Через два года после аннексии, 17 февраля 1910 г. император-король Франц Иосиф санкционировал закон о конституционных учреждениях для Боснии и Герцеговины. Через три дня в главном городе провинции была провозглашена конституция (областной статут). Наряду с исполнительной властью появился представительный орган — сабор (скупщина), хотя он и был лишен прав законодательной инициативы и контроля над исполнительной властью. В компетенцию сабора (скупщины) входили только вопросы, касающиеся самой Боснии-Герцеговины. Кроме статута, закона о выборах и регламента работы сабора, были дарованы законы об общественных организациях, о собраниях и об округах («котарах» — хорв., «срезах» — серб.)⁸⁹.

Таким образом, в консервативный мир боснийцев и герцеговинцев вторглись энергичные и активные чиновники Австро-Венгрии. Она способствовала внедрению капиталистических отношений и благ европейской цивилизации. Все же, по наблюдениям А. Н. Харузина, сельские жители избегали нововведений, даже дорог, предпочитая горные тропы. То, что вся «страна живет и движется на старый лад», русский этнолог и государственный деятель объяснял несоответствием уровней в сущности азиатского региона и европейской империи⁹⁰.

Внешние наблюдатели, в том числе дипломаты и ученые, особо отмечали безмятежность и спокойно-медлительный уклад жизни населения Боснии и Герцеговины. Немецкий ученый К. Вальтер писал, что лень и медлительность — в характере всех южных славян, в силу того, что над ними все время кто-то господствовал: землевладелец, торговец, правительство⁹¹.

Характерно описание боснийцев с обязательным употреблением определений «ленивый» и «неспешный» и для русских ученых.

По мнению этнографа и публициста П. А. Ровинского, который посетил Боснию в 1879 г., турецкое господство «низвело поселянина на степень раба, ленивого, убитого духом, без энергии и инициативы». Про мусульманина-торговца русский путешественник писал, что на работе он, «просидев в своей лавке целый день, с невозмутимым спокойствием принимал посещающего его покупателя и провожал глазами проходящих мимо; он не предавался никакой тревожной работе», а отдыхает он, «предаваясь тайному забвению остального мира с его суетой, грязью и гнилой атмосферой»⁹². Таковую же картину наблюдал и А. Н. Харузин после 25-летнего австро-венгерского управления: так же лениво беседовали боснийцы с трубкой, за кофе и за сливовицей. Харузин эту черту назвал «национальной стойкостью», которая «до того характерна для Боснии-Герцеговины в течение всей ее жизни, что ее нельзя не отметить». Эта «стойкость» несколько не исключала эволюции: «Страна изменялась, приобретала в известном смысле новую физиономию, но усвоив себе раз, хотя бы и с трудом, что-либо, страна на этом стояла, готовая жертвовать даже жизнью»⁹³.

Представляется, что цитата из романа «Травницкая хроника» Иво Андрича достаточно точно передает мысль о жизни в Боснии и Герцеговине и в австро-венгерский период. Персонаж романа, доктор Колонья, которого автор в какой-то момент называет «Хроносом» — временем, обращаясь к сотруднику французского консульства Дефоссе, говорит: «Вы, живя здесь, знаете, что рано или поздно вернетесь на родину, в лучшие условия и к более достойному образу жизни. Вы проснетесь и освободитесь от этого кошмара, мы же никогда, так как это наша жизнь <...>. Но в конечном счете все хорошо и все разрешается гармонично. Хотя, разумеется, и выглядит порой нелепым и безнадежно запутанным. „*Un jour tout sera bien, voila notre esperance*“*, как сказал ваш философ. Иначе и нельзя себе представить»⁹⁴.

Примечания

¹ Цит. по.: Wandruszka A. «In der heutigen Welt eine Anomalie» // Die Habsburgermonarchie. 1848–1918. Wien, 1989. Bd. VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen / Hrsg. von A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Teil 1. S. XIII.

² Ibidem.

* В один прекрасный день все устроится, в этом наша надежда (фр.).

³ *Williamson S.R., Jr.* Austria-Hungary and the Origins of the First World War. London, 1992. P. 10.

⁴ Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства / Отв. ред. Т. М. Исламов, А. И. Миллер. М., 1995; Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / Отв. ред. О. В. Хаванова. М., 1997; *Kolm E.* Die Ambitionen Österreich-Ungarns im Zeitalter des Hochimperialismus. Frankfurt am Main; Berlin; Bern, 2001; Nationalism and Empire. The Habsburg Empire and the Soviet Union. New York, 1992; *Schall G.* Der österreichisch-ungarische Dualismus als Integrationskonzept. Hamburg, 2001; Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. / Отв. ред. А. С. Стыкалин. СПб., 2009; Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.) / Отв. ред. С. А. Романенко, И. В. Крючков, А. С. Стыкалин. СПб., 2011. (Центральноевропейские исследования. Вып. IV); *Шулов Я. В.* Австро-Венгерская империя. М., 2003; *Романенко С. А.* Национальные движения южных славян Австро-Венгрии. 1890–1918 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013.

⁵ *Kapidžić H.* Hercegovачki ustanak 1882. godine. Sarajevo, 1958; *Idem.* Bosna i Hercegovina pod austrougarskom upravom. Sarajevo, 1968.

⁶ *Hadžijahić M.* Formiranje nacionalnih ideologija u Bosni i Hercegovini u XIX vijeku // Jugoslovenski istorijski časopis. 1970. Br. 1–2.

⁷ *Kreševljaković H.* Sarajevo za vrijeme austrougarske uprave (1878–1918). Sarajevo, 1989.

⁸ *Hadžibegović I.* Postanak radničke klase u Bosni i Hercegovini i njen razvoj do 1914. Sarajevo, 1980.

⁹ *Juzbašić D.* O uključenju Bosne i Hercegovine u zajedničko carinsko područje // Prilozi Instituta za istoriju u Sarajevu. Godina XVII. Br. 19. Sarajevo, 1982; *Idem.* Nacionalno-politički odnosi u bosanskohercegovačkom saboru i jezičko pitanje (1910–1914). Sarajevo, 1999; *Idem.* Politika i privreda u Bosni i Hercegovini pod austrougarskom upravom. Sarajevo, 2002.

¹⁰ *Imamović M.* Pravni položaj i unutrašnje-politički razvitak Bosne i Hercegovine: od 1878. do 1914. Sarajevo, 1997.

¹¹ *Šehić Z.* U smrt za cara i domovinu! Bosanci i Hercegovci u vojnoj organizaciji u Habsburške Monarhije. 1878–1918. Sarajevo, 2007.

¹² *Džaja S. M.* Konfesionalnost i nacionalnost Bosne i Hercegovine. Mostar, 1999.

¹³ Борба Muslimana Bosne i Hercegovine za vjersku i vakufskomearifsku autonomiju / Sabrao i ured. F. Hauptmann. Sarajevo, 1967; *Hauptmann F.* Die österreichisch-ungarische Herrschaft in Bosnien und der Hercegowina 1878–1918. Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsentwicklung. Graz, 1983.

¹⁴ *Haselsteiner H.* Bosnien-Hercegovina. Orientkrise und Südslavische Frage. Wien, Köln, Weimar, 1996.

¹⁵ На русском языке см.: *Хойбергер В.* Вена и Сараево: австро-венгерская политика по отношению к боснийским мусульманам // Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995; *Она же.* Деятельность Беньямина Каллаи в Боснии и Герцеговине и Османская империя // Средняя Европа. С. 170–175.

¹⁶ *Kraljačić T.* Kalajev režim u Bosni i Hercegovini (1882–1903). Sarajevo, 1987.

¹⁷ *Sugar P. F.* Industrialization of Bosnia-Hercegovina, 1878–1918. Seattle, 1963.

¹⁸ *Donia R. J.* Islam under the Double Eagle: The Muslims of Bosnia and Hercegovina, 1878–1914. New York, 1981; *Idem.* The Habsburg Imperial Army in the Occupation of Bosnia and Hercegovina // Insurrections, Wars and the Eastern Crisis in the 1870s / Ed.

by B. K. Király, G. Stokes. New York, 1985. P. 375–391 (Atlantic studies. Brooklyn College studies on society and change. No 36); *Donia R.J., Fine J.V.A.* Bosnia and Hercegovina. A Tradition Betrayed. New York, 1994; *Donia R.J.* Sarajevo. A Biography. London, 2006.

¹⁹ Писарев Ю. А. Положение рабочего класса и рабочее движение в Боснии и Герцеговине в 1905–1914 гг. // Рабочее движение в новое время. Сборник статей. М., 1964. С. 325–377; *Он же.* Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905–1914. М., 1962.

²⁰ Фрейдзон В. И. К истории боснийско-мусульманского этноса // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты / Отв. ред. И. С. Миллер, В. И. Фрейдзон. М., 1981. С. 329–343.

²¹ Фрейдзон В. И. Отклики в России на борьбу в Боснии и Герцеговине против оккупации в 1878 г. // Отпор austrougarskoj okupaciji 1878. godine u i Hercegovini / Уг. М. Екмечић. Сарајево, 1979. С. 173–192; *Он же.* Корреспонденция Павла Ровинского о сопротивлении в Боснии австрийской оккупации // Там же. С. 193–202.

²² Кондратьева В. Н. К истории первых лет оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (1878–1889) // Балканские народы и европейские правительства в XVIII – начале XX вв. / Отв. ред. Г. Л. Арш. М., 1982. С. 236–255 (Балканские исследования. Вып. 8).

²³ Косик В. И. Австрийская политика в Боснии и Герцеговине. (По материалам советско-югославских публикаций документов) // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах. Народы и дипломатия / Редколл. Ю. А. Писарев, В. И. Шеремет, В. Г. Карасев и др. М., 1991. С. 141–147 (Балканские исследования. Вып. 13).

²⁴ Вяземская Е. К. Пороховой погреб на Балканах – Босния и Герцеговина 1878–1918 гг. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. / Отв. ред. И. В. Чуркина. М., 1997. С. 286–317; *Она же.* Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX в. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. / Отв. ред. В. Н. Виноградов, В. И. Косик. М., 2003. С. 322–359.

²⁵ Новикова О. Н. Боснийско-герцеговинская политика Австро-Венгрии последней трети XIX – начала XX в. и ее роль в развитии международных отношений на Балканах. Дисс... канд. истор. наук. Ставрополь, 2006.

²⁶ Пахомова Л. Ю. Анализ причин и характера антиавстрийского выступления в 1881–1882 гг. российскими дипломатами // Государственное управление. Электронный вестник. 2009. № 21. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/21_2009pakhomova.htm (здесь и далее дата обращения: 28 II 2017); *Она же.* Проблема управления новоприсоединенными землями в Новое время. Опыт австро-венгерского управления оккупированными областями – Боснией и Герцеговиной (1878–1908 гг.) // Государственное управление. Электронный вестник. 2008. № 16. Текст доступен по адресу: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/16_2008pakhomova.htm.

²⁷ Отчет МИД за 1878 г. по Герцеговине // Годичные извещения Министерства иностранных дел Руске империи о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). Нови Сад, 1996. С. 167.

²⁸ *Donia R.J., Fine J.V.A.* Bosnia and Hercegovina. P. 70.

²⁹ Деша министра иностранных дел Н. К. Гирса российскому послу в Вене См.: А. Б. Лобанову-Ростовскому. См.: АВП РИ. Ф. 172. Посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 303. Consulats politiques. 1888. Л. 103 об.–104.

- ³⁰ Письмо гофмейстера Извольского на имя управляющего МИД. Замок Бухлау, 3(16) IX 1908. См.: АВП РИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3201. Соглашение с Австрией. Весьма секретное дело. 1900–1910 гг. Л. 94–96.
- ³¹ *Харузин А. Н.* Босния и Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. СПб., 1901.
- ³² *Hadžibegović I.* Postanak radničke klase. S. 10.
- ³³ *Williamson S. R., Jr.* Austria-Hungary. P. 63.
- ³⁴ *Вяземская Е. К.* Босния и Герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах начала XX века. С. 328.
- ³⁵ Отчет МИД за 1879 г. по Боснии и Герцеговине // Годишњи извештаји. С. 171.
- ³⁶ См.: *Пахомова Л. Ю.* Анализ причин и характера антиавстрийского выступления в 1881–1882 гг. российскими дипломатами. Текст доступен по адресу: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/21_2009pakhomova.htm.
- ³⁷ *Kállay V.* Oroszország keleti törekvései. Budapest, 1878; *Idem.* Geschichte der Serben. Budapest; Wien, 1878; *Idem.* Die Geschichte des serbischen Aufstandes 1807–1810. Wien, 1910.
- ³⁸ *Раденић А.* Предговор // *Калај Б.* Дневник Беџамина Калаја. Београд; Нови Сад, 1976. С. XV.
- ³⁹ *Вяземская Е. К.* Босния и Герцеговина. С. 333.
- ⁴⁰ *Walther C.* Österreich-Ungarns Verwaltung und Wirtschaftspolitik in Bosnien und der Herzegowina // Zeitschrift für Politik. 1911. Jg. 4. S. 165. Текст доступен по адресу: http://www.jstor.org/stable/43346542?seq=27#page_scan_tab_contents.
- ⁴¹ *Вяземская Е. К.* Босния и Герцеговина. С. 333.
- ⁴² *Писарев Ю. А.* Положение рабочего класса. С. 339.
- ⁴³ *Харузин А. Н.* Босния-Герцеговина. С. 54–55.
- ⁴⁴ *Walther C.* Österreich-Ungarns Verwaltung und Wirtschaftspolitik. S. 162.
- ⁴⁵ *Вяземская Е. К.* Босния и Герцеговина. С. 334.
- ⁴⁶ *Lampe J., Jackson M.* Balkan economic history, 1550–1950. From imperial borderlands to developing nations. Bloomington, 1982. P. 309.
- ⁴⁷ *Вяземская Е. К.* Босния и Герцеговина. С. 334.
- ⁴⁸ *Kreševljaković H.* Sarajevo za vrijeme austrougarske uprave (1878–1918). S. 31–32.
- ⁴⁹ *Sugar P. F.* Industrialization of Bosnia-Herzegovina, 1878–1918. P. 27.
- ⁵⁰ *Харузин А. Н.* Босния-Герцеговина. С. 217–218.
- ⁵¹ Отчет МИД за 1883 и 1884 гг. по Боснии и Герцеговине // Годишњи извештаји. С. 184.
- ⁵² *Walther C.* Österreich-Ungarns Verwaltung und Wirtschaftspolitik. S. 151.
- ⁵³ *Катићућ Х.* Аграрно питање у Босни и Херцеговини за вријеме аустроугарске управе (1878–1918) // Годишњак друштва историчара Босне и Херцеговине. Година XIX. 1970–1971. Сарајево, 1973. С. 82.
- ⁵⁴ *Walther C.* Österreich-Ungarns Verwaltung und Wirtschaftspolitik. S. 152.
- ⁵⁵ *Besarović R.* Iz kulturnog života u Sarajevu pod austrougarskim upravom. Sarajevo, 1974.
- ⁵⁶ Отчет МИД за 1890 г. по Боснии и Герцеговине // Годишњи извештаји. С. 192.
- ⁵⁷ *Donia R. J.* Islam under the Double Eagle. P. 19.
- ⁵⁸ *Hauptmann F.* Die österreichisch-ungarische Herrschaft. S. 700.

⁵⁹ Донесения коллежского асессора Бакунина. №№ 15–18. 12 ноября 1880. АВП РИ. Ф. 161/2. Политический отдел СПб. Главного Архива. Оп. 181/2. Д. 830. Сараево, 1880. Л. 145.

⁶⁰ Там же. Л. 90 об.–91.

⁶¹ Обзор донесений российского консула в Сараево М. М. Бакунина. №№ 6–14. Сараево, 20 II – 4 III 1892. См.: АВП РИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 370. *Consulats politiques*. 1892. Л. 70.

⁶² Там же. Л. 70–70 об.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 70 об.

⁶⁵ *Вяземская Е. К.* Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. / Отв. ред. Р. П. Гришина, Г. Г. Литаврин. М., 2002. С. 127; *Харузин А. Н.* Босния-Герцеговина. С. 283.

⁶⁶ Личное письмо российского консула в Сараево М. М. Бакунина послу в Вене А. Б. Лобанову-Ростовскому. Сараево, 30 XII 1886. См.: АВП РИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1887. Л. 47.

⁶⁷ Обзор донесения российского консула в Сараево М. М. Бакунина. № 18. Сараево, 4 XI 1890. См.: АВП РИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 343. *Consulats politiques*. 1890. Л. 90–90 об.

⁶⁸ Депеша из Азиатского департамента МИДа послу в Вене А. Б. Лобанову-Ростовскому. № 799. Петербург, 20 II 1892. См.: АВП РИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 370. *Consulats politiques*. 1892. Л. 66–67 об.

⁶⁹ Расшифрованное донесение российского консула М. М. Бакунина кн. Кантакузину. № 15. Сараево, 13 IV 1888. См.: АВП РИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1888. Л. 90.

⁷⁰ Секретная депеша министра иностранных дел Н. К. Гирса российскому послу в Вене А. Б. Лобанову-Ростовскому. См.: АВП РИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. *Consulats politiques*. 1888. Л. 103 об.–104.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. Л. 105 об.–106.

⁷⁴ *Bandžović S.* Iseljavanje Bošnjaka u Tursku. Sarajevo, 2006. S. 160.

⁷⁵ *Idem.* S. 160; *Hadžibegović I.* Postanak radničke klase. S. 118–120.

⁷⁶ *Hadžibegović I.* Postanak radničke klase. S. 118.

⁷⁷ Депеша российского посла в Вене П. А. Капниста МИД М. Н. Муравьеву. № 11. Вена, 5(17) II 1897. См.: АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. Д. 114. *Vienne. Amb. Imp. I. R.* 1897. Л. 61 об.

⁷⁸ Там же. Л. 62–62 об.

⁷⁹ Обзор донесений российского консула в Сараево М. М. Бакунина. №№ 6–14. Сараево, 20 II – 4 III 1892 г. См.: АВП РИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 370. *Consulats politiques*. 1892. Лл. 68 об.–69 об.

⁸⁰ *Харузин А. Н.* Босния-Герцеговина. С. 296.

⁸¹ Отчет МИД за 1891 г. по Боснии и Герцеговине // Годичный извештаји. С. 224.

⁸² Донесение российского консула в Сараево Г. В. Игельстрёма послу в Вене П. А. Капнисту. № 30. Сараево, 17 VI 1897. См.: АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. Д. 114. *Vienne. Amb. Imp. I. R.* 1897. Л. 261 об.–262.

⁸³ Дешеша российского посла в Вене П. А. Капниста МИД М. Н. Муравьеву. № 11. Вена, 5/17 февраля 1897 г. АВП РИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 114. Vienne. Amb. Imp. I.R. 1897. Л. 63–63 об.

⁸⁴ Записка депутата Сараевского сейма Стояновича «Босния-Герцеговина». 29 VII 1917. См.: АВП РИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 337. Л. 24–25.

⁸⁵ Там же. Л. 25–26.

⁸⁶ *Харузин А. Н.* Босния-Герцеговина. С. 98.

⁸⁷ Там же. С. 35.

⁸⁸ *Романенко С. А.* Национальные движения южных славян. С. 240–241.

⁸⁹ Там же. С. 235–236.

⁹⁰ *Харузин А. Н.* Босния-Герцеговина. С. 55.

⁹¹ *Walther C.* Österreich-Ungarns Verwaltung und Wirtschaftspolitik. S. 149.

⁹² *Ровинский П. А.* Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. С. 26–28.

⁹³ *Харузин А. Н.* Босния-Герцеговина. С. 14–15.

⁹⁴ *Андрич И.* Травницкая хроника / Пер. М. Волконского. М., 1996. С. 259.

И. Е. Иванова

Иво Андрич о путях взаимопонимания между народами

Многие произведения одного из величайших писателей XX в., лауреата Нобелевской премии¹ югослава Иво Андрича (1892–1975) рассказывают о ненависти. О ней может прямо говорить сам автор, его персонажи или вестись повествование в целом. Об этом чувстве мы читаем в сборнике наблюдений «Знаки вдоль дороги» (издан посмертно в 1968 г.), в романах «Травницкая хроника» (1945), «Мост на Дрине» (1945), в рассказе «Письмо, датированное 1920 годом» (1946). Проблемы противостояния, столкновений, ненависти на Балканах пронизывают его творчество, и история конца XX в. подтверждает существование этой дремлющей в народе разрушительной силы². Есть ли надежда на преодоление разобщенности и непонимания, порождающих ненависть, и в чем видит ее сам писатель?

Судьба Иво Андрича и его личность соединили в себе разные этнические начала и разные культуры родной Боснии. Он происходит из католической семьи, появился на свет в Травнике, вырос — в Вишеграде. О жизни мусульманской, христианской и еврейской общин этого города он написал свой знаменитый роман «Мост на Дрине». А. Д. Романенко пишет в предисловии к сборнику избранной прозы писателя: «С видимым удовольствием вписывал Андрич в свою записную книжку слова турецкого историка и политического деятеля Ахмеда Джевдет-паши о том, что „область Босния в Османском государстве есть прекрасный сад, а город Сараево — та часть этого сада, где наслаждение достигает своей вершины“»³. Тема его докторской диссертации, которая была им блестяще защищена в университете Граца — «Развитие духовной жизни в Боснии под влиянием турецкого

владычества»⁴. Мусульманская культура края была близка и интересна Андричу в той же мере, что и жизнь францисканских монастырей.

С 1919 г. Андрич жил в Белграде. О его любви к этому прекрасному городу говорят строки, посвященные описанию белградского неба: «Небо над Белградом высокое и широкое, изменчивое, но всегда прекрасное: и в ясные зимние дни с их студеным великолепием; и в летние грозы <...>; и весной, когда кажется, что и оно цветет, как земля под ним; и осенью — отяжелевшее от роев осенних звезд. Всегда прекрасное и щедрое, оно словно награда этому удивительному городу»⁵. В Белграде Андрич провел годы Второй мировой войны. Позднее он писал в письме автору предисловия к французскому переводу «Травницкой хроники» Клоду Авлину: «Рад, что был в это тяжелое время со своим народом»⁶.

Андрич чувствовал свою связь со всей страной, он ощущал себя прежде всего югославом. Более того, как лауреат Нобелевской премии, гуманист, получивший образование в нескольких университетах Европы, работавший в дипломатических представительствах в Ватикане, Франции, Испании, Бельгии, Швейцарии, Германии, в учреждениях Лиги Наций, он является одним из выдающихся европейцев.

Люди, которые, подобно Андричу, принадлежат в силу происхождения к разным мирам, очень важны для него, они в состоянии анализировать ситуацию, видеть ее в историческом контексте, любить вовлеченные в противостояние народы. Таков герой его рассказа «Письмо, датированное 1920 годом» Макс Левенфельд. Его отец, по происхождению из евреев, давно принявших христианство, молодым человеком уехал из Вены и поселился в Сараеве. Мать была дочерью итальянской баронессы и офицера австрийского флота, потомка французских эмигрантов. Макс, родившийся в Сараеве, врач во втором поколении, намеревавшийся прожить в этом городе всю жизнь, лечить там детей, уезжает из Боснии. Он объясняет свой отъезд стремлением бежать от ненависти, которую увидел и пережил в боснийских полках на фронтах Первой мировой войны.

Макс Левенфельд говорит о Боснии: «Прекрасная страна, интересная <...>. Здешние люди, несомненно, таят в себе массу нравственных достоинств <...>. Мало стран, где в людях столько твердой веры, возвышенной стойкости характера, столько нежности и умения любить, где есть такая глубина переживаний, привязанностей и непоколебимой

преданности, такая жажда справедливости! Но под всем этим где-то в глубине скрываются вулканы ненависти, целые лавины накопившихся ее запасов, зреющих в ожидании своего часа <...>. Вы и не догадываетесь, сколько ненависти вросло в вашу любовь, в ваши привязанности, в традиции и религиозные верования <...>. Верующие и любящие [здесь] смертельно ненавидят неверующих или тех, кто верует иначе или любит по-другому <...>. В Боснии <...> непонимание, время от времени переходящее в открытую вражду, является чертой почти всех жителей. Пропасть между разными религиями столь глубока, что преодолеть ее удастся порой лишь ненависти»⁷.

Так же остро ощущают ненависть, присутствующую в Боснии, герои романа И. Андрича «Травницкая хроника»: доктор Колонья, европеец, проживший жизнь на Востоке, старый торговец Соломон Атияс, оказавшиеся здесь представители европейских государств. С ненавистью, с преувеличенной, жесткой реакцией на все, не укладывающееся в рамки того, к чему относятся с любовью, мы встречаемся на страницах этого произведения.

В романе описывается состоявшаяся в Травнике непосредственная встреча Запада и Востока: в 1807 г. в административном центре Боснийского пашалыка открывается французское консульство. Приезд представителя европейского государства в самое сердце этой провинции Османской империи производит среди местного населения эффект разорвавшейся бомбы.

Конфликт между Западом и Востоком появляется сразу же и очень наглядно: во время первого визита французского консула Жана Давиля к наместнику турецкого султана местные жители-мусульмане демонстрируют ему свое презрение и ненависть. Женщины и дети выглядывали из своих домов, плевали, бранились, сопровождая все это неприличными жестами, мужчины же на торговой улице демонстрировали подчеркнутое безразличие. Страх и отвращение, испытанные Давилем во время этой и последующих подобных поездок, подтвердили и усилили его представление о Травнике и окружающей его на сто миль вокруг местности «как о грязной пустыне»⁸, о местном населении — как о беснующихся дикарях⁹.

Посланца безбожной власти революционной Франции, консула Жана Давиля, отвергло и католическое население города.

Описывая проявления ненависти в этом произведении, Андрич объясняет ее истоки. Мусульманское население Боснии ненавидело

и центральную власть в лице султана Селима III (1789–1808). Оно связывало ухудшение условий жизни не с экономической, политической и военной отсталостью Османской империи, а с робкими попытками верховной власти провести ее модернизацию. Такие попытки и предпринимал султан, поддерживавший дружественные отношения с Наполеоном Бонапартом. Вследствие всего этого он был непопулярной фигурой в Боснии и получил здесь презрительное прозвище «гяур-султан*».

Андрич пишет: «Травницкие торговцы и все боснийские беги годами следили за попытками Селима III преобразовать Оттоманскую империю на новых началах, согласно требованиям и нуждам современной европейской жизни <...>. Для них было ясно, что реформы, позволяющие подкопаться под империю и разрушить ее изнутри, на руку только иностранцам, а для всех мусульман, и, следовательно, для каждого из них, они означают в конечном счете не что иное, как потерю власти, состояния, семьи, конец жизни на этом свете и вечное проклятие»¹⁰.

Французский консул вызвал резкое неприятие со стороны местных мусульман из-за их опасений, что он «сядет рядом с визирем, начнет приказывать да распорядиться <...> и руководить ими»¹¹. А власть в Стамбуле уже пошатнулась, уже якшается с франками.

Кроме того, мы можем заметить, что этот светловолосый и голубоглазый человек в европейском военном мундире представлял для местных жителей и другую опасность. Население Турецкой империи, а тем более ее глубокой провинции, было чрезвычайно суеверно и боялось всего, что могло навести порчу. Голубые глаза, редко встречавшиеся на Балканах, считались наиболее опасными, поэтому европейцы воспринимались как обладатели особой склонности к сглазу, от них надо было защищаться амулетами, заклинаниями, плевками, жестикуляцией. Все эти магические действия и совершали обитатели мусульманских кварталов, через которые проезжал французский посланник.

С другой стороны, и в европейском сознании этого периода существует представление о варваре Мусульманском Турке, диком и жестоким, противостоящем западной цивилизации, так что ненависть и отчуждение, описанные в «Травницкой хронике», обоюдны. Так,

---

* Гяурами в мусульманском мире называют представителей иной веры.

консул Давиль не прилагает усилий, чтобы понять мотивы поступков окружающих, все происходящее он объясняет «прирожденной озлобленностью и варварским образом жизни этого народа»¹².

От него решительно отличается другой герой, тоже француз, его помощник Амедей Шомет Дефосе. Его отношение к миру в большой мере выражает позицию автора романа. Страдая, как и Давиль, от суровости жизни в этих краях, Дефосе старался «найти причину и объяснение [окружающим явлениям] как в них самих, так и в породивших их обстоятельствах»¹³. Ему хотелось разузнать о страхах и надеждах живущих здесь людей, познакомиться с их подлинной жизнью. Так, в суровости и резких выходах боснийцев он разглядел страх, боязнь высказаться напрямую. Он пришел к заключению, что их резкость не что иное, как «особая форма молчания»¹⁴.

Читая Андрича, мы понимаем, как важны для него все способы преодоления разобщенности и непонимания. В нобелевской речи он высказал пожелание, чтобы «рассказ, который ведет <...> повествователь, не был отравлен ненавистью <...>, чтоб диктовала его в возможно большей степени любовь <...>. Ибо повествователь и его творение не служат ничему, если тем или иным способом не служат человеку и человечеству»¹⁵. В его творчестве есть некоторые образы-символы, присутствующие в разных произведениях. Один из таких образов — мост. Он выражает идею связи, соединения разобщенного. Андрич пишет: «Из всего, что воздвигает и строит человек, повинувшись жизненному инстинкту, на мой взгляд, нет ничего лучше и ценнее мостов <...>. Верные и безмолвные мосты как неизбежное и неутолимое стремление людей связать, примирить, соединить все, что открывается нашему взгляду, разуму и ногам, дабы избежать раздела, противоположности и разлуки»¹⁶.

В романе «Травницкая хроника» Дефосе воодушевленно рассказывает, что этот край нельзя считать мертвым и изолированным от остального мира, что на размытой дождем дороге он заметил остатки разных дорог, три похоронившие друг друга эпохи двух тысяч лет человеческой истории — римскую дорогу, средневековую мостовую и щебень и насыпь современного турецкого пути. Он говорит, что надо только копнуть поглубже, и наткнешься на могилы и остатки прошлого¹⁷. О следах жизни разных цивилизаций, наследовавших друг другу, рассказывает и другой герой романа, доктор Колонья. Он говорит о мечети, которая до прихода турок была церковью святой Екатерины.

Если приглядеться к камням ее стен, можно увидеть, что это остатки римских развалин, а глубоко под ними заложены гранитные глыбы — остатки древнейшего храма бога Митры. И кто знает, что еще скрыто под фундаментом. Колонию увлекает идея, что так везде, в бесчисленных поселениях по всему свету, что все это движется к одной цели, о которой и в Коране сказано следующее: «Может быть, в один радостный день бог помирит вас с вашими врагами и восстановит между вами дружбу»¹⁸. Андрича увлекала мысль о смешении, перемещении, смене народов на одном пространстве, о тех следах, которые они оставляют, и об их незримом присутствии в живущем на земле поколении. Та же идея была близка Федерико Феллини (1920–1993) в книге воспоминаний он пишет: «Сам Рим — разбитая древняя ваза, которую вечно склеивают, но в нем постоянно встречаешь намеки на забытые тайны. Меня завораживает мысль о разных пластах моего города и о том, что может находиться прямо под моими ногами»¹⁹. Тот же мотив встречается у Хорхе Луиса Борхеса (1899–1986) и у Орхана Памука. Эта идея оказывается привлекательной для творцов, осознающих единство, цельность человечества, возникающую в результате постоянного перемещения составляющих его народов.

Продолжая чтение книги, мы понимаем, что она рассказывает не о противостоянии Востока и Запада, не о противостоянии религий, а о противостоянии людей. Границы между Востоком и Западом, между государствами, между исламом и христианством существуют как обстоятельства существования человеческой личности. Эти границы, разделяющие людей, Андрич преодолевает в сознании читателя, рассказывая истории жизни своих героев. В нобелевской речи он говорил о том, что на всем протяжении истории человечества литература всегда ведет рассказ о судьбе человека. Для него одинаково достойны понимания и сочувствия наместник турецкого султана и нищий боснийский крестьянин, австрийский консул и православный священник, потому что всякий человек рождается «без своего ведома и своей воли», каждому «нужно <...> выдержать все столкновения <...>, поступки, свои и чужие, чаще всего превосходящие меру» его сил, «надо <...> выдержать и свое осознание всего этого»²⁰. Произведения Андрича представляют тщательно выписанные психологические портреты множества лиц и характеров, каждый раз это подробная история отдельной личности, созданная с вниманием к происхождению героя, событиям жизни, оказавшимся решающими для становления

его личности. Каждый раз мы наблюдаем если не сочувствие автора своему герою, то искренний интерес к нему.

Напротив, в тех случаях, когда в произведениях Иво Андрича действуют какие-либо группировки, партии, они лишены человечности, сострадания, они деструктивны. Поведение толпы, устраивающей мятеж в Травнике, лишено логики, это разгул стихии, который можно только переждать. Оказавшись частью организованной силы, никчемные, испорченные, психически нездоровые люди получают безграничную власть, что усугубляет распад их личности (Али-паша в «Травницкой хронике», Степан Кович в рассказе «Буфет „Титаник“», мулла Юсуф в рассказе «На сборах» («*За логоровања*»)) (перевод названия рассказа мой. — *И.И.*).

Андрич рассказывает не только о том, что разделяет, но и о том, что объединяет людей из противоположных, чужих друг другу социальных групп. В романе «Мост на Дрине» он говорит о том, что во время стихийного бедствия, страшного наводнения, все жители города: и турки, и христиане, и евреи — собираются в домах на возвышенности. Достоинством среди них считается готовность прийти на помощь другим, умение сохранять спокойствие, мужество при потере своего имущества.

Все жители Вишеграда наблюдают за теплыми, дружескими отношениями лидеров двух религиозных общин, православного и мусульманского священников, и подшучивают над этой необычной дружбой. Возникла даже поговорка, отражающая парадоксальность этих отношений: «Неразлучная парочка, мулла да батюшка»²¹. Но у читателя возникает ощущение того, что именно эти отношения наиболее естественны.

Андрич рассказывает о любви как о силе, которая, как подземные воды, выступает то в одном месте, то в другом, стремясь покорить как можно больше человеческих существ. В записных книжках «Знаки вдоль дороги» мы находим слова преклонения перед этим великим и спасительным чувством, побеждающим пороки, отчаянье, расчетливость, несчастья, даже физические законы этого мира. Андрич пишет: «Лучшее в глубокой, искренней любви — это то, что в отношении того, кого мы любим, ни один наш недостаток (или порок) не проявляет себя <...>. Злое в нас исчезает, а доброе утраивается. Когда человек что-то любит или к чему-то привязан — к какой-то идее, предмету или человеческому существу — он отдает себя всего и готов отдать

еще больше, не зная ни меры, ни расчета, с той же страстью, с которой люди могут грабить и скражничать. И это единственный известный на сегодня способ, как человек может отдать другим то, что отдавать не обязан» (перевод мой. — *И. И.*)²².

В «Травницкой хронике» много примеров такой глубокой, настоящей любви. Это наивная, чистая, бескорыстная влюбленность юного подмастерья Салко в дочь австрийского консула, грустную, одинокую девочку в белом платье, читающую на веранде своего дома, гуляющую по саду. Его влюбленность выражается в том, что каждый день в обед он убегает из лавки своего хозяина, залезает на забор и наблюдает за этой прекрасной чужестранкой, и «сердце его дрожит и замирает»²³. Это и взаимоотношения в семье Давилей.

Спасение от ненависти Андрич видит и в том, что в разных культурах, разных человеческих общностях часто ценятся одни и те же человеческие качества. За время работы французского консульства в Травнике городок постепенно узнает, что представляют собой консул и его жена. Если сначала им было трудно найти прислугу, то позже, узнав, чему можно научиться у трудолюбивой, умелой, набожной и умной консульши, каждая девушка из католической семьи была рада попасть в этот дом. Жители знают, что консул отправился в лютый мороз через горный перевал с тяжело заболевшим ребенком на руках, чтобы добраться до врача, и что ребенок умер в дороге. Андрич пишет, что «во всех без исключения домах»²⁴ Травника (т. е. и в мусульманских) «знали об этом несчастье со всеми подробностями, и все приняли в нем живейшее участие. И еще долго <...> люди с симпатией и сочувствием оборачивались вслед госпоже Давиль <...>. По всему городу рассказывали о дружной семейной жизни Давилей, о „золотых руках“ госпожи Давиль, об ее сноровке, бережливости, благородстве и чистоте <...>. Женщины <...> следили внимательно и озабоченно за ходом ее новой беременности, будто речь шла о хорошо знакомой соседке»²⁵. После появления ребенка на свет началось паломничество из травницких домов: в соответствии с местным обычаем роженице несли подарки — «сладкие пироги, вышивки и шелковое полотно, бутылки ракии или мальвазии, закупоренные листьями комнатных цветов»²⁶.

Андрич показывает, что такие универсальные человеческие чувства, как любовь, уважение, сочувствие, делают возможным преодоление ненависти, разделяющей народы.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Мандель Б.Р.* Всемирная литература: Нобелевские лауреаты 1931–1956. М., 2014.

² Ср.: *Donia R.J.* Sarajevo: biografija grada. Sarajevo, 2006. S. 276–310.

³ *Романенко А.Д.* Об Иво Андриче // *Андрич И.* Травницкая хроника. Консульские времена. М., 1996. С. 427.

⁴ Современный читатель может ознакомиться с текстом диссертации. См.: *Andrić I.* Die Entwicklung des geistigen Lebens in Bosnien unter der Einwirkung der türkischen Herrschaft. Klagenfurt, 2011.

⁵ *Андрич И.* Собрание сочинений. Повести, рассказы, эссе. М., 1984. Т. 2. Текст доступен по адресу: <http://profilib.com/chtenie/76019/ivo-andrich-sobranie-sochineniy-t-2-povesti-rasskazy-esse-baryshnya-73.php> (здесь и далее дата последнего посещения 3.11.2017). Подробнее см.: *Ильина Г.Я.* Хорватская литература XX в. М., 2015; *Она же.* Библиография переводов хорватской литературы на русский язык. М., 2016.

⁶ *Романенко А.Д.* Об Иво Андриче. С. 433.

⁷ *Андрич И.* Собрание сочинений. Рассказы и повести. М., 1984. Т. 1. С. 345.

⁸ *Андрич И.* Травницкая хроника. С. 114.

⁹ Там же. С. 123.

¹⁰ Там же С. 143.

¹¹ Там же. С. 6.

¹² Там же. С. 279.

¹³ Там же. С. 125.

¹⁴ Там же. С. 126.

¹⁵ *Андрич И.* О повести и повествовании // *Андрич И.* Травницкая хроника. С. 423.

¹⁶ *Андрич И.* Мосты. Текст доступен по адресу: <http://satourn.narod.ru/Archives/text47.html>.

¹⁷ *Андрич И.* Травницкая хроника. С. 114.

¹⁸ Там же. С. 261.

¹⁹ *Феллини Ф., Чандлер Ш.* Я вспоминаю. М., 2002. С. 193.

²⁰ *Андрич И.* О повести и повествовании. С. 422.

²¹ *Андрич И.* Мост на Дрине. Текст доступен по адресу: http://royallib.com/read/andrich_ivo/most_na_drine.html#487892.

²² *Andrić I.* Znakovi pored puta. Текст доступен по адресу: <http://www.skripta.info/wp-content/uploads/2016/07/Ivo-Andri%C4%87-Znakovi-pored-puta.pdf>.

²³ *Андрич И.* Травницкая хроника. С. 169.

²⁴ Там же. С. 291.

²⁵ Там же. С. 291–292.

²⁶ Там же.

Г. Н. Энгельгардт

Навязываемая интеграция и механизмы ее обхода в политической практике Боснии и Герцеговины*

Статья посвящена анализу политики международного сообщества по интеграции национальных общин в постконфликтной Боснии и Герцеговине (БиГ). Интеграция БиГ ставилась одним из приоритетов структур внешнего управления страной с момента заключения Дейтонского соглашения 1995 г.

Следует отметить, что после подписания Дейтона в БиГ был установлен весьма специфический режим международного протектората, ограничившего суверенитет местных органов власти в пользу высокого представителя (ВП) в БиГ, международного чиновника, являющегося высшей инстанцией по реализации гражданской части Дейтонского соглашения. Мандат ВП и подчиненного ему Управления высокого представителя (УВП), исполнительного аппарата, постепенно расширялись в 1996–1997 гг., получив окончательное оформление в виде Боннско-Петербергских полномочий 1997 г., наделявших ВП правом принятия обязательных к исполнению решений, отстранения от должности любых должностных лиц и партийных функционеров в БиГ и т. п. Фактически ВП стал верховным и ничем не ограниченным органом исполнительной, а частично и законодательной власти БиГ. Апогеем могущества ВП был период 1999–2005 гг., затем он столкнулся с ростом неповиновения боснийских элит, совпавшим с сокращением выделявшихся в распоряжение УВП ресурсов.

---

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Евразийство — евроскептицизм — евразийство: Варианты разочарований в европейском пути развития».

Для этого были предприняты серьезные политические усилия — проведены конституционные реформы, реформы законодательства, реализована политика возвращения беженцев и перемещенных лиц, переформатированы партийная система и сфера СМИ, устранено внутреннее разграничение боснийских автономий, введена единая валюта, личные документы и система автомобильных номеров (исключавшие локальную привязку, что существенно облегчило свободное перемещение по всей территории БиГ), проведены последовательные чистки политических элит, предприняты шаги по реформе системы образования. Политика интеграции сверху подкреплялась давлением со стороны ЕС (иск Дерво Сейдича и Якоба Финци против БиГ (2009) и привязка евроинтеграции республики к прогрессу централизации страны).

Каков эффект этих усилий? В какой степени БиГ остается объединением трех отдельных этнополитических общин с несовпадающими интересами, отражает ли это электоральная статистика? До сих пор все усилия структур внешнего управления не устранили фундаментального противоречия интересов основных боснийских общин — бошняков, сербов и хорватов, жизненно заинтересованных в сохранении (по возможности — расширении) собственных политических систем, так как «общие» органы или структуры оказались неэффективными в продвижении интересов «других» общин: стремление бошняков к унитаризации и централизации БиГ в свою пользу, сербов — к сохранению и расширению автономии своей республики, а хорватов — к обретению собственной автономии, которой они лишены в рамках федеративной БиГ. Это препятствует трансформации конгломерата боснийских общин в единую политическую нацию.

Некоторые методы обхода «интеграционного диктата», практикуемые Республикой Сербской в БиГ — использование полифакторной системы для выстраивания тактических альянсов на общегосударственном и региональном уровнях (отношения с Хорватией), поиск внешних союзников, ослабляющих доминирование западных держав (Россия и Израиль), блокирование попыток дальнейшей централизации БиГ и интеграции ее в НАТО.

Начиная с 1996 г. выборные кампании в БиГ проходили в условиях активного применения административного ресурса международного сообщества, стремившегося оттеснить от власти «национальные» партии (изначально — национально-политические движения основных боснийских общин — бошняков (Партию демократического

действия — ПДД), сербов (Сербскую демократическую партию — СДП) и хорватов (Хорватское демократическое сообщество — ХДС)). Если эти партии удерживали за собой власть, то на них оказывалось мощное давление для трансформации их политики и программ.

Например, вторые общесербские выборы 1998 г. отличались активной и вполне пристрастной позицией проводившей их ОБСЕ и УВП, стремившихся «ослабить контроль <...> партий», выигравших выборы 1996 г., посредством «захвата обвиняемых в военных преступлениях, жесткими действиями СФОР* в Бая-Луке летом 1997 г., захватом передатчиков телевидения боснийских сербов, лишением финансовой базы непримиримых политиков, снятием чиновников и кандидатов из предвыборных списков»¹. Как отмечали не страдавшие симпатиями к РС аналитики ICG, методы этого давления отличались широким охватом. К ним относилось «массивное спонсорство гражданского сектора в БиГ, несмотря на разочаровывающие результаты» многих проектов, поддержка оппозиционных партий фондом США — Национальным демократическим институтом (НДИ), а также организованными ОБСЕ общественными ресурсными центрами, позволявшими им печатать агитационные материалы и получать помещения для собраний.

Миссия ОБСЕ указала, что на поддержку политических партий было «выделено 1,5 млн долларов, из них 750 тыс. распределено поровну между всеми участниками выборов, а остальное — по определенным критериям (поддержка мультиэтничности в виде возвращения беженцев и [расширения полномочий] центральных органов власти). Создано 16 партийных ресурсных центров <...> в РС эту помощь получили СНСД, СПРС и СНС** — Биляна Плавшич», т. е. партии, выступавшие тогда против доминировавшей СДП. Сама миссия признавала несоответствие этой практики не отвечает требованиям ОБСЕ о равном отношении властей ко всем политическим партиям².

* СФОР / SFOR (Stabilization Force) — название миротворческой операции НАТО в БиГ в 1997–1998 и 1999–2002 гг. (СФОР-2).

** СНСД — Союз независимых социал-демократов, политическая партия в РС, в 1998 г. выступала против власти Сербской демократической партии (СДП) как один из ключевых элементов прозападной коалиции «Слога» (Согласие). СП РС — Социалистическая партия Республики Сербской, в 1998 г. входила в коалицию «Слога». СНС — Сербский народный союз, созданная в 1997 г. политическая партия президента РС Б. Плавшич (1996–1998 гг.), центральный элемент коалиции «Слога» в 1997–1999 гг.

ОБСЕ внесла ряд поправок в избирательную систему, обязавших партии отразить в программах позиции по возвращению беженцев, правам меньшинств, экономическим реформам, послевоенному восстановлению. От них также требовалось предоставить не менее трети мест в первой десятке списков женщинам, а кандидаты должны были продекларировать свое имущество (результаты этого требования вызвали большой интерес СМИ)³.

Важным инструментом стала подкомиссия по избирательным жалобам (*EASC*) ОБСЕ, получившая право снятия кандидатов по избирательным спискам партий с выборов «в ответ на нарушения избирательных процедур». Продолжалась и реформа СМИ в рамках Независимой медиакомиссии, и с мая 1998 г. УВП запустило агитационную кампанию в поддержку сторонников межэтнического примирения и толерантности⁴. Управление таможенно-фискальной помощи ЕС (*CAFAO*) было задействовано для «ограничения неформальных финансовых практик <...> ведущих правящих партий», в частности, для ужесточения контроля оборота табачных изделий в РС. Временная избирательная комиссия

Недовольство международного сообщества этноцентричностью выборов выразилось в «пересмотре избирательной системы для поощрения межобщинных проектов». Весьма откровенно было охарактеризовано международное вмешательство в ход предвыборной кампании — «особые обстоятельства, вызванные неурегулированностью конфликта, и стремление реализовать мирные соглашения привели к некоторым чрезвычайным элементам <...>, неприемлемым в обстановке нормальных выборов. Эти меры включали вычеркивание кандидатов из партийных списков за нарушения, к которым они не имели отношения, отсутствие адекватной процедуры обжалования, предоставление партиям поддержки на основании их политической программы». Также признавалось «усиленное вмешательство избирательных властей (т.е. структур ОБСЕ), <...> создававшее ощущение их политизации». Наблюдатели ОБСЕ не скрывали, что медленный подсчет результатов и задержка с публикацией полных итогов голосования (окончательные результаты опубликованы 25 сентября, через 12 дней после голосования) являются ненормальным явлением, несовместимым «с правильной организацией выборов», заслуживают сожаления и подорвали доверие к процедуре⁵.

Причиной неутешительных для международного сообщества результатов выборной кампании сами международные аналитики видели в сохранении констант боснийской политики: «Ключевым вопросом в Боснии остается этническая безопасность. Отсутствие этнической безопасности остается фундаментальной <...> причиной конфликта в стране и причиной недоверия между этническими группами. <...> С одной стороны, оно подрывает все, что международное сообщество пытается достичь в стране, а с другой, не может дать боснийцам будущего». При этом ключ к решению этой проблемы они видели в преодолении этнического раздела путем возврата беженцев и построения инклюзивной межобщинной политической системы, не объясняя, каким способом можно добиться этого⁶.

С самого начала боснийской войны одним из главных ее гуманитарных аспектов стали этнические чистки и порожденные межобщинным характером конфликта массовые волны беженцев и вынужденных переселенцев⁷. Поэтому неотъемлемым элементом всех планов мирного урегулирования стала декларация необходимости обеспечить право и возможность беспрепятственного возвращения беженцев в места довоенного проживания. Ко времени заключения Дейтонских соглашений общее число беженцев и перемещенных лиц в БиГ достигло 2,3 млн чел. В самой БиГ также имелась заинтересованность в возвращении беженцев. Это рассматривалось как важнейший элемент реставрации довоенной этнической пестроты БиГ и преодоления проблемы сложившихся в ходе конфликта моноэтнических территорий. Как писали авторы одного из докладов *ICG*, «Приложение 7 [о возвращении беженцев] к ОРСМ <...> воплощает надежду <...> авторов» Дейтона, «что возвращение и реинтеграция этнических групп Боснии послужит как основой стабильного государства, так и опровержением политики шовинистов»⁸.

Законодательство по возвращению беженцев вводилось УВП несколькими пакетами. Большое значение придавалось совместной программе международных органов — План реализации законов о собственности (ПРЗС, PLIP), принятый в октябре 1999 г. совместно ОБСЕ, Миссия ООН в БиГ, УВКБ* и Комиссией по запросам о возвращении недвижимости беженцев и перемещенных лиц (КЗВН), и исполнявшийся под эгидой УВП. Документ объявлял

---

* УВКБ — Управление высокого комиссара ООН по беженцам.

«возврат собственности» единственным способом реализовать «самое фундаментальное положение» Дейтона — 7-е приложение, гарантировавшее право всех лиц, изгнанных в ходе войны, на возвращение в свои дома⁹. Достичь этого предполагалось путем отмены всех актов конфискации объектов недвижимости во время и после гражданской войны, а также актов передачи этих объектов новым собственникам и/или арендаторам или под временное размещение беженцев.

Главным препятствием делу возвращения беженцев были определены «националистические политики по всей БиГ, желающие изолировать три общины», а политическое сопротивление определялось как выражение «враждебности к реинтеграции и в нежелании исполнять законы о собственности». При этом утверждалось, что «подавляющее большинство политических проблем порождаются политическими элитами, а не реальной межобщинной враждебностью».

План также содержал меры по созданию институтов, требовавшихся для решения проблем возврата собственности на муниципальном уровне. Третьим препятствием признавалась нехватка жилья в БиГ¹⁰.

В результате последовательных многолетних усилий УВП по реформе законодательства боснийских автономий и правоприменительной практики в сфере возвращения беженцев число возвратившихся беженцев и перемещенных лиц на конец 2005 г. составило 884 163 чел.

Эффективность политики УВП в области возвращения оценивалась по-разному, но фактическая задача восстановления довоенного положения так и не была достигнута. Механизм КЗВС стал, скорее, инструментом оформления нового этнотерриториального размежевания, так как люди, даже восстановив свои права на довоенную недвижимость, предпочитали продать ее и/или получить компенсацию и вложить полученные средства в приобретение жилья и обустройство на территории «своей» этнической группы.

Ситуация изначально осложнялась тяжелым социально-экономическим положением БиГ. Отсутствие экономических перспектив, сложности с трудоустройством, особенно «меньшинств» — все это стимулировало беженцев, оказавшихся в странах ЕС, оседать на новом месте жительства как более перспективном, в первую очередь для молодежи, а не возвращаться к разоренным очагам.

В итоге заметные группы бошняков сложились не по всей территории РС, а в качестве отдельных анклавов, таких как Козарац (около г. Приедор), Добой и Фоча. На этом фоне выделяется община Сребреница, которой УВП отвело роль своего рода витрины процесса возвращения и символа преступлений боснийской войны. Находясь формально в составе РС, община была в значительной степени выведена под прямое управление из Сараева, а возведенные на ее территории мемориальные объекты (кладбище Поточари) стали важным международным символом.

В силу этого, хотя бошняки составляют 12,69% населения РС, а хорваты — 2,27% (сербы — 82,95¹¹), они так и не восстановили свою довоенную долю в населении (26,7 и 9,6% соответственно) и не могут оказывать решающего влияния на политику Бания-Луки.

Международному сообществу также не удалось добиться и статистически заметного возвращения сербского населения на территорию федерации. Единственным примером относительного успеха был г. Дрвар, хотя и в этом случае речь шла, скорее, о преодолении сопротивления хорватских властей процессу возврата, чем о реальном восстановлении сербской общины этого края. Уже в соседних общинах Гламоч, Грахово и Босански-Петровац сербов вернулось гораздо меньше, и в основном это были лица старшего возраста, тогда как для молодежи эти депрессивные регионы не представляли интереса. Всего на территории федерации сербы составляют 2,5% населения¹².

В 2001 г. ВП австриец Вольфганг Петрич инициировал процесс ревизии боснийских конституций, активно поддержанный затем и его преемником, англичанином лордом Пэдди Эшдауном, целью которого явилось ограничение степени автономии составных частей БиГ в пользу центральных властей. РС из «государства сербского народа и других граждан» превратилась в «республику сербского, бошняцкого и хорватского народов», в Скупшине РС была создана Палата народов, без согласия которой стало невозможным принятие решений по вопросам статуса образования, законодательно были закреплены квоты бошняков и хорватов в правительстве РС (8 постов из 16). Также была реализована реформа избирательного законодательства, призванная ограничить возможности национальных партий в пользу «умеренных» сил и выразителей социальных, гендерных, региональных и иных интересов.

Естественным ответом боснийских партий стал метод «лояльных меньшинств» или проведения своих людей по «чужой» общинной квоте. Первым в новейшей боснийской истории этот метод в середине 1992 г. использовал лидер боснийских мусульман Алия Изетбегович. После бегства из Сараева сербских членов Президиума БиГ Николы Колевича и Биляны Плавшич их места были переданы сначала лидеру реформистов БиГ Ненаду Кецмановичу и представителю СДП БиГ Мирко Пеяновичу, а после скорой отставки и отъезда из Сараева Н. Кецмановича (политик быстро убедился в невозможности оказать какое-либо влияние на Изетбеговича и добиться прекращения конфликта, а играть роль свадебного генерала он не захотел) — Татьяне Люич-Миятович (СДП БиГ). То же имело место в случае с хорватами, когда вместо покинувшего Президиум лидера ХДС БиГ Франьо Бораса был кооптирован Иво Комшич (СДП БиГ), а последним, в 1993 г. на место исключенного из Президиума Фикрета Абдича (ПДД) был включен лидер боснийских экс-коммунистов Нияз Дуракович.

В ходе боснийской войны Изетбегович последовательно проводил политику сохранения «мультиэтничного фасада» руководимой им Республики БиГ, в реальности представлявшей собой мусульманскую (бошнякскую) общину Боснии. Пока две другие стороны конфликта — сербы и хорваты в лице Республики Сербской и Хорватской республики Герцег-Босны строили выраженно этноцентричные структуры, руководимое Изетбеговичем Сараево всячески подчеркивало свою многонациональность. Важным элементом этой политики было наличие сербов и хорватов на различных, в первую очередь — видных, постах. Помимо указанных политиков следует упомянуть первого начальника штаба обороны Сараево серба полковника (позднее — бригадного генерала) Йована Дивьяка и командира спецназа МВД БиГ полухорвата-полусерба Драгана Викича.

Тем не менее все эти лица играли прежде всего представительскую роль для внешнего мира, никак не влияя на принятие решений. Реальная власть принадлежала Изетбеговичу, узкому кругу его старой гвардии в руководстве Партии демократического действия (ПДД) — национально-политического движения боснийских мусульман, военному командованию Армии БиГ, отдельным полевым командирам. Даже весьма разрекламированный Й. Дивьяк вскоре

после войны публично признал, что не допускался к реальному принятию военных решений¹³.

В дейтонской Боснии этот метод получил новую жизнь как средство преодоления мощных институциональных механизмов защиты. Его применение сербами стало особенно заметно с приходом к власти администрации М. Додика в начале 2006 г. Наиболее ярким его воплощением стало избрание в 2010 г. на пост вице-президента РС «от хорватов» писателя Эмила Влайки, пламенного сторонника политики Додика.

Основным объектом давления УВП являлись сербские партии, в первую очередь, СДП, но в 2001 г. под удар попала и ХДС БиГ. В апреле 2001 г. солдаты СФОР заняли помещение «Херцеговачке банке», через который проходили финансовые операции ХДС, активы были заморожены, и УВП назначил в банк внешнего управляющего. Общепоснийские выборы 2002 г., тем не менее, отразили возвращение поддержки национальных партий, в частности, и СДП, получившей все основные посты или мандаты.

Современная политическая история БиГ начинается с момента перехода власти в республике от коммунистов к импровизированной коалиции трех национальных партий на выборах 1990 г. Общим местом боснийского политического дискурса стал тезис о том, что эти национальные партии подтолкнули наивных боснийцев к взаимной межобщинной вражде, а затем и ввергли их в катастрофу гражданской войны 1992–1995 гг. Логично предположить, что в таком случае наученные столь трагическим опытом люди постарались бы наказать националистов на выборах, голосуя за иные политические партии, прежде всего — за общегражданские.

В период 1996–2006 гг. в БиГ прошли четыре общегосударственные выборные кампании (выборы Скупщины БиГ и членов Президиума республики) — в 1996, 1998, 2002 и 2006 гг., равно как и внеочередные выборы органов власти РС в 1997 г. Можно предположить, что именно эти выборы отражают общие политические предпочтения избирателей. Таким образом, избирательная статистика может дать нам репрезентативную картину общественных настроений в БиГ на протяжении всего рассматриваемого периода.

В кампании 1996 г. на выборах членов Президиума БиГ за кандидатов трех национальных партий (ПДД, ХДС и СДП/сербских земель/) голосовали 1751715 из 2519915 избирателей, т.е. 70%. На выборах в Скупщину БиГ из 2487997 избирателей 2050060 или

82 % поддержали национальные партии (ПДД, ХДС, СДП/СЗ/, Партию за БиГ, ХОС, СРП (СЗ), ДПБ РС, СПАС, ПСЕ*)¹⁴.

В 1998 г. на выборах в Скупщину БиГ национальные партии (Коалиция за единую и демократическую Боснию и Герцеговину, ХДС, СДП, СРП РС, РП РС, НХИ–ХКДУ БиГ**) собрали 1 133 046 из 1 726 233 голосов или 65 %, получив 75 % мандатов. На выборах членов Президиума национальные партии (Коалиция за единую и демократическую БиГ, ХДС, НХИ–ХКДУ, СДП–СРП РС, Единство) поддержали 1 416 032 т. е. 86 % из 1 648 927 избирателей¹⁵.

В 2002 г. в голосовании за членов Президиума национальные партии (ПДД, Партия за БиГ, ХДС, ХКДУ БиГ, НХИ, СДП) получили 688 692 из 1 099 504 или 63 % голосов. Результаты парламентских выборов дали «националам» (ПДД, ХДС–Демохристиане, НХИ, ХДУ, СДП, СРП РС, Партия за БиГ) несколько больший результат – 746 699 из 1 101 304 или 68 % голосов¹⁶.

В 2006 г. на выборах членов Президиума БиГ «националы», к которым тогда можно было отнести кроме уже привычных Партии за БиГ, ПДД, СДП, ХДС–ХК–ХНС, ХДС 1990*** и СНСД, впервые выступавший в таком качестве, собрали 836 006 из 1 005 807 голосов или 83 % от всех пришедших на избирательные участки (при явке в 53 %)¹⁷. На скупщинских выборах победу также одержали «националы» (ПДД, Партия за БиГ, ХДС БиГ, ХДС–1990, Бошняцкая патриотическая партия Сефера Халиловича, ХНЗ, СНСД, СДП, ДНС), вместе получившие 1 022 761 из 1 210 108 или 85 % голосов.

На выборах 2010 г. впервые произошла «майоризация» или навязывание политической воли одной из боснийских общин другой: поддержанный голосами бошняков кандидат СДП БиГ Желько Комшич победил представителей расколовшихся ХДС и получил место члена Президиума от хорватов. При этом 97 % бошняков и 95 % сербов

---

* ХОС – политическая партия боснийских хорватов. СРП (СЗ) – Сербская радикальная партия (сербских земель) – отделение Сербской радикальной партии в РС. ДПБ РС – Демократический патриотический блок РС, политическая партия в РС. СПАС – Сербская патриотическая партия. ПСЕ – Партия сербского единства, политическое крыло Сербской добровольческой гвардии Ж. Ражнятовича (Аркана).

** НХИ–ХКДУ – Новая хорватская инициатива – Хорватская христианско-демократическая уния БиГ.

*** ХК – Хорватская коалиция, блок хорватских партий на выборах 2006 г. вокруг ХДС БиГ. ХНС – Хорватское народное сообщество, политическая партия боснийских хорватов. ХДС 1990 – отделившаяся в 2006 г. от ХДС БиГ партия.

голосовали за кандидатов национальных партий¹⁸. В Скупщину БиГ национальные партии получили 53 % голосов с территории Федерации БиГ и 76,5 % — с территории РС¹⁹. В Народную скупщину РС они также собрали около 77 % бюллетеней²⁰.

Последние на настоящий момент общенациональные выборы 2014 г. с известными коррективами подтвердили основную тенденцию — кандидаты национальных партий в Президиум БиГ собрали 73 % боснийских и 96 % хорватских голосов, однако внутрисербский конфликт привел к победе оппозиционного кандидата, поддержанного также частью избирателей-босняков²¹. В общую Скупщину националы получили 62 % голосов с территории Федерации²² и 81 % — с территории РС²³. В парламент ФБиГ они получили 66 % голосов²⁴, а в Народную Скупщину РС — 76 %²⁵.

Этот краткий обзор показывает, что, даже с поправками на сложную систему избираемых органов в БиГ и на динамику ориентаций политических партий, на протяжении всей истории Дейтонской Боснии боснийские избиратели устойчиво поддерживали национальные партии «своей» общины. Эта поддержка колебалась в пределах 60–85 % с устойчивым ядром в 65 %, тогда как партии гражданского или неэтнического характера как правило до сих пор не могут набрать и/или сохранить поддержку большинства избирателей.

Почему же несмотря на активные многолетние усилия многочисленных международных чиновников им так и не удалось добиться реинтеграции боснийского общества и вытеснить на политическую периферию «национальные» партии?

Прежде всего все эти меры не отражали стремления самого боснийского общества (обществ), а были проявлением воли внешних сил — великих держав и международных организаций. Реального запроса от самих боснийских общин на реинтеграцию не было. Поэтому реформы международных чиновников воспринимались как внешнее давление, которое следует перетерпеть и при первой же возможности — игнорировать, но никак не воспринимать всерьез.

В контексте зацементированного после войны 1992–1995 гг. этнополитического разделения БиГ представители этнических общин были жизненно заинтересованы в существовании «собственных» политических образований для реализации своих стремлений и социального продвижения.

Поэтому и реформы иностранных чиновников воспринимались как инструмент в постоянной межобщинной конкуренции

Примечания

¹ ICG Balkans Report N 42. 09 September 1998, Doing Democracy a Disservice. Текст доступен по адресу: <http://www.crisisgroup.org/en/regions/europe/balkans/bosnia-herzegovina/042-doingdemocracy-a-disservice-1998-lectionsel-in-bosnia-and-herzegovina.aspx> (здесь и далее дата последнего обращения 1 IX 2017)

² OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights. OSCE/ODIHR Elections Observation Bosnia and Herzegovina Elections 1998, 12–13 September. P. 8.

³ ICG Balkans Report N 42. P. 8.

⁴ Ibid. P. 7

⁵ 60 OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights. OSCE/ODIHR Elections Observation Bosnia and Herzegovina Elections 1998, 12–13 September. P. 30.

⁶ ICG Balkans Report N 42. P. 18

⁷ Согласно терминологии УВКБ ООН, беженцем признается лицо, вынужденное покинуть территорию своей страны, а вынужденным переселенцем или перемещенным лицом — человек, покинувший место своего проживания, но оставшийся на территории своей страны. В соответствии с этим учет этих лиц велся по двум отдельным категориям.

⁸ The Continuing Challenge of Refugee Return in Bosnia & Herzegovina 13 December 2002. ICG Balkans Report № 137, Sarajevo; Brussels, 2002. P. i. Текст доступен по адресу: <http://www.crisisgroup.org/en/regions/europe/balkans/bosnia-herzegovina/137-the-continuing-challenge-of-refugeereturn-in-bosnia-herzegovina.aspx>.

⁹ Property Law Implementation Plan (PLIP). Inter-Agency Framework Document. October 2000. P. 2. Текст доступен по адресу: http://www.oscebih.org/documents/osce_bih_doc_2000101511402819eng.pdf.

¹⁰ Property Law Implementation Plan (PLIP). P. 4.

¹¹ Република Српска. Републички завод за статистику. Попис становништва, домаћинства и станова у Републици Српској 2013 године. Резултати пописа. Бања Лука 2016 С. 25. Текст доступен по адресу: http://www2.rzs.rs.ba/static/uploads/bilteni/popis/rezultati_popisa/Rezultati_Popisa_2013_WEB.pdf.

¹² Popis stanovništva, домаћинства и станова у БиХ 2013, Етничка/национална припадност, вјероисповијест, матерњи језик. Текст доступен по адресу: http://www.popis.gov.ba/popis2013/doc/Књига2/BOS/K2_T1_B.xlsx.

¹³ Excerpts from an interview with General Jovan Divjak, the top Serb officer in the Bosnian Army: (Un)suitable son of the people by Rajko Zivkovic, Oslobođenje-Svijet, Sarajevo, Bosnia-Herzegovina, 2 VIII 1996. Текст доступен по адресу: <https://web.archive.org/web/20110518010859/http://www.ex-yupress.com/oslob/oslob8.html>; Ja nisam izdajnik. Večernje novosti, 22 II 2003. Текст доступен по адресу: <http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/aktuelno.69.html:144816:Ja-nisam-izdajnik>.

¹⁴ Текст доступен по адресу: http://www.izbori.ba/Documents/Documents/Rezultati%20izbora%2096-2002/96results/FD96_20H.PDF.

¹⁵ Текст доступен по адресу: http://www.izbori.ba/Documents/Documents/Rezultati%20izbora%2096-2002/98results/seats_bih_house.pdf; http://www.izbori.ba/Documents/Documents/Rezultati%20izbora%2096-2002/98results/results_98.pdf.

¹⁶ Текст доступен по адресу: <http://www.izbori.ba/Documents/Documents/Rezultati%20izbora%2096-2002/Rezultati2002/Kratki/PredsjednistvoBiHKratkaVerzija.pdf>

¹⁷ Текст доступен по адресу: http://www.izbori.ba/rezultati/konacni/predsjednistvo_bih/Predsjednistvo.asp?nivo=703&nivo1=703.

¹⁸ Текст доступен по адресу: <http://www.izbori.ba/Finalni2010/Finalni/PredsjednistvoBiH/Default.aspx>.

¹⁹ Текст доступен по адресу: <http://www.izbori.ba/Finalni2010/Finalni/ParlamentBiH/Default.aspx>; <http://www.izbori.ba/Finalni2010/Finalni/ParlamentBiH/ZbirniRezultate.aspx>

²⁰ Текст доступен по адресу: <http://www.izbori.ba/Finalni2010/Finalni/NarodnaSkupstinaRS/ZbirniRezultate.aspx>.

²¹ Текст доступен по адресу: <http://www.izbori.ba/Potvrdjeni2014/Finalni/PredsjednistvoBiH/Default.aspx>.

²² Текст доступен по адресу: <http://www.izbori.ba/Potvrdjeni2014/Finalni/ParlamentBiH/Default.aspx>.

²³ Текст доступен по адресу: <http://www.izbori.ba/Potvrdjeni2014/Finalni/ParlamentBiH/ZbirniRezultate.aspx>.

²⁴ Текст доступен по адресу: <http://www.izbori.ba/Potvrdjeni2014/Finalni/ParlamentFBiH/ZbirniRezultate.aspx>.

²⁵ Текст доступен по адресу: <http://www.izbori.ba/Potvrdjeni2014/Finalni/NarodnaSkupstinaRS/ZbirniRezultate.aspx>.

Румыния и ее соседи

А. С. Гладышева

Германский вопрос на заседаниях ПКК и позиция Румынии (1956–1967)*

В годы холодной войны германский вопрос являлся ключевым аспектом межблокового противостояния. Впервые подвергшийся обсуждению лидерами «большой тройки» на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме в 1943–1945 гг.¹, он был решен в результате объединения Германии 3 октября 1990 г., которое произошло после падения Берлинской стены и заключения Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии по итогам переговоров в формате «два плюс четыре» (12 сентября 1990 г.)². Отдельные аспекты германской проблемы (признание существования двух германских государств, милитаризация ФРГ, политический статус Западного Берлина, признание послевоенных границ) служили предметом дискуссий на заседаниях Политического консультативного комитета (ПКК) Организации Варшавского договора (ОВД). Дистанцирование Румынии от политики Москвы в первой половине 1960-х годов наглядно проявилось в подходе Бухареста к вопросу обеспечения европейской безопасности. Главным западноевропейским направлением румынской политики становится стремление к нормализации и развитию отношений с капиталистическим миром, в том числе с Западной Германией.

Выбор в качестве хронологических рамок исследования 1956–1967 гг. — от первого заседания ПКК до установления дипломатических отношений между Румынией и ФРГ — обусловлен постепенной

---

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках проекта 15-31-01003a1.

трансформацией позиции Бухареста по германскому вопросу от солидарности с внутриблоковой политикой к поискам особого подхода к его решению. Если по ключевым аспектам германского вопроса, таким как признание послевоенной границы по Одеру — Западной Нейсе и факта существования двух германских государств или определение политического статуса Берлина, Румыния не отказывалась от выступления с общих позиций социалистических стран, то иначе она смотрела на угрозу возрождения германского милитаризма и проблему установления дипломатических отношений с ФРГ³.

Статья основывается на материалах из документальных коллекций Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и Национального исторического архива Румынии, содержащих стенограммы заседаний ПКК ОВД, а также документы по политическим и экономическим отношениям Румынии с ФРГ и ГДР. В рассматриваемый нами период состоялось восемь совещаний ПКК: 27–28 января 1956 г. (Прага), 24 мая 1958 г. (Москва), 4 февраля 1960 г. (Москва), 28–29 марта 1961 г. (Москва), 7 июня 1962 г. (Москва), 26 июля 1963 г. (Москва), 19–20 января 1965 г. (Варшава), 4–6 июля 1966 г. (Бухарест). На каждом из них прямо или косвенно затрагивался германский вопрос. Кроме того, было создано два совещания на высшем уровне: 28–29 апреля 1959 г. (Варшава) — Совещание министров иностранных дел стран-членов ОВД и КНР и 3–5 августа 1961 г. (Москва) — Совещание первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий стран-членов ОВД. Совещания 1959 и 1961 гг. были посвящены вопросам, связанным со статусом Западного Берлина и подготовкой к заключению германского мирного договора.

Определяющее влияние на внешнюю политику Румынии в отношениях с капиталистическими странами оказывали ее национальные интересы, а именно обеспечение условий для расширения торгово-экономических контактов с ФРГ. В этой связи позиция Бухареста по германскому вопросу должна рассматриваться сквозь призму усиления румыно-западногерманского экономического сотрудничества. Важным источником по данному кругу вопросов являются документы Внешнеполитического и Экономического отделов ЦК РРП (с 1965 г. — РКП), а также аналитические материалы о характере «особого» курса Румынии, готовившиеся посольством СССР в Румынской Народной Республике (РНР; с 1965 г. — Социалистическая Республика Румыния (СРР)) и Отделом ЦК КПСС

по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

Ведущий отечественный историк-германист А. М. Филитов выделяет несколько «поворотных пунктов» в истории германской проблемы, каждый из которых имел свои черты и характерные особенности⁴. Один из таких поворотов пришелся на середину 1950-х годов со вступлением ФРГ в НАТО. Альянс взял курс на расширение путем включения в него Западной Германии еще с конца 1940-х годов. Цель была достигнута с подписанием 23 октября 1954 г. так называемых Парижских соглашений (ратифицированы 5 мая следующего года). Кроме политической интеграции в структуры североатлантического договора, ФРГ предоставлялось право иметь 500-тысячную армию в составе ОВС НАТО, а за боннским правительством признавалось исключительное право выступать от имени Германии на международной арене⁵. Видя в этом шаге не только нарушение соглашений 1947 г., но и потенциальную угрозу безопасности в Европе, Советский Союз, заручившись поддержкой союзников, пошел на ответную меру. Подписание в польской столице восьмью восточноевропейскими странами, в том числе и ГДР*, в мае 1955 г. договора о коллективной безопасности привело к созданию военно-политического блока ОВД. Идея образования существовала с 1952 г., т. е. до вступления ФРГ в НАТО, и факт присоединения Западной Германии к альянсу явился лишь подходящим поводом для реализации этого проекта.

Министр иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов (1890–1986) довольно скептически отнесся к идее включения ГДР в число членов ОВД, так как это «закрывало» бы германский вопрос⁶, делало бы невозможным воссоединение Германии и подписание мирного договора с ней. Советский лидер Н. С. Хрущев этот аргумент отверг. Известно, что премьер-министр ГДР Отто Гротеволь (1894–1964) положительно оценивал перспективы сотрудничества с ОВД. Он рассматривал присоединение ГДР к ОВД как гарантию ее безопасности в сложившейся международной обстановке⁷.

По пути в Женеву в июле 1955 г. советский лидер выступил в Берлине с речью, которая, по мнению А. М. Филитова, сыграла

---

* Варшавский договор в 1955 г. подписали Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия и СССР. В 1968 г. Албания в одностороннем порядке денонсировала договор 1955 г. после ввода войск ОВД в Чехословакию.

ключевую роль в позиции СССР и его союзников по германскому вопросу и лишила Москву «мощного рычага влияния». Хрущев заявил, что «германское единство — дело исключительно самих немцев, великие державы не имеют к этому никакого отношения; притом единство это не может быть достигнуто „механическим“ путем, должны быть в любом случае сохранены социальные завоевания трудящихся ГДР»⁸. Германский вопрос как бы снимался Советским Союзом с повестки дня международной политики и переходил в сферу интересов внутригерманских контактов, что в силу отказа ФРГ признавать существование ГДР заводило решение проблемы в тупик.

Прежде чем рассмотреть ход обсуждения германского вопроса на заседаниях ПКК, стоит вспомнить еще три важных события 1955 г. В июне советское руководство обратилось к правительству ФРГ с предложением (письменной нотой) нормализовать межгосударственные отношения. Итогом переписки с Бонном стал сентябрьский визит федерального канцлера ФРГ Конрада Аденауэра (1876–1967) в Москву⁹. Сложные переговоры завершились 13 сентября обменом письмами между председателем Совета министров СССР Н. А. Булганиным (1895–1975) и К. Аденауэром об установлении дипломатических отношений. Советской стороной в этой связи было выполнено обязательство освободить немецких военнопленных. Спустя семь дней СССР и ГДР подписали договор, который формально предоставил Восточной Германии полный государственный суверенитет. Казалось бы, первое событие открывало дорогу к нормализации отношений между ФРГ и социалистическими странами Европы, но этой перспективе воспрепятствовала «доктрина Хальштейна», принятая боннским правительством в декабре 1955 г. Ее суть сводилась к тому, что ФРГ сохраняла и устанавливала дипломатические отношения только с теми государствами, которые не имели дипломатических отношений с ГДР. Исключение было сделано лишь для СССР. Эта ситуация во многом определила односторонний характер развития контактов между Западной Германией и странами-членами ОВД, которые стремились к экономическому сотрудничеству с ней.

С 1955 г. начинают оформляться военные и политические структуры ОВД. Органом, ответственным за взаимодействие вооруженных сил стран-участниц договора, стало Объединенное командование вооруженными силами (ОКВС), а политическое руководство

ОВД оказалось в ведении ПКК. На его заседаниях принимались ключевые решения и проводились консультации по внутриблоковым и международным проблемам. Итогом работы совещаний были коллективные заявления членов организации по острым вопросам международной политики. Проекты этих документов разрабатывались заранее в Москве и утверждались советским руководством. Функции Генерального секретаря ПКК¹⁰ сводились к организационным мероприятиям. Изначально в ПКК страны-участницы Варшавского договора представляли главы правительств, а с начала 1960-х годов генеральные или первые секретари ЦК компартий социалистических стран. Заседания этого органа проводились с периодичностью раз в один-два года в одной из столиц стран — членов ОВД.

В рассматриваемый нами период деятельность государств Варшавского договора была связана с выдвижением предложений по вопросам создания системы коллективной безопасности в Европе, разоружения, ослабления международной напряженности и решения германской проблемы¹¹. На заседаниях ПКК при обсуждении германского вопроса Румыния в целом придерживалась внутриблоковой позиции. Ее политика в этом вопросе трансформировалась постепенно: от следования в фарватере Москвы в конце 1950-х — первой половине 1960-х годов при усилении экономического сотрудничества с Бонном в 1960–1965 гг. к уклонению от осуждения реваншизма и милитаризма в ФРГ в 1965–1967 гг. и установлению в январе 1967 г. дипломатических отношений с ней.

На первом заседании ПКК 27–28 января 1956 г. в Праге в рамках обсуждения германских дел была затронута проблема создания в ГДР 18 января того же года Национальной народной армии и Министерства обороны, что преподносилось как ответная мера на вступление ФРГ в НАТО. Это автоматически давало ГДР возможность войти в военные структуры ОВД. Первый секретарь ЦК Социалистического единой партии Германии (СЕПГ) Вальтер Ульбрихт (1893–1973) обратился к членам делегаций социалистических стран с просьбой ввести представителей ГДР в ОКВС и был поддержан участниками заседания единогласно. Более того, они постановили включить вооруженные силы ГДР в ОВС, а министра обороны Восточной Германии Вилли Штофа (1914–1999) назначить одним из заместителей Главнокомандующего ОВС маршала Советского Союза И. С. Конева (1897–1973)¹².

На Московском совещании ПКС 24 мая 1958 г. в рамках дискуссии по германскому вопросу обсуждалось решение бундестага ФРГ оснастить страну атомным и ракетным оружием, что усугубило напряженность в отношениях между НАТО и ОВД. ГДР параллельно выдвинула свой план решения германского вопроса, который в складывавшихся условиях не мог увенчаться успехом. План под названием «Путь немецкой нации к обеспечению мира и воссоединению Германии» был сформулирован восточногерманским правительством 27 июля 1957 г. Создание конфедерации планировалось на основе международного договора на условиях вывода иностранных войск с территорий ФРГ и ГДР и выхода обеих стран из военных и политических структур НАТО и ОВД¹³. Румыния, наряду с другими членами организации, поддержала предложение ГДР по ликвидации раскола Германии. Практической реализации этой проект, однако, так и не получил.

На том же заседании был заслушан доклад Главнокомандующего ОВС маршала Конева о мероприятиях по сокращению войск стран-участниц ОВД. В нем затрагивался и вопрос об изменении боевого состава войск ОВС в связи с включением в них восточногерманских войсковых соединений, сокращением советского военного присутствия в Венгрии на одну дивизию и выводом советских войск из РНР¹⁴. Последнее особо повлияло на формирование новой внешнеполитической доктрины страны. Формально сохраняя приверженность общей линии советского блока, Румыния в то же время стала делать упор на внеблоковые принципы сотрудничества в Европе, что особенно ярко проявилось в ее отношениях с ФРГ.

В ноябре 1958 г. разразился второй Берлинский кризис, когда советское правительство в ультимативной ноте потребовало от США, Великобритании и Франции в течение шести месяцев предоставить Западному Берлину статус «свободного и демилитаризованного города». Вопросы, связанные с ликвидацией оккупационного режима в Западном Берлине, а также проблема заключения мирного договора с Германией, обсуждались в 1958–1961 гг. на Совещании министров иностранных дел стран-членов ОВД и КНР 27–28 апреля 1959 г. в Варшаве, на московских совещаниях ПКС 4 февраля 1960 г. и 28–29 марта 1961 г., а также на Совещании первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий стран-членов ОВД 3–5 августа 1961 г.¹⁵ Румыния на этих заседаниях выступала против

ремилитаризации Западной Германии, солидаризировалась с предложением СССР о заключении договора с обоими германскими государствами. В случае отказа западных держав подписать такой договор, РНР дала согласие заключить его с ГДР. На Совещании первых секретарей ЦК рабочих и коммунистических партий стран-членов ОВД в августе 1961 г. румынский лидер Георге Георгиу-Деж (1901–1965) заявил: «Мы придерживаемся мнения, что необходимо в двусторонних переговорах рассмотреть предложение Ульбрихта о перестройке экономических связей наших стран с ГДР в новых условиях, которые могут возникнуть после заключения договора (эмбарго)»¹⁶. На этом же Совещании было принято решение о закрытии границы ГДР с Западным Берлином, которое в последующие дни было одобрено Политбюро СЕПГ и Советом министров ГДР. В ночь с 12 на 13 августа 1961 г. началось возведение Берлинской стены, что окончательно скомпрометировало как ГДР, так и в целом политику Восточного пакта в глазах Запада¹⁷.

Решение германского вопроса осуществлялось не от имени СССР, а от имени ОВД, а значит, и всех стран-участниц военно-политического блока. Румыния, как и другие члены организации, была вынуждена согласиться с предложениями Москвы, сформулированными в ходе Берлинского кризиса, хотя и имела свое мнение на этот счет. Не посоветовавшись с румынской стороной, Штаб ОВС потребовал от нее повышения боевой готовности армии путем мобилизации и перемещения войск¹⁸. Несмотря на то что Бухарест был не согласен с позицией Москвы, он все же не преминул подчиниться ей. По мнению румынских историков, при угрозе перехода холодной войны в Европе в горячую фазу в контексте Берлинского кризиса Румынии не имело никакого смысла протестовать против действий ОВД¹⁹.

В 1962–1965 гг. страны-члены ОВД продолжали настаивать на заключении мирного договора с германскими государствами, ликвидации на его основе оккупационного режима в Западном Берлине и превращении его в вольный город. Румыния поддерживала общую позицию по германскому вопросу, но параллельно в эти годы окончательно оформился ее особый взгляд на внутривблоковые экономические отношения по линии СЭВ и на развитие сотрудничества с международным рабочим и коммунистическим движением. Она стала выстраивать свою внешнюю политику на принципах

«балансирования» между социалистическим и капиталистическим миром, пошла по пути активизации торговых отношений со странами Запада, в том числе с ФРГ. На этом сюжете стоит остановиться немного подробнее.

Для Бухареста налаживание экономических отношений, как с ГДР, так и с ФРГ, имело принципиальное значение в силу того, что довоенная Германия являлась главным торговым партнером королевской Румынии. ГДР, наряду с СССР и Чехословакией, стала важным поставщиком машин и оборудования для индустриализации страны. В общем объеме румынского товарооборота в 1950-е годы Восточная Германия занимала почетное третье место, уступая лишь СССР и ЧССР. Однако сохранялся и интерес к расширению сотрудничества в экономической области с ФРГ, которая могла поставлять в РНР технику, соответствовавшую мировым стандартам.

Первые единичные контакты с западногерманскими оккупационными областями были предприняты румынским руководством в 1947–1948 гг. путем товарообмена, осуществлявшегося через Швейцарию и Нидерланды. Переговоры вело Экономическое агентство Румынии в Париже. В 1954 г. экономическая делегация во главе с Александру Бырлэдяну (1911–1997) подписала в Бонне первое официальное соглашение о товарообороте между ФРГ и РНР²⁰.

И без того непростые политические отношения социалистического лагеря с ФРГ в первой половине 1950-х годов были осложнены для Бухареста антирумынской кампанией, развернутой в западногерманской прессе в связи с депортацией немцев, проживавших на румыно-югославской границе в степи Бэрэгана²¹. В октябре 1951 г. правительство ФРГ в официальном заявлении осудило депортации, а в дальнейшем стремилось блокировать вступление Румынии в ООН. Советско-югославский конфликт, ставший причиной депортации лиц, проживавших в пограничных с Югославией румынских областях, потерял свою остроту после смерти И. В. Сталина. На пути к нормализации отношений с Югославией Бухарест отменил ограничения на перемещение депортированных лиц²². С их возвращением на родину в 1956 г. румыно-западногерманский конфликт не был исчерпан: пресса ФРГ продолжала апеллировать к нарушению прав немцев в Румынии.

Однако данная ситуация не ослабила взаимного интереса двух стран, нацеленного на налаживание отношений. ФРГ сделала

первые шаги для установления более тесных экономических контактов с РНР. В июле 1955 г. на переговорах в Вене румынская сторона («Агроэкспорт») приняла повторное предложение ФРГ об учреждении «Комитета по торговле с Востоком» — постоянного торгового представительства в РНР. В конце 1955 г. правительство ФРГ дало Комитету согласие направить представителя в РНР, который мог бы стать первым торговым представителем Западной Германии в восточноевропейской социалистической стране²³. Румыния, которая также дала на это согласие, в условиях осложнения ситуации после вступления ФРГ в НАТО не торопилась его выполнять. В последующие годы Бухарест начал анализировать позицию других социалистических стран по вопросу об ослаблении напряженности в отношениях с ФРГ и выяснил, что аналогичные усилия готовы приложить Польша, Чехословакия и Венгрия. Однако делать поспешные шаги в этом направлении никто из них не спешил.

Интенсификация контактов между РНР и ФРГ произошла после 1961 г., что было обусловлено, с одной стороны, завершением второго Берлинского кризиса, а с другой — началом дистанцирования Румынии от политики Кремля в вопросах многостороннего экономического сотрудничества по линии СЭВ. Следует также учитывать еще один фактор, способствовавший стабилизации торговых румыно-западногерманских отношений. Заместитель председателя Совета министров РНР Александру Бырлэдяну в воспоминаниях пишет, что «после 1959 г., когда были регламентированы претензии немцев, эмигрировавших из Румынии, мы много торговали с ФРГ». Решение этого вопроса было очень важным шагом, так как главной проблемой в отношениях РНР с рядом капиталистических стран оставалась проблема компенсации убытков западным инвесторам и владельцам предприятий, капиталы и оборудование которых после национализации промышленности и банков в 1948 г. оказались в распоряжении румынского правительства. Двусторонние визиты экономических делегаций в первой половине 1960-х годов способствовали укреплению связей между РНР и ФРГ и росту объемов товарооборота: с 1960 по 1966 г. он увеличился почти в 2,5 раза (с 80,9 млн рублей до 200 млн рублей соответственно). ФРГ заняла ведущее место в торговле Румынии с капиталистическим миром (27% от товарооборота с капстранами или 9,3% — от общего объема румынской внешней торговли)²⁴.

Усиление противоречий между РНР и СССР привело в эти годы к ослаблению взаимного доверия. Начиная с 1962 г. советская сторона, расширявшая взаимодействие разведывательных органов и органов безопасности стран-членов ОВД, стала настаивать на введении ограничений при обмене информацией с Бухарестом. С конца 1963 г. Румыния и ФРГ вели секретные переговоры об установлении дипломатических отношений. В этой связи по инициативе ГДР были приостановлены контакты между МГБ ГДР и МВД РНР. В 1962–1964 гг. румынская Секуритате была исключена из программы содействия органам безопасности, которую советские структуры госбезопасности оказывали соцстранам²⁵.

В 1963 г. ФРГ и РНР подписали договор об обмене торговыми представителями*. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений между странами они получили довольно широкие права: право выдавать паспорта и визы, право на шифрование данных, на защиту корреспонденции, дипломатический иммунитет, консульские права и т.д.²⁶ Такая ситуация не могла не встревожить ГДР, которая сразу обрушилась с упреками на правительство Румынии. Министр иностранных дел РНР Корнелиу Мэнеску (1911–2000) проинформировал своего восточногерманского коллегу Лотара Больца (1903–1986) о подписании соглашения с ФРГ. В ответ ГДР запросила полный текст документа, который румыны передать отказались²⁷. В одном из отчетов посольства ГДР в Румынии, составленном в конце 1966 г., высказывались опасения, что политика ФРГ может привести к изоляции ГДР не только от Запада, но и от союзников на Востоке. Усиление контактов ФРГ и Румынии привело к возникновению «немецко-немецкой конкуренции», предотвратить которую СЕПГ была не в состоянии²⁸. В МИД ГДР считали, что румынскому стремлению к Западу и к ФРГ можно было помешать посредством пропагандистской разъяснительной работы на территории Румынии. Однако в силу того, что РНР не являлась страной, представлявшей для руководства СЕПГ особый внешнеполитический интерес, предложение так и осталось на бумаге²⁹.

Восточногерманские источники дипломатического характера свидетельствуют, что с особой настроенностью ГДР относилась

---

* Подобные соглашения ФРГ в 1963–1964 гг. заключила также с Венгрией, Польшей и Чехословакией.

и к румынским высказываниям по вопросу о Бессарабии. Руководство РНР нередко, хотя и завуалированно напоминало об этих событиях, представляя их в качестве «неправомерной оккупации». Исследователь П. Вайсс пишет, что в этой связи «Румыния относилась к любой дискуссии о воссоединении различных территорий в мире весьма позитивно»³⁰. Без учета сложности германского вопроса, эту идею румынское руководство развивало и в отношении проблемы объединения Германии. Так, румыны предпочитали обходить стороной теорию СЕПГ о двух немецких культурах. В этом ученый видит своеобразный протест Бухареста против советской гегемонии в ОВД³¹. Однако здесь прослеживаются и реваншистские настроения румын, утративших часть территорий, принадлежавших им в межвоенный период.

Некоторые действия, направленные на то, чтобы воспрепятствовать сближению РНР и ФРГ, все же были предприняты восточногерманским руководством. В частности, оно апеллировало к согласию Западной Германии разместить на ее территории ядерное оружие в рамках американского плана по созданию Многосторонних ядерных сил (МЯС) НАТО³². В ноябре 1964 г. В. Ульбрихт обратился к лидерам стран-членов ОВД с письмом, в котором просил созвать экстренное совещание ПКК. В послании он выразил свое беспокойство планами создания МЯС НАТО и открытием тем самым доступа ФРГ к ядерному оружию³³. Румынская сторона в ответном письме расценила нецелесообразным и несвоевременным шагом принятие мер в отношении американских планов по созданию МЯС из-за разногласий по этому вопросу между странами-членами НАТО. Бухарест предложил созвать совещание ПКК не в конце ноября, а в январе 1965 г., т. е. после сессии НАТО, запланированной на декабрь 1964 г.³⁴

17 января 1965 г., за сутки до вылета партийно-правительственной делегации РНР на Варшавское совещание ПКК из Берлина было получено новое письмо с предложениями обсудить проект совместной декларации, осуждающей милитаристские планы США, и проект договора о нераспространении ядерного оружия. Проекты документов прилагались к письму³⁵. 18 января 1965 г., накануне заседания ПКК, Г. Георгиу-Деж встретился с лидером ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) Владиславом Гомулкой (1905–1982) в присутствии делегаций обеих стран. В ходе этой беседы румынский лидер заявил, что у его страны не было времени для анализа полученных из ГДР документов, и что она согласна

обсуждать лишь проблему создания МЯС, а в отношении предложенных Ульбрихтом документов просит польского коллегу как Генерального секретаря предстоящего заседания ПКК блокировать их обсуждение. Тот отметил, что проекты в любом случае уже не могут быть включены в повестку дня в качестве отдельного вопроса³⁶. В тот же день румыны обсудили его и с делегацией ГДР, выразив и ей свое недовольство фактом очень поздней передачи документов, подготовленных ЦК СЕПГ³⁷.

На заседании ПКК 19–20 января 1965 г. румынская делегация подвергла критике некоторые формулировки проекта совместного коммюнике, в частности ту, что многосторонние ядерные силы «открывают перед государствами, не владеющими ядерным оружием, любым государствам доступ к этому оружию». Румыны предложили сделать акцент на том, что реализация американских планов лишь откроет ФРГ доступ к ядерному оружию³⁸. Тем самым они стремились акцентировать внимание на том, что «главный источник угрозы миру не в реваншистско-милитаристских устремлениях правительства ФРГ, а в политике, проводимой правительством США в Европе»³⁹. В действительности это было не так. В ходе переговоров по разработке Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) ФРГ либо стремилась блокировать подписание соглашения, либо отстаивала такие формулировки, которые бы не препятствовали развитию ее атомной промышленности. Более того, в 1968 г. ФРГ не присоединилась к ДНЯО, а сделала это почти через полтора года после открытия договора для подписания (28 ноября 1969 г.). Ратифицировала она его и вовсе лишь в 1975 г.

После смерти Г. Георгиу-Дежа в марте 1965 г. новое румынское руководство во главе с Николае Чаушеску (1918–1989) хотя и продолжало придерживаться внутриблоковой позиции относительно необходимости признания факта существования двух германских государств, неправомерности притязаний ФРГ выступать от имени всей Германии, незабываемости послевоенных европейских границ, недопущения ФРГ к ядерному оружию, было не согласно с выдвиганием этих вопросов на передний план политики ОВД и не заостряло на них внимания. По мнению Бухареста, основные усилия должны были направляться не на решение принципиальных вопросов европейской безопасности, а на поиски путей нормализации и развития отношений со всеми западноевропейскими странами⁴⁰.

На завершающем этапе переговоров об установлении дипломатических отношений с ФРГ Румыния остерегалась резкой критики боннской политики. Об этом, например, свидетельствуют сообщение венгерского лидера Яноша Кадара (1912–1989) о переговорах с Чаушеску в 1966 г., а также информация первого секретаря посольства СФРЮ в СРР Дж. Поповича о содержании румыно-югославского коммюнике по итогам визита югославского президента И. Броза Тито в Бухарест в апреле 1966 г. На переговорах с югославами румыны открыто высказали свои опасения относительно действий ФРГ, но уклонились от включения в коммюнике резких оценок политики ее правительства⁴¹. Во время визита Л.И. Брежнева в Бухарест в 1966 г. в ходе обсуждения германского вопроса Н. Чаушеску заявил: «Мы имеем дело с сильной высококультурной нацией, которая не может примириться с тем, что она разъединена». Советский лидер подчеркнул, что это сложный вопрос и нет возможности сразу найти ему новое выражение в документе предстоящего совещания ОВД⁴².

Очередное совещание ПКК состоялось 4–6 июля 1966 г. в Бухаресте. На нем после долгих дискуссий с румынской стороной была принята Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе, в которой призыв к решению германского вопроса, наряду с вьетнамским и проблемой ядерного разоружения, занимал центральное место. В заявлении были выдвинуты следующие предложения, касавшиеся решения германской проблемы: сократить численность вооруженных сил германских государств, не допустить ФРГ к ядерному оружию, сохранить неизбылемыми границы, в том числе границу по Одере — Нейсе и границу между двумя германскими государствами. В документе подчеркивалось, что германское мирное урегулирование отвечает интересам мира в Европе, а объединение германских государств возможно только путем разрядки международной напряженности⁴³.

Как было показано выше, вопрос о взаимоотношениях стран-членов ОВД с ФРГ являлся одним из наиболее важных на заседаниях ПКК. К середине 1960-х годов такие члены ОВД, как Польша и ГДР оказались в изоляции, потому что Болгария, Чехословакия, Венгрия и Румыния начали сближение с ФРГ. 31 января 1967 г. в Бонне К. Мэнеску и министр иностранных дел ФРГ Вилли Брандт (1913–1992) подписали договор об установлении дипломатических отношений⁴⁴. Румыния пошла на этот шаг, не уведомив страны-члены ОВД,

в особенности ГДР. С критикой в адрес Бухареста выступил 3 февраля главный печатный орган СЕПГ газета «*Neues Deutschland*» («Новая Германия»). Румынская сторона в ответ упрекнула власти ГДР во вмешательстве во внутренние дела. Обвинения в адрес СРР обрушились и со стороны Албании, которая охарактеризовала действия Бухареста как преследование «узко националистических интересов»⁴⁵.

Негативную оценку этому событию дал и советский посол в СРР А. В. Басов. В политическом письме «О характере и направленности внешнеполитического курса Румынии» от 16 сентября 1967 г., адресованном МИД СССР, он, в частности, отметил: «Румынские руководители ради отдельных выгод сотрудничества с ФРГ идут на сглаживание острых вопросов европейской безопасности и делают уступки принципиального характера. Выдвигая время от времени в своей официальной пропаганде те или иные аспекты проблемы европейской безопасности, румынские руководители не связывают свое отношение к ним с критикой политики правительства ФРГ, что придает официальным выступлениям сугубо декларативный характер. В неофициальных беседах с представителями некоторых коммунистических и рабочих партий западноевропейских стран румынские руководители всячески подчеркивают, что их отношение к ФРГ характеризуется реализмом и дальновидностью и не скрывают в этой связи недовольства тем, что другие европейские социалистические страны не последовали примеру Румынии в установлении дипломатических отношений с ФРГ»⁴⁶.

3 февраля 1967 г. румынский дипломат М. Марин от лица румынского правительства обратился к А. В. Басову с заявлением о том, что «в силу извращения (в первую очередь, ГДР. — А. Г.) акта подписания соглашения об установлении дипломатических отношений с ФРГ СРР не будет участвовать в Совещании министров иностранных дел в Берлине»⁴⁷. Советская сторона незамедлительно отреагировала на эту ситуацию. 4 февраля состоялся телефонный разговор Н. Чаушеску с председателем Совета министров СССР А. Н. Косыгиным. Во время беседы румынский лидер дал понять, что министр иностранных дел СРР примет участие в совещании только в том случае, если оно будет перенесено из Берлина в любую другую столицу, предложенную советской стороной⁴⁸. В ходе последовавшего за этим второго телефонного разговора Чаушеску попросил Косыгина сделать

выбор между Варшавой, Будапештом или Москвой. Косыгин предложил провести совещание в Варшаве 8 февраля 1967 г., Чаушеску дал свое согласие. В тот же день на заседании Постоянного Президиума ЦК РКП было решено направить в Варшаву заместителя министра иностранных дел Румынии М. Малицу⁴⁹. Действия советского руководства возымели эффект, но лишь в короткой перспективе.

Позиция Румынии по вопросам европейской безопасности, в частности, по германскому вопросу — один из ярких примеров реализации Бухарестом собственного видения национально-государственных интересов страны. Ее новый внешнеполитический курс был направлен на обеспечение большей самостоятельности в международных делах. Политика Румынии в германском вопросе менялась в угоду обеспечения условий для налаживания торгово-экономических связей с капиталистическими странами. Факт установления дипломатических отношений с ФРГ свидетельствовал о стремлении Румынии продемонстрировать независимый характер своих внешнеполитических акций. Важным последствием этого акта стало ограничение действия «доктрины Хальштейна», что действительно в некоторой степени ослабило международную напряженность. С другой стороны, политика Румынии имела и далеко идущие негативные последствия, так как она играла на руку попыткам правящих кругов ФРГ разобщить европейские социалистические страны и изолировать ГДР.

Примечания

¹ Первые дискуссии о судьбе Германии состоялись между советским правительством, польским премьер-министром Владиславом Сикорским (1881–1943) и министром иностранных дел Великобритании Энтони Иденом (1897–1977) уже в декабре 1941 г. См. подробнее: *Филитов А. М.* СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941–1961 гг.) // *Холодная война 1945–1963 гг.: историческая ретроспектива: Сборник статей / Отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян.* М., 2003. С. 224.

² О послевоенном германском вопросе см.: СССР и германский вопрос, 1941–1949: Документы из российских архивов: в 4 т. М., 1996–2012; Советская политика в отношении Германии, 1944–1954. Документы / Сост. Я. Фойтчик, А. В. Доронин, М. А. Перьков. М., 2011; Исследования: *Филитов А. М.* Германский вопрос: от раскола к объединению: новое прочтение. М., 1993; *Филитов А. М., Домрачева Т. В.* Советская политика в германском вопросе (1953–1955): три основные парадигмы // *Холодная война: Новые подходы, новые документы / Ред. М. М. Наринский, И. В. Гайдук, М. Л. Коробочкин и др.* М., 1995. С. 240–257; *Терехов В. П.* Как закрывался «германский вопрос» // *Международная жизнь.* 1998. № 8. С. 62–94; *Филитов А. М.* Советская

политика и объединение Германии (1989–1990 гг.) // Российская история. М., 2004. № 6. С. 45–60; *Веттиг Г. Н. С.* Хрущев и Берлинский кризис 1958–1963 годов. Политика угроз и возведение Берлинской стены. М., 2007; *Тимошенко Е. П.* Германский вопрос во внешней политике СССР (1945–1955). М., 2008; *Филитов А. М.* Каким путем пойдет Германия? Советские планы по германскому вопросу в 1953 году // Россия XXI. М., 2008. № 2. С. 158–177; История Германии / Под ред. Б. Бонвеча и Ю. В. Галлактинова. М., 2008. Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века; *Филитов А. М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. М., 2009; *Он же.* Берлинский сценарий. Советская политика и кризис 1948–1949 годов // Родина. 2009. № 3. С. 4–8; *Полынов М. Ф.* М. С. Горбачев и объединение Германии // Новейшая история России. СПб., 2011. № 1. С. 201–215; *Филитов А. М.* «Окружить железным кольцом Берлин» // Родина. 2011. № 8. С. 73–74; *Он же.* Женевская конференция министров иностранных дел 1959 года по германскому вопросу: столкновение позиций, столкновение оценок // Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений. / Отв. ред. Н. И. Егорова. М., 2012. С. 243–263; *Догилевич Р. В.* Становление и развитие прямых связей между СССР и Западным Берлином (1963–1964 гг.). СПб., 2013; *Новик Ф. И.* В ловушке холодной войны. Советская политика в отношении Германии, 1953–1958 гг. М., 2014.

³ О Румынии в ОВД см.: *Duțu A.* Propuneri romanesti pentru perfecționarea relațiilor din Tratatul de la Varșovia, 1966–1969 // Arhivele totalitarismului. București, 2001. N 3–4. P. 207–230; *Deletant D., Ionescu M.* Romania and the Warsaw Pact, 1955–1989 // Cold War International History Project. Washington, 2004. Working Paper No. 43; *Olteanu C., Duțu A., Antip C.* România și Tratatul de la Varșovia. Istoric. Mărturii. Cronologie. București, 2005; *Filip C.* Tratatul de la Varșovia. Organizație politico-militară sub egida Moscovei. Târgoviște, 2006; *Oprîș P.* România în Organizația Tratatului de la Varșovia (1955–1991). București, 2008; *Organizația Tratatului de la Varșovia (1954–1968).* Documente / Ed. G. Preda, P. Oprîș. București, 2008–2009. V. 1–2; România și Tratatul de la Varșovia. Conferințele miniștrilor Afacerilor Externe și ale adjunctilor lor (1966–1991) / Ed. de M. Anton. Buzău, 2009; *Olteanu C., Duțu A.* România. 36 de ani în Tratatul de la Varșovia. București, 2014; *Duțu A.* Armata română în vremuri de cumpănă. 1945–1965. București, 2016; *Гладышева А. С.* Румыния в Организации Варшавского договора: от внутриблоковой солидарности к усилению центробежных начал в оборонной политике (1955–1965) // Славянский альманах. 2014. М., 2015. С. 221–234.

⁴ *Филитов А. М.* СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941–1961) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 223–256.

⁵ Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века / Под ред. А. Д. Непеловой. М., 2000. Т. 1: Становление «реального социализма» (1945–1965). С. 297.

⁶ *Филитов А. М.* СССР и германский вопрос. С. 249.

⁷ Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 1. С. 299.

⁸ *Филитов А. М.* СССР и германский вопрос. С. 250.

⁹ Подробнее о визите К. Аденауэра: *Уильямс Ч.* Аденауэр. Отец новой Германии / Пер. с англ. А. М. Филитова. М., 2002; Визит Канцлера Аденауэра в Москву 8–14 сентября 1955 г. Документы и материалы / Отв. ред. А. В. Загорский. М., 2005; *Филитов А. М.* Московский визит Аденауэра // Россия и современный мир. 2006. № 2. С. 177–187.

¹⁰ Первыми Генеральными секретарями ПНК был генерал А. И. Антонов и Н. П. Фирюбин. Позднее эту должность по очереди занимали представители тех стран, где проходило очередное заседание ПНК. См.: *Быстрова Н. Е.* К истории

создания Организации Варшавского договора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2005. № 1. С. 221.

¹¹ Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 1. С. 306.

¹² ANIC. Fond Tratatul de la Varşovia. Ministerul Afacerilor Externe (anii extremi: 1954-1991, 1993). Dosar 5/1956. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 1. С. 305.

¹³ РГАНИ. Ф. 10. Международные совещания и переговоры с коммунистическими и рабочими партиями, правительственные переговоры (1956–1988 гг.). Оп. 3. Д. 1. Л. 107, 113.

¹⁴ Там же. Д. 2. Л. 2–17.

¹⁵ Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3–12.

¹⁶ Там же. Д. 7. Л. 132.

¹⁷ Подробнее см.: *Филитов А.М.* «Окружить железным кольцом Берлин». С. 73–74.

¹⁸ См. стенограммы заседаний ПКК от 28–29 марта 1961 г.: РГАНИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 5–6. В своем выступлении Г. Георгиу-Деж отчитался также о планах по улучшению материального обеспечения и оснащения новой техникой ВС РНР.

¹⁹ О позиции Румынии в Берлинском кризисе 1961 г. см.: *Serediuc M., Opriş P.* Criza Berlinului (1961) // *Omagiu istoricului Florin Constantiniu. Focşani, 2003.* P. 695–704.

²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС (1935–1991 гг.). Оп. 30. Д. 73. Л. 78; *Stanciu C.* Devotaţi Kremlinului: alinierea politii externe româneşti la cea sovietică în anii '50cii. Târgovişte, 2008. P. 235.

²¹ *Milin M., Stepanov L.* Sârbii din România în Golgota Bărăganului. Timișoara, 2003; *Milin M., Milin A.* Sârbii din România și relațiile româno-iugoslave (studiu și documente, 1944–1949). Timișoara, 2004.

²² *Istoria comunismului din România: documente. Perioada Gheorghe Gheorghiu-Dej (1945–1965)* / Ed. de M. Berindei, D. Dobrinicu, A. Goșu / București, 2009. P. 514–517, 520–521.

²³ *Stanciu C.* Devotaţi Kremlinului. P. 239.

²⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 308. Л. 110.

²⁵ *Улунян Ар.А.* Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. — 1980 г.). М., 2013. С. 101.

²⁶ *Betea L.* Partea lor de adevăr (Alexandru Bârlădeanu despre Dej, Ceaușescu și Iliescu. Convorbiri; Maurer și lumea de ieri. Mărturii despre destalinizarea României; Convorbiri neterminate cu Corneliu Mănescu). București, 2008. P. 550.

²⁷ *Ibid.* P. 551.

²⁸ *Ваїсс П.* «Идеологически плохо воспитаны»: антисоветские настроения в Румынии в 1960-е годы в точки зрения МИД ГДР // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей: Сборник научных статей. Калининград, 2005. С. 67.

²⁹ Там же. С. 71.

³⁰ Там же. С. 70.

³¹ Там же. С. 69–70.

³² *Улунян Ар.А.* Балканский «щит социализма». С. 104–105.

³³ Выдержки из письма В. Ульбрихта, направленного странам-членам ОВД 6 ноября 1964 г., с просьбой о проведении совещания ПКК см.: ANIC. Fond Tratatul de la Varşovia. Ministerul Afacerilor Externe (anii extremi: 1954–1991, 1993). Dosar 15/1964. Fol. 28–29.

³⁴ Ответ румынского правительства от 24 ноября 1964 г. на письмо В. Ульбрихта см.: ANIC. Fond Tratatul de la Varşovia. Ministerul Afacerilor Externe (anii extremi: 1954–1991, 1993). Dosar 14/1964. Fol. 1–6; Dosar 15/1964. Fol. 33–35. Экземпляр письма, которое также хранится в архиве МИД Румынии, опубликован в: România: Supravieţuire şi afirmare prin diplomaţie în anii Războiului Rece. V. 8. P. 89–90. Копии послания были переданы партийному руководству ВНР, НРБ, ПНР, СССР и ЧССР. См.: ANIC. Fond Tratatul de la Varşovia. Ministerul Afacerilor Externe (anii extremi: 1954–1991, 1993). Dosar 15/1964. Fol. 36–45.

³⁵ Письмо В. Ульбрихта и В. Штофа от 13 января 1965 г., адресованное Г. Георгиу-Дежу и Й. Г. Мауреру, с приложением проекта договора о нераспространении ядерного оружия и проекта решения ПКК по внешнеполитическим проблемам см.: România: Supravieţuire şi afirmare prin diplomaţie în anii Războiului Rece / Coord. N. Ecobescu. Bucureşti, 2016. Vol. 8: România şi negocierea Tratatului de neproliferare a armelor nucleare. P. 91–95.

³⁶ România: Supravieţuire şi afirmare prin diplomaţie în anii Războiului Rece. Vol. 8. P. 95–102.

³⁷ Ibid. P. 102–107.

³⁸ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 15. Л. 80–85. В мае 1966 г. Сенат США принял предложенную сенатором Дж. Пасторе резолюцию в пользу скорейшего заключения ДНЯО, которая фактически противостояла плану создания МЯС. Президент США Линдон Джонсон (1908–1973) поддержал эту резолюцию.

³⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 305. Л. 240.

⁴⁰ Там же. Л. 241.

⁴¹ Там же. Оп. 58. Д. 241. Л. 44, Д. 298. Л. 95; Prietenul de la Belgrad. Întâlnirile Ceauşescu-Tito (1966–1970). Documente / Ed. C. Stanciu. Târgovişte, 2014. P. 29–62.

⁴² РГАНИ. Ф. 3. Политбюро ЦК КПСС (1952–1991 гг.). Оп. 72. Д. 9. Л. 78.

⁴³ Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 24. Л. 10–16.

⁴⁴ *Betea L.* Partea lor de adevăr. P. 553. Подробнее об установлении дипломатических отношений между СРР и ФРГ см.: *Anton M.* Stabilirea relaţiilor diplomatice româno-vest-germane, 31 ianuarie 1967 // *Arhivele totalitarismului*. 2008. N 1–2. P. 171–183; România-Republica Federală Germania. Începutul relaţiilor diplomatice. Bucureşti, 2009. Vol. 1; *Anghel I.M.* Stabilirea relaţiilor diplomatice între România şi Republica Federală a Germaniei // *Pagini din diplomaţia României*. Iaşi, 2009. Vol. 1. P. 13–52.

⁴⁵ *Улунян Ар. А.* Балканский «щит социализма». С. 186.

⁴⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 305. Л. 242.

⁴⁷ Там же. Д. 309. Л. 85–87.

⁴⁸ România şi Tratatul de la Varşovia. Conferinţele miniştrilor Afacerilor Externe şi ale adjunctilor lor (1966–1991). P. 110–111.

⁴⁹ Ibid. P. 109–111.

Б. С. Новосельцев

Позиция Югославии и Румынии по вопросу безопасности и сотрудничества в Европе (в 1966 — начале 1967 г.)*

К середине 1960-х годов Европа перестала быть «горячей точкой» на карте мира. Там окончательно устоялись сферы влияния двух сверхдержав, которые демонстрировали уважение к существующим границам и готовность решать спорные вопросы путем переговоров и компромиссов. После Берлинского кризиса (1961) постепенно стабилизировалась ситуация вокруг взрывоопасного германского вопроса, что создало почву для признания существования двух немецких государств и частичного разрешения проблемы на этой основе**.

Экономика европейских государств развивалась стабильно, что вело к постепенному росту их политического влияния. Все большая экономическая независимость и тенденции к внутривнутриполитической демократизации предопределяли курс на постепенную эмансипацию от США и СССР. Наиболее ярким примером стал выход из НАТО Франции в феврале 1966 г.

Похожие тенденции наблюдались и в социалистических странах. Если Югославия уже давно стремилась к проведению независимой политики и равноудаленности от сверхдержав, то аккуратные попытки добиться большей самостоятельности руководителей Венгрии и Чехословакии¹, а также так называемый особый курс Социалистической Республики Румынии (СРР)² проявились к середине 1960-х годов. Во многих странах социалистического лагеря за идеологическими

---

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках работы над проектом 15-31-01003а1.

** В 1972 г. ФРГ и ГДР подписали договор об основах межгосударственных отношений. 18 сентября 1973 г. они были приняты в ООН.

установками и различными интерпретациями коммунистической доктрины начала проглядывать новая реальность — выдвигание на первый план национально-государственных интересов³. Учитывая набирающий обороты советско-китайский конфликт, сложившаяся ситуация грозила расколом международного рабочего движения, причем независимый курс югославов и румын в Москве считали ничуть не меньшей проблемой, чем действия компартии Китая (КПК)⁴.

Одной из важнейших задач нового советского руководства, пришедшего к власти после смещения Н. С. Хрущева на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г., стало укрепление единства социалистических стран. На деле в СССР предприняли попытку восстановить свое положение единственного мирового коммунистического центра. Для этого было необходимо, во-первых, добиться осуждения политики Китая максимально возможным числом партий (причем не только социалистических, но и капиталистических стран), тем самым продемонстрировав, что раскола в рабочем движении не существует. Во-вторых, требовалось создать некий механизм координированного принятия решений (наподобие Коминтерна или Коминформа), призванный навязать политическую волю Москвы всем членам социалистического содружества, в том числе Румынии и Югославии, с которой теперь предпринимались настойчивые попытки активизировать отношения по партийной линии⁵. По сути такой механизм уже существовал. Им были международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий, которые прошли в 1957 и 1960 г. в Москве, но в условиях разворачивающегося конфликта с Китаем пока больше не проводились⁶. Теперь, по мнению советского руководства, настала пора возобновить подобную практику.

Одновременно были предприняты попытки придать органам сотрудничества государств социалистического лагеря наднациональный характер. Предполагалось создать совместный Штаб Организации Варшавского договора (ОВД), решения которого были бы обязательны для всех участников, и общие плановые органы Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), ответственные за разделение и специализацию труда по экономическим регионам без учета государственных границ и суверенитета отдельных стран.

Подобные действия вызвали резкие протесты СРР, причем Москва вынуждена была идти румынам на уступки⁷. Стремясь добиться независимости от СССР, Румыния ориентировалась на пример Югославии,

которой удалось занять промежуточное положение «серой зоны» между Западом и Востоком и играть на международной арене роль, заметно превосходившую ее скромные экономические и военные возможности. Для этого Бухаресту, как и Белграду, нужно было развивать сотрудничество не только с социалистическими государствами, но и с США, а также со странами Западной Европы, учитывая потенциальную выгоду от торговли с ними или от получения кредитов. Румынский лидер Н. Чаушеску предпринял попытку закрепить за СРР репутацию страны, поддерживающей хорошие отношения со всеми государствами, вне зависимости от их политической ориентации. В 1966 г. Румыния развила беспрецедентную дипломатическую активность. За год Чаушеску совершил 15 визитов в разные страны, кроме того состоялось 13 поездок за рубеж на уровне заместителей председателя правительства и министров иностранных дел. Польский посол в Бухаресте В. Соберайский в разговоре с советским представителем сетовал на то, какое огромное внимание и «сомнительные почести» оказываются представителям Запада: «Читая коммюнике о посещении различных делегаций капиталистических и социалистических стран Румынии, не видишь никаких отличий». Румыны «как пианисты, хотят играть сразу на всей клавиатуре пианино»⁸, — делал вывод польский посол. Поэтому сотрудничество с Югославией представлялось руководителям СССР, возможно, наименее спорным по сравнению с другими направлениями внешнеполитической активности Румынии.

СФРЮ в середине 1960-х годов также должна была переформатировать свой внешнеполитический курс в условиях кризиса в Движении неприсоединения⁹, которое теперь больше не могло быть третьей «точкой опоры» в ее лавировании между СССР и США.

Все эти обстоятельства предопределили увеличение дипломатической активности двух балканских государств в Европе. 21 декабря 1965 г. на Генеральной Ассамблее ООН по инициативе Румынии¹⁰ была предложена резолюция «Мероприятия на региональном уровне с целью развития добрососедских отношений между европейскими государствами с различным социальным и политическим строем». В ней приветствовалось растущее стремление к развитию отношений во многих областях между государствами с разными общественно-политическими системами и подчеркивалось, что подобное сотрудничество благоприятствует международному миру, безопасности и урегулированию спорных вопросов¹¹. Девять европейских стран,

поддержавших эту резолюцию (Австрия, Бельгия, Болгария, Дания, Венгрия, Румыния, Финляндия, Швеция и Югославия), развернули дипломатическую активность.

По мнению советских аналитиков, важную роль здесь сыграли представители СРР и СФРЮ, стремившиеся к приданию группе постоянного характера и ее расширению за счет других малых и средних стран¹². Большое впечатление на руководителей Югославии оказало решение французского президента Шарля де Голля (1890–1970) о выходе из НАТО. Общим местом в заявлениях югославских политиков стали утверждения, что Европе «не грозит опасность военного конфликта» и что в настоящее время «речь идет о начале процесса, который открывает значительные перспективы для общеевропейского сотрудничества»¹³.

Тактика Югославии и Румынии, направленная на реализацию данной инициативы, различалась. Первая делала акцент на созыве представителей парламентов всех европейских стран, вторая — на проведении совещания «девятки» на уровне министров иностранных дел или постоянных представителей в ООН¹⁴.

В апреле 1966 г. на сессии Межпарламентского союза в Канберре делегация СФРЮ выступила с инициативой организации встречи европейских парламентариев для обсуждения вопросов региональной безопасности. Из девяти стран-соавторов резолюции, против выступили Бельгия, Австрия и Дания. Позиции двух последних зависели от мнения бельгийцев, которые полагали, что обсуждение этого вопроса следует провести на очередном заседании Межпарламентского союза, не считая целесообразным устраивать региональную встречу¹⁵. Тонкость заключалась в том, что при рассмотрении югославской инициативы в рамках Межпарламентского союза было невозможно участие делегации ГДР, не являвшейся его членом, зато в эту организацию входила ФРГ. В конечном итоге, югославам удалось настоять на своем.

В мае-июне делегация Скупщины Югославии посетила Болгарию и Польшу. Важной целью поездки было прозондировать позиции их руководителей и, возможно, обеспечить их поддержку линии СФРЮ¹⁶. 2 июня посол Югославии в Москве Д. Видич (1918–1992) встретился с председателем Совета Союза Верховного Совета СССР И. В. Спиридоновым (1905–1991), рассказал ему об инициативе Югославии и поставил вопрос об организации визита делегации Скупщины СФРЮ в Советский Союз¹⁷.

Почти одновременно на совещании компартий капиталистических стран Европы в Вене (9–11 мая 1966 г.) было выдвинуто еще одно предложение, связанное с проблемой региональной безопасности: созвать в 1966 г. конференцию коммунистических партий европейских государств.

Две эти инициативы диаметрально расходились в своей концепции. Предпринятая Югославией попытка организации совещания представителей европейских парламентов исходила из того, что участие в нем примут представители как социалистических, так и капиталистических государств. Этот форум задумывался как способ достижения политических компромиссов, развития экономического сотрудничества, но, главное, обеспечения большей независимости малых и средних европейских государств, поскольку участие в нем стран с разным общественно-политическим устройством усложняло возможность давления со стороны сверхдержав. Идея конференции европейских компартий представляется типичной «блоковой» инициативой, призванной обеспечить единство коммунистических партий на основе позиции КПСС, стать выражением внешнеполитических установок советского руководства (к примеру, острая критика НАТО и западногерманского милитаризма). Такое совещание было для Москвы хорошей репетицией всемирной конференции коммунистических партий, направленной на изоляцию КПК.

Тем не менее поначалу югославы надеялись, что совещание европейских компартий поддержит их инициативу, убеждали советских собеседников, что вопросы региональной безопасности также беспокоят и руководителей западных государств, подчеркивали взаимную заинтересованность в экономическом сотрудничестве¹⁸.

4–6 июля 1966 г. в Бухаресте состоялось совещание руководителей компартий стран-участниц Варшавского договора. Важнейшим его итогом стало подписание «Декларации об укреплении мира и безопасности в Европе», более известной как «Бухарестская декларация». В этом документе социалистические страны выразили готовность развивать «торговые, экономические и иные связи и контакты между европейскими государствами на основе принципов мирного сосуществования». Выступили с предложением об одновременной ликвидации НАТО и ОВД. Высказались за ликвидацию военных баз иностранных государств, создание в Европе безъядерных зон и запрещение доступа ФРГ к ядерному оружию. Кроме того, они призвали

к решению германского вопроса, исходя из признания факта существования двух германских государств, и предлагали созвать общеевропейское совещание по вопросам безопасности и сотрудничества¹⁹. В Югославии Бухарестскую декларацию приняли с одобрением, расценив ее как фактическую поддержку своих позиций²⁰. В СРР ее также сочли подтверждением правильности линии руководства страны. Пресса подчеркивала, что все, о чем в ней говорится, уже давно и неоднократно высказывалось в румынских официальных документах и выступлениях руководителей Румынской коммунистической партии (РКП)²¹.

В начале сентября в Белграде состоялось консультативное совещание парламентариев стран «девятки», на котором, правда, не присутствовала делегация Австрии²². Как и ожидалось, наибольшие трудности вызвало обсуждение вопроса об участниках будущего регионального форума. Представители капиталистических стран (Бельгия, Швеция, Дания), сообразно так называемой доктрине Хальштейна* выступили против приглашения делегации ГДР. Социалистические страны заняли противоположную позицию, заявив, что без ее участия обсуждение и принятие каких-либо решений невозможно, так как германский вопрос является ключевым для обеспечения стабильности на континенте. Бельгия предложила пригласить все страны-участницы ООН, но Болгария отвергла эту инициативу²³, так как Восточная Германия не входила в эту организацию.

В то же время, в Белграде понимали, что «фронтальный отказ от принятия бельгийского предложения может навсегда похоронить указанную цель»²⁴. Поэтому там сочли возможным параллельно участвовать в двух инициативах: сначала обсудить вопрос европейской безопасности и сотрудничества в рамках Межпарламентского союза в отсутствие представителей ГДР (но и представителей ФРГ), а потом — на конференции делегатов европейских парламентов при участии обоих германских государств. В итоге было достигнуто что-то вроде джентльменского соглашения: капиталистические страны поддержали бы югославское, а социалистические страны — бельгийское предложение²⁵. Так бельгийская инициатива должна была стать одной из ступеней к реализации югославской.

---

* Подробнее о доктрине Хальштейна см. в статье А. С. Гладышевой в данном сборнике.

Параллельно активизировалось руководство Румынии, предлагавшее провести встречу представителей стран «девятки» на уровне министров иностранных дел. 4 октября 1966 г. руководители их внешнеполитических ведомств встретились в Нью-Йорке во время очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН и обсудили вопрос, «каков мог бы быть вклад девяти стран в дело европейского сотрудничества», а также договорились о дальнейших совместных консультациях²⁶.

В начале 1967 г. югославские и румынские руководители совершили ряд поездок в поддержку своего курса. Государственный секретарь по иностранным делам СФРЮ М. Никезич* дважды (22–23 февраля и 23–24 марта) приезжал в Румынию на переговоры со своим коллегой К. Мэнеску**, посвященные международной обстановке, европейской безопасности и конференции европейских парламентариев²⁷. Оба министра в 1967 г. совершили визит в Бельгию. Затем в мае того же года, Никезич отправился в турне по скандинавским странам. Во время его поездки стороны согласились, что государства, входящие в «девятку», должны выступать совместно от имени малых стран с конкретными предложениями по активизации их деятельности на международной арене²⁸. Сам Й. Броз Тито с 13 по 17 февраля побывал в Австрии, где в ходе переговоров австрийцы поддержали и идею созыва совещания европейских парламентариев, и конференцию в рамках Межпарламентского союза²⁹.

Осенью 1966 — в начале 1967 г. вопрос о созыве европейского и международного (т.е. предполагавшего всемирный охват. — *Б.Н.*) совещаний коммунистических и рабочих партий поднимался практически в каждом разговоре советских представителей с югославскими и румынскими дипломатами и политиками. Представители обеих стран в целом высказывались за их проведение, но призывали не торопиться. Кроме того, они предостерегали от осуждения какой-либо коммунистической партии, имея в виду КПК, и подчеркивали, что участвовать в форуме должны все: вьетнамцы, китайцы, албанцы и т. д.³⁰

---

* Марко Никезич (1921–1991). Югославский общественно-политический деятель, дипломат. Посол в Египте (1953–1956), Чехословакии (1956–1958) и США (1958–1962). Заместитель секретаря иностранных дел Югославии (1963–1965). Секретарь иностранных дел Югославии (1965–1968). Председатель Центрального Комитета Союза коммунистов Сербии (1968–1972).

** Корнелиу Мэнеску (1916–2000). Румынский политический деятель, дипломат. Министр иностранных дел Румынии (1961–1972).

С 22 по 25 сентября 1966 г. в ходе поездки в Югославию Л. И. Брежнев стороны поднимали этот вопрос. Советский генсек отметил, что «когда мы говорим о европейской безопасности, то речь, конечно, идет главным образом о германских делах и прежде всего о том, чтобы не допустить ядерного вооружения Западной Германии <...>. Сейчас мы понемногу двигаем вопрос о европейской безопасности и в межгосударственном плане, и в межпартийных отношениях»³¹. Судя по всему, приоритет отдавался второму.

В условиях, когда настойчивое зондирование позиций Югославии и Румынии все больше напоминало политическое давление, с 1 по 3 декабря 1966 г. состоялся визит Тито в СРР (уже второй за год)³². В ходе переговоров лидеры двух стран согласились с необходимостью развивать отношения со всеми странами, тем самым, создавая условия для решения вопроса европейской безопасности на новой (внеблоковой. — *Б.Н.*) основе. Чаушеску подчеркнул, что хочет хороших отношений с СССР, но, очевидно, имея в виду Китай и Западную Европу, оговорился, что «это не должно зависеть от отношений с третьими странами». Тито добавил, что «и югославско-румынские отношения не должны быть обусловлены чем-то третьим». Румынский лидер обвинил советское руководство в том, что оно «злоупотребляет своей силой в отношениях с соцстранами», что ведет к неравноправию. А «целый мир не может развиваться по одному шаблону. Нужно отдавать себе отчет об исторических условиях развития каждой страны. Организационные формы могут быть очень различны»³³.

Вопрос об участии в совещаниях коммунистических партий был на переговорах одним из основных. Чаушеску выразил уверенность, что главная его цель — осудить Китай и вернуть СССР роль единственного руководящего центра в рабочем движении. Тито подчеркнул, что недопустимо вмешательство посредством этого совещания в дела независимых государств: «Если представители какой-нибудь КП капиталистической страны будут говорить, как Югославия должна развиваться, что должна делать, критиковать экономическую реформу, я бы сразу послал их к дьяволу». Словом, оба лидера согласились, что не хотят быть разменной монетой и считают, что совещание только ухудшит обстановку в международном рабочем движении. Чаушеску провозгласил, что интернационализм превратился в средство доминирования СССР и сводится к тому, что в каком-то другом месте определяется, как будут развиваться Румыния, Югославия или

Польша. Тито со смехом заметил: «Мы тут, рассуждая таким образом, еретики»³⁴.

Показательным в плане позиции Югославии стало выступление В. Поповича* на VII пленуме ЦК СКЮ в январе 1967 г. В нем было подчеркнуто, что «руководство международным рабочим движением из одного центра или „обязательное следование“ формально принятым „генеральным документам“ является устаревшим». По мнению югославов, каждая партия имеет право и обязанность действовать самостоятельно, с учетом собственных оценок и условий своей страны, ориентируясь на единую цель и общие интересы рабочего движения³⁵. По сути, на пленуме было высказано отрицательное отношение к международным совещаниям коммунистических партий (хотя формально югославы и выразили поддержку этой инициативе), а предпочтение отдавалось двусторонним отношениям между партиями. Сближение между Югославией и Румынией стало наглядным воплощением этого тезиса, примером равноправного сотрудничества двух независимых социалистических государств.

Линия румынского руководства была практически такой же. Любая попытка добиться «общих» или «единых» позиций коммунистических партий трактовалась в Бухаресте как проявление советского гегемонизма. Обеспечение «дисциплины» коммунистических партий в Европе для румын было попыткой СССР не допустить роста их самостоятельности и заполнить монополию на то, чтобы говорить с США от имени всех социалистических стран³⁶.

Точку зрения более «дисциплинированных» социалистических стран ярче всего выражали поляки — соорганизаторы (наряду с компартией Франции) европейской конференции КП. Они усматривали в международных отношениях в Европе две основные тенденции. Одну — к разрядке напряженности (ее сторонниками назывались Франция и скандинавские страны). Другую — к продолжению политики холодной войны другими методами (США, ФРГ). Целью этих стран, по мнению поляков, было создать видимость (подчеркнуто

---

* Владимир Попович (1914–1972). Югославский дипломат и политический деятель. Посол в СССР (1945–1948), в США (1950–1954) и Китае (1954–1958). Первый помощник секретаря иностранных дел Югославии (1948–1950). Председатель комиссии по иностранным делам Союзной Скупщины (1954–1955). Член Союзного исполнительного вече с 1958 г., где возглавлял Комиссию по экономическим связям с иностранными государствами. Позже — член Президиума ЦК СКЮ, ответственный за внешнюю политику.

в тексте. — *Б. Н.*) разрядки, так как они «завязли» во Вьетнаме и не хотят «сковывать себе руки» в Европе³⁷.

К концу 1966 г. стало ясно, что Югославия и Румыния не планируют солидаризироваться с польско-французской инициативой и даже раздумывают о том, чтобы не посылать на конференцию коммунистических партий свои делегации. Они были крайне недовольны формальным к себе отношением со стороны руководителей Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), занимавшихся подготовкой конференции и ее декларации. Поляки не пригласили югославов и румын поучаствовать в подготовке к совещанию и в работе редакционной комиссии, отказались даже предоставить им проект итогового коммюнике (он был отправлен только отдельным компартиям европейских стран). Когда румыны поставили вопрос хотя бы о проведении двусторонней консультации, французы согласились и прислали делегацию, а ПОРП поставили предварительное условие: принятие подготовленного проекта и согласие РКП на участие в конференции³⁸.

Таким образом, налицо были расхождения между позицией Югославии и Румынии и «консолидированной линией» других европейских социалистических государств во главе с СССР. В советских аналитических материалах замелькали обвинения в том, что курс СКЮ и РКП «обрел сепаратистский характер»³⁹. Из посольств СССР в странах социалистического лагеря стали поступать записи бесед с чиновниками и дипломатами этих государств с призывами «не пассивно созерцать процесс отхода румын и югославов от общей линии социалистического содружества <...>, а изыскивать пути и средства воздействия»⁴⁰. Среди «средств» упоминалось о выходе из «девятки» Болгарии и Венгрии⁴¹.

В такой обстановке с 27 по 31 января 1967 г. состоялся очередной визит Й. Броза Тито в СССР и весьма напряженные переговоры с советским руководством. Складывалось ощущение, что непонимание по ряду вопросов вызывало у собеседников даже определенное раздражение⁴². Л. И. Брежнев почти сразу перешел к главному вопросу переговоров — европейское совещание компартий. Он подчеркнул, что оно не противоречит возможным конференциям парламентариев или глав правительств европейских стран. И даже не исключил участия в них ФРГ. Тито в ответ поначалу усомнился в целесообразности созыва совещания и отметил, что «программа компартий должна быть направлена на мобилизацию всех прогрессивных сил, а не носить характер

сепаратных действий». Также он выразил опасение, что «совещание не улучшит, а ухудшит задачу обеспечения европейской безопасности»⁴³. После этого советские лидеры оказали на югославов определенное давление⁴⁴, но не исключили для них возможности принять участие в подготовке данного форума и в консультациях. Тито вынужден был признать доводы своих собеседников «разумными и обоснованными». «Когда мы вернемся домой, мы еще раз обсудим результаты наших бесед с вами по данному вопросу», — обещал он. «Мы не такие твердолобые, чтобы не понять ваших доводов»⁴⁵. Югославский лидер попытался хотя бы убедить советское руководство отсрочить обсуждаемую инициативу, но натолкнулся на решительный отказ⁴⁶. Тито доказывал, что сначала необходимо провести консультации и добиться согласия по спорным вопросам. Возможно — провести совещание без принятия итогового документа. Иначе его принятие со стороны многих партий стало бы лишь проявлением дисциплины. В ответ А. Н. Косыгин заметил: «Совещание может принять предложение любой партии о разработке той или иной проблемы, но я считаю совершенно нереальным, что сперва нужно разработать проблемы, а потом созывать совещание»⁴⁷.

Поездка Тито в СССР если и повлияла на изменение его позиции, то незначительно. Еще до визита официальные лица в Югославии высказывались достаточно категорично, считая, что в настоящее время нет условий для проведения конференции европейских компартий⁴⁸. По возвращении югославского лидера, советские аналитики не отметили никаких отрицательных выпадов ни в прессе, ни в заявлениях политических деятелей⁴⁹. Став аккуратнее в высказываниях, в Белграде не изменили своей принципиальной позиции: делегацию СКЮ отправлять на совещание не планировалось.

Более резким было поведение румын, особенно их лидера Н. Чаушеску. Так, в разговоре в ходе визита в Бухарест Т. Живкова* (17–21 апреля 1967 г.) он подчеркнул, что «международные совещания преследуют цель восстановить старые формы работы Коминтерна», которые «явились препятствием в деятельности коммунистических партий». Румынский руководитель отметил, что «не с помощью Совещания, а в продолжительной идеологической борьбе, как Маркс,

---

* Тодор Живков (1911–1998). Болгарский партийно-политический деятель. Генеральный секретарь Центрального комитета Болгарской коммунистической партии (1954–1989). Председатель Совета министров Болгарии (1962–1971). Председатель Государственного совета Болгарии (1971–1989).

Энгельс, Ленин, мы достигнем этого единства <...>. Невозможно принимать только то, что говорит одна партия <...>. Мы не видим партии, которая могла бы возглавить мировое коммунистическое движение. Даже КПСС не может быть такой партией, несмотря на ее огромный опыт. Никто не может претендовать на роль центра»⁵⁰.

Делегации СКЮ и РКП не приняли участия в европейском совещании коммунистических партий в Карловых Варах в апреле 1967 г.

Инициатива СФРЮ по проведению заседания европейских парламентариев потерпела крах. 16–17 февраля 1967 г. в Будапеште состоялась встреча представителей парламентских групп социалистических стран. На ней все делегации (включая румынскую!), кроме югославской, проголосовали против предложения Бельгии, о котором речь шла выше⁵¹. Таким образом, джентльменское соглашение было нарушено, а инициативы бельгийцев и югославов взаимно сорваны.

Однако активность «девятки» на этом не прекратилось. В январе 1967 г. в соответствии с решением, принятым 4 октября 1966 г. в Нью-Йорке на встрече министров иностранных дел девяти стран, Югославия подготовила два документа: «Меморандум о развитии сотрудничества между европейскими странами» и «Декларация о Европейской экономической комиссии». В меморандуме был предложен широкий перечень мероприятий в области политического, экономического, культурного, научно-технического и других видов сотрудничества. Главный упор предлагалось сделать на работе Европейской экономической комиссии (ЕАК)⁵², оставив спорные политические вопросы на потом⁵³. 22 февраля два эти документа были переданы советскому послу А. М. Пузанову*, причем ему особо подчеркнули, что девять стран не рассматривают себя как какой-то международный орган. Они лишь соавторы резолюции XX сессии Генеральной ассамблеи ООН. К тому же югославы выступают не от имени всей «девятки», а только от своего имени⁵⁴.

В СССР эти документы не были одобрены. Во-первых, своим партнерам по «девятке», югославы предоставили их значительно раньше, чем руководителям Советского Союза и других стран

---

* Александр Михайлович Пузанов (1906–1998). Советский партийный и государственный деятель, дипломат. Заместитель народного комиссара государственного контроля СССР (1943–1944). Председатель Совета Министров РСФСР (1952–1956). Посол в КНДР (1957–1962), Югославии (1962–1967), Болгарии (1967–1972), Афганистане (1972–1979).

социалистического лагеря⁵⁵, поэтому как-либо повлиять на них Москва не могла. Это свидетельствовало и о том, что в данном вопросе позиция австрийцев и бельгийцев для лидеров СФРЮ и СРР имела большее значение. Во-вторых, по мнению советских аналитиков, «Меморандум о развитии сотрудничества между европейскими странами» и «Декларация о Европейской экономической комиссии» противоречили Бухарестской декларации стран ОВД (речь о ней шла выше)⁵⁶, ставившей во главу угла политические вопросы и политическое сотрудничество. Меморандум же отводил главную роль вопросам экономики, при этом ГДР не была участником ЕАК, ключевой в этом смысле организации.

Напрашивается вывод, что под формулой «сотрудничество и безопасность в Европе» Москва имела в виду в большей степени признание факта существования ГДР и нерушимости границ в Европе, а Белград и Бухарест — экономическое сотрудничество между странами вне зависимости от их общественно-политического устройства. Для СССР конференция, посвященная данному вопросу, была способом «укрепления единства» стран социалистического лагеря, а для Югославии и Румынии — возможностью упрочить свое относительно независимое положение, воспользоваться благоприятной международной конъюнктурой и создать в Европе некий аналог Движения неприсоединившихся стран.

Что же касается стран «девятки», лучше всех на этот счет выразился один из архитекторов организации, югославский секретарь по иностранным делам Марко Никезич: «Ее активность может развиваться только в той мере, в какой это позволяют улучшение общей ситуации в Европе и эволюция блоков». В середине 1967 г. в связи с Ближневосточным кризисом и эскалацией во Вьетнаме она стремительно пошла на убыль.

Примечания

¹ Улуян Ар. А. Кризис «коммунистического единства»: балканский аспект (середина 60-х — начало 70-х гг. XX в.) // Многосторонняя дипломатия в годы холодной войны / Отв. ред. Н. И. Егорова. М., 2008. С. 139–140.

² Политика, направленная на достижение большей самостоятельности, проводилась руководством СРР с конца 1950-х — начала 1960-х годов. Ее основу составлял тезис о приоритете национально-государственных интересов над интернациональными интересами социалистического содружества. Румыния отстаивала свой суверенитет и требовала невмешательства в свои внутренние дела через Организацию Варшавского договора

(ОВД) и Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), кроме того, в условиях нарастающего кризиса в советско-китайских отношениях Бухарест избегал публичного осуждения позиции компартии Китая, чем вызывал бурю недовольства Москвы. Подробнее см.: *Гладышева А. С.* Формирование «особого курса» Румынии в социалистическом лагере (середина 50-х — начало 60-х гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2014. № 2. С. 28–34; *Новосельцев Б. С.* Югославо-румынские отношения во второй половине 1950-х — нач. 1960-х гг. и позиция СССР // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сборник материалов III Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А. Н. Сквозников. Самара, 2016. С. 148–160; *Стыкалин А. С.* Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма в материалах Президиума ЦК КПСС (1953–1964) // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия члена-корреспондента РАН Владимира Константиновича Волкова: Сборник статей / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2010. С. 371–394.

³ *Удунян Ар. А.* Кризис «коммунистического единства». С. 146.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ См., например: АЖ. КРР. I-2/26-3. Zabeška o jugoslovensko-sovjetskim razgovorima. 19 VI 1965. Put J. V. Tita u SSSR. 18 VI — 1 VII 1965; DASMSP RS. PA. 1965. SSSR. f-158. 446045. Beleška o razgovoru ambasadora Cvijetina Mijatovića sa sovjetskim rukovodiocima. 26 II 1965.

⁶ Организация подобного совещания имела смысл только в случае очевидного преимущества одной из сторон. Например, когда с 1 по 5 марта 1965 г. в Москве состоялась консультативная встреча 19 компартий, посвященная этому вопросу, представители КНР заявили, что в таком случае они проведут свое совещание в Пекине. 27 мая 1966 г. на встрече с государственным секретарем иностранных дел СФРЮ М. Никезичем Л. И. Брежнев отметил, что КПСС выступает за новое международное совещание компартий «когда для этого созреют условия». См.: РГАНИ. Ф. 80. Брежнев Леонид Ильич — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1906–1982 гг.). Оп. 1. Д. 926. Л. 85. Запись беседы Брежнева с государственным секретарем по иностранным делам СФРЮ Марко Никезичем о предполагаемом визите Л. И. Брежнева в Югославию, о позициях СССР и СФРЮ по основным международным вопросам 27 мая 1966 г.). Очевидно, что в 1965 — начале 1966 г. условия еще не созрели.

⁷ Так, 4–6 июля 1966 г. в Бухаресте на совещании руководителей коммунистических партий стран-участниц Варшавского договора румыны в одиночку фактически парализовали обсуждение создания надгосударственных органов командования в рамках ОВД. См.: АЖ. КРР. I-2/30. Zabeška o razgovorima druga Predsednika prilikom nezvanične posete SR Rumunije 01-03 XII 1966. Put J. V. Tita u Rumuniju. 01–03 XII 1966.

⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 241. Л. 222. Запись беседы с послом Польской Народной Республики в Бухаресте тов. Соберайским. 8 IX 1966.

⁹ Подробнее см. *Новосельцев Б. С.* Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). М., 2015. С. 181–207.

¹⁰ АЖ. КРР. I-2/28. Informativni material o Rumuniji. Put J. V. Tita u Rumuniju. 18–22 IV 1966.

¹¹ Текст доступен по адресу: <http://www.un.org/ru/ga/20/docs/20res.shtml> (дата последнего посещения 28 II 2017).

¹² АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 53 П. 214. Д. 23. Л. 76. Основные принципы внешней политики СФРЮ. 17 IV 1967.

¹³ Там же. О позиции и мероприятиях СФРЮ по вопросу укрепления европейской безопасности). Л. 33–34.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС. 1935–1991 гг. Оп. 59. Д. 309. Р. 9627. Л. 187. Об отношениях СРР с Югославией (справка). 15 IV 1967.

¹⁵ Там же. Д. 212. Р. 9497. Л. 60–61. Внешние связи Союзной Скупщины СФРЮ.

¹⁶ Там же. Л. 56. Внешние связи Союзной Скупщины СФРЮ.

¹⁷ Там же. Л. 43. Запись беседы Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР И. В. Спиридонова с послом Социалистической Федеративной Республики Югославии Д. Видичем. Визит в СССР делегации югославской Скупщины во главе с ее председателем Эдвардом Карделем (1910–1979) состоялся с 20 октября по 1 ноября 1966 г. В ходе поездки югославы посетили Азербайджан, Эстонию, побывали в Ленинграде, провели переговоры с председателем Совета Союза Верховного Совета СССР И. В. Спиридоновым и председателем Совета национальностей Ю. И. Палецкисом. Были приняты Н. В. Подгорным, Ю. В. Андроповым и А. П. Кириленко. См.: Там же. Л. 143–164. Информация о пребывании делегации Союзной Скупщины СФРЮ во главе с Э. Карделем в СССР.

¹⁸ Там же. Д. 210. Р. 9496. Л. 95–96. Запись беседы с членом ЦК СКЮ, председателем комиссии по международным связям ЦК СКЮ Бошко Шилеговичем. 06 VI 1966.

¹⁹ Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе // Правда. 1966. 8 VII.

²⁰ Такая оценка представляется верной. В Москве считали, что позиция Югославии по вопросу европейской безопасности в целом совпадает с линией СССР. Обе стороны выступали за признание факта существования двух германских государств, за незыблемость европейских границ и против допуска ФРГ в любой форме к ядерному оружию. Хотя и с неудовольствием отмечалось «отклонение от единства действий». См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 213. Р. 9497. Л. 188, 191. Реферат по югославско-американским отношениям и роли Югославии в «третьем мире».

²¹ Там же. Д. 241. Л. 125. Запись беседы со вторым секретарем Посольства ЧССР О. Шигутом. 21 VII 1966.

²² Австрийцы прислали письмо с объяснениями, что не могут присутствовать «по техническим причинам», но одобрили результаты совещания. См.: АВП РФ. Ф. 0144. Референтура по Югославии. Секретная часть. Оп. 53. П. 214. Д. 23. Л. 39. О позиции и мероприятиях СФРЮ по вопросу укрепления европейской безопасности.

²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 213. Р. 9497. Л. 154–156. Запись беседы с Государственным секретарем СФРЮ М. Никезичем, послами соцстран, аккредитованными в СФРЮ, БНР – Атанасовым, ВНР – Загором, СРР – Мэлнешаном, ЧССР – Кроужилом. 12 IX 1966.

²⁴ Там же. Д. 212. Р. 9497. Л. 179. Справка о пребывании в Советском Союзе делегации Союзной Скупщины СФРЮ во главе с Председателем Союзной Скупщины, членом Президиума ЦК СКЮ Эдвардом Карделем. 20 X – 1 XI 1966.

²⁵ Там же. Оп. 59. Д. 285. Л. 105–106. Прием Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР И. В. Спиридоновым посла СФРЮ в Советском Союзе Д. Видича. 14 III 1967.

²⁶ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 53. П. 214. Д. 23. Л. 40. О позиции и мероприятиях СФРЮ по вопросу укрепления европейской безопасности.

²⁷ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 285. Л. 127. О позиции и мероприятиях СФРЮ по вопросу укрепления европейской безопасности / информация/. 14 III 1967; Там же.

Л. 131–132. Запись беседы с помощником государственного секретаря по иностранным делам СФРЮ М. Пешичем. 02 III 1967.

²⁸ Там же. Л. 240. О некоторых особенностях внешней политики СФРЮ (справка). 25 VII 1967.

²⁹ АЖ. КРР. I-2/32. Put J. V. Tita u Austriju. 13–17 II 1967.

³⁰ См., например: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 210. Р. 9496. Л. 325–327. Запись беседы с членом Президиума ЦК СКЮ Владимиром Поповичем. 02 XII 1966; Там же. Д. 213. Р. 9497. Л. 266–267. Запись беседы с послом Болгарской Народной Республики Г. Атанасовым. 05 XII 1966.

³¹ Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 926. Л. 153–154. Запись третьей беседы Л. И. Брежнева с И. Броз Тито во время визита Л. И. Брежнева в Югославию 22–25 сентября 1966 г. 24 IX 1966 г.

³² Первый визит Тито в Румынию проходил с 18 по 22 апреля 1966 г. Он стал важным шагом, предпринятым в целях усиления самостоятельности балканских государств-членов блоков. В итоговом коммюнике стороны подчеркнули, что основой их сотрудничества является уважение независимости и суверенитета любого государства. Тем самым они продемонстрировали свой курс (хотя об этом и не говорилось открыто) на то, чтобы не допустить давления Советского Союза. См.: *Удуня Ар. А.* Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середины 50-х гг. — 1980 г.) М., 2013. С. 160.

³³ АЖ. КРР. I-2/30. Zabeleška o razgovorima druga Predsednika prilikom nezvanične posete SR Rumunije 01–03 XII 1966. Put J. V. Tita u Rumuniju. 01–03 XII 1966.

³⁴ Ibidem.

³⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 214. Р. 9497. Л. 79–80. Политический отчет посольства СССР в Социалистической Федеративной Республике Югославии за 1966 год. 26 I 1967.

³⁶ АЖ. КРР. I-3-a/97-18. Informacije o stavovima rumunske KP prema saradnji u međunarodnom komunističkom i radničkom pokretu. Poseta partijsko-vladine delegacije SR Rumunije na čelu sa Nikolae Čaušeskuom. 14–19 VI 1967.

³⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 291. Р. 9620. Л. 209–210. Польша и проблема европейской безопасности.

³⁸ АЖ. КРР. I-1/972. Poruka Generalnog sekretara Rumunske komunističke partije Nikolae Čaušesku-a. Centralnom komitetu SKJ I Predsedniku SKJ drugu Titu. 12 IV 1967. Й. Б. Тито в разговоре с Л. И. Брежневым отметил: поляки «смотрели на нас только как на объект, который надо включить в это совещание, не консультируясь с нами». См.: РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 927. Л. 6–7. Запись беседы между советскими и югославскими руководителями во время визита Й. Б. Тито в Советский Союз 27–31 января 1967 г. 30 I 1967.

³⁹ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 53 П. 214. Д. 23. Л. 41. О позиции и мероприятиях СФРЮ по вопросу укрепления европейской безопасности; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 285. Л. 127. О позиции и мероприятиях СФРЮ по вопросу укрепления европейской безопасности /информация/. 14 III 1967.

⁴⁰ Там же. Д. 309. Р. 9627. Л. 48. Запись беседы с министром иностранных дел СССР тов. В. Давидом. 16 I 1967.

⁴¹ Там же. Л. 51. Запись беседы с заместителем министра иностранных дел СССР тов. К. Куркой. 17 I 1967.

⁴² Среди спорных вопросов можно назвать проводимую в Югославии экономическую реформу; решения IV пленума СКЮ о реорганизации партии, в котором Москва усматривала ослабление ее руководящей роли; «безответственные» заявления

югославских СМИ об СССР; снятие с руководящих постов А. Ранковича, как считалось, главного сторонника ориентации на Советский Союз и т. д. Подробнее см.: *Новосельцев Б. С.* Внешняя политика Югославии. С. 229–238.

⁴³ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 927. Л. 4–7. Запись беседы между советскими и югославскими руководителями во время визита И. Б. Тито в Советский Союз 27–31 января 1967 г. 30 I 1967.

⁴⁴ «Л. И. Брежнев. С Вашей аргументацией против созыва совещания компартий мы не согласны, она не является убедительной <...>. Совещание имеет целью призвать государства Европы к установлению нормальных отношений на принципах равноправия. Это будет широкий документ. В этом свете как будет выглядеть ваша позиция в глазах неприсоединившихся стран, всего мира? Вы у себя это обсуждали? — М. Тодорович. Обсуждали. — Л. И. Брежнев. По-моему, недостаточно глубоко обсуждали <...>. — А. Н. Косыгин. Невольно возникает вопрос, что вы отказываетесь от совещания под чьим-то влиянием. Не избежать всяких кривотолков. Такую вашу позицию будут считать оппозиционной». См.: Там же. Л. 8, 12–13.

⁴⁵ Там же. Л. 15–16.

⁴⁶ «И. Тито. Надо отсрочить работу Редакционной комиссии. — Ю. В. Андропов. Вряд ли есть необходимость в том, чтобы отсрочить работу Редакционной комиссии, поскольку имеется еще время для подготовки. Редакционная комиссия соберется, видимо, в конце февраля. — И. Тито. По-моему, следует отсрочить. — Л. И. Брежнев. Может быть, и не следует откладывать созыв Редакционной комиссии. Пусть собираются, работают, не спеша, а потом, когда что-то подготовят, вернуться и посоветуются со своими партиями». См.: Там же. Л. 18.

⁴⁷ Там же. Л. 26.

⁴⁸ См., например: АЈ. КРР. I-5-a/7. «Aktuelni razgovori». TV intervju državnog sekretara za inostrane poslove Marka Nikezića. TV intervjui Marka Nikezića, državnog sekretara za inostrane poslove o spoljnoj politici Jugoslavije i aktuelnim međunarodnim problemima. 22 XII 1966.

⁴⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 285. Л. 127. О позиции и мероприятиях СФРЮ по вопросу укрепления европейской безопасности /информация/. 14 III 1967.

⁵⁰ Там же. Д. 309. Р. 9627. Л. 221–223. Запись беседы с послом НРБ в Бухаресте т. Г. Богдановым. 24 IV 1967.

⁵¹ Там же. Л. 105–106. Прием Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР И. В. Спиридоновым посла СФРЮ в Советском Союзе Д. Видича. 14 III 1967.

⁵² Там же. Л. 91–102. Памятная записка о развитии сотрудничества между европейскими странами.

⁵³ Такой подход обсуждался и нашел полную поддержку других стран «девятки». См., например: АЈ. КРР. I-5-b. 9-3. Iz zabeleške o razgovoru državnog sekretara M. Nikezića sa ambasadorom Belgije M. Rijmenansom 13 XII 1966. Belgija. 27 XI 1964–12 XII 1967.

⁵⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 285. Л. 133–134. Запись беседы с помощником государственного секретаря по иностранным делам СФРЮ М. Пешичем. 22 II 1967.

⁵⁵ Так, например, в Венгрию тексты этих документов попали через Москву спустя месяц после того, как их получили в Румынии и полмесяца после того, как они были направлены австрийцам. См.: Там же. Л. 81. Запись беседы с заведующим теоретическим отделом МИД ВНР т. Кемивешем. 24 II 1967.

⁵⁶ См.: Там же. Л. 231–269. О некоторых особенностях внешней политики СФРЮ (справка). 25 VII 1967.

А. С. Стыкалин

**Кризис в советско-румынских отношениях
в августе 1968 г. и попытки его преодоления
«на культурном фронте»
(по архивным материалам)**

До начала 1960-х годов Румыния воспринималась в Москве как надежный союзник, страна, по излюбленному выражению Н. С. Хрущева, шагающая в ногу с другими странами социалистического содружества, ситуация в которой не вызывала сколько-нибудь серьезного беспокойства. Это нашло отражение как в донесениях посольства СССР, так и в отчетах делегаций, в том числе деятелей культуры, посещавших Румынию. Делегация советских писателей во главе с Борисом Николаевичем Полевым (1908–1981), посетившая Румынию в 1959 г., резюмировала в отчете: союз румынских писателей и вся культурная жизнь находится «в надежных руках», хотя проводимая твердая политика и вызывает скрытое сопротивление некоторых представителей интеллигенции¹. Правда, уже в 1957 г. в Москве обратили внимание на попытки румынских руководителей несколько расширить внешнеполитическую самостоятельность своей страны. В частности, в руководстве Румынской рабочей партии (РРП) предпочитали играть свою игру, когда дело касалось отношений Румынии с режимом Йосипа Броза Тито (1892–1980) в Югославии². В Бухаресте не хотели повторять все зигзаги советской внешней политики 1950-х годов, когда периоды улучшения отношений с Федеративной Народной Республикой Югославия (ФНРЮ) сменялись новыми антиревизионистскими кампаниями. От участия в них румынская сторона, по возможности, воздерживалась. В руководстве Румынии хотели стабильных отношений с соседней страной, поскольку это способствовало некоторому расширению внешнеполитических маневров.

В ноябре 1957 г. глава РРП Георге Георгиу-Деж (1901–1965) не приехал в Москву на большое совещание компартий. Он ожидал, что начнется проработка Союза коммунистов Югославии (СКЮ) и заранее хотел от нее дистанцироваться. Румынская же делегация во главе с К. Стойкой все делала для того, чтобы не акцентировать внимание на расхождениях с КПСС (она жестко критиковала ревизионизм, позитивно высказывалась об опыте Коминтерна и Коминформа)³. Как бы то ни было, в Москве обращали внимание и на все более активную региональную политику Румынии, выдвинувшей в 1957–1959 гг. ряд инициатив сотрудничества черноморских и балканских государств⁴. Все это не вызывало серьезного беспокойства в Кремле, поскольку в период венгерских событий осени 1956 г. там могли убедиться в прочности коммунистической диктатуры в Румынии⁵. Только будучи уверенным в этом, руководство СССР предприняло в 1958 г. вывод советских войск из Румынии, что явилось составной частью пакета мирных инициатив, адресованных в это время Западу.

Ситуация изменилась в начале 1960-х годов, когда обозначились принципиальные расхождения в вопросах экономической интеграции социалистических стран⁶, особенно в 1963 г., в связи с острым столкновением между Хрущевым и Георгиу-Дежем. Как явствует из записей заседаний Президиума ЦК КПСС, степень возникших расхождений была довольно неожиданна для Москвы⁷, но абсолютизировать их не собирались, к ним отнеслись довольно спокойно, сохранилась запись заседания Президиума (май 1964 г.) о том, что всем странам может быть придется пройти путь коммунистического национализма и в этой связи названа Румыния, чье руководство незадолго до этого приняло свою известную апрельскую Декларацию по вопросам коммунистического и рабочего движения, делавшую акцент на независимой внешней политике⁸.

После вынужденного ухода Хрущева со стороны КПСС предпринимались попытки начать политику «с чистого листа», освободить отношения двух стран от наслоений, но это никак не удавалось, внешнеполитический курс Румынии все более отклонялся от внешнеполитического курса Москвы, расхождения проявлялись не только в вопросах экономической интеграции, но и в вопросах о механизмах управления Организацией Варшавского договора (ОВД)⁹. В 1967 г. особая позиция Румынии, отличная от советской, проявилась

в период шестидневной войны на Ближнем Востоке¹⁰. В марте 1968 г. румынская делегация покинула консультативную встречу компартий в Будапеште (на ней обсуждались вопросы, связанные с подготовкой большого совещания), мотивировав это невозможностью ведения дискуссий в условиях оскорблений со стороны коммунистов арабских стран, нападавших на компартию Румынии ввиду ее якобы произраильской позиции. Это дало среди прочего повод воздержаться от приглашения делегации румынской компартии и на совещание компартий социалистических стран 23 марта в Дрездене, первое, где речь шла о положении в Чехословакии, в частности о начавшемся выходе прессы из-под партийного контроля.

Через две недели Брежнев объяснял на пленуме ЦК КПСС отсутствие румынских товарищей в Дрездене тем, что их особая, националистическая, позиция могла бы нарушить «деловой, конкретный характер» обсуждения сложных вопросов и привести к дополнительным трудностям¹¹. Румынская делегация не была приглашена ни на одно из совещаний весны-осени 1968 г., посвященных обсуждению чехословацкого вопроса. Таким образом, позиция Румынии как своего рода диссидента в социалистическом содружестве обозначилась к августу 1968 г. довольно отчетливо, и крайне негативная реакция не только широкого румынского общественного мнения, но и руководства страны на военную акцию пяти стран ОВД 21 августа 1968 г. несколько не была уже для Москвы неожиданной — тем более что за три-четыре дня до события Чаушеску посетил Прагу и выразил солидарность с Дубчеком и его реформаторской командой — он сделал это вопреки предостережениям румынских разведывательных органов, опасавшихся, что лидер партии и государства окажется в Праге в тот самый момент, когда туда войдут иностранные войска¹².

Несмотря на обострение советско-румынских отношений в 1968 г. сохранялись многосторонние связи двух стран, в том числе связи в области культуры, а также обмен туристическими группами. В августе, в период отпусков, довольно много советских отдыхающих находились на черноморских курортах Румынии, еще больше их было в Болгарии, откуда они могли вернуться домой только через Румынию. Они заторопились домой, узнав о военной акции 21 августа в Чехословакии и выступлении Чаушеску на центральной площади Бухареста с ее решительным осуждением. Заторопилась домой и большая группа румынских туристов, находившаяся в Кишиневе

с 20 августа. Они имели возможность слушать по румынскому радио (хорошо принимавшемуся в кишиневской гостинице) выступление Чаушеску днем 21 августа, и это прибавило им панических настроений. Как узнаем из отчетов о работе сотрудников «Интуриста» с румынскими туристами, в целом они лояльно относились к внешнеполитическому курсу своего правительства, однако некоторые отзывались о нем достаточно критически, считая, что надо идти на компромисс, поскольку неизвестно, чем может закончиться для Румынии конфронтация с СССР¹³. Опасения локального военного столкновения, которое в условиях серьезного чехословацкого кризиса может привести к крупномасштабной войне, проявились и в СССР, особенно в приграничных с Румынией районах, чему способствовал дефицит информации. В Бельцах и ряде других мест население скупало продовольствие, как это бывает в ожидании грядущей войны¹⁴. Правда, к концу августа с обеих сторон были предприняты усилия в целях снятия напряженности в отношениях (Николае Чаушеску дважды встречался с советским послом Александром Васильевичем Басовым (1912–1988)), и это принесло свои результаты: напряженность несколько спала. Утихает и критика советской политики в румынской печати, что способствовало преодолению конфликта. Уже к середине сентября были отменены введенные ранее ограничения на распространение в СССР румынской печати¹⁵.

Состояние советско-румынских отношений не дало оснований отменять давно запланированные на октябрь 1968 г. мероприятия, в частности Дни советской культуры в Румынии. Из СССР была послана представительная делегация, включившая крупных деятелей культуры, в том числе великую балерину Галину Сергеевну Уланову (1910–1998)*. Составной частью программы явилось посещение Румынии малочисленной писательской делегацией. Из ее отчета (см. в приложении этот ценный источник, раскрывающий содержание основных встреч и бесед советских писателей с румынскими коллегами и свидетельствующий о настроениях творческой интеллигенции

---

* Интересно, что в отчетах советских деятелей культуры, посещавших Румынию в конце 1950-х годов, общим местом было изложение жалоб румынских функционеров на то, что в Румынию посылают гораздо меньше первоклассных артистов и музыкантов, чем в соседнюю Венгрию, где после событий 1956 г. острее стояла задача пропаганды успехов советской культуры. Упреки эти были в полной мере учтены только после острого советско-румынского конфликта в условиях международного кризиса 1968 г.

Румынии в те месяцы) можно сделать вывод не только о радушном приеме, но и о том, что с обеих сторон совершенно отчетливо проявлялась установка не акцентировать внимание на расхождениях, не касаться острых вопросов, выискивать то, что объединяет, а не разъединяет (имелась в виду общность людей, строящих социализм). Советские литераторы, выступая перед румынами, подчеркивали, что возникающее иногда недопонимание надо устранять в ходе новых встреч. Румынская сторона была весьма гостеприимна, как отмечалось в отчете, подчеркнуто не делая никаких различий в приеме делегации из СССР в сравнении с предыдущими Днями советской культуры. Советским гостям показалось также, что руководство Союза румынских писателей в лице Захарии Станку*, принявшее делегацию, сознательно хотело сгладить негативное впечатление в Москве от своего жесткого антисоветского выступления в августе 1968 г., которое звучало тогда в унисон выступлениям других высокопоставленных функционеров¹⁶.

В ходе встреч с румынской стороны сознательно предпочитали говорить прежде всего о творческих, профессиональных вопросах**, но не о политике, в то же время некоторые функционеры культурной жизни, а иной раз и сами писатели, не упускали случая сказать советским коллегам о преимуществах румынской культурной политики — не подавляет творческих свобод, предоставляет широкие возможности для самовыражения и в то же время исходит из широко понимаемой национальной культурной традиции. На самом деле, на 1968 г. пришелся период относительного либерализма в румынской культурной политике, продолжавшийся до 1971 г. Можно сослаться здесь на выдающуюся румынскую диссидентку-правозащитницу Дойну Корню (род. 1929), которая в открытом письме Чаушеску в сентябре 1988 г. писала: «В 1960-е годы в различных областях деятельности создавалось впечатление, что дело идет к либерализации, а значит, нас ждет многообещающее развитие»¹⁷. Всячески подчеркивалась готовность к дальнейшему сотрудничеству. В то же время часть творческой молодежи демонстрировала явную сдержанность

---

* Известный прозаик и поэт Захария Станку (1902–1974) был в 1966–1974 гг. председателем Союза писателей Румынии.

** При этом некоторые литераторы проявляли интерес к тому, чтобы опубликоваться в СССР.

и недоверие. Было совершенно очевидно неприятие этими людьми советской внешней политики в условиях чехословацкого кризиса.

Военная акция стран ОВД 21 августа 1968 г. в Чехословакии, возникшие в результате нее осложнения в советско-румынских отношениях не позволили полностью прерваться ранее установившимся связям граждан Румынии с жителями Советской Молдавии и в том числе контактам жителей приграничных районов двух стран. В конце 1960-х годов эти контакты были не слишком интенсивными, основной их формой был обмен делегациями, в которые с советской стороны входили партийные, государственные, хозяйственные функционеры, а также передовики производства; были также поездки коллективов художественной самодеятельности, встречи спортсменов. Как видно из опубликованных архивных документов¹⁸, ни у одной из сторон опять-таки не было установок на акцентирование расхождений. Правда, на тональности встреч иногда сказывались принципиальные различия в исторической подготовке, историческом воспитании и, в частности, внушенные со школьной скамьи представления об истории Румынии, ее роли во Второй мировой войне, о сути бессарабского вопроса, о молдавской национальной идентичности, сильно различавшиеся по обе стороны Прута¹⁹.

Хотя желания провоцировать конфликты не было и встречи в целом проходили в корректной, а иногда даже в дружеской атмосфере, острые ситуации все же возникали. Одной из больных тем было вторжение румынских войск (армии-союзницы гитлеровского вермахта) в СССР летом 1941 г. С румынской стороны иногда пытались частично оправдать эту акцию — там, где дело касалось не всего участия Румынии в войне на Восточном фронте, а конкретно оккупации Бессарабии, в 1918–1940 гг. входившей в состав Румынии и занятой Красной армией в июне 1940 г. Это, конечно, вызывало острые возражения советских собеседников, особенно ветеранов Великой Отечественной войны, которые, как правило, были представлены в делегациях, приезжавших из Молдавской ССР. Вызывал споры и вопрос о том, как называть язык, на котором говорили большинство жителей Советской Молдавии — молдавским или все же румынским.

С румынской стороны не всегда должным образом понимали, что у многих румыноязычных советских граждан, проживавших в Бессарабии, после 1940 г. успела сформироваться не только советская, но специфическая молдавская советская идентичность, тогда как румынская

идентичность у них заметно ослабла, а у молодых генераций фактически не оформилась, ведь для этого не было необходимых предпосылок и условий. Соответственно многие приезжавшие в Румынию из СССР гости позиционировали себя в качестве патриотов Советской Молдавии. Любое проявление неуважения или просто игнорирование такого политического феномена как Молдавская ССР (в составе СССР) вызывало с их стороны непонимание и возражения, что иной раз омрачало ход встреч. Иногда возникали и споры о том, может ли быть сформирована молдавская социалистическая нация в составе СССР²⁰.

Наряду с официальными связями представителей двух стран в конце 1960-х годов существовали и неформальные контакты, по всей видимости, ничуть не менее интенсивные. В записке лидера парторганизации Советской Молдавии Ивана Бодюла (1918–2013) от 23 августа 1968 г. о ситуации на советско-румынской границе отмечалось: «Каждое политическое мероприятие, которое проводится в Молдавии, сразу становится известным широкому кругу актива Румынии. По всему видно, что румыны имеют определенные контакты с Молдавией, организованную связь и внимательно следят за происходящими у нас событиями»²¹. Таким образом, есть, пожалуй, основания говорить о достаточно тесных связях обществ по обе стороны Прута в 1960-е годы по неформальным каналам. Кроме того, в силу определенных исторических причин, и в Бессарабии, и в Запрутской Молдове привыкли сравнивать положение дел на правом и левом берегах неширокой реки, разделившей две половины Молдавского княжества в соответствии с решениями благоприятного для России Бухарестского мирного договора 1812 г. Как читаем в записке 1968 г., адресованной в Совет Министров СССР, «в связи с тем, что за последнее время румынской стороной проведены крупные работы по благоустройству пограничных сел, создается обстановка для нежелательных сравнений»²². Кишиневское руководство запрашивало денег у центра на благоустройство населенных пунктов в собственной приграничной полосе. Таким образом, не будет, вероятно, преувеличением говорить иногда и о своего рода соревновании в показухе.

Что касается динамики связей жителей пограничных районов в последующие, 1970-е годы, то следует заметить, что эти связи никогда не прерывались, хотя периоды их ослабления сменялись периодами активизации, ведь многое зависело от конкретного состояния межгосударственных отношений двух стран. Характер и содержание

встреч, в целом корректных, мало изменились. Сохранились и прежние «болевые точки». Гостям из СССР, судя по отчетам, хранящимся в Кишиневе в фондах ЦК компартии Молдавской ССР, по-прежнему несколько резало ухо ставшее непривычным для них слово «Бессарабия» применительно к междуречью Днестра и Прута, в музеях гг. Яссы и Ботошани бросались в глаза, вызывая негативную реакцию, карты Великой Румынии 1920–1930-х годов, включавшие это междуречье. Подчас не нравилось, когда румынские собеседники ставили под вопрос существование самостоятельного молдавского языка, подвергали сомнению право на формирование молдавской советской социалистической нации. В музее великого поэта Михая Эминеску (1850–1889) в Ботошани советские гости выражали недоумение, почему обходится стороной принадлежность великого поэта к молдавскому народу (как их учили в школе). По-прежнему случались и конфликты, когда музейные экскурсоводы в присутствии людей, участвовавших во Второй мировой войне в качестве красноармейцев, объясняли нападение Румынии на СССР в июне 1941 г. только обоснованным стремлением вернуть утраченные в 1940 г. территории. Как бы то ни было, непосредственные контакты граждан двух стран способствовали улучшению взаимопонимания, что в свою очередь в определенной, пускай и в ограниченной мере готовило почву для нормализации межгосударственного диалога на более высоком уровне. В конце концов побеждал политический прагматизм, заставлявший каждую из сторон искать пути сближения с весьма проблемным соседом.

Примечания

¹ РГАЛИ. Ф. 631: Союз писателей СССР. Оп. 26. Д. 2423. Л. 2.

² В Москве весной 1957 г. заметили, в частности, что руководство РРП дистанцировалось от критики лидеров СКЮ, занявших особую позицию в связи с венгерскими событиями. Албанские дипломаты жаловались советским коллегам на то, что руководство Румынии проводит чересчур дружественную политику в отношении Югославии, не считаясь с тем, что оно имеет дело с ревизионистами. См.: РГАНИ. Ф. 5: Аппарат ЦК КПСС. Оп. 28. Д. 478. Л. 125. Эта тенденция сохранилась и позже. Показательно, что в условиях улучшения советско-югославских и, напротив, ухудшения советско-румынских отношений летом 1964 г. Н. С. Хрущев в ходе встречи с Й. Брозом Тито настойчиво просил югославского лидера использовать свое большое влияние на руководство Румынии прежде всего в интересах предотвращения его дрейфа к сближению с Китаем. См.: *Sticulin A. Hrușciov și Tito: o discuție îndelungată despre România* (Leningrad, iunie 1964) // *Arhivele Totalitarismului*. București. 2014. N 1–2. P. 165–194.

³ Подробно о совещании, его югославских аспектах и участии делегации РПП см.: *Стыкалин А. С.* Руководство КПСС в поисках новых механизмов влияния на мировое коммунистическое движение. От Коминформбюро к первому большому московскому совещанию компартий (весна 1956 г. — осень 1957 г.) // Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). (Серия: Наследники Коминтерна. Документы и материалы встреч и совещаний представителей коммунистических и рабочих партий). М., 2013. С. 5–51.

⁴ См.: *Стыкалин А. С.* Проекты регионального сотрудничества черноморских и балканских государств и позиция СССР (1950-е — начало 1960-х годов) // *Revue des études Sud-Est Européens*. București, 2010. T. XLVIII. N 1–4 (Janvier — Décembre). P. 333–346.

⁵ Более того, Г. Георгиу-Деж оказал действенную помощь Москве в нейтрализации И. Надя и его команды. См.: *Stykalin A.* The Romanian party leadership and the fate of Imre Nagy // *The First Millennium of Hungary in Europe* / Ed. by K. Papp, J. Barta. Debrecen, 2002. P. 575–582. См. также: *Stykalin A.* Soviet — Yugoslav relations and the case of Imre Nagy // *Cold War History* // *A Frank Cass Journal*. London, 2005. Vol. 5. N 1. P. 3–22.

⁶ См.: *Гладышева А. С.* Формирование «особого курса» Румынии в социалистическом лагере (середина 1950-х — начало 1960-х годов) // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2014. Вып. 2. С. 28–34.

⁷ См. об этом: *Стыкалин А. С.* Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма в материалах Президиума ЦК КПСС (1953–1964) // *Славянство, растворенное в крови...* В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова (1930–2005) / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2010. С. 371–392.

⁸ См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Отв. редактор А. А. Фурсенко. С. 825.

⁹ Из литературы см.: *Покувайлова Т. А.* От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех // *Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е...* Экономика, политика, культура / Отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 2013. С. 177–206.

¹⁰ См.: *Anton M.* Miza unei dizidențe. Relațiile româno-sovietice și criza din Orientul Mijlociu, iunie 1967 // *Revistă istorică*. 2007. N 3–4. P. 229–236.

¹¹ См.: «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы / Гл. ред. Н. Г. Томилина, С. Карнер, А. О. Чубарьян. М., 2010. С. 38. Из лидеров компартий социалистических стран за приглашение румын высказался лишь Янош Кадар, который хотя и находился в сложных отношениях с Чаушеску, тем не менее полагал, что Румынию не надо ставить в положение изгоя, это только усилит разногласия РКП с другими партиями. Венгерского лидера, однако, не послушали.

¹² Из многочисленной литературы по теме см. среди прочего: *Otu P.* Romania and the invasion of Czechoslovakia by the Warsaw Pact // *Historical Yearbook*. 2005. Vol. II. P. 29–38.

¹³ См.: AOSPRM. F. 51: ЦК коммунистической партии Молдавии. In. 29. D. 102. Fol. 43–50.

¹⁴ См. об этом подробнее: *Стыкалин А. С.* Международный кризис 1968 г. в связи с событиями в Чехословакии и ситуация на советско-румынской границе после 21 августа (по донесениям партийного руководства Советской Молдавии в ЦК КПСС) // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах* / Отв. ред. Е. С. Узенева. М., 2012. С. 202–211.

¹⁵ Как отмечалось в записке Главлита, адресованной в это время в ЦК КПСС, «сечас тон румынской печати резко изменился и последние номера газет СРР в основном пропускаются в продажу беспрепятственно». См.: РГАНИ.Ф. 5. Оп. 60. Д. 20. Л. 125.

¹⁶ См.: *Betea L.* Apoteoza lui Ceaușescu — 21 august 1968. Iași, 2009. P. 180–182.

¹⁷ *Cornea D.* Scrisoare trimisa Consiliului de Stat // *Disidența și exil.* București, 2004. P. 1–4 При всем при этом советские гости уже в 1968 г. обратили внимание на тенденцию к восхвалению высшего руководства в высказываниях некоторых обремененных должностями литераторов, в частности Н. Морару. Все это, как известно, расцвело пышным цветом в последнее десятилетие пребывания у власти Чаушеску. См. также: *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века.* Т. II. Вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов / Отв. ред. Ю. С. Новопашин. СПб., 2013. С. 477.

¹⁸ См., в частности: *Negru E., Negru Gh.* «Cursul deosebit» al României și supărarea Moscovei. Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965–1989). Studiu și documente. Chișinău, 2013. Vol. 1. 1965–1975.

¹⁹ О принципиальных различиях советского и румынского официальных подходов к ключевым проблемам истории двусторонних отношений см.: *Стыкалин А. С.* Полемика советского посла и румынского функционера (март 1980 г.) об освещении прошлого двусторонних отношений // *Славяноведение.* 2017. № 1. С. 12–30.

²⁰ Как отмечалось в одном из документов — в информации для ЦК КПСС о связях пограничных районов Советской Молдавии и Румынии, «большинство встреч с румынскими товарищами проходит сугубо официально. Со стороны отдельных представителей партийных и государственных органов делается попытка игнорировать сам факт существования Молдавской ССР, ее государственности и суверенитета». (См.: АОСПРМ. Ф. 51. Ин. 29. Д. 97. Fol. 96). В других документах отмечалось, что даже в тех случаях, когда с румынской стороны имел место исключительно сердечный прием, хозяева всячески подчеркивали, что гостей они принимают от СССР, а не от Советской Молдавии. Понятно, что это отражало существовавшую неофициальную и чаще всего негласную установку на непризнание справедливости акции 1940 г. по присоединению Бессарабии к СССР.

²¹ АОСПРМ. Ф. 51. Ин. 29. Д. 97. Fol. 104.

²² *Ibid.* Fol. 96.

Приложение

ОТЧЕТ

**о поездке в Румынию делегации советских писателей
в составе: Ал. Михайлова, Н. Королевой и консультанта
Иностранной комиссии Союза писателей СССР Л. Долгошевой
(с 16 по 29 октября 1968 года)**

Наша делегация была направлена в Румынию сроком на 2 недели, в соответствии с Планом культурного сотрудничества между СП СССР и СП СРР на 1968 год, предусматривающим ознакомление

со страной, а также встречи с румынскими литераторами и беседы о советской и румынской поэзии.

Основной целью направления делегации, однако, было участие в Днях советской культуры в Румынии. Наша делегация активно участвовала во всех мероприятиях, связанных с этим событием, — открытии Декады советской книги, пресс-конференции и т. д. Пресс-конференция послужила первой трибуной в Румынии, с которой мы сможем рассказать румынской общественности о тенденциях сегодняшней советской поэзии и прозы, о творчестве ленинградских писателей, о переводах из румынской литературы в СССР (в скобках хочется заметить, что аудитория проявила большой интерес к советской делегации в целом и к нашей писательской делегации, в частности, — многочисленные вопросы не только Г. С. Улановой и др., но и А. А. Михайлову и Нине Королевой).

Наша делегация общалась в Румынии с несколькими кругами румынской литературной общественности: с руководством румынского Союза писателей, с представителями редакций журналов «XX век», «Румынская литературы», «Лучафэрул» и др., с молодыми поэтами, прозаиками и критиками Бухареста и Клужа, с переводчиками, главным образом, с русского языка, со студентами и преподавателями — русистами Института иностранных языков.

Общие впечатления по этим пяти группам наших встреч и бесед следующие:

На приеме в Союзе писателей в день нашего приезда в Бухарест, на котором присутствовали Иоаникие Олтяну и Титус Попович, уже преодолев в какой-то мере неловкость первой встречи, Станку довольно долго и подробно излагал политику партии в области литературы и искусства, говорил о том, что Румыния — социалистическая страна, что главная задача литературы и искусства — воспитывать нового человека и что партия придает этому большое значение. При этом он подчеркивал, что руководство осуществляется не административными методами, что партия и ее руководящие органы не вмешиваются во внутренние дела творческих союзов, хотя проявляют большой интерес к творчеству многих крупных писателей.

Много говорилось о том, что на предстоящем конгрессе писателей, в котором примут участие все члены Союза и который будет проходить в форме общего собрания, он сдаст свои полномочия, что

к руководству должны придти другие люди, что он уже стар. Полушутя, полусерьезно Станку сказал, что он произнесет такую речь в Министерстве культуры, что его освободят также и от поста директора Национального театра, который он занимает как Председатель Союза писателей.

Разговоры об оставлении поста Председателя повторялись и при встречах в Брашове и, наконец, на последнем приеме в день отъезда. Хотя на этом последнем приеме, в полном противоречии с этими разговорами, Станку сказал о том, что он собирается построить дом творчества для писателей в одном из живописных уголков Румынии, чтобы путевки писателям выдавались в этот дом за половину их стоимости, а молодым писателям — бесплатно.

Создается впечатление (оно подкрепляется и некоторыми высказываниями румынских писателей), что руководство Союза остается прежним, что оно поддерживается сверху*.

Считаем существенным обратить внимание на следующий момент беседы на первом приеме, который косвенно говорит о том, что Станку хочет как-то загладить свою вину, или, по крайней мере, сгладить впечатление от своей речи по поводу событий в Чехословакии.

В ответ на слова А. А. Михайлова о том, что советские и румынские писатели должны быть едины в главном, в отстаивании идеалов социализма и коммунизма и что на этом должно строиться их единство и взаимопонимание, а частные расхождения, недопонимание и прочее можно и нужно устранять во взаимных встречах и дискуссиях, Станку сказал примерно следующее:

— Вы правы. Скажу о себе: если я на кого-то посмотрел косо, то это у меня физический недостаток, мне предстоит операция глаза.

Это было сказано, нам кажется, с определенным подтекстом. Тем более что Станку перед этим говорил о могиле советских людей в Норвегии, на которой всегда лежат живые цветы. И вообще в беседе подчеркивал свои симпатии к Советскому Союзу, к советским людям. И Станку, и его супруга подчеркнуто приветливо, гостеприимно и щедро принимали нашу делегацию, не делая — по крайней мере внешне — никаких различий в приеме ее, по сравнению с прошлогодней делегацией в составе Л. Леонова с супругой, О. Гончара,

---

* З. Станку продолжал находиться во главе Союза писателей Румынии вплоть до своей смерти в 1974 г.

В. Рослякова, Ф. Колунцева и Л. Долгошевой (неоднократные беседы и встречи с делегациями, оплата обедов и ужинов и т. д.).

Первая встреча с писателями состоялась в Клуже. На беседе присутствовало с румынской стороны человек восемь: председатель Клужского филиала СП СРР Д. Р. Попеску, главный редактор журнала «Стяуа» Аурел Рэу, директор Национального театра Теохар Михадаш, критик А. Марино, а также сотрудники еженедельника «Трибуна». Разговор носил чисто профессиональный характер и не касался вопросов политики. Однако румынские писатели высказывались в том смысле, что у них существует возможность развития экспериментальной поэзии, что журналы предоставляют свои страницы для стихов авангардистского характера, что судья им — сам читатель и что никто писателей за это не преследует. Клужские писатели рассказали нам об увеличении числа изданий и организации издательства в Клуже, независимого от Бухареста, о том, что молодые литераторы имеют возможность издать свои книги в течение одного года, а роль редактора книги сведена к почти организационной. При этом книги могут быть формальным поиском, герметическими, не понятными читателю или понятными — они издаются все равно. Герметическим стихам отведен раздел в журнале, даже если редактор журнала сам их не приемлет. Наконец, писателей устраивает обобщенная формула «социалистический гуманизм» (вместо «социалистический реализм»), предполагающая свободу писателя в выборе того литературного метода, которым он борется за социализм, оставаясь на позициях гуманности.

Самая длительная, трехчасовая беседа с писателями состоялась в Бухаресте накануне нашего отъезда. Причем, вначале, по программе мы должны были встретиться с редакцией журнала «XX век», но неожиданно для нас, почти без предупреждения, эта встреча была трансформирована, объединена (присутствовали некоторые работники редакции).

На наш взгляд, встреча была интересной. Румынские писатели (на встрече присутствовали секретари Союза Поп Симион и Ионикие Олтяну, прозаик А. Фулга, критик Джео Щербан, поэт Илие Константин, переводчики русской и советской литературы Т. Миколеску, Тамара и Николае Гане, Игорь Блок) проявили большой интерес к советской литературе и особенно к поэзии (учитывая состав нашей делегации), дискутировали о принципах составления антологий (чисто теоретически), довольно подробно и с элементами анализа рассказывали о румынской прозе. Беседа была живой, непринужденной и не имела никаких

политических оттенков. Писатели, не занимающие ответственных постов, как правило, ничего не говорили о политике партии в области литературы, инициатива в этих разговорах принадлежала на более узких встречах Станку и Морару, причем нам они не задавали вопросов на эту тему, а свои взгляды высказывали по своей инициативе и довольно настойчиво. В ответ нами тоже было сказано, что основой руководства творческими организациями нашей страны являются ленинские принципы и они находят поддержку и одобрение советских писателей.

Интересной была беседа с главным редактором журнала «Румыния» и журнала «Румынская литература», издающегося на русском языке, Морару. Он прекрасно владеет русским языком, старый подпольщик, которого, как он говорит, «освободило вооруженное восстание».

Морару тоже говорил о принципах руководства литературой и искусством, говорил о том, что в прошлом допускались ошибки, были случаи администрирования, что и сейчас еще некоторые аппаратчики (он так и сказал — аппаратчики) иногда прибегают к этим методам, но что высшие руководители партии поправляют их и показывают пример творческого отношения к такому тонкому делу как литература и искусство.

В частности, Морару сослался на выступление Чаушеску на встрече с интеллигенцией в Яссах, как на пример тонкого понимания литературного дела. Тут же он сказал, что несмотря на полное доверие к интеллигенции, Чаушеску довольно твердо заявил об обязанности литературы и искусства воспитывать нового человека социалистического общества, что партия рассчитывает на помощь творческих работников в этом важном деле.

Морару — крупный эстетик, старый член партии и постоянно подчеркивает это. Говоря о сегодняшней румынской литературе, он тоже выразил общее удовлетворение ее состоянием, но заметил, что все-таки некоторое влияние западного авангарда сказывается отрицательно на ее развитии. Однако, добавил он, мы относимся к этому внимательно, стараемся поправлять, критикуем, но не администрируем, мы уверены, что все румынские писатели, в том числе и те, что был воспитан в старой Румынии в ином духе, поддерживают политику партии, идею строительства социализма.

Давая оценку сегодняшней советской литературе, за которой он, как видно, следит довольно внимательно, Морару сказал, что при

всех достоинствах она, по его мнению, не достигла еще истинных масштабов отображения событий, которые сегодня потрясают мир. Морару высоко отозвался о работах советских эстетиков Овсянникова, Борева, с некоторыми оговорками — Кагана, весьма критически оценивал работы Астахова и Разумного.

Неоднократно приходилось общаться нашей делегации и с переводчиками русской и советской литературы на румынский язык и преподавателями-русистами. Это наиболее осведомленная о положении в нашей литературе часть румынской интеллигенции. Они много и квалифицированно работают для того, чтобы представить румынам нашу классическую и современную литературу. Очень бы хотелось, чтобы мы больше помогли им в этом — и приглашением к нам на более длительный срок для работы с авторами (а не для поездок по стране туристского типа) и более подробными рекомендациями книг для перевода не только московских авторов, но и региональных (так, в частности, в Румынии почти совершенно неизвестны ленинградские поэты и т. д.).

В результате этих встреч и бесед в редакциях и издательствах у нас сложилось впечатление, что из русской и советской литературы в румынских издательствах в настоящее время переводится в среднем 20–30 названий в год. Новым, как нам кажется, является задуманный в издательстве всемирной литературы выпуск монографий о русских и советских писателях — Достоевском, Бунине, Андрееве, Есенине, Шолохове. Возможно, стоило бы как-то поддержать это издательское начинание. Думается, целесообразно было бы пригласить в СССР директора этого издательства Василе Николеску в качестве гостя Союза писателей СССР и обсудить с ним вопрос о возможности издания монографий о других советских писателях, а также организовать приглашение в СССР некоторых румынских авторов, работающих над монографиями о наших писателях, — для сбора материалов, знакомства с родными местами писателя и т. д. Не мешало бы, очевидно, учредить литературные премии не только за лучшие переводы из классики и советской литературы, но и за лучшую монографию, лучшую литературоведческую работу, лучший сборник критических статей и т. п. о нашей литературе и отдельных наших писателях.

Другой, не менее важный, как нам кажется, итог бесед и встреч с румынскими литераторами — в мысли о том, что от взаимного знакомства путем издания антологий и сборников нескольких авторов хотелось бы перейти к следующему этапу: взаимному переводу

и выпуску отдельных книг, в частности, поэтических — по принципу одного имени, а не многих.

И, наконец, последнее во впечатлениях от редакций и издательств. В настоящее время проводится процесс постепенной смены кадров. Так, директором издательства всемирной литературы назначен поэт Василе Николеску, главным редактором еженедельника «Лучаферул» прозаик Штефан Бэнулеску (вместо крупного писателя Эуджена Барбу; заменена половина редакции; атмосфера в редакции неважная, так как большинство — сторонники Э. Барбу, а Шт. Бэнулеску не любят; другие, наоборот, считают, что теперь «Лучафэрул» — не газета главного редактора, а молодежи, и что в отличие от недавнего прошлого она будет чисто литературной публикацией; тираж значительно упал, ибо не хватает сенсационных материалов Э. Барбу, который публикует их теперь по преимуществу в газете «Скынтейя тинерегулуй»). По объяснению Н. Морару и некоторых румынских писателей, сугубо административные единицы в редакциях и журналах заменяются творческими людьми. Думается, причины более глубоки и многочисленны. Не последнюю роль играет, очевидно, в этом вопросе использование рычага материальной заинтересованности в отношении некоторых румынских писателей.

Настроения в среде молодых румынских писателей различны.

Одни настроены доброжелательно к Советскому Союзу. Они хотят быть переведенными и напечатанными у нас, жалеют о том, что слишком редко могут ездить в нашу страну. Ни о речи Станку, ни о политических разногласиях наших стран ни разу не было сказано ни слова. Советскую молодую поэзию они знают плохо, лишь традиционные имена: Евтушенко, Вознесенский. Из нашей литературы волнует их личность Солженицына, хотя с несколько неожиданной стороны. Несколько раз нам задавали один и тот же вопрос: считаем ли мы Солженицына хорошим писателем, или его произведения являются злободневной однодневкой (сами они их восприняли именно так). Из проблем, связанных с поэзией, их волнует сейчас сосуществование у них «интеллектуальной поэзии» с герметизмом. Национальный, фольклорный элемент как средство выразительности стиха, они считают для себя этапом пройденным и неприятным — ибо фольклорные элементы употреблялись в недавнем прошлом для прославления политических событий и в риторике, от которой сейчас их поэзия начисто отошла. Стихи молодых, с которыми удалось познакомиться, носят либо углубленно-философский, либо

мистико-символический, либо интимно-лирический характер. Очень высока культура самоценного образа.

Другие представители молодых настроены недоброжелательно, иронически, либо недоверчиво в связи с событиями в Чехословакии. Открытых выпадов и бесед на эту тему не было, но явно ощущалась заметная сдержанность в отношении к русским по сравнению с прошлым годом.

Бытует среди литературной молодежи, по всей вероятности, и мода на определенные политические, экономические и т.д. течения, в том числе и экстремистские. Из открытых проявлений подобного рода пришлось столкнуться с маоистом — поэтом Ионом Георге, пробывшем около двух месяцев в Китае, — который открыто носит значок Мао Цзэдуна на груди (значок, правда, малозаметный по размерам, но, очевидно, коллеги И. Георге воспринимают и этот значок и его носителя как диковинку и рекламируют их обоих, вот почему очень скоро о маоизме И. Георге стало известно и нам). Из имевших место бесед хотелось бы отметить довольно продолжительную беседу с секретарем СП СРР по связям Иоаникие Олтяну. Встреча и беседа состоялась по инициативе румынской стороны. Обсуждались проблемы выполнения Плана сотрудничества между СП СССР и СП СРР в текущем году. Тов. Олтяну выразил обеспокоенность невыполнением Плана с советской стороны и готовность принять все советские делегации в любое удобное для нас время, а также сообщил о намерении СП СРР принять приглашение для участия в праздновании юбилея Тургенева* и выполнить со своей стороны оставшиеся плановые обязательства.

Во время нашего пребывания в Румынии делегации были заказаны различные материалы для публикации в румынской печати: Ал. Михайлову — врезка об Андрее Вознесенском к подборке стихов в «XX веке» («Секолул 20»), статья о современной советской поэзии для литературоведческого журнала «Вьяца ромыняскэ», Л. Долгошевой — о состоянии переводов из румынской литературы в СССР, у Нины Королевой — ее стихи для перевода на румынский язык. Однако в отличие от прошлых лет все это делалось без особой охоты, как и выплата предварительных гонораров за еще неопубликованные произведения. Очевидно, в будущем Союз писателей СРР намерен

---

* Речь идет о 150-летию со дня рождения И. С. Тургенева (1818–1883).

строго придерживаться принципа взаимности в отношениях с Союзом писателей СССР, а с нашей стороны подобные публикации произведений гостящих у нас румынских писателей и тем более выплата гонораров за ненапечатанное имели место крайне редко.

Последнее, о чем хотелось бы сказать, — пропаганда наших достижений в Румынии. В настоящее время в Бухаресте выходит наш журнал на румынском языке «Аурора». Журнал получают, очевидно, различные слои румынского населения. В числе прочих — и писатели. По мнению некоторых румынских писателей, журнал интересен и графически лучше подан, чем бюллетени Американского посольства в Бухаресте. Как нам кажется, журнал следует больше использовать и для пропаганды наших литературных достижений — знакомить жителей Румынии с нашей сегодняшней поэзией, прозой, драматургией, рассказывать о том, что, как и где мы переводим из румынской литературы в СССР и т. д.

Ал. Михайлов   Н. Королева   Л. Долгошева

РГАЛИ. Ф. 631: Союз писателей СССР. Оп. 27. Д. 573. Л. 1–13.

Список сокращений

AAV ČR	Archiv akademie věd České republiky, Praha
AJ	Arhiv Jugoslavije, Beograd
ANIC	Archivele Naționale Instorice Centrale, București
АСАНУ	Архив Српске академије наук и уметности, Белград
AOSPRM	Arhivă Organizațiilor Social-Politice din Republica Moldova, Chișinău
DASMSP RS	Diplomatski arhiv saveznog ministarstva spoljnih poslova Republike Srbije, Beograd
DDF	Documents diplomatiques français
DTJS	Diariusz i Teki Jana Szembeka / Opracował T. Komarnicki. London, 1964–1972. T. 1–4.
HHStA	Haus-, Hof- und Staatsarchiv
KPR	Kabinet Predsednika Republike
MAE	Ministère des affaires étrangères
MNL OL	Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest
ÖStA	Österreichisches Staatsarchiv, Wien
PA	Politička archiv
АВП РИ	Архив внешней политики Российской империи, Москва
АВП РФ	Архив внешней политики Российской Федерации, Москва
ГА РФ	Государственный архив Российской федерации, Москва
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСЗ РИ–1	Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. СПб., 1830.
РГАДА	Российский государственный архив древних актов, Москва
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства, Москва
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории, Москва
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив, Москва
РГИА	Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
Сб. РИО	Сборник Императорского русского исторического общества: в 148 т. Санкт-Петербург / Петроград, 1867–1916
ТИБИ	Турски извори за българската история

Сведения об авторах, редакторах, рецензентах

Аржакова Лариса Михайловна — доктор исторических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Ващенко Дарья Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН (Москва).

Гладышева Анна Сергеевна — младший научный сотрудник отдела истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН (Москва).

Гусев Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (Москва).

Дронов Михаил Юрьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН (Москва).

Ждановская Анастасия Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва).

Иванова Ирина Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва).

Кимура Каори — кандидат исторических наук, ассоциированный исследователь Института славяноведения РАН (Будапешт / Москва).

Киреева (Сергеевко) Екатерина Сергеевна — преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук Московского государственного лингвистического университета им. М. Тореза (Москва).

Кирилина Любовь Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (Москва).

Колосков Евгений Андреевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Кузьмичева Анастасия Евгеньевна — преподаватель кафедры иностранных языков и соискатель исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва).

Лагно Анна Романовна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры международных организаций и проблем глобального управления факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва).

Леонтьева Анна Андреевна — младший научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (Москва).

Мельчакова Ксения Валерьевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (Москва).

Миско Николай Константинович — научный сотрудник отдела письменных источников Государственного исторического музея (Москва).

Новосельцев Борис Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН (Москва).

Пахомова Лидия Юрьевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник центра по изучению многонациональной Австрийской империи отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (Москва).

Пеганов Александр Олегович — докторант Тулузского университета (Минск / Тулуза).

Попов Кирилл Алексеевич — кандидат исторических наук, атташе Генерального консульства Российской Федерации в Карловых Варах (Москва / Карловы Вары).

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (Москва).

Филатова Наталия Маратовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН (Москва).

Хаванова Ольга Владимировна — доктор исторических наук, заместитель директора Института славяноведения РАН (Москва).

Шарова Вероника Леонтьевна — кандидат политических наук, научный сотрудник сектора философии российской истории Института философии РАН (Москва).

Энгельгардт Георгий Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН (Москва).

Научное издание

**ВЫНУЖДЕННОЕ СОСЕДСТВО —
ДОБРОВОЛЬНОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ**
в дипломатических и межнациональных отношениях
в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв.

Сборник статей

Корректор *А. М. Никитина*.

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*. Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 19.12.2017. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 25,0. Тираж 300 экз. Заказ № 1164

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86